

Правда фейри опаснее лжи,
а любовь – страшнее
равнодушия.

КОГДА ЗАВТРА НАСТАНЕТ ВНОВЬ

Евгения Сафонова

Annotation

В мире, где магия давно стала обыденностью и идёт рука об руку с технологиями, юная студентка-магичка Элайза Форбиден узнаёт, что она уже сутки как должна быть мертва.

Девушка бежит из дома, чтобы найти серийного убийцу и скрыться от безликой твари, следующей за ней по пятам. Но Элайза не одна. Её спутники – двенадцатилетний брат, баньши-журналистка, самопровозглашённый рыцарь и таинственный фейри, который слишком часто появляется в нужное время в нужном месте. Смогут ли они бросить вызов самой Владычице Предопределённости и изменить судьбу, предписанную последней леди рода Форбиден?

- [Евгения Сергеевна Сафонова](#)

-
-
-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)

- [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
-

Евгения Сергеевна Сафонова

Когда завтра настанет вновь

Спасибо Алисе Огневой за то, что в новой редакции эта книжка стала лучше и грустнее. Также адресую свою скромную и дерзкую благодарность маэстро Суэнвику, который помог мне увидеть Харлер в моих снах.

With humble and daring gratitude to maestro Swanwick, who helped me to see Tharlear in my dreams.

© Сафонова Е.С., текст, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

– А правда, что перед смертью вся жизнь проходит перед глазами?

– Да, это правда, – ответил Смерть. – Этот процесс называется жизнь.

Терри Пратчетт, «Пятый элфант»

А ты знаешь, что только раз в жизни выпадает влюблённым день, когда всё им удаётся?

Е. Шварц, «Обыкновенное чудо»

У меня осталось совсем немного времени до того, как я исчезну из этого мира.

Впрочем, после всего, что мне пришлось пережить, это не столь высокая цена за то, чтобы у этой мрачной истории вышел вполне себе счастливый конец. Не сказать, что мне легко уходить, однако у меня была возможность смириться.

Я сижу, чувствуя под ладонями колкий тёплый песок; за спиной шепчется лес, белое солнце, клонясь к горизонту, наливается старым золотом, и прохлада озёрных волн ласкает мои босые ноги.

Я жду, глядя на воду, вспоминая все события, приведшие меня туда, где я оказалась теперь.

В такие минуты частенько вспоминаешь, с чего всё началось. Как там говорят – жизнь проносится перед глазами?..

Я могла бы начать эту историю с момента, как попадаю под колёса. Или с того, как один фейри впервые увидел мою мать в пригородном лесу – со встречи, что в итоге привела к моему рождению. С разговора, в котором меня уведомили, что для мироздания я уже сутки как мертва; со стражников или фейри, которые пытаются меня прикончить; с тёмного бога, улыбающегося в трикветре, нарисованном мной на сухой земле; с минуты, когда мятные глаза Питера впервые встретились с моими, когда мы оба ещё не подозревали, кем вскоре станем друг для друга.

И всё же для меня началась она в день, когда нам с братом сказали, что спустя день мы должны покинуть родной дом.

Тогда никто из нас не думал, что нам придётся искать убийцу по прозвищу Ликорис. Как и о том, что вся наша жизнь скоро превратится в прятки и догонялки.

И о том, что убежать от нашего врага всё равно невозможно.

* * *

Я ковырялась в саду, пропалывая кабачки, когда услышала голос Эша:

– Лайз, тебя мама зовёт.

Брат смотрел на меня с деревянной веранды нашего дома – маленького коттеджа в один этаж из серого кирпича, к стене которого пристройкой лепился гараж, обшитый сайдингом, старательно маскирующимся под камень. Поднявшись с колен, я стянула перепачканные землёй тряпичные перчатки; шагнув на выложенную плиткой садовую дорожку, утёрла потный лоб тыльной стороной ладони – летний день жарил солнцем, как печка. Стряхнула с джинсов пыль, а с потрепанных кед – вырванный с корнем побег лебеды, зацепившийся за шнурки.

Тогда я ещё не знала, как скоро буду скучать по тихим привычным будням, по провинциальной рутине, по возне в саду и этому дому, увитому хмелем и диким виноградом. И сказала лишь:

– Окей, как раз хотела передохнуть.

Брат следил, как я иду мимо крыжовенных кустов, льдинками синих глаз, блестящих и тёмных, как отражение зимнего неба в

глубоком колодце. Должно быть, достались от отца из тилвитов^[1], как и золотые кудри... Отца, которого я не помню, а Эш даже не видел.

Иногда я мечтала вернуться в прошлое и сделать так, чтобы мама никогда не ходила в лес, где встретила его. Не потому что не хотела рождаться – потому что верила, что наши с братом души нашли бы пристанище в телах маминых детей, даже если бы она родила их от другого мужчины. Того, кто не бросил бы её.

Дом встретил прохладой каменных стен и дощатого пола. Скинув кеды в прихожей, я сунула ноги в шерстяные тапочки-носки: мы носили их даже в летнюю жару, потому что пол никогда не прогревался. Я была этому только рада – когда мы жили в мегаполисе, лишь кондиционер помогал мне пережить лето, но кондиционер не заменит свежего ветра. И даже настужь распахнув все окна, ты не сделал бы воздух в маленькой квартирке менее густым и жарким.

Здесь, вдали от огней больших городов, всегда было чем дышать.

Мама лежала в спальне: тонкие руки вытянуты поверх одеяла, каштановые волосы разметались по подушке, сизые глаза лихорадочно поблёскивают из-под ресниц. Она слегла сегодня утром, но недавно ушедший лекарь заверил нас, что это обычное переутомление.

– Лайз, – слабо улыбнулась мама, когда я присела на краешек кровати. – Есть разговор.

Я покорно сложила руки на коленях, совестясь за то, что не успела их помыть.

– Слушай внимательно, – мама всё ещё улыбалась, отчего в уголках её рта вырисовались морщинки. – Во вторник утром вы с Эшем возьмёте мобиль и уедете отсюда. В Фарге.

Ещё прежде, чем я осознала всё безумие подобной затеи, перед моими глазами мысленно развернулись карты, которые мы изучали на географии.

– Фарге? Но... туда же через полстраны ехать!

– Вы поедете в Фарге, – непреклонно произнесла мама. Улыбка исчезла с её губ так же, как утром с этих губ исчезли краски жизни. – Остановитесь там в доме дедушки.

И бабка, и дед – скромные представители славного аристократического рода Форбиден – умерли ещё до моего рождения. Я знала только, что у них был дом в Фарге, небольшом приморском городке на южном побережье. Мы с мамой жили там, пока отец не

бросил её; потом уехали в мегаполис, и дом, в котором прошли первые годы моего детства, с тех пор стоял заброшенным.

– Ты уже не помнишь, но найти его несложно. Он в южных кварталах, почти у моря. Яблонная улица, дом тринадцать, – продолжила мама. – Ключ я дам.

– Но зачем? Мам, если ты не забыла, у меня завтра практика начинается, – в моём голосе прорезалось раздражение. – А вторник уже послезавтра, и даже если бы это не было послезавтра, я до середины августа не могу никуда...

– Лайз, вам грозит опасность. Нам всем грозит. Вы не можете оставаться здесь.

Я осеклась, ощутив, как губы сами собой растягиваются в глупой улыбке.

Моя дурацкая особенность – улыбаться, когда на деле мне совсем не смешно.

– Опасность? Что за опасность?

– Не спрашивай. Я не могу сказать. Но вы должны бежать отсюда. Если уедете, будете в безопасности. – Мама протянула руку, коснувшись моей ладони кончиками пальцев. – Просто пообещай сделать всё, что я скажу.

Лихорадочные мысли кружились в голове листьями на ветру.

...это же какая-то шутка. Просто глупая шутка, верно? Мы ведь самые обычные люди. Ну хорошо, мы с Эшем – самые обычные фейри-полукровки, но таковых пруд пруди. Мой брат – обычный школьник, я – обычная студентка-магичка, мама – обычный маг-артефактор. У нас с Эшем даже в школе среди одноклассников не было врагов: во всяком случае, таких врагов, что готовы были бы на настоящие подлости.

Не говоря уже о том, чтобы где-то обзавестись действительно серьёзным недругом.

– А ты? Если эти люди... или кто они... угрожают всем нам...

– Я не могу поехать с вами. Я останусь здесь.

– Но...

– Лайз, я правда хотела бы всё рассказать. Но не могу. – Мама настойчиво сжала мои пальцы своими. – Обещаешь, что поедешь? Без вопросов?

Тогда я решила, что мама умудрилась сделать какой-то опасный артефакт для какого-то опасного человека. Пусть это и совершенно не в её характере. Но то было единственное объяснение, которое я смогла найти. И поскольку я всегда была послушной дочерью, я выдохнула:

– Обещаю.

Её глаза посветлели от облегчения.

– У вас два дня на сборы. – Лицо мамы было измученным: резкие чёрточки морщин отчётливо пересекли лоб, переносицу, кожу в уголках глаз и губ. – Поедете послезавтра, как рассветёт.

– Мам, ты обращалась к страже? Если кто-то тебе угрожает...

– Нет. Мы не можем. Ты не можешь. И ты должна молчать, слышишь? Ни слова – ни Гвен, ни учителям, никому. Никто не должен знать, что происходит.

– Почему?

– Не спрашивай. Просто езжай. Ты обещала, помнишь?

Я долго сидела, глядя на неё, пытаюсь справиться с желанием закричать.

Встала – и, наклонившись, коротко поцеловала маму в щёку.

– Хорошо, – мой голос был таким же, как её кожа, сухая и холодная. – Эшу сама скажешь?

– Уже сказала. Перед тем, как позвать тебя.

Сказала? И после этого брат обратился ко мне таким обиденным тоном, с обычным отстранённым лицом?.. Хотя да, чему я удивляюсь.

Это же Эш.

– Прости, Лайз. Так нужно.

Я кивнула, прежде чем развернуться на пятках, не чувствуя пола под мягкими подошвами.

Я не помнила, как вернулась на веранду: только что перед глазами была дверь в мамину комнату, и вдруг – уже залитый солнцем сад. Села на деревянный табурет, рядом с круглым столом, за которым мы всегда ели с первых тёплых весенних деньков до первых осенних холодов.

Уставилась перед собой.

Вот ты живёшь обычной счастливой жизнью, ходишь в школу, поступаешь в колледж, помогаешь маме выращивать кабачки по примеру Пуаро... а потом раз – и погожим летним днём, ничем не отличающимся от прочих, тебе объявляют, что всё это позади. Что ты

должна бросить всё, к чему привыкла и с чем сроднилась, и срываться не пойми куда, убегая от неведомой опасности.

Из-за чего? Из-за кого?..

– Что думаешь? – Лицо Эша заслонило собой зелёное пятно сада, когда брат опустился на табурет напротив.

Эш, мой маленький братик... Я называла его маленьким, потому что была на пять лет старше, но уже тогда понимала – непостижимым образом в свои двенадцать Эш взрослее и меня, и мамы. Внутренний возраст и делал его глаза такими странными: взгляд старика при детском кукольном личике.

– Всё из-за её работы, да? – не дождавшись ответа, продолжил Эш негромко.

– Не знаю.

– И это странное переутомление тоже неспроста?

– Я не знаю, Эш. Не знаю. Но мы должны уехать.

– Хочешь сказать, мы просто послушаемся?

– Она взяла с меня обещание. С тебя, я так понимаю, тоже.

– Только вот мы уедем, а она останется здесь. Разбираться с тем, что нам угрожает, кем или чем бы это ни было. В одиночку.

Эш казался спокойным. Как всегда. Брат редко проявлял эмоции, особенно те, в которых он видел признак слабости: я могла по пальцам пересчитать случаи, когда замечала его плачущим.

– Мы всё равно ничем ей не поможем, Эш. Если мама на этом настаивает, значит, так нужно, – я старалась говорить твёрдо, но голос срывался в беспомощное бормотание. – Может, всё образуется. Может, на полпути к Фарге нас догонит звонок на графон, мой или твой, и мама велит нам возвращаться, и мы развернёмся и поедem домой.

– Может...

Эш опустил взгляд. Застыл, сцепив лежащие на коленях ладони в замок, с точёным лицом мраморной статуи.

Не обманываясь мнимым бесстрашием брата, я встала, чтобы обнять его.

– Всё будет хорошо, Эш, – сказала я, когда златокудрый висок и бледная щека прижались к принту на моей футболке. – Обязательно.

И когда тот обнял меня в ответ, тоненькими руками обхватив мои ноги над коленками, почти сама верила в собственные слова.

Почти.

Буковый лес шелестит листьями под дождём. Деревья высокой аркой раскидывают ветви, чья зелень на несколько тонов светлее мха, поросшего на толстых узловатых стволах. Там, где землю не скрывает ковёр из широких листьев майника и маленьких сердечек кислицы, бусинами синее черника и дикие лютики желтеют россыпью крохотных солнц, обрамляя тропинку, по которой идёт девушка, оглашая лесные своды песней.

Низкий голос с бархатистыми нотками эхом разбивается в каплях дождя, ласкает слух и согревает сердце. С ним неважна сама песня, неважен мотив или слова – одного звучания достаточно, чтобы зачарованно слушать всё, что бы ни было спето. Но девушка не рассчитывает на слушателей: она поёт для себя, не в полный голос, рассеянно глядя под ноги, и думает совсем о другом.

Впрочем, слушатели у неё всё же есть.

Светловолосый юноша выскользывает из-за ствола бука прямо перед певуньей спустя пару мгновений после того, как затихает отзвук финальной ноты. Он движется легко, как тень, до сего момента сливавшаяся с гладкой серой корой, и когда девушка отшатывается в испуге, он улыбается:

– Это было прекрасно, Вэрани́.

В этой улыбке – трепет и спокойствие, озорство и мудрость, весёлость мальчишки, лишь недавно утратившего интерес к игрушкам, и усталое лукавство старика, повидавшего весь мир. В его голосе – зов и музыка, чары и путы, ласковый шёпот огня, греющего тебя студёной зимней ночью, и прохлада ручья, что утолит жажду в летний зной. Лицом он кажется не старше той, что застыла напротив, – вчерашней школьницы, едва ли встретившей восемнадцатую весну, – но сказать, сколько ему лет на самом деле – всё равно что с лёту ответить на вопрос, сколько воды в океане.

Девушка запускает руку в карман и отступает на шаг, настороженная, как лань, заметившая хищника, готовая в любой момент сорваться с места и бежать:

– Стой, где стоишь!

– Не бойтесь, Вэрани. – Лютики льнут к его босым ногам – он непостижимым образом прошёл к тропинке по покрову из черники и

цветов, не раздавив ни единой ягоды, не примяв ни одного стебля. – Я Коул из рода Дри, принадлежащего ко Благому двору. Я не причиню вам вреда.

Глаза девушки ширятся – они сизые, как тучи, виднеющиеся в просветах меж листвой, которую дождь обсыпал мокрым прозрачным бисером.

– Ты... сид? С Эмайн Аблаха?^[2]

Коул кивает; в его исполнении простой жест кажется изысканнее куртуазного поклона.

– И что же ты делаешь здесь? – Подозрительности его собеседницы новое знание не умеряет. – На экскурсию выбрался?

– Захотел посмотреть, как живут люди и наши низшие собратья. А что делаете здесь вы? Одна, за городом, в дождливый день?

– Я... просто... прихожу сюда время от времени. – Девушка, будто смутившись, заправляет за ухо прядь каштановых волос. – Говорят, здесь есть прореха, через которую можно случайно попасть на Эмайн. К вам.

– В чём-то они правы. Но случайно туда никак не попадёшь. – Коул тихонько смеётся; смех этот почти зримо рассыпается в воздухе серебрястыми бликами, танцующими с ливнем отзвуками затихающих арфовых струн. – А вы не боитесь? Что замечтаетесь и забредёте в Дивную Страну?

– Я учусь на мага, так что знаю о прорехах побольше некоторых. А даже если б не знала, в жизни бы не поверила, что сиды могут кого-то *случайно* к себе пропустить. Иначе люди или какие-нибудь глейстиги вам бы житья не дали, шастая туда-сюда.

– И зачем же вы выбрались в пустынный лес, к прорехе, ведущей к нам?

– Подумать. Побывать одной. – Девушка резко отворачивается. – И вообще, не твоё дело.

– Чем же я не угодил вам? Ах да, как там писал один ваш поэт... *«На тех, кто блуждает в долинах и в горах, волшебный народец наводит лютый страх»*?^[3] – с губ Коула не сходит улыбка. – Я бы на вашем месте, Вэрани, не верил тем, кому так и не довелось своими глазами узреть ни нас, ни наш мир.

Она оглядывается через плечо – во взгляде сквозит удивлённое любопытство:

– Ты знаешь наши стихи?

– Вы ведь любите книги, пришедшие к вам из дальних стран. Нам вдвойне забавно читать, что о нас пишут здесь. – С насмешливым поклоном Коул протягивает ей руку, тонкую и бледную, как лебяжье перо: – *О дитя, иди скорей в край озёр и камышей за прекрасным фейри вслед – ибо в мире столько горя, что другой дороги нет*^[4].

В девичьем лице нет ни намёка на симпатию. Даже интерес угадывается лишь в том, что она, явно приготовившись уйти, всё ещё стоит вполоборота, пока лиственный полог над их головами роняет вниз дождевой жемчуг, тающий в её волосах.

– Йейтс, к слову, узрел. И вас, и Эмайн, – сообщает девушка. – Знаешь, что он о вас писал? *«Я верю, что природа исполнена невидимых нам существ. Иные из них уродливы, иные способны вызвать страх, они бывают злыми и глупыми...»*

– *«...но есть среди них и прекрасные, настолько, что мы и представить себе их красоты не в состоянии. Ещё я верю, что когда мы бродим, не спеша, в местах красивых и тихих, вот эти как раз, самые из них прекрасные, от нас недалеко»*, – заканчивает Коул, тростинкой распрямляя гибкий стан. – Я читал «Кельтские сумерки», Вэрани. И неплохо их помню. – Сид заглядывает в глаза напротив, где меж тёмных ресниц плещется сизый холод. – На мой взгляд, это место достойно того, чтобы зваться красивым и тихим. А вам как кажется?

Девушка только фыркает.

– Знаешь, Коул из рода Дри... я видела немало полукровок, родившихся от таких, как ты, и таких, как я. Сначала вы влюбляетесь в смертных дев, так непохожих на ваших дам. Потом очаровываете их, заставляя влюбиться в ответ. А потом вам наскучивает их убогий мирок, и вы возвращаетесь на свой Эмайн, оставляя девам на память тоску, разбитое сердце и пару голодных златокудрых детишек. – Она одаривает пришельца презрительным взглядом, прежде чем наконец направиться прочь. – Последнее, чего я хочу – пополнить этот список. Удачной экскурсии.

Коул не делает ничего, чтобы её остановить. Просто смотрит, как её фигурка удаляется по тропинке туда, где над верхушками старых буков виднеются вдалеке небоскрёбы из стекла и бетона, размывающиеся в дождливой дымке.

Когда девушка на миг оборачивается, сида уже нет.

Она пожимает плечами и, не сбавляя темпа, идёт к выходу из леса. И не замечает, как позади неё ритмично пригибается мокрая трава: так, словно кто-то незримый следует за ней по пятам.

Нынешнее время

Я плохо помню остаток того дня. Разговор с мамой перебил все воспоминания. Кажется, я ещё повозилась в саду, машинально выполняя привычные действия, пытаюсь не думать обо всех вопросах, что жгли меня изнутри. С ощущением, походившим на то, что порождает вырванный зуб. Я не особо задумывалась о будущем, но знала, что мне не стоит беспокоиться по этому поводу; теперь будущее (ожидаемое будущее – с практикой в колледже, сериалами по вечерам и походами в кино с подругой) исчезло, оставив вместо себя болезненную пустоту, и только в этот момент я ощутила, как мне нужно было утраченное.

Потом я допоздна разбиралась в одежном шкафу, укладывая чемодан, пытаюсь сообразить, что из вещей нужно взять с собой в Фарге. В какой-то момент поняла, что, возможно, беру слишком много – я ведь не знала, едем мы на неделю или на месяц, – и решила посоветоваться с мамой, если она не спит.

Конечно, надо было это сделать раньше. Когда я принесла ей ужин, например. Но тогда на язык рвалось слишком много вопросов, а поскольку я обещала их не задавать, то просто поставила поднос на табурет рядом с кроватью и ретировалась. Так что теперь я вышла из комнаты и, тихонько скользнув мимо спальни Эша, в которой свет уже не горел, направилась к маминой.

Подойдя к двери, я вдруг услышала её голос:

– ...разве так не будет безопаснее?

Я застыла, прислушиваясь. Ответа на вопрос не последовало, но мама продолжила – и, казалось, разозлилась:

– Что значит «присмотришь»? Ты – и присмотришь?!

Я мялась под дверью, борясь с желанием толкнуть её и посмотреть, кому это мама названивает по графону в два часа ночи.

Или кто названивает ей.

– Да, не доверяю! – мама сорвалась на крик. – Если всё, что ты понарассказывал, правда, всё это – твоя вина! А теперь я должна просто сидеть дома и ждать?! Пока ты... ты...

Не выдержав, я рванула дверную ручку.

Мама стояла у открытого окна. Заслышав скрежет металлического язычка в замке, тут же рывком повернулась ко мне – длинную рубашку колышет ветер, волосы лохмами свисают вдоль белых щёк. Ночник, горевший рядом с кроватью, бросал отблески на её лицо, где те ложились под глаза тёмными пятнами, и на металлическую трубку графона, валявшегося без дела на прикроватной тумбе.

– Лайза, – родной голос резанул непривычной сталью, – что ты здесь делаешь?

За распахнутыми оконными створками никого не было. Лишь шелестели в ночи раскидистые кусты сирени, из-за которых в маминой комнате никогда не бывало светло. Из-за них же трудно было вообще подойти к маминому окну... не говоря уже о том, чтобы моментально, абсолютно бесшумно от него отойти.

Может, её собеседник телепортировался? Или наложил на себя чары невидимости?..

– Я... просто хотела спросить, на сколько мы едем. Чтобы знать, какие вещи брать с собой.

– Я не знаю, когда вы сможете вернуться. – Мама ожесточённо захлопнула оконную раму. – Бери на долгий срок.

Под пристальным сизым взглядом я попятилась, чтобы покладисто кивнуть и пожелать спокойной ночи. Закрыв за собой дверь, прижалась спиной к стене, пытаюсь осмыслить услышанное.

Тряхнув головой, прокралась обратно в свою спальню, бесшумно ступая по старому паркету, доставшемуся нам в наследство от предыдущих хозяев.

Весь этот день был абсолютно ненормальным. Будем надеяться, поутру я открою глаза и обнаружу, что всё это мне приснилось.

* * *

Я долго бреду по тёмному лесу, полному старых скрюченных буков, пока не вижу вдали просвет. Тогда я бегу туда, но застываю, как

только выскакиваю из лесной темени навстречу серому свету дня.

Я стою на краю круглого котлована размером с маленький городок. Безжизненного, выжженного, будто что-то взорвалось в самом его центре и огненная волна уничтожила всё, что раньше было на его месте, а успокоилась, лишь дойдя дотуда, где сейчас я всматриваюсь в мёртвую землю, замерев над отвесным обрывом. По ту сторону котлована угадываются на горизонте полуразрушенные небоскрёбы; стекло, что могло бы блестеть в дневном свете, давно осыпалось с них, оставив голый бетон. Развалины города потихоньку рассыпаются в пыль под равнодушными летними тучами, предвещающими грозу.

Что здесь произошло? Как я тут оказалась?..

...в этот миг я чувствую *взгляд*. Будто чьи-то склизкие липкие пальцы касаются моего лица.

Откуда-то зная, куда смотреть, я поворачиваю голову вправо – и вижу *это*.

Можно подумать, что в нескольких ярдах^[5] от меня стоит мужчина в чёрном брючном костюме, но тьма этого костюма – абсолютная. Он сам – чернота: изменчивая и вкрадчивая, насыщенная и зыбкая, оживший сгусток ночного мрака. Ноги его не касаются земли, а лицо...

Это главная проблема.

Вместо лица у него – та же чернота, принявшая очертания человеческой головы. Непроницаемая. Безликая.

Я отшатываюсь, когда он шагает ко мне. Не шагает даже (я не замечаю, чтобы ноги его двигались), а вдруг исчезает с места, где был только что, и в следующую секунду возникает ближе. Ужас комком сворачивается в животе, оттуда тянет ледяные щупальца к сердцу, к горлу, катится холодной волной от шеи до кончиков пальцев...

Я разворачиваюсь, чтобы рвануть обратно в лес.

Я бегу, не разбирая дороги, не оглядываясь, но чувствую, что *оно* идёт за мной. Преследует, не отставая, прожигая взглядом спину.

Как оно может смотреть, если у него нет глаз?..

Вдали показывается что-то белое. Эта белизна кажется странным противопоставлением черноте, что наступает мне на пятки, и, не задумываясь, я бегу туда; приблизившись достаточно, чтобы

разглядеть цель, спотыкаюсь. Замираю – даже несмотря на тварь, что (я знаю) приближается сзади.

Это висельник. Девушка в белом платье. Она висит спиной ко мне, едва заметно покачиваясь, описывая ногами небольшую дугу; длинные волосы каштановой волной падают на худые плечи, на безвольные руки, тонущие в пене молочных кружев. Я не вижу её лица, но есть в ней что-то до боли знакомое.

В миг, когда я хочу подойти к висельнице, я понимаю, что не могу сделать и шага. Из-за страха, что окатывает колючими мурашками, парализует, сковывает по рукам и ногам. Из-за ощущения, что нечто гадкое – до омерзения, до тошноты, до рвоты – дышит мне в затылок.

Оно прямо за моей спиной...

Я закрываю глаза – и верещание будильника выдёргивает меня в реальность.

Уставившись в родной знакомый потолок, я кое-как одной рукой нащупала графон, заливающийся звоном на тумбочке. Ткнула пальцем в кнопку, вызывающую голографический экран; выключила будильник, и визг оборвался. Точно... Мне же сегодня на практику. За вчерашними событиями умудрилась об этом забыть. А вот будильник, к счастью, не забыл.

Слава богам. Приснится же такое...

Повалявшись ещё минуту, борясь с желанием провалиться обратно в дремоту, я села в постели. Щурясь, окинула взглядом спальню, освещённую рассеянным светом солнца, что просачивалось через рыжие шторы; золотой свет тёплыми бликами ложился на лица Дэвида Боуи и Queen, смотревших со стены в полном составе – раритетные плакаты украшали ещё комнату мамы в молодости, но она привила любовь к своим кумирам и дочери, так что атрибуты юношеских увлечений передала мне по наследству. Ну и бардак я вчера устроила... Все ящики комода выдвинуты нараспашку, мохнатый ковёр, стул и даже письменный стол завалены вещами.

Встав, я перешагнула через раскрытый чемодан, который вечером оставила рядом с кроватью, – и тоскливо осознала, что вчерашний день мне всё-таки не приснился.

Когда я вышла на кухню, Эш сосредоточенно жарил оладушки.

– Дай мне. – Я попыталась оттеснить его от плиты.

– Тебе некогда. – Брат ловко перевернул очередной оладушек деревянной лопаткой. – Скоро в колледж выходить.

– Никуда я сегодня не пойду. Хочу побыть с мамой, раз нам завтра уезжать.

– Она выходила ко мне час назад. Как услышала, что я встал. И сказала, чтобы ты не вздумала пропускать сегодняшнюю практику.

Моя рука, уже тянувшаяся отобрать у него лопатку, замерла над пластиковой столешницей.

– А потом сказала, что плохо себя чувствует и ложится спать. И чтобы мы не вздумали её будить. И дверь магией заперла, – добавил брат, щёлкая по сенсорным кнопкам, убавляя температуру электрической конфорки. – Стучаться бесполезно, я пробовал.

Пальцы сами собой сжались в кулаки.

Нам грозит опасность, от которой вечером мы сорвёмся на другой конец страны, – а теперь мама требует, чтобы я как ни в чём не бывало шла в колледж?.. Впрочем, если подумать, в этом есть резон. Наверное, до вечера мы с Эшем должны создавать иллюзию того, что ничего не знаем, дабы не провоцировать неведомого врага.

С другой стороны...

– Тебе тоже всё это кажется неправильным и странным?

– Не более странным, чем вчерашнее. – Эш аккуратно переместил последние оладушки со сковородки на тарелку. Протянул мне готовый завтрак: – Держи. Чай я отнёс на стол остывать.

Вздыхнув, я благодарно потрепала брата по светлым кудряшкам – на утреннем солнце они почти светились золотом, необычно ярким для людей. Приняв тарелку, вышла на веранду, чтобы уже за столом вспомнить про кленовый сироп.

Досадливо прикрыв глаза, я вскинула руку, в подробностях представляя стеклянную бутылочку на полке в шкафу:

– *Кварт эир*, – заклятие прозвучало почти песней, – *ле до хойль э хорди руд*.

Ответом мне был тихий звонкий стук, с которым коснулась скатерти бутылка, благополучно переместившаяся из кухни на стол передо мной. Прелести бытия потомственной колдуньей... Я изучала магические искусства на школьном факультативе и вот уже два года – в колледже, но телепортацию – даже мелких объектов – преподавали только в университете. Так что мамины учебники, которые остались у

неё после бакалавриата, пришлось кстати. В теории я могла телепортировать и что-то покрупнее бутылки (заклятия работали по одному принципу, да и формула переноса людей и крупных объектов была несложной), однако сил на это расходовалось больше, чем позволял мой скромный колдовской резерв. Единственный раз, когда я любопытства ради телепортировалась из спальни в сад пару лет назад, стоил мне нескольких часов слабости и головокружения, и с тех пор повторять фокус я не решалась.

Я залила оладушки сиропом так щедро, что от сладости у любого могли бы слипнуться зубы. Несмотря на это, завтрак я пережёвывала, не чувствуя вкуса: с тем же успехом Эш мог накидать в тарелку травы.

Зачем мне идти в колледж? Зачем это маме? И как, фоморы меня побери, я объясню учителю, почему срываюсь в другой город, едва начав практику, которая мне нужна больше, чем кому-либо? Сказаться больной? Или вообще ничего не объяснять – просто взять и исчезнуть?..

– Лайза, ты, ленивая задница! Почему ты ещё не поела?!

Когда я подняла голову, у калитки в наш сад сердито махала руками Гвен.

...ладно. Обо всём, что сейчас вгоняет меня в ступор, подумаю потом.

– Минуту! – торопливо глотнув чаю, я поднялась из-за стола. – Заходи пока!

Когда, наспех одевшись, я вернулась на веранду, Гвен скучающе бродила туда-сюда по садовой дорожке, периодически отправляя в рот спелые розовые ягоды с крыжовенных кустов. Утреннее солнце соскальзывало с белого шёлка её волос, золотило смуглую кожу вытянутого лица, высветляло ореховые глаза до кошачьей желтизны; каждый шаг сопровождали шелест длинной юбки и цокот того, что я когда-то приняла за каблучки. Высокая, стройная, миловидная, в этой юбке Гвен казалась обычной человеческой девчонкой... но она была глейстигом, и изумрудный шёлк, почти подметающий подолом землю, скрывал оленьи копытца. Глейстигов, брауни, баньши, селки – всех фейри, обитающих в нашем мире, отличали черты, которые веками заставляли людей считать их «уродцами». Существами второго сорта. У обитателей Эмайна эти черты и сейчас не вызвали бы ничего кроме презрения. Наверное, поэтому златокудрые шутники тилвит теги и

благородные дин ши^[6], периодически выбиравшиеся со своего блаженного Эмайна в наш мир, обольщали исключительно человеческих женщин...

К счастью, мы переросли глупые предубеждения. Сто лет назад Гвен носила бы длинную юбку, чтобы скрыть копытца. Теперь – просто из любви к вычурным нарядам.

– Чего ты так долго сегодня? – укоризненно протянула Гвен, пока я спускалась по деревянным ступеням веранды.

– Проспала.

Я решила не вдаваться в подробности. И в этот момент была рада, что за семнадцать лет неплохо научилась скрывать от окружающих то, что у меня на душе – даже от лучшей подруги. С Гвен я порой делилась тем, что не могла обсудить с Эшем, не нарвавшись на сарказм, или с мамой, не получив в ответ лекцию о правильной расстановке приоритетов и главенстве важного над личным (иными словами, сперва мне нужно закончить университет и обрести профессию, а потом уже думать о такой ерунде, как романтические отношения, будто сам факт наличия у меня личной жизни мог пустить под откос всю остальную). Но всё же негласным девизом нашего семейства было «семейные проблемы остаются в семье».

Да и не только семейные.

Прикрыв калитку, мы вышли с нашего участка, помимо кабачков и крыжовника поросшего старыми яблонями, на пустынную улицу. Асфальтированная дорога грелась на солнце меж двумя рядами низких домов с просторными садиками: типичный пейзаж провинциального городка. Мимо лениво проехал электромобиль, сверкнув солнечной батареей, встроенной в крышу, и устремился к центру Мойлейца.

Проводив его взглядом, мы с Гвен зашагали в ту же сторону.

– Представляешь, вчера, когда мы после кино разошлись, я решила ещё прогуляться и встретила Лизабет! – привычной скороговоркой подруга вплетала свежие сплетни в мелодичный цокот копыт по асфальту. – И знаешь, с кем она под ручку гуляла? В жизни не угадаешь! С Полом! Лизабет и Пол, как тебе? Я весной и подумать не могла, что...

Я только кивала. На самом деле Гвен не нуждалась в моих ответах: вопросы являлись риторическими, а вставлять свои пять

пини^[7] в поток её нескончаемой болтовни было занятием неблагодарным и бесполезным.

Мы познакомились с Гвен, как только переехали из города сюда, в Мойлейц. Мне тогда было тринадцать, и я неопишимо страдала от расставания со школьными друзьями. Помнится, когда мама объявила о переезде, я долго рыдала, пытаясь заставить её передумать – тщетно. Причины, почему мы сорвались из мегаполиса в провинцию, обменяв трёхкомнатную квартиру в престижном квартале на нынешний маленький дом, так и остались для меня туманными. Сейчас я уже не роптала – тихий живописный Мойлейц, где даже в центре дома не превышали пяти этажей, нравился мне куда больше воспоминаний о лабиринте стеклянных небоскрёбов, – а вот в тринадцать переезд стал для меня трагедией. Гвен жила на той же улице и ходила в ту же школу, что я, и в первый же день меня посадили к ней за парту. Сперва непривычно было сидеть рядом с кем-то, тем более с фейри (в прошлой моей школе парты были рассчитаны на одного), но я быстро привыкла.

...а не был ли и тот наш переезд связан с неведомой историей, из-за которой теперь нам с Эшем придётся снова внезапно сменить место жительства?..

– Я сегодня ужасно спала, – пожаловалась Гвен, когда у неё кончились новости про запутанные отношения наших однокурсников. – Легла вроде рано, но кошмары снились.

– Кошмары? – Я вспомнила свой сон. – О чём?

– Бред какой-то. – Подруга передёрнула плечами, обтянутыми шёлком нежно-зелёного платья. Рядом с Гвен я со своими рваными джинсами, футболкой с принтом и красными «конверсами» казалась девчонкой-сорванцом. – Чёрный человек без лица.

Холод – ледяное эхо того же ужаса, что во сне лишил меня сил и воли, – расплзся по телу, невзирая на жару летнего утра.

– Без лица?..

– Гонялся за мной по всему дому. Давно так не радовалась будильнику.

– Как и я.

В ответ на моё бормотание Гвен удивлённо вскинула тонкую белую бровь:

– Хочешь сказать...

– Да. Мне тоже он снился.

Подруга пожевала губу, маленькую и пухлую, как кофейная мармеладка.

– Что-то Повелитель Кошмаров расшалился, – изрекла она наконец. – Интересно, ещё кому-нибудь сегодня ночью явилось это чудище?

Я с сомнением воззрилась на зелёную изгородь дома, мимо которого мы проходили, высившиеся над ней яблони и газон вдоль дороги, пожухлый от зноя.

Теоретически наши сновидения и правда мог наслать Повелитель Кошмаров... он же Повелитель Тьмы, он же тёмный бог Донн, он же предводитель Дикой Охоты. В долгую ночь Самайна^[8], когда Донн выезжает в наш мир на вороном коне во главе своры мстительных духов, злобных псов-оборотней и прочих жутких тварей (которых в других странах называли демонами, а мы окрестили фоморами), ни людям, ни фейри лучше было не спать. Всем, кто засыпал, снились кошмары: мучительные, до жути реалистичные и всегда – одинаковые. Будто всех жителей Харлера, которым не повезло задремать на повороте Колеса Года, затягивало в один и тот же сон, созданный богом в качестве особого праздничного подарка.

Но с чего бы Донну делать это посреди лета, когда до Самайна ещё так далеко?..

– Не знаю, – откликнулась я, пока зелёную изгородь сменял низкий белёный заборчик, за которым вместо яблонь красовались розовые кусты, а очередной коттедж уплыл за наши спины, чтобы уступить место другому. – Надо будет у Эша спросить.

Ещё одна странная странность. И на сей раз не только странная, но и страшная.

Ладно, об этом, пожалуй, я тоже поразмыслю потом.

Мы дошли до оживлённого перекрёстка, где на светофоре загорелся зелёный. Удачно – не пришлось перебегать на красный, а то мы с Гвен частенько этим занимались. По зебре перехода пройдя мимо скучающе жужжащих мобилей, приторможенных бдительным алым глазом на бетонном столбе, оказались в кленовом сквере, ведущем прямым к колледжу; листья бросали пятиконечные звёздные тени на асфальт и прохожих, торопившихся по своим делам.

С тринадцати лет по утрам мы встречались с Гвен у моей калитки, чтобы идти в школу вместе. Два года спустя поступили в один и тот же колледж, на трёхгодичную программу предуниверситетской подготовки: в Кембридж или Оксфорд мы не метили, но попасть на факультет магических искусств в Лондонском университете рассчитывали. Оба пройденных курса закончили на восьмёрки и девятки (ладно, несколько семёрок затесалось, но ничего ниже) и заслуженно гордились парой десятков. В конце концов добились, чтобы на летнюю практику перед третьим курсом нас распределили к мастеру Тинтрэ, который вёл у нас курс преобразования энергии – мой любимый предмет.

А теперь мне придётся бросить долгожданную практику после первого же занятия... Блеск.

– Думаю, беспокоиться не о чем, – сказала Гвен, когда мы приблизились к трёхэтажному зданию красного кирпича; жестяная крыша под полуденным солнцем сияла так, что отблески резали глаза. – В конце концов, это просто сон. Привет, Пол, привет, Бет! Готовы к новым мучениям?

Я молча поднялась по широкому гранитному крыльцу к двустворчатым дверям колледжа, вяло махнув рукой однокурсникам, в ожидании практики задымлявшим воздух арбузными парами от вейпа.

По правде сказать, я не была согласна с её словами. И не была уверена, согласна ли со своими словами сама Гвен.

Но, с другой стороны, что нам оставалось делать?

* * *

– ...игральные кости в качестве боевых артефактов хороши, даже несмотря на малую энергоёмкость. Впрочем, всё лучше карт. – Заложив большие пальцы в карманы шёлкового жилета, мастер Тинтрэ прохаживался между партами, наблюдая за нашими мучениями. – Карты как боевые артефакты удобны, и работать с ними проще всего – потому их и зачаровывают в рамках стандартного учебного курса. Но они, к сожалению, маловместительные. Зато когда доберёмся до драгоценных камней... Самые мощные и функциональные артефакты. Прекрасные резервуары для энергии любого типа. «Пустой» камень

можно обратить в источник чистой магической силы – на случай, если вам не хватает собственной. Принцип работы тот же, что с кристаллами, которые мы осваивали в первом семестре. Можно поместить в камень любое заклинание, даже проклятие, вытянутое из человека. А для активации скрытых в камнях заклятий не нужно слов: достаточно броска, удара или соприкосновения с живым объектом. Зависит во многом от свойств того, что заключено внутри, однако и сам создатель артефакта...

Я украдкой подняла взгляд.

Совсем ещё не старый – едва ли за сорок – мастер мог показаться седым, но на деле кудри его были серебристо-белыми. Видимо, подарок предка из дин ши. Глаза скрывали затемнённые очки с маленькими круглыми стёклами, придававшие его худому лицу непроницаемость секретного агента; жара вынудила мастера сменить обычный строгий костюм на светлые брюки и хлопковую рубашку, но даже лето не заставило его отказаться от жилетки.

Отерев пот со лба – в аудитории было жарковато, – я вновь склонилась над своей костью: самый обычный игральный кубик из обсидиана с шестью гранями, помеченными нужным количеством белых точек.

– ...впрочем, возвращаясь к костям. Принцип атаки тот же, что с картами, но с одним нюансом. Для активации заклятия, скрытого в карте, достаточно кинуть её в противника, приложив капельку ментальных усилий. Соответственно, самая большая трудность – достать из колоды ту, что вам нужна. Маги для этого прибегают к элементарному заклятию Призыва, обычные люди довольствуются тем, что складывают карты строго определённым образом. Но в костях скрыто не одно заклятие, и ни одно из них не сработает, если не назвать номер грани, к которому привязано интересующее вас заклинание. Так что...

Я повернула кубик, чтобы сверху оказалась грань с четырьмя точками. Сжав его в кулаке, сосредоточилась, стараясь не слушать тихое бормотание однокурсников, доносившееся со всех сторон.

Когда я разомкнула губы, с первым же словом на моей руке жемчужно-белым светом проявились извилистые линии магической печати, оплетавшие кожу от предплечья до кончиков пальцев.

– *Ашке гам орт, ле форнайт аэр...*

Кубик в моей ладони запылал жарким снежным сиянием, пробившимся даже сквозь плотно сомкнутые пальцы. Потoki силы, текущие по руке, хлынули в костяную безделушку в моём кулаке. Где-то сбоку послышался треск, потом – вскрик и искристое шипение; воздух наполнил запах гари, но я только зажмурилась.

Не отвлекаться. Контроль, ежесекундный контроль. Постоянно регулировать количество силы, вливаемой в кубик. Иначе последствия могут быть катастрофическими.

– *...блинджед мо наймджэ, абхэ ар мо хосэндж!*

Мысленно замкнув силовой контур, я ощутила, как остывает кубик в моей руке. Открыла глаза – и, разжав ладонь, удовлетворённо опустила кость на парту.

За два курса мы изучили немало разных заклятий, но теперь задание было куда интереснее: вложить заклинания в кубик, зачаровав все шесть его граней, и оставить дремать там – до момента, пока не понадобится активировать их, назвав нужную цифру и бросив кость в противника. В итоге получалось что-то вроде магических пуль.

Сколько сотен таких кубиков на моей памяти зачаровала мама, я и не вспомню.

– Четвёртое есть, – констатировала я, пока Гвен фиксировала каждое действие в свой графон. – Сколько у нас осталось времени?

– Десять минут. – Подруга сосредоточенно смотрела в голографический экран: тот мерцал над серебристой трубкой графона, лежавшего на парте, пока пальцы Гвен ловко бегали по иллюзии клавиатуры, спроецированной на столешницу. – Пятую уже не успеем.

Родись мы лет на двадцать раньше, и пришлось бы таскать с собой на учёбу громоздкие ноутбуки (они ещё и весили больше килограмма, мама рассказывала). Это сейчас хорошо: и средство связи, и персональный компьютер в одной компактной металлической штучке, проецирующей голограммы. Впрочем, когда-то студентам вообще вручную писать приходилось...

– Ладно, тогда завтра придётся тебе продолжить, – сказала я – прежде чем сообразила, что завтра меня в Мойлейце уже не будет.

...нет, не думать об этом. Потому что я так и не придумала, как объясню своё исчезновение, вернувшись в город осенью.

Если мне вообще суждено вернуться.

Я покосилась на соседнюю парту: Хелен и Джилл, две баньши^[9], готовившиеся к поступлению на кафедру теоретической магии, сокрушённо взирали на обгорелые осколки своего кубика, раскиданные по столешнице. Понятно... Вложили слишком много силы за раз. Для этого мастер перед началом урока и велел нам надеть защитные очки, напоминавшие маски для подводного плавания: отлетит осколок кости в глаз, и пиши пропало.

– Мисс Форбиден, – слышалось из-за моего плеча, – позвольте взглянуть?

Гвен заметно занервничала. Я взяла кубик двумя пальцами, чтобы передать учителю.

Мастер Тинтрэ повертел кость в ладони – одновременно с тем, как на коже его полыхнуло плетение отрывистых зеленоватых линий, убегавших под длинный рукав рубашки. Говорят, печать отражает характер мага, но я никогда не сказала бы, что в характере Александра Тинтрэ есть острые углы. А вот моя вполне соответствовала этому утверждению: в четыре года, когда печать впервые проявилась, выдав во мне юного мага, она состояла из весёленьких жизнерадостных спиралей, однако с возрастом рисунок менялся, расправляясь из крутых завитков в плавный изгиб узора, напоминавшего стебли вьюнка. Хорошо хоть печать проявляется, только когда колдуешь... Не хотелось бы мне, чтобы она торчала на руке эдакой татуировкой, позволяя каждому встречному делать о тебе далекоидущие выводы.

– Четвёрка ослепляет, – комментировал мастер, неторопливо проворачивая кубик в пальцах, – тройка парализует, двойка создаёт морок, а единица... щитовой барьер? – Хмыкнув, учитель кинул кость обратно на парту. Лишь сейчас я заметила, что окружающие забросили собственные экзерсисы, глядя на нас. – И почему же барьер, мисс Форбиден? Я понимаю, если бы защитная сфера, но её мы будем изучать лишь в следующем году, а щит... Вы ведь в курсе насчёт радиуса действия этого заклинания.

– Если кинуть четыре кости вокруг себя, создав четыре щита со всех сторон, получится аналог сферы, – пояснила я. – Это будет быстрее и эффективнее, чем тратить силы на создание сферы такого размера. Учитывая, что лично моих сил всё равно не хватит на то, чтобы долго её поддерживать.

Мастер удовлетворённо почесал подбородок:

– Четыре кости, значит... а у вас творческий подход, мисс Форбиден. Всем бы здесь такой.

Гвен надулась от гордости, но я под чужими взглядами неловко ссутулилась.

Любимчики учителей редко пользуются любовью однокурсников. Меня спасало то, что я охотно делилась конспектами, помогала менее усердным товарищам готовиться к очередному зачёту и дружила с Гвен, которая, в свою очередь, дружила со всеми. Иначе я бы наверняка стала изгоем, особенно учитывая регулярные отказы от пьенок после экзаменов и походов в бар с ребятами: крепкий алкоголь нам пока не наливали, но на пиво, вино или сидр после шестнадцати мы вполне могли претендовать. Да только ни пиво, ни вино, ни сидр мне не нравились, мама была против, а для шумных посиделок я была слишком глубоким интровертом. Любые сборища, где количество участников превышало пять-шесть человек, очень скоро вызывали у меня желание сбежать на поиски пустой комнаты, где можно закрыться и посидеть в тишине. Так что я предпочитала выбираться в кафешки вдвоём с Гвен или коротать наш совместный досуг за сериалами, читать и обсуждать прочитанное с Эшем, а иногда вообще бродить по городу в одиночестве – случалось у меня и такое настроение...

– На сегодня время вышло. Упаковывайте кости в контейнер. Если есть что упаковывать, – добавил мастер. – Завтра продолжите работу, поменявшись местами.

Гвен торжественно щёлкнула на графоне кнопку дезактивации, вынудив экран и клавиатуру растаять в воздухе. Пока подруга складывала вещи, я возвратила кубик в картонную коробочку, аккуратно подписанную маркером «*Элайза Форбиден, Гвен Хайлин*». Там уже лежала одна готовая кость и две, которые только предстояло зачаровать. Отстояв небольшую очередь из приунывших студентов, я отнесла контейнер на учительский стол; встретившись со мной глазами, мастер тепло улыбнулся, и я ответила ему улыбкой.

Наша любовь была абсолютно взаимной. Моя – к одному из самых прекрасных учителей, что мне попадались за жизнь, и его науке. Мастера – к пытливой, понятливой и многообещающей студентке, которая собиралась сделать его предмет своим призванием. Для боевого мага мой потенциал был слабоват: и силёнок маловато, и

скорость реакции так себе. Тихо сидеть за партой, сплетая магические формулы, неторопливо преобразовывая разлитую в воздухе энергию в нечто большее, – другое дело. Потому я и хотела стать магом-артефактором – с тем, чтобы созданные мной артефакты использовал кто-то другой...

По сложной цепочке мыслей и ассоциаций скользнув к воспоминаниям о неведомой опасности, я разом перестала улыбаться. Спешно отвернулась, пока учитель не заметил в моём лице того, чего ему видеть не полагалось.

Что скажет мастер Тинтрэ, когда любимая ученица не придёт на его урок, как сквозь землю провалившись?..

– Неплохо, да? – покидая аудиторию, воодушевлённая Гвен почти пританцовывала. – Это мы так с костями раньше всех закончим! Может, мастер нам и камни для зачарования сразу выдаст? Ну, в порядке исключения?

– Вряд ли, – уныло ответила я, сворачивая к лестнице.

– Эй, ты чего такая кислая? Дома что-то случилось?

– Просто настроение плохое, – легко соврала я, ведя рукой по стене, чувствуя кончиками пальцев шероховатость фигурной штукатурки. – Из-за сна этого.

– Да ладно тебе! Мало ли чего приснится. Как будто в Самайн никогда не засыпала. – Копытца Гвен бодро цокали по гранитным ступеням. – Помнишь, что Повелитель Кошмаров в том году учудил, когда мы с тобой за фильмом задремали?

– Такое вряд ли забудешь. Когда у тебя червяки лезут из рук и жрут твои пальцы... Но сейчас-то не Самайн.

– Пф, как будто ему кто мешает не в Самайн пошалить! Тем более Лугнасад^[10] скоро. – При нашем приближении стеклянные двери на улицу гостеприимно раздвинулись, вынудив подругу сощуриться, пряча зрачки от света за длинными ресницами. – Хорошо хоть всю Дикую Охоту из потустороннего мира не вытащил... Так мы сегодня к тебе или ко мне?

Спускаясь по крыльцу к кленовой аллее, я быстро вывернула руку ладонью наружу, скрестив пальцы в оберегающем жесте (с Дикой Охотой лучше не шутить). Запоздало вспомнив, что мы договаривались после практики посмотреть ещё пару серий «Кодекса

Форбидена», хотела было ответить, что сегодня мне в принципе не до гостей, но вспомнила, что должна вести себя как обычно.

– Лучше к тебе. – Уж точно не к нам, где ждут бардак в моей комнате, мама, запершаяся в спальне, и Эш с лицом ледянее обычного. – Только я сегодня ненадолго.

– А что так?

– Дела.

Гвен вздохнула, доставая графон. Над короткой трубочкой всплыл и замерцал голографический экран – на сей раз небольшой, с ладошку, не чета полноформатному, который мы использовали на уроках.

– Окей, напишу маме, что ты у нас обедаешь...

Перешагивая через кленовые тени, мне хотелось сказать ей искреннее «спасибо» за отсутствие расспросов. Впрочем, сейчас подруга уже привыкла, что время от времени мне, глубокому интроверту, нужно побыть одной. Когда мы только познакомились, в ответ на такое заявление она обиженно поджимала губы, думая, что надоела.

По правде говоря, дружескую болтовню с Гвен действительно нужно было дозировать: небольшими порциями, до учёбы и пару часов после. Передозировка грозила хронической усталостью и ушами, увядшими от болтовни.

Мы неторопливо шли по скверу, приближаясь к перекрёстку, за которым начинались жилые кварталы. Гвен сосредоточенно набивала сообщение маме, расчерчивая пальцами голограмму экрана; асфальт пустой дороги купался в прозрачном горячем мареве – три часа, разгар жары. Видимо, все водители предпочли пересидеть это время дома. На светофоре горел зелёный, но он уже начинал тревожно мерцать.

– Перебежим? – убирая графон в карман, предложила нетерпеливая Гвен.

Я сорвалась с места, устремившись к пешеходной «зебре», и мы вприпрыжку выбежали на дорогу в миг, когда зелёный сменился красным.

В миг, когда я поняла, что по ту сторону перехода стоит *оно*.

...следующие мгновения тянулись бесконечно долго.

Вот я смотрю на безликую тьму, зависшую в паре сантиметров над землёй, явившуюся из моего кошмара.

Вот по спине волной прокатывается беспомощный ужас, сковывающий по рукам и ногам, заставляющий застыть на месте.

Вот кожу обжигает мерзкое ощущение от безглазого взгляда, устремлённого на меня. Гвен медленно, странно медленно бежит через дорогу навстречу монстру, оставляя меня за спиной; я хочу крикнуть ей «стой», позвать на помощь, сделать хоть что-то, но язык мой отнялся, как и моё тело.

Следом я слышу истошный визг тормозов.

Я поворачиваю голову, с каким-то отстранённым интересом наблюдая за мобилем, наезжающим на меня. Вижу перекошенное лицо водителя, отчаянно отдавливающего педаль тормоза. Понимаю, что капоту до моего тела осталось не больше фута^[11] – и что я сейчас умру.

...а потом чувствую, как что-то тисками обхватывает мой живот, болезненным рывком оттаскивает назад...

...и время потекло с прежней скоростью.

Жадно вдохнув (последние секунды мои лёгкие благополучно забывали о такой мелочи, как потребность в воздухе), я проводила взглядом одинокий мобиль, проехавший ещё ярдов десять, прежде чем затормозить. Посмотрела на другую сторону дороги, где застыла Гвен: мертвенно-бледная, прижавшая ладони ко рту, не сводящая с меня полного ужаса взгляда, как и парочка случайных прохожих... и никого кроме.

Надо же. Я жива. А где чёрный кошмар?..

Поняв, что монстр бесследно исчез, я опустила взгляд. Заметила чужие руки на моей талии за секунду до того, как те разжалась и скользнули мне за спину.

Обернулась.

Первым, что я увидела, были его глаза: тёплый блеск аметиста, весенняя сирень и фиалковый свет заката. Потом к картинке добавилось юное белокожее лицо и серебро длинных волос: спереди непослушные прямые пряди падают на скулы, доставая до губ, сзади отпущены ниже плеч – насколько ниже, с этого ракурса разглядеть было трудно. Ещё немного погодя – штаны и рубашка причудливого покроя, рукавами достающая почти до ступней босых ног: в дневном свете белая ткань его одежд, на которой кровавой вязью расцвели алые узоры, отливала лунным серебром.

Сид.

Осознав, что без него я уже была бы кучей мяса и переломанных костей, пачкающей кровью дорогу, я кое-как разомкнула губы.

– Спасибо, – голос был хриплым, мысли путались, слова отказывались идти на язык. Откуда-то доносились встревоженный гул чужих пересуд и гневная отповедь, которой невезучий водитель решил наградить безумных девчонок, прыгающих под колёса, но я почти не понимала смысла того, что слышу. – Вы... Я...

Сид отступил на шаг. Лицо его ничего не выражало.

– Будь осторожна, – проговорил он и исчез: словно кто-то в один миг сменил картинку кленовой аллеи, где он был, на точно такую же, только без него.

Я ошеломлённо смотрела на звёздные тени на плитке и прохожих – прежде чем продолжить путь, те не забывали наградить меня неодобрительными взглядами и качать головами не хуже катайских болванчиков, – когда Гвен, рыдая, сзади кинулась мне на шею.

– Лайза! Боги, я так испугалась! Я уж думала, тебя...

– Ты видела его?

– Кого?

– Сида! Который спас меня!

– Конечно, видела! Только что тут стоял! – Подруга недоумённо огляделась. – Ой, а куда он делся?..

Я прижала пальцы к вискам.

Значит, прекрасный спаситель мне не померещился. Уже хорошо.

– А этого... чёрного... из сна... видела?

По взгляду, которым Гвен уставилась на меня, я поняла – не видела.

На всякий случай я осмотрелась кругом. Злополучного мобиля уже не было видно: водитель решил не разбираться с сумасшедшей девицей, застывшей столбом посреди дороги. Моего спасителя – тоже. Только посторонние люди и фейри, иные из которых с любопытством оглядывались на нас.

– Ладно, забудь. – Я развернулась обратно к светофору, где красный свет мерцал в преддверии зелёного. – Идём.

– Лайз, ты в порядке?

– В полном. Просто из-за жары голова закружилась.

Но когда мы вновь зашагали по «зебре» – неторопливо, предварительно удостоверившись, что на горизонте действительно нет ни одного мобиля, – я пыталась вспомнить, которая эта странность по счёту из всех странностей, приключившихся со мной за последние сутки. И понимала, что с этими странностями нужно что-то делать.

Следующую, судя по всему, я могу не пережить.

* * *

– Привет, тыковка! – заворковала тётя Лэйн, стоило нам перешагнуть порог дома Хайлинов. – Привет, Лайза! – нам обеим достался сердечный поцелуй в щёку, но Гвен к тому же привычно поворчала на испорченную причёску, когда мать ласково взъерошила её белобрысую макушку. – Скорее обедать, пока не остыло!

Я прошла по коридору не разуваясь: в доме глейстигов, которым обувь не требовалась, это было ни к чему. Тростниковые коврики поверх мшистого ковролина смягчали звук шагов и стук копыт; бумажные обои в бежево-зелёных тонах и деревянная мебель в стиле кантри заставляли ещё острее ощущать, что мы далеко от больших городов. Повсюду виднелись цветы в горшках (глейстиги и в помещении предпочитали быть ближе к природе) и шкафы с настоящими книгами – не то что в нашей бывшей квартире, где даже обои были голографическими.

Честно говоря, сейчас я с трудом понимала, чем жизнь в мегаполисе мне так нравилась.

– Как день прошёл? – когда мы уселись за большой круглый стол, спросила тётя Лэйн, раскладывая овощной салат по деревянным тарелкам.

Мы с Гвен переглянулись.

– Нормально, – пожала плечами подруга после недолгой паузы.

– Как-то это «нормально» прозвучало не совсем нормально, – усомнилась тётя Лэйн, вытаскивая из духовки блюдо с зелёной фасолью в сливках, запечённой под сыром. В отличие от дочери она носила короткие шорты, так что оленьи ножки представляли во всей красе – стройные, изящные, покрытые бархатистой светлой шёрсткой. Такие же, как у Гвен. Они с матерью вообще походили друг на дружку,

как два древесных листа: когда я впервые увидела снимок тёти Лэйн в молодости, то подумала, что фотографировали мою неуёмную подругу.

Я тоже росла маминой копией. Даже причёску носила такую же, как она. И, в отличие от Эша, не унаследовала ни единой отцовской черты.

К счастью.

– Просто урок был сложный, – солгала Гвен с той же лёгкостью, с какой я солгала ей днём.

– Не учителя у вас, а изверги! Даже летом детям отдохнуть не дают... Фасоли хватит, Лайз?

Я тоскливо воззрилась на щедро наваленную порцию:

– Я бы сказала, перебор.

– Кушай-кушай! А то худенькая, что тростиночка! Да и Гвен туда же...

Мне хотелось возразить, что на одних овощах сильно не разъешься (глейстиги – убеждённые вегетарианцы), но я промолчала. К тому же зазвонил графон, лежавший на кухонном подоконнике, и тётя Лэйн процокала к окну:

– Папа звонит. Вы ешьте, я вернусь и пирог к чаю поставлю...

– Доедай быстрее, – бросила Гвен, когда хозяйка кухни вышла, предоставив нам опустошать тарелки в тишине и покое. – И пойдём ко мне в комнату. Поговорить надо.

А я-то думала, чего это подруга по дороге вела себя подозрительно тихо...

Закинув в себя салат и фасоль так быстро, как позволили руки, слегка дрожавшие после моей несостоявшейся смерти под колёсами, я поднялась из-за стола; Гвен сделала то же ещё раньше, чтобы прихватить из шкафа коробку с печеньем, а из холодильника – бутылку сладкой газировки. Коридор, заставленный фикусами вдоль стен и оглашённый отзвуками весёлого щебета тёти Лэйн, доносившегося из-за лакированной двери кабинета, привёл нас в королевство красного, розового и плюшевых зверей. Подобная инфантильность больше подходила Гвен, когда той было тринадцать, но с тех пор в её комнате ничего не поменялось: стены и мебель переливались всеми оттенками алого рассвета, игрушечные мишки и зайцы смотрели на меня с подоконника, с полок секретера и даже со шкафа. Один медведь – огромный, больше моего роста – восседал на полу, рядом с кроватью

под сетчатым балдахинном; к нему и направилась Гвен, чтобы усесться прямо на ковёр, воспользовавшись медведем как креслом. Я невольно засмотрелась на её юбку, раскинувшуюся по вересковой шерсти шёлковым кругом, отливающим красками летнего леса, но требовательное «*А теперь рассказывай!*» вывело меня из задумчивости.

– Что рассказывать? – уточнила я.

– Да про того сида, который тебя спас! – Гвен кинула перед собой печенье и бутылку: та катилась по полу пару футов, пока не уткнулась в ножку стула, и ответила на нелестное обращение пеной, забелевшей внутри. – Это твой отец, так?

Оторопев, я упала в кресло рядом с секретером – и расхохоталась.

– Что? – протянула Гвен обиженно. – А с чего ещё какому-то сиду выдёргивать тебя из-под колёс, взявшись из ниоткуда, и тут же снова исчезать?

– Мой отец – тилвит, – отсмеявшись, вымолвила я, сдержав на губах ответный вопрос, как подобная чушь вообще взбрела подруге в голову. – Могла бы вспомнить, какого цвета волосы у Эша. А у этого шевелюра была серебряная, если ты не заметила. Стало быть, он дин ши.

– Тогда, может, он знакомый твоего отца?

– Да при чём тут вообще мой отец?

– Ну как же – он рассказал о тебе кому-то, а его знакомый переместился сюда, в Харлер, нашёл тебя и теперь присматривает за тобой!

Удушливая волна раздражения подкатила к горлу, пока горькая улыбка сковывала спазмом мои щёки:

– Хорошая сказочка. Только вот верится в неё слабо. Не думаю, что отец вообще обо мне помнит. Кто я для него? Одна из детей одной из смертных дурочек, которых он обольстил. Он сам меня бросил, так с чего теперь будет вспоминать да заботиться?

Гвен пожевала губами воздух, явно расстроенная провалом блестящей теории, что она успела сострять за десять минут, отделявшие злосчастный перекрёсток от её дома.

– А как они познакомились? Твои родители?

Мои руки раздражённо впились ногтями в коленки: спасибо дизайнеру, решившему продрать джинсы ровно там, где в детстве я,

падая, рвала штаны почти постоянно.

– Мама гуляла в лесу рядом с городом, где она выросла. Встретила... *его*... – Последнее слово поневоле выплонулось как ругательство. – Мама вроде пыталась его отшить, да не получилось. Они же знают, как очаровывать...

Я удержалась от того, чтобы добавить «скоты». Подумала, что в присутствии Гвен это может быть бестактно.

У Харлера, родины людей и «низших» фейри (тех, кому в своё время не позволили удалиться из человеческого мира в Дивную Страну), с Эмайн Аблахом, обителью «высших» фейри (они же Племена Богини Дану^[12], они же Туата де Данаан, они же туаты, а для нас – сиды), издавна были сложные отношения. Вернее сказать – никакие. Причина проста: пусть Харлер и Эмайн разделяет лишь семимильная полоска морской воды – это даже не разные страны, а разные миры. На Эмайне и время течёт иначе, а какие могут быть деловые отношения с государством, живущим в другом временном измерении? Некоторые счастливики, сплававшие на Эмайн и вернувшиеся оттуда сутки спустя, утверждали, что пробыли у сидов несколько месяцев. Другие уплывали из Харлера, оставляя своих детей младенцами, лежащими в колыбели, гостили на Эмайне всего-то денёк – а когда возвращались, могли познакомиться с собственными правнуками.

Вычислить правила или законы временных соотношений двух миров оказалось невозможно. Ни правил, ни законов просто не было.

Все эти поучительные истории нам рассказывали в школе, сводя их к одному: смертным в Дивной Стране не место. Не только потому, что гостеприимство сидов было весьма специфичным. Это для фейри Эмайн был благословенным краем, где не ведали ни смерти, ни болезней, ни бедности, ни горестей; людям погибнуть там или стать рабами сидов, живыми игрушками, от которых избавятся, как только они наскучат, было проще простого. Зато маленьким обитателям Эмайна, видимо, рассказывали совсем другие сказки: вырастая, они то и дело наведывались в Харлер – забавы ради, – а когда возвращались, утаскивали с собой приглянувшихся человеческих девушек. Не спрашивая, хотят они того или нет.

Впрочем, похищения случались немногим чаще любовного сожительства. В Харлере обитала куча людей, в жилах которых текла

кровь сидов. Ни тилвиты, ни дин ши не находили ничего зазорного в том, чтобы прожить пару-тройку лет с понравившейся девицей, даже детишек от неё завести... а потом взять и исчезнуть. Вернуться на родину, не зря прозванную Дивной Страной. И детей забрать с собой, если успели полюбить, а если нет – бросить вместе с матерью.

Как бросили нас.

– Нет, твой случай куда романтичнее, – подумав, резюмировала Гвен. – Он спас её от смерти, ах... выдернул прямо из-под колёс...

– Какая ещё романтика? – Я резко откинула за плечи длинные волосы, лезущие в лицо; ощущение раздражало не меньше разговора, с каждой минутой становившегося всё более дурацким. – Мне повезло, что этот сид оказался рядом, но наверняка больше я его в жизни не увижу.

– И тебя это совсем не огорчает?

– Нет! И мне не хочется вспоминать, как я чуть не погибла в цвете лет из-за собственной глупости и нашей общей нелюбви к правилам дорожного движения! И если ты собираешься весь день обсасывать то, что произошло на этом треклятом перекрёстке, хотя мы собирались смотреть «Кодекс», так и скажи, чтобы я знала, что могу пойти домой и заниматься этим в гордом одиночестве!

Гвен хмыкнула, но всё же достала из кармана графон.

Впрочем, менее хитрым её прищур не стал.

– Мы на какой серии остановились? – мирно уточнила подруга, подвинув коробку с печеньем, чтобы положить на его место серебрястую трубку.

...я ненавидела отца. Пусть и не помнила его. Он прожил с мамой больше пяти лет и, по её словам, был не только прекрасным возлюбленным, но и нежным родителем. И это не помешало ему в конце концов затосковать по дому и бросить как меня, так и женщину, беременную вторым его ребёнком; поэтому мне не хотелось думать, что сид, который меня спас, может иметь с ним что-то общее. В принципе не хотелось думать о сйдах. Под самым красивым лицом и самыми красивыми поступками любого из них скрыто одно и то же: жестокость, гордыня и эгоизм, ведь обмануть или предать смертного для них – не обман и не предательство, а уморительная шалость. Всё равно что с котёнком поиграть: раздразить того конфетным фантиком на нитке, позволить схватить его, а потом дёрнуть рукой – и хохотать,

глядя на злую мордочку, с которой тот смотрит, как трофеей ускользает из-под носа...

– Шестая, кажется.

Убедившись, что мы наконец перевели тему, я сползла с кресла. Магией подтянув к себе потеющую, восхитительно холодную бутылку с газировкой, устроилась на полу рядом с Гвен, облокотившись на медвежью лапу и использовав в качестве сиденья одну из валявшихся рядом подушек. Подруга уже развернула полноразмерный голографический экран, прибавила яркость на полную, чтобы сквозь картинку не просвечивала мебель, и ткнула кончиком пальца в иконку браузера. Первым открылся новостной сайт, и заголовок, на который упал мой взгляд, гласил: *«Ликорис снова уйдёт безнаказанным?»* Мелкие буквы ниже услужливо поясняли, что в Динэ недавно обнаружили изуродованный труп молодой девушки, пропавшей два месяца назад, но осмотр тела не дал страже никаких новых зацепок по делу серийного убийцы, прозванного Ликорисом, и теперь...

...вот почему я предпочитаю не читать новости. Ничего хорошего в них всё равно не пишут.

– Дался тебе этот сериал, – всё-таки буркнула Гвен, сменив тошнотворный сайт на вкладку с подписью известного стримингового сервиса. – У тебя тут в реале такое произошло, что любой сериал отдыхает, а ты... Я понимаю, конечно, уважение к памяти предка, бла-бла-бла, но...

Я промолчала. Повернула крышку на стеклянной бутылке – осторожно, чтобы взболтанная газировка не брызнула мне в лицо. Глотнув сладкую гадость со вкусом манго, протянула бутылку Гвен: мы давно уже не стеснялись пить из горла друг за дружкой.

Да, со вчерашнего дня в моей жизни творится такое, что любой сериал и правда отдыхает. Именно поэтому я хотела хотя бы на пару часов забыть об этом.

* * *

Дядя Ахайр вошёл в комнату на самом интересном месте – и палец Гвен моментально метнулся к экрану, заглушая сладострастные стоны, лившиеся из динамиков.

– Привет, пап, – невинно произнесла подруга, свернув браузер.

Отец Гвен возмущённо переступил с ноги на ногу, топнув копытами по порогу:

– Что вы смотрите?!

– «Кодекс Форбидена». Я вам с мамой уже рассказывала, помнишь? Та штука, которую снимали по запискам Лайзиного прадедушки.

– Там вообще всё прилично, – быстро добавила я, – просто главный герой... мой прадедушка... тут как раз арка про то, как они познакомились с моей прабабушкой, и в прошлой серии его возлюбленная едва не погибла от лап оборотня, а потом им долго было не до отношений, но теперь... В общем, вы вошли в тот момент, когда они наконец объяснились, и...

– Привет, Лайза, – вздохнул дядя Ахайр. – Прилично, говоришь? Тогда почему, как я ни войду, у вас на экране то убивают, то насилуют кого-то?

– И вовсе даже не насилуют, а красиво занимаются любовью. В данный момент, – уточнила Гвен. – Просто сериал такой: показывает Викторианскую эпоху и деяния тёмных сил без прикрас. И вообще, на обнажёнку на экране сейчас мода! Это ты ещё не видел, как «Ведьмака» экранизировали – с оргией!

– Вот активирую на твоём графоне родительский контроль, и будут вам Ведьмаки, оргии, Инквизиторы и Лайзины прадедушки, – проворчал дядя Ахайр, отворачиваясь. – Мама зовёт вас чай пить, так что заканчивайте со своим разворотом и бегом на кухню.

– Родители, – закатила глаза Гвен, когда глава семейства Хайлин удалился, закрыв за собой дверь. Закинула в рот очередное печенье – за две с половиной серии коробка почти опустела, и в основном её стараниями. – Никогда не замечала такого спецэффекта: если на весь фильм или на весь сериал, который ты смотришь, будет ровно одна постельная сцена, твой строгий папа войдёт в комнату именно в этот момент?

– Не замечала. У меня, если ты успела забыть, нет папы.

В неловкой тишине, расплзшейся над нашими головами, графоном и плюшевым медведем, я почувствовала, как в груди снова заворочался склизкий ком тревоги и страха, подзабытый за бедами и драмами людей, живших задолго до моего рождения.

Наверное, меня должно было утешать, что им – моим предкам – приходилось куда хуже. Внезапный отъезд из дому и брошенная практика не сравнятся с тем, что пришлось пережить моей прабабке, и тем более с кровавыми ужасами, которых за свою карьеру наш знаменитый прадед повидал немало. Да только чужие несчастья не отменяют и не обесценивают твои собственные. Даже если ты понимаешь, что на твою долю выпали несчастья куда менее горькие. Когда тебе без анестезии удаляют зуб, лекарь может бесконечно твердить *«Радуйся, что не ногу»*, но это не умерит боли.

И я не знала, насколько страшной в конечном счёте окажется та беда, с которой столкнулись мы.

– ...и вообще мне домой пора, – невпопад закончила я, поднимаясь с ковра.

– Что, даже серию не досмотрим?

– Я всё равно это уже смотрела. И задержалась дольше, чем хотела.

Гвен, приуныв, повернула графон к себе; принялась закрывать в браузере ненужные вкладки – и замерла.

– Боги, как же я сразу не вспомнила! – Двумя пальцами взявшись за край экрана, подруга развернула голографический прямоугольник в мою сторону. – Та тварь, которая снилась мне и тебе! Это же Кромешник!

Я пригляделась – и дёрнулась, задев мыском кеда пустую бутылку из-под газировки, заставив её упасть.

Статья была озаглавлена: *«Дюнэтэни – воплощение кромешной тьмы»*. Сразу под заголовком располагалась картинка худощавого мужчины в деловом костюме: чёрный пиджак, белая рубашка, галстук-бабочка... и абсолютно гладкое, без единой черты лицо.

– У меня вкладка про него, наверное, уже месяц висит! Кузина ссылку кинула! Его называют Кромешником, говорят, он – порождение Дикой Охоты, охотится на детей и подростков, и за последние годы его видели по всему Харлеру!

– Он что, фомор какой-то?..

– Никто не знает! Только говорят, что вместо рук у него щупальца, живёт он в лесу и забирает детей, которые ушли гулять без спроса!

Поднимая многострадальную бутылку, я качнула головой, успев взять себя в руки.

В первый миг рисунок и правда меня напугал... да только, присмотревшись, я нашла в нём не слишком много сходства с героем моего кошмара. У существа с картинки голова была лысая, пепельно-серая, с язвами и чуть ли не следами гниения на том месте, где у нормальных людей располагалось лицо. И костюм выглядел вполне обыденно: такие продают в любом магазине вечерней одежды.

– Не похож. – Стекло доньшко звякнуло о дерево, когда я поставила бутылку на стол. – Тот, что мне снился... он весь был из мрака. Ни рубашки, ни пиджака, ни бабочки. И голова была чёрной. Да и щупалец я не заметила.

– Я тоже, – нехотя согласилась Гвен. – Но это же мелочи! Вдруг он умеет облик менять?

– Гвен, ты хоть видела, что это за форум? «Сказки не на ночь». Я пару раз почитывала там байки о клоунах-убийцах, восставших из могилы и отрастивших рога. Если б этот Кромешник-Дюнэтэни правда объявился в Харлере и похищал детей, о таком трубили бы во всех новостях, и на уроках духоведения не преминули бы рассказать, что в учебники пора вносить изменения. Я скорее поверю, что Повелитель Кошмаров сверхурочно выехал в наш бранный мир, чем в какого-то сетевого монстра.

– И то верно. – Свернув экран графона, разочарованная Гвен кинула его на кровать. – Ладно, идём. Я тебя провожу.

Из комнаты выходили в молчании, перед уходом всё же заглянув на кухню. Сбегать, не попрощавшись с родителями Гвен, было бы совсем уж невежливо. Мне стоило немалых усилий убедить тётю Лэйн, что маме срочно нужна моя помощь в одном деле, так что одну чашку её восхитительного мятного чая с персиковым пирогом я всё-таки выпью, но потом – сразу домой; дядя Ахайр пробовал поддержать любимую супругу и задержать меня на ужин, но не слишком рьяно: первый день рабочей недели явно выдался для отца Гвен не самым простым, и даже любимый пирог он жевал с усталым видом.

– Спасибо за угощение, – расправившись с десертом, сказала я на прощание, тоскливо думая, что в следующий раз приду в этот дом и посижу на этой кухне не скоро. – За ваши кулинарные способности, тётя Лэйн, многие шеф-повара душу бы фоморам продали.

– Льстите вы мне безбожно, мисс Форбиден, но я не против, – улыбнулась мама Гвен. – Ждём тебя завтра. Ахайр заказал мне

клубничный торт, думаю, ты от него тоже не откажешься.

Я только кивнула, прежде чем отвернуться: слишком совестно было глядеть в их длинные добродушные лица.

– Завтра же как обычно? – открывая передо мной входную дверь, спросила Гвен.

– Да. В полдень у моего дома.

Каждая новая ложь давалась всё тяжелее.

– Тогда до завтра.

Меня сердечно обняли за плечи – вынудив сглотнуть ком в горле, прежде чем обнять подругу в ответ. Тут же, разорвав объятие, шагнуть вперёд, на крыльцо: так торопливо, точно меня могли удержать.

Шагая по дорожке мимо кустов садового жасмина – прочь от домика с камышовой кровлей, словно сошедшего со страниц старинных легенд, прочь от тепла и уюта, на пару часов заставивших забыть и о неведомой опасности, и о безликой тьме, и о том, что ждёт меня завтра, – я ни разу не обернулась. Ни до того, как услышала стук захлопнутой двери, ни после. Как никогда остро понимая, насколько дорога мне и наша дружба с Гвен, и эти сериальные вечера, и трапезы с её родителями, такими гостеприимными к замкнутой человеческой девчонке.

Надеюсь, когда всё это безумие закончится и я вернусь в Мойлейц, я смогу объяснить Гвен своё исчезновение. Надеюсь, она не обидится на меня настолько, чтобы больше мы никогда не собрались за обеденным столом в её доме.

...если я вернусь...

Я вдохнула жаркий золотистый воздух, подкрашенный солнцем, клонившимся к верхушкам невысоких яблонь в садах, – и, оглядевшись по сторонам, перебежала дорогу, спеша к дому.

Когда я толкнула калитку, Эш сидел на веранде, уткнувшись в свой графон. Наверное, читал что-то: типичное агрегатное состояние моего брата.

– Ты собрался? – спросила я, взбегая по деревянным ступенькам. – Как мама?

– Утрамбовал чемодан ещё ночью. – Эш не отрывал взгляда от экрана. Выразительности в его голосе было так мало, что в иных мраморных глыбах отыщется больше, особенно в тех, что побывали в

руках умелого скульптора. – Мама весь день притворяется спящей. Даже не ела.

– Эш, если мама не выходит из комнаты, это ещё не значит, что она притворяется. Она плохо себя чувствует и вполне может на самом деле целый день...

– Я время от времени проверяю её странички в соцсетях. Она была онлайн – даже не раз. И точно спит не целый день.

Я растерянно уставилась на корявые яблони за спиной брата: старые деревья росли на участке, уже когда мы его купили.

– Но зачем...

– Хотел бы я знать. Осмелюсь предположить, что она по каким-то причинам не желает со мной разговаривать.

Я нахмурилась. Взялась за ручку входной двери – но, вспомнив кое-что, обернулась.

– Эш, тебе сегодня ночью кошмары не снились?

Брат резко вскинул голову:

– Чёрный человек без лица?

Мы смотрели друг на друга – и склизкий ком, жабой поселившийся в груди, вновь дал о себе знать.

– Он и Гвен снился. – Я сжала дверную ручку до боли в ногтях. Даже если это действительно проделки Повелителя Дикой Охоты, после случая на дороге считать происходящее простым совпадением я уже не могла. – Что за фоморщина?..

– Не знаю. – Эш вновь опустил взгляд на экран. – Но предполагать, что она не связана с нашим неожиданным бегством, глупо.

Какое-то время я смотрела, как он читает – или пытается читать, чтобы не ввязываться в разговор, который всё равно не мог дать никому из нас ни успокоения, ни желанных ответов. Потом, рывком провернув ручку, вошла в дом.

На то, чтобы скинуть кеды и дойти до маминой комнаты, ушло не больше минуты.

– Я знаю, что ты не спишь, – толкнув дверь, с порога требовательно произнесла я.

Солнечный луч, пробивавшийся в комнату сквозь щель между закрытыми шторами, рассекал полумрак узкой золотой полосой. Мама лежала в кровати, отвернувшись к стене. Рамки с нашими детскими

фото поблёскивали на комод, чистый письменный стол ждал, когда за ним начнут работать; в стеллаже покоились на полках контейнеры с костями, картами и поделочными камнями, готовые к моменту, когда их хозяйка начнёт разгрести маленькую очередь из скопившихся заказов.

Если в моей спальне царил бардак – отражение того, чем стремительно оборачивалась моя жизнь, – здесь всё оставалось в идеальном, заведённом, привычном порядке, зрелище которого сейчас казалось невыносимым.

– Я понятия не имею, что происходит, – приблизившись к кровати, продолжила я, – но ты должна...

Мама повернулась так, словно ждала этого момента весь день.

Когда я увидела её красные, опухшие, безнадежно заплаканные глаза, все невысказанные слова замерли у меня в горле.

– Ты вернулась. – Мама села. Вцепившись в мои руки, вынудила сесть на край кровати; обняла крепко, будто цеплялась за собственную жизнь. – Лайза, я так боялась... так боялась, что ты...

Судорожный вздох, прервавший фразу на середине, не мог быть не чем иным, кроме как всхлипом.

...мне вдруг вспомнилось, как полгода назад у меня воспалилось ухо. Оно разболелось посреди ночи, когда звонить лекарям было уже поздно, а без опасности для жизни ни один не согласился бы принять экстренный вызов. В ухе стреляло так, что я не могла заснуть. Обезболивающее не спешило помогать. Обычно я стоически переношу недомогания, но тут, в конце концов, расплакалась; тогда мама обняла меня – так же, как сейчас – и легонько укачивала, пока я плакала у неё на плече, словно мне снова семь и я реву, рассадив коленку.

Мама всегда защищала меня. Поддерживала. Утешала, когда я плакала. Это я была слабой, а она – тем, кто может оберегать.

Теперь мы поменялись местами, и это выбивало последние опоры из-под моих ног.

– Мам, что... что происходит? Скажи мне, я... просто... чёрный человек...

– Ты видела его? – Она резко отстранилась; на щеках блестят мокрые дорожки, но между припухших век – ни следа слёз. Будто и не было их. – Человека без лица?

...нет, всё-таки сильная здесь совсем не я.

– Сегодня ночью. Во сне. А потом наяву... кажется. И Эш тоже, и Гвен...

– Гвен? – Серые глаза напротив моих расширились, явив полопавшиеся сосуды во всей красе. – Она-то тут при чём?

– А при чём тут *мы*? – я почти кричала. – Mam, этот монстр... я чуть под мобиль из-за него не попала! Он охотится за нами? Что он такое?

– Мобиль, значит. – Я ожидала в ответ чего угодно, но только не странного, пугающего удовлетворения, проявившегося в её лице. – Понятно. А спас тебя сид?

Ошеломление сбило даже тот рваный пьяный ритм, которым обернулись моё сердцебиение и дыхание после всего, прозвучавшего прежде.

– Откуда ты...

– Я хотела бы сказать тебе, Лайз. – Мама вытерла щёки тыльной стороной ладони. – Всё рассказать, с начала и до конца. И рассказала бы, если б только могла... но это знание опасно. Оно убивает того, кто его носит. – Меня взяли за плечи, глядя мне в глаза так пристально и мягко, словно надеялись этим взглядом вложить мне в голову то, что невозможно было передать словами. – Вы не должны знать того, что знаю я. Не должны знать ничего об этой твари. Иначе с вами случится то же, что сейчас происходит со мной. Понимаешь?

– Так твоё недомогание... из-за этого?

Когда мама кивнула, я накрыла её руки своими. Зажмурилась – всё ещё недоверчиво.

...любая магия основана на преобразовании энергии. Но чтобы что-то преобразовать, вначале нужно это увидеть – и понять. И то, что я пыталась сделать сейчас, очень походило на работу с картами или с костью: нужно просто забыть о том, что находится в твоей руке или сидит рядом с тобой на кровати, увидеть не камень и не человеческое тело, а сгусток энергии, плещущейся в нём. На уроках работы с энергией живых организмов я редко получала что-либо выше восьмёрки, ибо просканировать такую сложную вещь, как живой источник силы (пускай пока мы упражнялись только с мышами), у меня каждый раз выходило с трудом; но сейчас я *обязана* была убедиться.

Наверное, с минуту я лишь хмурилась да досадливо стискивала зубы. Затем руку согрело живое тепло чужой энергии, и перед закрытыми веками вспыхнула долгожданная картинка: золотистые очертания маминого тела.

Любая болезнь видится острым, лихорадочным сиянием – особенно в области того органа, что поражён ею сильнее всего. Любое проклятие похоже на паутину, облепившую человека снаружи: плотная сеть враждебной смертоносной энергии. Но мама... она просто угасала. Блеклое, тускнеющее золото того, кто на ровном месте потерял большую часть своих жизненных сил; уже потерял – и продолжает терять. И не было болезни, которую можно вылечить, или проклятия, которое можно ликвидировать или просто вытянуть прочь.

Что же...

– Вы должны уехать на рассвете. В Фарге вы будете в безопасности, обещаю. – Мамин голос был тихим и деликатным до непривычности. – Собери свой чемодан, Лайз, и мы поужинаем. Все вместе. Поговорим о чём угодно, кроме вашего отъезда, – в долгих проводах лишь больше слёз. Хорошо?

Картинка, сияющая золотом в черноте, пропала одновременно с тем, как мои руки безвольно опустились. Не плакать, только не плакать... Ты должна быть сильной, Лайза. Такой же сильной, как она.

Мама должна знать, что ты тоже можешь быть тем, кто оберегает: и Эша, и саму себя.

– Хорошо.

Отстраняясь, я не стала спрашивать, действительно ли мне почудилось невысказанное «*в последний раз*». Слишком боялась услышать ответ. И, покинув комнату, лишь на пару минут прислонилась спиной к прохладному дубу закрытой двери, кусая костяшку большого пальца, будто это могло умерить жжение в глазах и предательскую дрожь, которой отзывались на моё отчаяние судорожно сжатые губы.

Как ни странно, действительно умерило.

...тогда, конечно, я ещё не в полной мере поняла то, что отчётливо осознала много позже. Вернее, в тот момент я категорически отказалась это признавать, цепляясь за такую глупую, такую детскую надежду на то, что всё каким-то волшебным образом будет хорошо. Но в действительности именно в ту минуту я впервые осознала: никакого

маминого звонка на графон, который на полдороге в Фарге велит нам разворачиваться и ехать домой, не будет.

Как и каких-либо её звонков – когда-либо впредь.

* * *

К моменту, как я закрыла крышку чемодана и застегнула её на кодовый замок, за окном густели летние сумерки. Да, порядком я провозилась... Сами вещи собрались быстро. Куда больше времени потребовалось, чтобы приступить к сборам, предварительно загнав дурные мысли, упорно лезшие в голову, в самый пыльный чулан собственного сознания.

Когда я вышла в коридор, под белёным потолком и деревянными арками носился запах чего-то вкусного, пряного, с оттенком розмарина, поманившего меня на кухню.

Мама всегда готовила так, что мне казалось, будто она танцует. Вот и сейчас: шаг до шкафчика со специями, привстать на цыпочки, опуститься, вернуться назад. Изящно приподнять руки, крутя мельничку с приправами. Поклон – вернуть противень с мясом в духовку. Выпрямиться. И всё под тихую, едва различимую песню, которую она мурлыкала себе под нос.

Песня, которой в детстве, где не было ни загадочных угроз, ни чёрных тварей, меня усыпляли не раз.

– *Нет, не зови, не зови за собой...*

Странно. Кровь сидов текла во мне, но изысканность каждого, самого обыденного движения, присущая обитателям Эмайна, скорее досталась маме. Впрочем, неудивительно: в роду Форбиден когда-то уже затесались сиды, и наш легендарный прадед, жизнь которого теперь служила основой для сериалов, щеголял серебристой шевелюрой дин ши.

Понимаю, почему отец увлёкся подобной красотой.

– Закончила? – Заметив меня, мама осеклась; она причесалась и оделась, сменив ночную рубашку на вельветовые штаны и лёгкую кофту, и сейчас выглядела лишь немного бледной. Это ободряло. – Отнеси чемодан в мобиль, – распорядилась она, помешивая что-то,

кипевшее в кастрюльке на плите. – Эш со своим уже разобрался. Заодно укроп нарви для картошки... если не трудно.

Я послушно побрела обратно в комнату. Подхватила чемодан за выдвижную ручку, и колёсики бодро застучали по полу, пересчитывая стыки между досками винтажного паркета; сняв ключи от мобиля с крючка рядом со входом, покатила собранные вещи в гараж. Щелчок выключателя – и свет заблестел на металлических стеллажах, заставленных коробками со всякой всячиной, и глянцевом капоте нашего скромного семейного хетчбэка «Peugeot», которого мы ласково прозвали «Французиком»: кузов весёленького джинсового цвета, пять мест, просторный багажник и солнечная батарея во всю крышу. Провод зарядника торчал в гнезде над передним колесом, мигавшим зелёным световым индикатором. Наверняка Эш позаботился... Умница. Хотя мы и поедем при свете дня, когда достаточно солнечной батареи, о зарядке лучше подумать заранее.

Прикосновением к дверной ручке я отключила сигнализацию, нежно тренькнувшую в ответ. Подвезя чемодан к багажнику, уложила его рядом с Эшевым; хлопнув крышкой, отряхнула руки и переключила рычажок подле ворот. Жестяная створка медленно поползла вверх: в дом возвращаться было лень, и я решила выйти в сад через гараж.

Ещё до того, как ворота открылись полностью, я пригнулась и, проскользнув под ними, оказалась на улице.

Сиреневые сумерки ласкали кожу бархатом тёплого ветра. Небо казалось вышитым россыпью белого бисера, до того ярко мерцали звёзды на глубокой густой синеве. Пахло остывающим асфальтом и душистым табаком; я вдохнула, успокаиваясь, впитывая ароматы летнего вечера – самого обычного... хотя нет, чуточку красивее и прозрачнее обычного. По тропинке, освещённой низкими фонариками на солнечных батарейках, зарядившихся за день, направилась к грядкам с зеленью.

Приблизившись к раскидистой яблоне с недозрелыми плодами, я с удивлением различила у калитки в наш сад три подозрительно знакомые фигуры. Огни уличных фонарей странным образом высветлили шевелюры Гвен и её матери, зато тёмные кудри дяди Ахайра казались ещё темнее.

– Гвен? Тётя Лэйн? – озадаченная, сквозь заросли крыжовника я выбралась на дорожку, ведущую от веранды к калитке. – Что вы...

Они не двинулись с места, и это – тогда я ещё не поняла почему – заставило меня осечься. Все трое стояли, не шевелясь, глядя на освещённые окна нашего дома, и меня как будто не замечали.

Поколебавшись, я приблизилась к калитке, щурясь, всматриваясь в их лица.

Сама не знаю, почему страх пришёл безнадёжно поздно.

...сначала я почувствовала. Тот же омерзительный холод на коже, тот же липкий ужас, сковывающий по рукам и ногам.

Потом – увидела.

Глаза. Ни белков, ни радужек: сплошная чернота. Будто меж ресниц у них колебался тёмный туман.

Я знала эту черноту. И попятилась в тот же миг, как Гвен – вернее, то, что управляло ею, – сунула узкую ладонь в щель между досками калитки: та запиралась на щеколду, и, к сожалению, моя подруга прекрасно знала, как открыть её снаружи.

Рывком отвернувшись, я побежала, чтобы преодолеть расстояние до веранды и все пять её ступеней в несколько бешеных прыжков.

– Мама! – заорала я, оказавшись под родной крышей, судорожно запирая изнутри замки на входной двери. Ещё бы руки так предательски не дрожали!.. – Там... там... Гвен...

Аппетитный уютный запах домашней стряпни теперь казался почти насмешкой.

Мама вышла в коридор одновременно с тем, как я повернула последнюю задвижку. Одновременно с тем, как дверь сотряс удар, от которого по толстому дереву пробежала трещина.

Маской спокойной сосредоточенности, застывшей на её лице, моя мать впервые за жизнь напомнила мне Эша.

– Бери брата. Бегите в гараж. – В левой руке она держала боевую колоду карт: похоже, не только ждала нападения, но и успела неплохо к нему подготовиться. – Уезжайте. Я их задержу.

– Мы никуда без тебя не поедem, – отрезал Эш, выбежавший из спальни на мой крик.

– Поедете. – Мама оттащила меня от двери, чтобы одним решительным движением задвинуть себе за спину. – Мне всё равно не жить.

Я не успела вдуматься в смысл этих слов: второй удар по двери вывернул её вместе с косяком.

Гвен шла первой. На бесстрастном лице – ни страшной гримасы, ни искажённых злобой черт; закрыла она глаза, в которых плескалась тьма, и я не признала бы, что передо мной – не моя подруга. Её родители наступали следом, медленно, но неотвратно. Копыта цокали по паркету, отзывавшемуся болезненным скрипом, с жуткой синхронностью, в ровном ритме секундной стрелки.

– *Ридер кхорн*, – выплюнула мама.

Одна карта, вырвавшись из колоды, прыгнула ей в правую ладонь. Зажав картонный прямоугольник двумя пальцами, мама дроотиком метнула его в незваных гостей. Карта полыхнула фиолетовым сиянием, исчезла – и Гвен упёрлась в мерцающую прозрачную стену, возникшую посреди коридора.

– Лайза, я приказываю тебе: бери брата и беги!

Не-Гвен стояла в узком проходе, с двух сторон огороженном деревянными арками, меж стен, где по кремовым обоям вились коричневые розы. Гладкий смуглый лоб упирался в барьер, зыбким маревом висевший в воздухе, пока её родители держались позади жуткой свитой; чёрные глаза всех троих, не мигая, смотрели вперёд.

Когда они исчезли, чтобы возникнуть вновь прямо передо мной – совсем как тварь, от которой я безуспешно убегала в кошмаре, – мама едва успела призвать из колоды следующую карту. Сработавшее заклятие окатило пришельцев волной красного сияния, отшвырнув назад. Гвен следом за родителями рухнула на пол как подкошенная – и тут же села на колени, пытаясь подняться. Глядя, как лицо подруги заливают кровь, хлынувшая из носа, я понимала: пускай силы твари каким-то образом помогают глейстигам преодолеть чары, которые должны были уже отправить их в нокаут, это даётся им дорогой ценой.

– Лайза, беги, кому говорю!

– Мы тебя не бросим, – сказала я единственное, что в тот момент сумела сказать.

– *Лайза!*..

– Лайза, беги, – прошелестело за спиной. – Это не твоя битва.

Голос с нотками стали в шёлковой глубине показался знакомым – и вынудил меня оглянуться.

Глаза цвета сирени были последним, что я ожидала увидеть под крышей нашего дома. Тем более сейчас.

– Бегите, леди Форбиден. – Знакомый сид шагнул вперёд, к маме, оставляя меня смотреть на серебряные волосы, сзади ниспадавшие почти до пояса. – Вместе с детьми. Я позабочусь о ваших гостях.

Глейстиги встали, недвижными глазами изучая пришельца с Эмайна: лица всех троих по-прежнему ничего не выражали, но мне показалось, что при появлении сида чёрная тварь пришла в замешательство.

– Лучше детей увези. Сами они не уйдут. – Мама выхватила из колоды ещё одну карту. – Я всё равно труп, ты знаешь это лучше меня.

– Леди Форбиден...

– Лайза. Эш. Забери их!

...в следующий миг сид снова был рядом. Одной рукой обхватил меня за плечи, другой схватил за руку брата – и поволок нас к двери в гараж.

– Стой! – Я брыкалась, но тщетно: хватка фейри была цепкой, как паутина. – Я никуда не поеду, я...

– Делай, как он говорит, Лайза. – Мама провожала нас взглядом: сизый металл, которого я никогда не видела в её глазах прежде, резал по сердцу отрешённым, обречённым покоем того, кто в мыслях давно простился не только с детьми, но и с жизнью. – Доверься ему. Он будет защищать вас теперь, когда я не могу.

Последнее, что я видела, прежде чем нас утащили за дверь, тут же захлопнувшуюся, – как вслед нам кидают карту, искрящуюся зелёным пламенем, и из-под косяка пробивается изумрудное сияние, заставляя стены дома содрогнуться. Нерушимая Печать... Отныне никто не войдёт в дом, запечатанный маминым заклятием, и не выйдет из него.

Лишь металлического гаража, пристроенного к старой кирпичной кладке, это не касалось.

– Тише. – Сид легко разжал мой кулак – я всё ещё сжимала в нём ключ от мобиля. Распахнул настежь пассажирскую дверцу. Вот я молодец, даже закрыть Французика забыла... – Эш, сможешь увезти сестру подальше отсюда?

Тот молча кивнул, безропотно наблюдая, как сид усаживает меня на сиденье. Я тряслась мелкой дрожью, но не сопротивлялась: уже нет. Понимала, что всё равно бесполезно.

Теперь мы маме не поможем. Никак. Сколько бы ни пытались прорваться обратно в дом, туда, где она сражалась с неведомой тварью. Эта Печать не зря звалась Нерушимой.

Если только...

– Ты же сид. Вам многие людские чары нипочём, – скороговоркой произнёс Эш, озвучивая мои мысли. – Тебе под силу вернуться в дом? Спасти маму?

– Этим и собираюсь заняться, как только уверюсь, что вы в безопасности. – Фейри кинул брату ключ, который чуть раньше выцарапал из моих ослабевших пальцев. – Вперёд. И не останавливайтесь.

Эш без слов рванул к водительской двери.

...тихо, Лайза, тихо. Из сида, тем более дин ши, боец выйдет получше твоего. А вы с братом всё равно лишь мешались бы под ногами да играли роль мишеней, что требуется защищать.

Ещё бы самой поверить в доводы, казавшиеся такими убедительными...

Магнитола завелась сама собой одновременно с мобилем, огласив салон издевательски уместной *Carnival of Rust*. Когда мы выехали из гаража – задним ходом, прямо к деревянным воротам в сад, не тратя времени на то, чтобы открыть их, – мои застывшие глаза потерянно глядели перед собой, пока солист *Poets of the Fall* спрашивал из колонок, молюсь ли я в час нужды. Сид пару секунд ещё наблюдал за нами: лунные одежды обитателя Дивной Страны дико смотрелись среди алюминиевых стеллажей и тонких стен, обшитых сайдингом. Затем снова исчез, растворившись в полутьме.

Снеся ворота, Эш круто вывернул руль, разворачивая мобиль, и Французик повёз нас прочь из города по пустынной дороге.

Я уставилась в зеркальце заднего вида на улицу, залитую призрачным светом фонарей, и дом, остающийся позади. Слова песни казались глухими, словно уши накрыли подушкой, яркая подсветка сенсорной панели рядом с рулём расплывалась в горячем мареве, заволочившем глаза. Странно – слёзы, которых я даже не чувствую, а кроме них – ничего. Ни боли, ни страха. Будто все чувства враз замёрзли, если такое вообще реально.

...реально. Да. Вот почему я не испытываю ни боли, ни страха: потому что со вчерашнего вечера мною владело изнуряющее,

навязчивое ощущение нереальности. Сна, от которого не можешь проснуться.

Лишь бы в какой-то момент открыть глаза – и обнаружить, что ничего этого не происходит, не происходило, не произойдёт никогда...

Когда сам дом уже скрылся из виду, я всё-таки оглянулась.

Миг спустя где-то над нашим садом беззвучно взметнулось огромное облако дыма и синего огня.

Когда-то

– Смотри не засиживайся!

Обычная квартирка в многоэтажном доме. Певунья, несколькими часами ранее расставшаяся с сидом по имени Коул, идёт по коридору с рыжими стенами, пока в спину ей летит строго-заботливый крик.

– Конечно, мам. – Девушка дёргает ручку двери в свою спальню.

– Знаю я тебя, опять до пяти утра будешь...

Она закрывает дверь с окошком из матового стекла, и та заглушает любые звуки снаружи. Щёлкает выключателем, и лампа высвечивает белые стены, которые мгновенно покрывают завитушки плюща, зеленеющего на салатовом фоне, – и не скажешь, что лишь иллюзия настоящих обоев. Голограмма хитро ложится под плакаты, с которых на хозяйку комнаты смотрят Дэвид Боуи, Фредди Меркьюри и группа Scorpions в полном составе; на пластиковом столе в художественном беспорядке разбросаны учебники, карты Таро и зернистые кристаллы необработанных аметистов.

Подняв декоративные подушки, раскиданные по мшистому ковру, девушка кидает их на кровать. Подходит к окну – огромному, во всю стену: отражения небоскрёбов разноцветными звёздами бьются в каплях дождя на стекле. За ним мерцает огнями города фиолетовая ночь, и далеко внизу поток мобилей сверкающей рекой течёт по умытой ливнем дороге.

– Интересный у вас мир, Вэрани...

Когда она рывком оборачивается, Коул сидит на кровати поверх покрывала, поджав под себя босые ноги.

Сид улыбается – той же улыбкой, от которой делается одновременно тепло и холодно.

– Как ты... – растерянность и возмущение заставляют девушку почти задыхаться, – здесь...

– Пришёл следом за вами. Нам нетрудно оставаться невидимыми и неслышными для смертных. – Сид опускает на ковёр ступни, белые и чистые, словно выточенные из фарфора, и выпрямляется натянутой струной. – Прежде чем вы позовёте на помощь родных, молю выслушать меня. Хочу предложить вам сделку.

Хозяйка комнаты отступает к двери – не напуганная, но даже у каменных статуй в лицах зачастую больше эмоций:

– Никаких сделок. Только не с тобой.

– Вы всё же боитесь меня? – печальные слова не вяжутся со смехом, пляшущим в его глазах. – Отчего? Я не сделал вам ничего дурного.

– Весь кредит доверия, что когда-то был у моего народа к вашему, вы исчерпали давным-давно. А теперь – вон, пока я не закричала.

– Я знаю, Вэрани, что вы думаете о Дивном Народе. Я немало прочёл ваших сказок и песен. Но большую часть тех историй о нас, что вам известны, писали люди, и вы никогда не будете знать, сколько правды в том, что они поведали.

– Да ну? – Её голос почти бесстрастен, зато взгляд отвечает сиду насмешкой. – Хочешь сказать, вы не обманывали людей? Не карали мой народ за то, что вам казалось неучтивым? Не крали чужих невест, не заключали сделки, в результате которых в выигрыше всегда остаётесь только вы? Вроде той юной леди, умершей раньше срока, которую вы вернули к жизни, забыв уточнить, что до конца этой жизни она будет коротать ночи в Дивной Стране и украшать собой ваши балы? Или другой леди, что вашими стараниями вернулась с того света, только чтобы кончить свои дни в сумасшедшем доме?

– Сделки всегда заключают две стороны. Люди идут к нам за тем, что не могут получить больше нигде. Мы выполняем то, чего от нас просят, и берём плату, обещанную нам. Вина людей в том, что они доверчивы... и скупы. Они желают несбыточного, но забывают, что плата за чудо будет равноценна этому чуду, и слышат в наших словах то, что в глупости и жадности своей хотят услышать. А после, понимая, что в действительности они приобрели и какой ценой, возмущаются, что с них по справедливости взяли за то, чего не купишь ни за какие деньги. – Его речь успокаивает, баюкает и влечёт; так

звучали бы лесная прохлада, вересковая сладость и солнечный мёд, если б они только могли звучать. – Мы не просто так берём с вас плату, Вэрани. И мы не боги, хотя вам хочется в это верить. Лишь жизнью можно купить жизнь. Лишь боги могут воскрешать без последствий. Впрочем, в последнем я и то не уверен... Жизнь и смерть переплетены друг с другом так тесно, что едва ли кто-то может заменить нитку в их полотне, не распустив его целиком. Всё в этом мире находится в слишком хрупком равновесии, чтобы чудеса, рушащие его баланс, можно было творить безвозмездно.

– Но вы не предупреждаете, что продаёте бракованный товар, и морочите людям головы. А одна из вас вообще превратила сэра Гавейна в карлика просто за то, что тот не заметил и не поприветствовал её, проезжая мимо.

– Он ехал по её лесу. Вторгнувшись в чужой дом без приглашения, вы ведь не думаете, что можете просто пройти по нему и выйти, избегнув встречи с его хозяйкой? И если хозяйка увидит вас, не будете удивлены, что на вас рассердились?

В воцарившемся молчании её взгляд перебегает с лица сида на его опущенные руки, словно она надеется, что его ладони скрывают ответ, который она не может найти.

– Вэрани, я не спорю, что иные мои сородичи пользуются вашей нуждой и вашей доверчивостью. Иные из нас берут без разрешения то, что им не принадлежит, иные коварны и злы... как и люди. Но судить весь народ по отдельным его представителям – не думаете, что это тупиковый путь? – Он не дожидается, пока она подыщет нужные слова; в его собственных слышится мягкость шёлка – или паутины, из которой кажутся сотканными его одежды. – Мы – не люди. Мы иные, и у нас свои законы, которые вам видятся непостижимыми. Но постичь их не так сложно, если вы готовы смотреть, слушать и принимать услышанное. Вы потратили века и бесчисленное множество сил, чтобы узнать, как устроен ваш мир, и вывести закономерности, по которым живёт природа. Вы не гневаетесь на неё за то, что в реке, дарующей вам живительную влагу, можно утонуть, а огню, хранящему вас от холода, под силу спалить ваш дом дотла. Мы к природе куда ближе вашего. Мы сами во многом – стихия. Иные из нас гневливы и вспыльчивы, как пламя, иные грозны, как шторм; но есть и те, кто ласков, как тихий летний дождь, кто мудр, как вековые леса, кто добр и

светел, как весеннее солнце, выглядывающее из-за горизонта на рассвете. Кто-то найдёт людские страдания смешными и сделает всё, чтобы они приумножились, а кто-то поможет тому, кому нужна помощь, и оплатит за маленькое благо благом, стократ большим. Я могу припомнить немало историй о жестоких и лживых представителях рода людского... и тем не менее, глядя на вас, я не сомневаюсь, что вы честны и добры. И не причините зла ни мне, ни тому, кто слабее вас.

Она по-прежнему молчит. Только пальцы, до его речей тянувшиеся к дверной ручке, чуть опускаются.

– Я мог бы сказать, что взамен на мою просьбу исполню ваше сокровенное желание, или посулить вам силу, которой будут страшиться многие, но едва ли вы мне поверите. И едва ли вам это нужно. – Сид достаёт из котомки, перекинутой через плечо, замшевый кошель. – Потому я предлагаю это, а взамен прошу лишь одного: гостеприимства.

Он кидает девушке мешочек, звякающий, словно внутри стеклянные шарики. Та машинально ловит подношение; не опуская взгляда, не намереваясь ни на секунду выпускать незваного гостя из поля зрения, на ощупь развязывает витые шнурки, стягивающие горловину.

Затем всё же отводит глаза, глядя на то, что её пальцы достают из замшевого плена.

Крупный рубин восхитительной огранки искрится в электрическом свете – и, щурясь, девушка вертит его в руке, пока на коже её вспыхивает магическая печать.

– Настоящий, – недоверчиво произносит она спустя пару секунд. – И чистый... без посторонней магии, во всяком случае.

– Конечно, настоящий. Мужчины рода Дри не обманывают. Не лгут. Не причиняют вреда беззащитным.

– Считаешь меня беззащитной? – Она усмехается, пока сияющие линии на её руке медленно гаснут. – Не суди по внешности.

– Самое прекрасное – всегда самое беззащитное. Розы отрастили шипы, но это не спасёт от тех, кто захочет срезать их, запасшись острыми ножницами. – Коул кивает в сторону стола, где аметисты перемигиваются с люстрой сиреневыми отблесками. – Полагаю,

камням такой чистоты вы найдёте даже более полезное применение, чем безыскусная продажа.

Девушка косится на него из-под каштановой чёлки. Наклоняет ладонь, и рубин скатывается по её пальцам обратно в мешочек – к другим камням, которых в нём, судя по звуку, не один и не два.

– И что же ты хочешь от меня за эти сокровища, Коул из рода Дри?

– Вы первая, кого я встретил в Харлере. Вы вызвали у меня... доверие. По многим причинам. А мне нужен проводник. Тот, кто ознакомит меня с вашим диковинным миром. Будьте рядом во время моих прогулок по городу, пока я не вернусь домой... не волнуйтесь, я едва ли задержусь здесь дольше чем на десяток дней. Рассказывайте о том, чего я не знаю сам. Показывайте те места, что вы сами считаете удивительными. Обеспечьте пищей и питьём. Вот всё, чего я прошу.

– Всё? – Она хмурится, и густые чёрные брови галочкой съезжаются на переносице. – Где ты будешь жить?

– Точно не в... как это у вас называется... отелях? Да, кажется, так. – Сид улыбается, распознав её капитуляцию ещё прежде, чем она признаётся в этом себе. – Не беспокойтесь, Вэрани. Таким, как мы, нетрудно найти пристанище от непогоды. – Он подходит ближе, неся с собой запах дождя, листвы и горного ветра; при каждом шаге ковер приминается так, словно под босой ногой мох, но стоит гостю из Дивной Страны сделать следующий, как иллюзия развеивается. – Каждый день я буду ждать вас на том месте, где мы встретились впервые. Каждый день я хотел бы видеть по одному чуду людского мира, что не найдёшь на Эмайне. Условие, впрочем, необязательно к выполнению, а камни в любом случае уже ваши. Хотя бы в качестве платы за моё бесцеремонное вторжение в ваш дом. Но если вы всё же смилостивитесь над бедным странником и готовы пожертвовать ему несколько дней вашей жизни...

Девушка смотрит на протянутую ей узкую ладонь.

После долгих, очень долгих раздумий вкладывает в его руку свою.

– Вэрани, – произносит она, отдёргнув пальцы, едва ощутив скрепившее сделку рукопожатие. – Это по-вашему значит «певчая птичка», кажется?

– Верно.

– Не пробовал спросить моё имя вместо того, чтобы придумывать мне клички?

– Имя – не главное. Главное – суть. Думаю, я постиг вашу.

Рассеянным, неосознанным жестом она поднимает руку, чтобы коснуться своей правой ключицы; вернее, места чуть ниже ключицы, скрытого плотной тканью футболки.

– Суть мою он постиг, – бурчит девушка миг спустя, отворачиваясь. – И почему я на это подписалась, ума не приложу...

Коул не отвечает, и, когда молчание затягивается, это вынуждает её обернуться.

Сида уже нет. Лишь призрачный мох да ароматы леса и волшебства тают там, где он только что был, возвращая комнате ту обыденность, которой неизбежно пропитывалось всё в мегаполисе, где гостям из Дивной Страны не место.

Девушка хмыкает – не слишком удивлённо. Смотрит на замшу в своей руке.

– А с чего я вообще должна завтра куда-то идти? – говорит она рассеянно. – Он же сам сказал, что камни и так мои. А рукопожатие – это тебе не магический контракт, фактически я ему ничем не обязана...

Некоторое время она ждёт ответа от пустоты. Потом, убедившись, что сид действительно исчез – или просто не собирается продолжать разговор, – прячет кошель в нижний ящик стола, тщательно заваливая его тюбиками с косметикой под разноцветным взглядом Зигги Стардаста, который следит за ней со стены.

Опускается на кровать в раздумьях – уже не показных.

* * *

Следующим утром солнце роняет тонкие косые лучи на лютики, чернику и тропинку под буками, по которой снова идёт девушка, быстрыми целенаправленными шагами меряя землю, высохшую за ночь от летней жары.

На сей раз девушка не поёт, и светловолосая тень не выскальзывает из-за дерева ей навстречу. Сид просто возникает под одним из буков, когда певунья подходит достаточно близко: будто

рисунок, проявляющийся на стыке лесной полутьмы и света, просеянного сквозь листву, стоит взглянуть на него под нужным углом.

– Вы всё-таки пришли.

Коул сидит на траве, прислонясь спиной к стволу, не шуря глаза на солнце, льющее бледное золото на его радужки.

– Как ты совершенно справедливо заметил, я честна и добра. А даже если б не была, после такой бессовестной лести любой захотел бы соответствовать ожиданиям. – Скинув с плеча рюкзак, она достаёт оттуда шуршащий картонный пакет. – Ты просил пищу и питьё. Понятия не имею, что вы едите, но я захватила бутерброды и сок. Захочешь пообедать, купим что-нибудь в городе на твой вкус. Я продала один камень, так что денег на карте у меня теперь хватит, чтобы накормить маленькую армию.

– То, что я ем обычно, я могу отведать и дома. – Он принимает пакет с видом, словно ему поднесли драгоценный кубок. – Благодарю.

Девушка тоже садится на траву – чуть поодаль, на небольшом, но безопасном расстоянии, скрестив ноги в джинсах. Смотрит, как сид ест ломтики магазинного хлеба для сэндвичей с арахисовой пастой, запивая их яблочным соком из стеклянной бутылки: даже это затрапезное зрелище в его исполнении выглядит так, будто он вкушает неземные яства, сидя на заповедной поляне волшебного леса, где каждую ночь колокольчиком звенит смех танцующих фей.

Впрочем, этот лес с его появлением точно стал капельку более волшебным.

– Кино или океанариум? – спрашивает она, когда пакет и бутылка возвращаются в рюкзак опустевшими.

– Мне неведомо и то, и другое. – Сид отряхивает тонкопалые руки от крошек. – На ваш выбор.

– Значит, кино. – Девушка поднимается с земли расправленной пружиной за миг до того, как он делает то же – куда более плавно, куда менее нервно. – Надеюсь, если диснеевские мультфильмы понятны детям, тебе тоже подойдут. Идём.

На сей раз они покидают лес рука об руку. И только старые буки, не раз видевшие начало подобных сказок, шепчут им вслед, напоминая, что и у самых красивых сказок может быть печальный конец, – лишь затем, чтобы их в который раз никто не услышал.

Нынешнее время

Эш остановился в городке под названием Мулен, на одной из центральных улиц, рядом со светлым кирпичным зданием, украшенным неоновой вывеской «Отель “Мельница”».

Скользнув пальцами по сенсорной панели управления, брат выключил мобиль. Магнитола, за время пути успевшая воспроизвести с флешки почти полную дискографию Поэтов и переключившаяся на Imagine Dragons, наконец умолкла. Я следила за рукой Эша: прежде чем погаснуть, цифровые часы успели показать половину четвёртого ночи.

Стало быть, мы ехали больше пяти часов. И всё это время молчали.

– Вылезай, – сухо бросил Эш, прежде чем привычно перелезть на заднее сиденье, чтобы я могла выйти через водительскую дверь. Я повиновалась с покорностью сомнамбулы: в сердце и мыслях царила звенящая пустота.

Не думать. Ни о чём. Или о чём угодно, но не о сгоревшем доме. Не о том, как я орала *«разворачивайся!»*, перекрикивая музыку, а Эш только жал на педаль акселератора, глядя перед собой застывшими глазами, похожими на синие стекляшки, и увозил нас прочь от родного сада, полыхающего сапфировым...

...нет, вот об этом точно не нужно думать.

Чемоданы из багажника вытаскивали всё в том же молчании. Воздух был тёмным, тёплым и густым, улицы – пустыми: только фонари тарацились оранжевыми глазами на невысокие каменные дома. В этом маленьком провинциальном городке с тихим зелёным центром легко было представить, будто мы и не уезжали никуда; напротив отеля как раз шелестел парк, зазывая кованой аркой входа, очень похожей на ту, что украшала центральный парк Мойлейца. Эш щёлкнул кнопкой на брелке, активируя сигнализацию, Французик отозвался умиротворённой трелью – и, громыхая колёсиками по асфальту, мы повезли багаж ко входу в гостиницу.

Судя по готической резьбе на стенах холла, обшитых деревянными панелями, отель то ли строили пару веков назад, то ли старательно стилизовали под таковой. За стойкой регистрации сидела девушка с модным омбре на коротких чёрных волосах. Когда мы

вошли, она, зевая, обрабатывала ногти стеклянной пилкой, но, услышав звук дверного колокольчика, подняла взгляд и тут же расплылась в улыбке:

– Добрый вечер. Что...

– Комнату. – Эш выложил на дубовую столешницу мою банковскую карту и пластиковые прямоугольники наших паспортов. – На двоих. На ночь. Уедем завтра утром.

Не знаю, что вызвало у администратора большую оторопь – то, что из нас двоих с ней заговорил двенадцатилетний мальчик, или то, что таких суровых двенадцатилетних мальчиков она в жизни ещё не встречала, – но улыбка её заметно поблекла к моменту, как девушка взяла мой паспорт, длинными ногтями царапнув тёмное дерево.

– Завтра днём, вернее, – поправила я. – Во сколько у вас выезд постояльцев?

– В десять утра.

– Тогда оплачиваем ещё и завтрашний день. – В ответ на вопросительный взгляд брата я тихо пояснила: – Надо кое-что сделать, до десяти утра вряд ли управлюсь.

Графоном считав с карточек-паспортов информацию о нас обоих, девушка вставила кредитку в прорезь серебристой коробочки кассового аппарата. Подвинула её в нашу сторону, ожидая, пока владелец карты предъявит отпечаток пальца; я послушно коснулась сенсорного дисплея, аппарат замигал зелёным огоньком, и буквы на экране уведомили, что операция успешно завершена.

– Номер тридцать семь, третий этаж. – Кредитку и паспорта Эшу вернули уже вместе с магнитной картой от комнаты. – Все номера оборудованы системой «умный дом». Приятного пребывания в «Мельнице».

Сунув карты в рюкзак, Эш молча подхватил чемодан и покатил его к лифту. Администратор к отсутствию ответных любезностей отнеслась с вышколенной вежливостью и, продолжая дежурно улыбаться, вернулась к маникюру.

– Спасибо, – всё же сказала я, прежде чем нагнать брата.

Лифт, прятавший за винтажными деревянными створками обычную современную кабину, только успел разогнаться, как уже пришлось тормозить. Двери открылись с мелодичным звоном, и взгляду предстал широкий коридор со светлыми стенами,

освещёнными вычурными настенными лампами. Неслышно прокатив чемоданы по красной ковровой дорожке, мы встали перед дверью с медной, позеленевшей от времени ручкой и серебряными цифрами «37»; магнитный замок по соседству с этим смотрелся немного странно. Эш сунул карту от комнаты в щель, замок тихо пискнул – и ручка, щёлкнув, провернулась сама собой.

Внутри ждали всё те же деревянные панели, две узкие кровати в алькове, украшенные резьбой по сосновым изголовьям, люстра с лампочками в виде свечей и пушистая серая шкура с волчьей пастью, скалящейся на паркете. Полное погружение в эпоху Тюдоров.

– Так что тебе нужно сделать завтра? – спросил Эш, задвинув чемодан под одну из кроватей.

– Прикупить кое-что. – Я опустилась на другую, расшнуровала кеды и легла, не раздеваясь, глядя в потолок. – Для самозащиты.

Я услышала, как скрипнули пружины, когда Эш сел на постели – а может, тоже лёг.

– Лайз, нам нужно снять деньги с твоей карты, – голос брата был спокоен, как гладь колодца. – Нас будут искать. Поскольку мы не знаем, как объяснить то, что произошло с нашим домом, лучше, чтобы нас не могли найти. И отсюда уехать, как только сможем. Ещё надо поменять графоны и номера на Французике: я отключил в нём доступ к Сети, теперь нас могут выследить только по номерам. Сможешь?

– Я... не знаю. Попробую. – Я чувствовала, как по телу свинцовой тяжестью разливается усталость, прежде вытесненная отчаянной пустотой. – Может, нам всё-таки обратиться в стражу, вместо того чтобы прятаться от неё?

– Лайз, мама сказала, мы должны держать всё в тайне. Не посвящать посторонних.

– Даже если случится *такое*?

– Ты знаешь нашу маму. При всей её гордости она не геройствует понапрасну. И тем более никогда не подвергла бы опасности нас. Будь у неё хоть одна возможность обратиться за помощью, она бы ею воспользовалась. Если не воспользовалась, значит, на то есть слишком весомые причины, чтобы мы могли ими пренебрегать.

...это знание убивает того, кто его носит...

Верно. Мама угасала, потому что ей была известна правда. Хочу ли я, чтобы стражников, которые будут расследовать это дело, пытаюсь

узнать то же, что знала она, постигла такая же участь? А потом – нас, когда нам всё расскажут?..

Я сжала кулаки. Повернула голову: Эш тоже лежал на кровати, глядя на люстру. В джинсах, футболке и носках – как ехал, так и лёг, только кроссовки снял. Ни он, ни я даже до ванной не удосужились дойти: сил хватило лишь на то, чтобы добраться до поверхности, на которую можно лечь, и сохранять хоть какое-то подобие спокойствия.

– Эш, я понимаю, почему ты не развернулся. Там, у дома. Но мы *должны* были развернуться. Мама... Сид сказал, что поможет ей, она наверняка выбралась наружу и...

– И тогда помимо сиду ей помогли соседи, – бесстрастно ответил Эш. – Да. Наверняка. Потому я и не развернулся. – Брат прикрыл глаза. – Я тоже хочу так думать.

Какое-то время я смотрела на его лицо, казавшееся совсем взрослым.

Протянув руку через узкий проход между кроватями, сжала кончики его пальцев – Эш вздрогнул, не ожидав прикосновения.

– С мамой всё хорошо. Слышишь?

Брат благодарно кивнул:

– Да. Конечно.

Я крепче стиснула его ладонь своей. Держала её, пока дыхание Эша не выровнялось и сон не разгладил его лицо выражением, куда более подобающим ребёнку, пусть даже смертельно уставшему.

Лишь тогда, тихонько выпустив его руку, отвернулась.

– Выключить свет, – велела я негромко, ни к кому не обращаясь. Когда люстра послушно потухла, легла лицом вниз – и, жмуря глаза, которые жгло раскалёнными углями, закусилась зубами подушку, чтобы не разбудить Эша глухими скулящими всхлипами.

Потому что верить в то, что мама каким-то чудом спаслась, было ещё возможно. А вот в то, что аналогичное чудо случилось с Гвен и её семьёй, – почти нет.

* * *

В полдень следующего дня я непринуждённо поздоровалась с администратором и покинула отель, стараясь напустить на себя

беззаботный вид обыкновенной туристки. На миг обернувшись, увидела, что Эш следит за мной из гостиничного окна: мы решили, что лучше мне сходить одной, избегая лишнего внимания. Когда нас начнёт разыскивать стража, обычную девчонку в джинсах и хлопковой рубашке могут и не припомнить (по такому случаю я не надела ни одну из любимых футболок, принты на которых смело можно было считать особой приметой), а вот девчонку с маленьким братом, очень смахивающим на тилвита, запомнят наверняка.

Я махнула Эшу рукой и отвернулась, не дожидаясь ответа – всё равно едва ли дождусь. Достав графон, открыла гугл-карты, выстроившие маршрут до пункта назначения; рука машинально потянулась проверить соцсети, но я вовремя отдернула палец, уже готовый щёлкнуть по иконке Инстаграма. Впрочем, Эш ещё ночью, проснувшись от тревожного сна, вышел из всех мессенджеров и аккаунтов что на своём, что на моём графоне и отрубил нам сотовую связь, оставив только приём Wi-Fi (благо спутники обеспечивали доступ к Сети даже за пределами городов). Отвечать на сообщения, которыми к этой минуте наверняка завалены наши лички, мы не могли, да и звонки от обеспокоенных знакомых и соседей были ни к чему. Удивительно, что нам не названивали по дороге, но, видимо, мама, выбравшись из дома, успокоила окружающих, что мы с братом в безопасном месте. Или в первые часы все попросту были уверены, что младшие Форбидены остались в горящем доме и на звонок в любом случае не ответят.

Я предпочитала верить в первый вариант.

Приложение велело мне перейти дорогу и войти в парк, где царила ленивая умиротворённость погожего летнего дня. По тенистым аллеям, присыпанным гравием, прогуливались мамочки с колясками и, смешно переваливаясь, топали голуби. Под липами пестрели крыши передвижных ларьков со сладостями, подле которых улыбались владельцы-торгаши, предлагая сладкую вату, жареные каштаны и яблоки в карамели. Расплачивались с ними как наличными, так и карточками – что ж, хоть яблоками в карамели в крайнем случае будем питаться... Во многих магазинах наличку уже не принимали, и найти в Мулене тот, где можно расплатиться монетами, оказалось не так легко. Надеюсь только, в крупных городах дела обстоят получше.

Мои размышления прервал бесцеремонный толчок в живот – и врезавшаяся в меня крошечная девочка-глейстиг, не устояв на копытцах, упала спиной назад.

– Ох, прости! – Я кинулась к ней, помогая встать. – Сильно ушиблась?

Ей было лет шесть; она пыталась смягчить падение руками, но лишь ободрала ладошки о гравий. Волосы тёмные, прямые, зеркально-гладкие – больше похожие на лошадиную гриву, чем на человеческую шевелюру. Оленьи ножки оголял короткий сарафан в цветочек, обиженные ореховые глаза до боли напоминали о взгляде Гвен.

– Ничего, заживёт, – буркнула кроха, сжимая кулаки.

Когда она разомкнула пальцы, на каждой расцарапанной ладони горел крохотный золотой огонёк, похожий на светлячка. Озарив ссадины тёплым светом, колдовские искры на глазах заставили те затянуться – и, мигнув, тоже исчезли.

– Такая маленькая, а уже умеешь исцелять? – уважительно произнесла я.

– Я не маленькая! А вы в следующий раз смотрите, куда идёте!

– Прости, прости. Хочешь, яблоко куплю в качестве извинения? Или вату?

– Яблоко, – подумав, смилостивилась девочка.

Стараясь не вспоминать, что мне ни к чему лишние операции с банковским счётом, я подвела малышку к ближайшему ларьку с яблоками и протянула продавцу карточку. Получив сладость, кроха мигом повеселела и ускакала к карусели, кружившей детей на соседней аллее, а я, успокоив совесть, продолжила путь к банкомату. Ладно, в конце концов, покупка яблока в карамели страже ничего не даст: парк неподалёку от отеля, где мы всё равно предъявили паспорта, потом я могла пойти куда угодно, а последней операцией с моим счётом в любом случае станет перевод всех средств в наличные...

Я и не знала, что глейстиги умеют пользоваться даром почти с пелёнок. Гвен пару раз исцеляла себя и меня, когда мы резали пальцы, и у неё светлячков призывалось не двое, а штук десять, но ей и лет было побольше, чем этой девчужке. Везёт феяри: даже учиться особо не надо, чтобы колдовать. Глейстиги – прирождённые целители, брауни – механики, селки^[13] мало того что в тюленей превращаются, так ещё с водной стихией ладят как никто... Только вот баньши не

позавидуешь: читать чужую смерть по линиям руки – сомнительное удовольствие. Говорят, особо сильным баньши и на руку не нужно смотреть, достаточно взглянуть человеку в лицо – и не хотелось бы мне, выйдя на улицу, видеть смерть каждого прохожего. Правда, такие баньши встречались редко... даже реже, чем глейстиги, способные своими светлячками излечить что-то посерьёзнее царапин и лёгких ожогов.

Интересно, какой силы в итоге стал бы дар Гвен?

...Гвен...

Я почувствовала, что задыхаюсь – среди людного парка, в свежем воздухе липовых теней, вместо которых я снова видела бесстрастное смуглое лицо и чёрную тьму меж светлых ресниц.

...нет, не думать о Гвен, не думать, не...

Перебежав дорогу, я завернула за угол, чтобы наконец найти на стене дома вождеденную сенсорную панель банкомата.

Вскоре в тканевый мешок, где обычно я хранила украшения, хлынул поток монет. Аппарат отсчитал семьдесят шесть золотых кругляшков по сто гинэ^[14], тридцать два серебряных по пятьдесят, восемь медных монеток по десять пини – и для такого богатства явно требовался кошель побольше. Видимо, мама перевела часть средств со своей карточки на мою. И когда успела?.. Наверное, тогда же, когда сунула свою карточку в рюкзак Эша: брат обнаружил её только сегодня, как раз перед моим уходом.

Обналичить средства с той карты тоже не помешает. И поскорее, пока счёт не заблокировали. Но не всё сразу.

Убрав деньги в одолженный у Эша рюкзак, я достала из кармана джинсов графон и нашла на карте следующий пункт назначения. Выстроив маршрут и дождавшись указаний приложения, побрела навстречу редким прохожим по узкой пешеходной улочке, вымощенной брусчаткой, залитой душным солнцем. Машинально взъерошила чёлку: волосы успели нагреться не хуже тёмной гальки на полуденном пляже.

...что ждёт нас с Эшем в Фарге? Что защитит нас от опасности, которая убивает одним лишь знанием правды о ней? И при чём тут этот странный сид? Может, он и вправду друг отца – кому ещё мама могла доверить заботу о нас с Эшем. Но если это так, слепо доверять

ему мне хотелось ещё меньше. Как и ехать в дедушкин дом, не понимая зачем.

С другой стороны, что я могу сделать – кроме того, что мне велено?..

Мой взгляд бесцельно бродил по нагретым камням дороги, невысоким домам, явно выстроенным ещё в прошлом столетии, и маленьким деревцам магнолии, зеленевшим в просторных дубовых кадках прямо среди брусчатки.

Эта чёрная тварь... Не чем иным, кроме как порождением Дикой Охоты, она быть не может. Неужели правда Кромешник-Дюнэтэни, персонаж сетевых страшилок?.. Но всю дорогу до Мулена я искала в сети информацию о нём, коей оказалось море (Кромешник был очень популярен среди любителей ужастиков) – и не нашла ни одной реальной фотографии. Ни одной картинки, где у него было бы чёрное лицо. Ни одного упоминания на серьёзных сайтах по духоведению и ни одной истории, где Кромешник овладевал другими людьми. Может, конечно, эту тварь вообще нельзя сфотографировать: там, на дороге, чёрную мерзость видела я – и никто больше. Да и встретить чудище во сне – одно, а доказать его существование – совсем другое. Вроде бы убийства Кромешнику приписывали вполне реальные: сразу несколько людей видели его в кошмарах, а спустя пару дней погибали в несчастных случаях...

Глаза наконец сфокусировались на стилизованной деревянной вывеске магазинчика «Магия камней».

Стеклянные двери услужливо раздвинулись передо мной. В полумраке лавки подсветка витрин казалась особенно яркой – как и блеск тысяч сверкающих граней, бивших свет на мириады пёстрых искр. Я прошла мимо застеклённых шкафчиков с аметистами и малахитом, алмазами и рубинами, глядя на ценники: за драгоценные камни просили не меньше четырёхзначной суммы, и я понимала почему. Каждый из них являл собой потенциальное оружие потрясающей силы – в драгоценных камнях изначально заключён огромный запас магической энергии, а огранка опытного ювелира способна придать им не только красоту, но и сногшибательную мощь. Правда, работать с такими сокровищами (во всяком случае, если камень крупнее ногтя и если в него вкладываешь заклятия посерьёзнее той ерунды, что мы изучали в колледже) должен о-очень опытный маг.

Однако, если всё сделать правильно, заклинанием, высвобожденным из одного небольшого рубина, можно спалить целый квартал.

К сожалению, юным недоучкам вроде меня о работе с такими вещами и думать было нечего.

К счастью, мне и не требовалось.

Я двинулась к витринам с амулетами и игральными костями. Дорогой скользнула пальцами по стеклу, под которым среди различных Таро переливался Райдер-Уэйт, отпечатанный чёрным по золоту: такие колоды предпочитал мастер Тинтрэ. Вспомнилось, как на зачёте я случайно спалила Рыцаря Жезлов из своей колоды, заговаривая его на защиту (глупо отвлеклась на смех однокурсников, дожидавшихся своей очереди в коридоре), и как мне с заговорщицкой улыбкой вручили другого, с чёрным рисунком на блестящем золотом прямоугольнике, подарив вторую попытку. Мастер всегда носил с собой «чистую», не зачарованную колоду, чтобы наглядно иллюстрировать лекции – на картах это делать было проще всего.

Эту попытку я не провалила.

– Добрый день! Есть кто-нибудь?

Из подсобки запоздало вынырнул продавец – молодой человек лет двадцати пяти. Окинул меня внимательным взглядом чуть прищуренных глаз, зеленоватых и светлых, как мята или роса на свежескошенной траве.

– Добрый день. – Он небрежно поправил тёмные кудри, собранные в низкий хвост. На чёрной футболке с длинным рукавом красовались мои любимые Queen – знаменитый кадр из клипа «Богемской рапсодии»; при полной закрытости одежда умудрялась подчёркивать все достоинства скрытой под ней фигуры. – Чем могу помочь?

Хитрый прищур длинных ресниц отозвался в груди неожиданно сбившимся дыханием. Под ложечкой странно ёкнуло.

– Мне нужны игральные кости. Для зачарования. – Под его долгим взглядом я судорожно попыталась вдохнуть достаточно глубоко, чтобы усмирить взбесившееся вдруг сердце. – И...

Молодой человек улыбался, склонив голову набок: не продавец камней в маленьком провинциальном городке, а ожившая девичья мечта. Высокий. Широкоплечий. Чувственные губы, подбородок с

ямочкой. И этот прищур, от которого всё внутри замирает сладко и... неправильно?..

...это неправильно. Это ненормально. Это не похоже на меня.

Не заботясь, что обо мне подумают, я зажмурилась. Магическая печать произвольно вспыхнула на коже – и я увидела внутренним взором радужную пелену, заволокшую мысли.

Ага...

Поставить ментальный блок на чужеродную магию такого рода труда не составило. Не для меня.

– А ты у нас, оказывается, необычный продавец. – Открыв глаза, я спокойно встретила взгляд, минутой раньше заставлявший чувствовать себя героиней паршивого любовного романа. – И как, многие клиенты уходили отсюда в убеждении, что действительно хотели потратить в этом магазине всё до последней пинии?

Бровь продавца выгнулась в удивлении.

Затем улыбка его стала шире.

– Ну что ты. Я же не зверь, оставлял им немного на еду. – Ответ горчил насмешливым уважением. – А ты у нас, оказывается, необычная магичка. Мало кому удавалось осознать, что их очаровывают.

...нет, он и правда красив. Даже если смотреть на него трезвым взглядом.

Просто я не из тех, кто теряет голову от смазливового личика – особенно после всего, что стряслось со мной за последние сутки.

– Двусторонний эмпат, верно?

– Дар от дедушки-тилвита. Обычно даже маги поддаются. – Парень вздохнул. – Так какие тебе нужны кости?

От сидов их потомки нередко наследовали крохотную часть волшебных сил Дивного Народа. Магами в общепринятом смысле эти люди не являлись: чтобы иметь право зваться магом, ты должен родиться с магической печатью и способностями к преобразованию энергии. Но у них тоже был дар, тот или иной; они не смогли бы сотворить ни одного заклятия, зато умели подчинять себе зверей, проходить сквозь стены, усыплять песней... читать чужие эмоции. А двусторонние эмпаты – такие, как мой новый знакомый, – умели не только читать эмоции, но и внушать любые другие на своё усмотрение. Дар столь же восхитительный, сколь и опасный.

Впрочем, у меня на его дар был свой: кровь сидов наделяла своих владельцев защитой от колдовского очарования.

– Два набора из костей грифона, два из поделочных камней. И... вон те амулеты. Три штуки. Вы же наличные принимаете?

Продавец понимающе усмехнулся:

– Принимаем. Только без сдачи.

– Тогда ещё два... нет, три кожаных кошель. Будьте добры.

Кости, амулет и кошель тщательно завернули в упаковочную бумагу, потом уложили в коробку, а следом перевязали атласной ленточкой и отправили в картонный пакет.

– Сто семьдесят два гинэ. Упаковка в подарок. – Отставив пакет в сторону, молодой человек сложил руки на стекле витрины. Наклонился вперёд, ближе ко мне: – Надеюсь, ты не раскроешь мой маленький секрет? Я не хозяин этой лавочки, просто продавец-консультант, а процент с продаж, сама понимаешь...

Тон был серьёзным, но призрак ухмылки в углу рта намекал, что парень и сам прекрасно знает: никому я ничего не раскрою. Маги, которые платят за камни наличными и покупают амулеты для создания долгосрочных иллюзий, не из тех, что рассказывают о чужих секретах. Разве что за большую сумму.

Впрочем, в эту игру можно играть вдвоём.

– Согласна рассмотреть твоё предложение... за скидку до ста пятидесяти, – вкрадчиво предложила я. – Вычтешь из своей зарплаты – полагаю, благодаря процентам с продаж она у тебя приличная.

Продавец наигранно всплеснул руками:

– Грабёж среди бела дня!

– Тёмной ночью было бы не так обидно? Могу вернуться позже.

– Тёмной ночью я предпочёл бы с тобой встретиться в более уютной обстановке.

Странно, но это не прозвучало похабно. Возможно, из-за его улыбки – мальчишеской, ни капельки не скабрезной, ясно говорившей: *«Успокойся, шучу»*.

– Мечтать не вредно. Так что?

– Ладно, грабительница. Сдаюсь. – Парень насмешливо вскинул руки, словно я направила на него пистолет. – Я не в силах противостоять столь очаровательной наглости.

Достав из рюкзака импровизированный кошель, я выложила на прилавок две монеты – одну золотую, одну серебряную:

– Держи. Всё равно без сдачи у меня только так.

Продавец посмотрел на монеты. Перевёл взгляд на мешок с деньгами, зажатый в моей руке.

– Не стоит так набивать кошелёчек. Того и гляди порвётся, – бесстрастно заметил он. – Только обналачила все средства с карточки?

Проницательный парень... фоморы его дери.

– Не твоё дело. – Сунув кошель обратно в рюкзак, я схватила пакет с покупками. – Всего хорошего.

Мне казалось, я чувствую его пристальный взгляд на своей вспотевшей спине, даже когда стеклянные створки магазинных дверей сомкнулись за мной. Отойдя от лавки под сень ближайшей магнолии, я резко обернулась, но никто за мной не следил. Ожидаемо... здравствуй, мания преследования. Впрочем, с такой жизнью немудрено.

В одном чудо-продавец прав: в следующий раз не стоит таскать с собой все деньги.

Уверившись, что на улице нет никого, кроме прохожих, которым до меня не было никакого дела, я направилась обратно к отелю. Воздух парка по-прежнему звенел детским смехом и дразнил ароматом карамели; я шла, помахивая пакетом в руке, словно обычная девочка-студентка, выбравшаяся в соседний город на экскурсию. Будь я действительно обычной девочкой-студенткой, можно было бы купить себе пакет каштанов и стакан апельсинового сока со льдом, сфотографировать всю эту красоту на фоне старинной карусели с деревянными лошадками, чтобы запостить в Инстаграм, а потом усесться на лавочку и перекусить. Ещё и прокатиться на этой карусели, совсем как в детстве, когда мы гуляли с мамой в центральном парке Динэ...

...что-то я в последние дни часто вспоминаю о детстве. Хороший способ убежать от жестокой действительности.

Только это как раз то, чего мне ни в коем случае делать нельзя.

Столкновения с молодой баньши, плывшей мне навстречу и увлечённо болтавшей по графону, я избежала в последний момент: задумавшись о своём, слишком поздно заметила, куда – вернее, в кого – я иду.

– Эй! – Вильнув над гравийной дорожкой, баньши сердито оглянулась на меня. – Тебе глазки вообще для чего нужны? В мальчиков ими стрелять?

– Вам то же могу сказать, – буркнула я, отворачиваясь, оставляя хамку за спиной. Так бы, может, и извинилась, но после её реплик всё желание пропало. Хотя смотреть, куда я иду, и правда не помешает, – а то сперва мобиль, потом девочка-глейстиг, теперь эта красавица...

– Подожди, я перезвоню. Эй, мисс! – Я едва узнала голос той же баньши, донесшийся сзади: за пару секунд, минувших с нашей перепалки, в нём успела пробиться нехорошая хрипотца. – Невнимательная мисс, стойте!

Я не хотела оборачиваться. Но всё-таки обернулась. Решила, что так мы привлечём меньше внимания окружающих, иные из которых уже оглядывались на её крик.

Баньши торопливо подплыла ко мне, паря в нескольких дюймах над парковой дорожкой (самых любимых и самых несчастных детей Великой Госпожи Дану отличали сложные отношения с гравитацией), пока дымчато-синие глаза сверлили пытливым взглядом моё лицо.

– Вы вчера чудом спаслись из-под колёс мобиля, так ведь?

Правдивость этого изречения из уст персоны, которую я видела впервые в жизни, заставила меня не столько насторожиться, сколько растеряться:

– Откуда вы...

– Понимаю, вы удивлены. Но это важно. Для вас. – Нервно оглянувшись, баньши заправила за острое ухо прядь волос цвета бледных незабудок. Взяв меня под руку, отвела с середины аллеи поближе к липам, чтобы проходим не приходилось огибать живые препятствия в нашем лице. – Вы ведь знаете, что мы видим чужую смерть? У людей, которым только предстоит умереть, – оставшийся им срок. У тех, кто уже мёртв, – обстоятельства, при которых они погибли. – Она говорила так тихо, что я с трудом различала её голос за весёлым парковым шумом. – Нам запрещено открывать людям правду о будущем, если на то нет воли богов. Только вот здесь речь не о будущем.

– О чём вы?

Я не понимала, куда она клонит, но мне это заранее не нравилось. Когда баньши заговаривает с тобой о смерти, это сулит что угодно,

кроме долгой счастливой жизни.

Плач баньши недаром испокон веков считался плохой приметой.

– Видите ли, – мягко проговорила девушка, – вы должны быть мертвы.

– Ну, если бы меня не спасли из-под колёс...

– Вы не понимаете. Ваша смерть *уже* наступила. Я *вижу* её: машину, которая сбивает вас, и ваше тело на дороге. А сейчас ваше сердце бьётся, вы ходите, дышите и разговариваете, но... – она улыбнулась так криво, словно сама боялась поверить в слова, которые сейчас произнесёт, – но на самом деле вы мертвец. И для мироздания ваша смерть – свершившийся факт.

* * *

Когда я постучалась, Эш был занят: во всяком случае, открыл он далеко не сразу.

– Уже верну... – распахнув дверь номера достаточно широко, чтобы разглядеть, кто ждёт за ней, брат осёкся. – *А это ещё кто?*

При большей материальности его голосом можно было бы колоть лёд.

– Если б я знала, – буркнула я, жестом предлагая баньши пройти вперёд. – Но нам нужно поговорить в приватной обстановке. Как вас зовут, к слову?

– Роксэйн. – Смерив Эша внимательным взглядом, баньши проплыла внутрь, заставив его посторониться. – Можно Рок.

Я даже не знала, к лучшему ли, что она не может сказать об оставшемся Эшу сроке. Ведь увидела же, я знаю.

Если ему осталось недолго, это меня добьёт.

– Я журналистка. Вернее, учусь на неё. В следующем году университет заканчиваю, а пока подрабатываю заметками для криминальной хроники. – Прошелестев длинной юбкой по паркету, задев синим шёлком волчью пасть, девушка опустилась на мою постель; бордовый бархат покрывала даже не подумал промяться, словно баньши ничего не весила. – Я закурю?

Я нервно кивнула, прежде чем сесть на кровать напротив. Эш, поколебавшись, последовал моему примеру, недобро наблюдая, как

незванная гостя достаёт из сумочки тонкую электронную сигарету.

– Я представилась. – Стекланный мундштук коснулся капризно изогнутых губ, нежно-розовых, как цветы азалии. Затянувшись, баньши выдохнула дымную струйку, и в комнате запахло вишней. – Ваша очередь.

Голос у неё был низкий, грудной, с мурлыкающей хрипотцой. Голубые волосы, собранные в пучок, заколотый двумя длинными шпильками, открывали длинную шею; несколько прядок выбивались из причёски, обрамляя треугольное лицо с чертами, которым позавидовали бы многие актрисы. Светло-зелёная, цвета аквамарина кожа подчёркивала и оттеняла потустороннюю синеву раскосых кошачьих глаз, как и строгое платье, окутывавшее точёную фигуру блеском василькового шёлка. Изящные пальцы – раза в полтора длиннее человеческих – напоминали о пауках, и я вспомнила, как маленькой, впервые увидев баньши, бесславно расплакалась.

Я давно привыкла к избранницам Великой Госпожи, но что-то пугающее в них было. Впрочем, создания, столь тесно связанные со смертью, едва ли могли не пугать вовсе.

– С чего бы нам называть тебе свои имена? – осведомился Эш.

– С того, мальчик, что у твоей сестры неприятности. – Баньши снова затянулась, не сводя сумрачного взгляда с его лица. – Я абсолютная провидица. В курсе, что это значит?

Это заставило меня изумлённо разомкнуть губы, но брат ответил раньше:

– Читаешь смерть человека, только посмотрев на него?

– Именно. Мне не нужно видеть линии руки или глаза, как другим из моего народа. Тень чьей-то смерти сразу же открывается мне при встрече с ним. – Они с Эшем смотрели друг на друга так прямо и неотрывно, будто тот, кто первым отведёт взгляд, потерпит поражение в странной необъявленной дуэли. – Такие, как я, рождаются нечасто. Раз в столетие – приблизительно. Твоей сестре повезло, что она столкнулась со мной.

– И в чём же заключается её везение?

– В том, что я увидела её смерть, которая произошла вчера. Мой дар кричит, что сейчас напротив меня сидит симпатичный живой труп, который по-хорошему должен лежать в морге. Не самое приятное ощущение, надо сказать.

– В смысле «живой труп»? – Скепсис Эша резал острее ножа. – Лайза, конечно, бледнее обычного, но на вампира не особо похожа.

– Вчера её должен был сбить мобиль. *Обязан* был сбить. Но что-то спасло её. Что-то... или кто-то. Кто никак не должен был оказаться там. – Баньши повернулась в мою сторону. – Это ещё не всё. Тень твоей смерти... она изменена.

– Поясни?

Последнее заявление мне тоже заранее не нравилось. Но не спросить я не могла.

– Обычно Великая Госпожа точно знает, когда заберёт человека и при каких обстоятельствах. Знает с самого момента его рождения. Присказка «кому суждено сгореть, не утонет» родилась не на пустом месте. Но редко, очень редко случается, что она меняет свои планы, и тот, кому суждено было сгореть, всё-таки тонет. Не спрашивайте, почему и по какой причине. Нам неведомы её помыслы. В этих случаях мы... баньши... видим, что тень чужой смерти менялась. И планы насчёт вас обоих были изменены, причём совсем недавно. – Кончиком сигареты, мерцавшим голубым огоньком, она поочерёдно указала на меня и Эша. – Грубо говоря, решение о том, что тебя должен сбить мобиль, *она* приняла всего пару дней назад. До того тебе готовили другую смерть. Не знаю, правда, какую. Я доступно объясняю?

– Куда уж доступнее. И что всё это значит?

– Хотелось бы мне знать. Такие тени, как у вас, я вижу впервые в жизни. И даже не слышала о подобном никогда. – Очередная затяжка была чуть глубже и нервознее, чем все до того. – У твоего брата она тоже весьма оригинальная.

Сердце подпрыгнуло, казалось, до самых мгновенно пересохших губ.

– А с Эшем что?..

– Я вижу его тень, но не могу прочитать. Не могу сказать, сколько ему осталось. Она... размытая. Неопределённая. Будто Великая Госпожа ещё не решила, что с ним делать. А ведь с тенями людей, полукровок и низших фейри не должно быть проблем. Мы не можем предсказать смерть других баньши, но у них немного другая тень... не размытая, просто другая. У сидов её вовсе нет, ведь они не могут умереть. Не в нашем мире. Но *такое*... – В последний раз выпустив

вишнёвый дым, на сей раз неаккуратным облачком, Роксэйн аккуратно убрала сигарету обратно в сумочку. – Если бы вы рассказали мне обо всём, что произошло с вами за последнюю пару дней, мы могли бы попытаться понять, что это.

– Нам не нужна помощь. – Эш решительно скрестил руки на груди, прятаясь под мешковатой белой футболкой. – И я благодарен за беспокойство о наших скромных персонах, но тебе пора.

Баньши не обиделась. Не удивилась. Не возразила.

Лишь вопросительно вскинула тонкую голубую бровь, глядя на меня.

– Мы не можем посвятить тебя в это, – неуверенно произнесла я. – Это опасно.

...неуверенным мой голос был потому, что в глубине души мне страстно хотелось рассказать. Знать, что мы с Эшем больше не одни. Знать, что есть кто-то ещё, знающий о тех бедах, что на нас навалились. Потому что семейные проблемы Форбиденов, конечно, должны оставаться в семье Форбиден, но едва ли в тот момент, когда единственный взрослый член этой семьи остался где-то далеко и ничем не может помочь младшим.

Да только я не имела права.

– Опасно для меня? – уточнила та.

– Знание об этом убивает того, кто его носит, – откликнулась я, повторяя материнские слова. – Мама сказала мне, – добавила я, поймав вопросительный взгляд Эша.

Брат не стал ни укорять меня, ни возмущаться, ни задавать вопросы. Конечно, я обязана была поведать ему о том разговоре, как и о мобиле, едва не оборвавшем мою жизнь, – но Эш прекрасно понимал, почему последние сутки нам было не до откровений.

– Но вы-то вроде живы, – усмехнулась Роксэйн. – Относительно.

– Мы сами не понимаем, что происходит. Мы в курсе следствий, но не знаем причин. Поможешь нам узнать причины – умрёшь вместе с нами.

– Откуда вам это известно?

– От нашей матери. Когда мы видели её в последний раз, она... угасала. От какого-то проклятия, поражающего тех, кто знает правду. На самом деле это не было проклятием, – справедливости ради поправила я, – но что это за напасть, я не знаю.

– О. – Роксэйн помолчала. – И что, она умерла?

Бесцеремонный вопрос был ожидаемым – и всё же выбил меня из колеи.

– Мы не знаем, что с ней, – молвил Эш холодно, перехватывая диалоговую эстафету, пока я пыталась достать сердце из той чёрной глухой пустоты, куда оно провалилось. – Надеемся, что она жива.

– Тогда почему вы так уверены, что этот недуг смертелен? – Баньши невозмутимо закинула ногу на ногу. Поправила юбку, растёкшуюся по покрывалу васильковой волной. – Слушайте, ребята, если вы думаете, что сможете уцелеть, просто не пытайтесь понять, что происходит, хочу вас разочаровать. Только дети суют голову под подушку и думают, что, если они никого не видят, никто не видит их. Невозможно бороться с врагом, которого не знаешь в лицо. А что вы будете делать, не представляя, с чем столкнулись? До конца жизни скитаться по отелям, убегая неведомо от чего?

– А тебе-то какой интерес? Какое тебе дело, выживем мы или нет?

– Можешь считать, мой интерес в том, что я журналистка, а ваша история тянет на отличную статью, кучу просмотров и премию.

– Это нам нужно меньше всего.

– Или я хочу помочь из праздного любопытства, что же не так с вашими тенями.

– Любопытство много кошек сгубило.

– Или просто потому, что не смогу спокойно спать по ночам, зная, что не помогла вам.

– Хочешь сказать, будешь мучиться совестью из-за парочки незнакомых людей?

– А ты бы на моём месте не мучился?

– Нет, – отрезал Эш со спокойствием, которым мог похвастаться не всякий астронавт. – Для меня есть моя семья и все остальные, и на остальных мне плевать.

Баньши поцокала языком, всем своим видом выражая, что она думает о подобной степени цинизма в применении к столь юному существу.

– Хороший подход, – одобрила она наконец. – Так держать, мальчик. Далек пойдёшь.

– ...а если мы расскажем, ты поклянёшься больше никому об этом не говорить?

Услышав вопрос, слетевший с моих губ почти непроизвольно, Эш вздохнул так тяжело, что лежавшая на прикроватной тумбочке бумажная салфетка встрепенулась и порхнула на пол, закрыв ехидно скалившейся волчьей голове один глаз.

Глядя на меня пристально и серьезно, баньши приложила длиннопалую ладонь к груди напротив сердца:

– Клянусь Великой Госпоже, даровавшей мне жизнь, что унесу вашу тайну за грань предопределённости, если на то ваша воля.

Фейри ответственно относились к клятвам. Впрочем, люди тоже – когда клялись определёнными вещами или определённым богам. С Дикой Охотой и её Повелителем, к примеру, лучше было не шутить.

С Великой Госпожей, в чьей власти не только дарить жизни, но и отнимать их – тоже.

– Не спорю, что мне самому интересно будет послушать про смертоносный мобиль, о котором моя сестра вчера тактично умолчала, – после долгой паузы проговорил Эш, – но неужели ты *действительно* готова рискнуть жизнью ради нас?

– О моей жизни не беспокойся, мальчик. Я не жду встречи с Великой Госпожей с нетерпением, но, когда придёт мой срок, приму неизбежное спокойно. А что мне делать, пока я живу, решать мне. Никак не вам. – Роксэйн наклонилась вперёд – и, поставив локти на колени, подперев подбородок ладонями, посмотрела на меня с проникновенностью жреца, готового спросить невесту, будет ли она со своим суженым в горе и в радости. – А начните, пожалуй, с того, как всё-таки вас обоих зовут.

* * *

Рассказ занял немало времени: когда он завершился, солнце за окном уже клонилось к верхушкам парковых клёнов.

– Так вот откуда взялся этот сид, – пробормотал Эш, когда я закончила на том, как мы прибыли в Мулен.

– Говоришь, никогда прежде его не видела? – хмуро уточнила Роксэйн, до того слушавшая мою повесть почти без вопросов.

– Нет. Но, кажется, он хорошо знает нашу маму.

– С чего ты взяла?

– Мама... попросила меня доверять ему. – *На прощание*, прошептало что-то внутри, но я заглушила голос, которому не могла возразить. – И я случайно подслушала кое-что... позавчера ночью. Мама говорила с кем-то в своей спальне, но, когда я вошла туда, там никого не было. По графону она не звонила. Потом я увидела этого сида и то, как быстро он может исчезнуть... и теперь думаю, что это мог быть он. Что он просто ушёл, как только я ворвалась в комнату. – Не поднимая глаз, я комкала в пальцах бахромку, обрамлявшую дизайнерскую прореху в джинсе, красовавшуюся на моём колене. – А может это чёрное существо быть... Великой Госпожой? Вдруг она пришла за мной, когда меня должен был сбить мобиль, но сид нарушил её планы, и она хотела... овладев моей подругой...

Дальнейшие слова застряли в горле, которое сжал болезненный спазм, – но баньши поняла, что я имею в виду, и уставилась на меня с таким изумлением, будто я заявила, что небо зелёное.

– Нет, нет. Она умеет менять обличья, но вряд ли она явилась бы к тебе *такой*. Ей нет нужды приходить за кем-то лично, и уж точно нет нужды в чужих телах. Если б она хотела тебя забрать, то давно сделала бы это... но, видимо, пока ей по каким-то причинам не до тебя. Или её устраивает текущее положение дел. – Роксэйн помолчала. – У меня появилась другая теория.

– Какая?

– Вы слышали об убийце, которого прозвали Ликорисом?

Я сдвинула брови, смутно что-то припоминая, но Эш уже любезно излагал всю необходимую информацию:

– Шесть трупов за два года. Последняя жертва убита два месяца назад, найдена позавчера. Все убитые – молодые девушки, все обнаружены в Динэ. Изуродованы, задушены, предварительно изнасилованы.

...лишь тогда я вспомнила новость, мельком замеченную вчера на экране графона Гвен.

– Ликорис? – повторила я. – Что за странное прозвище?

– Это цветок, – пояснил брат. – В Харлере он не растёт... по крайней мере, в дикой природе. Но его пыльцу находили в волосах всех жертв.

Я лишь сделала мысленную пометку загуглить название, как будет время: никогда раньше не слышала о ликорисах, и как они выглядят, не

представляла.

– Этот факт утаивали от прессы, но кто-то хакнул компьютеры стражи и слил информацию в Сеть, – добавила Роксэйн. – А журналисты пришли в восторг и окрестили убийцу «Ликорисом».

– И какое отношение этот маньяк имеет к нам?

– Вы же фейри-полукровки. – Кончик длинного пальца баньши указал на кудри Эша. – Даже сиды-полукровки. Тилвиты в ближайших родственниках, верно?

Я нехотя кивнула:

– Отец – тилвит тег.

– Так вот, все жертвы Ликориса – полукровки. Такие же, как вы. Отец всегда с Эмайна. Все милovidные девушки от семнадцати до двадцати лет. Последняя жертва, Алвена Блейк, незадолго до смерти писала в соцсетях, что её мучают кошмары. В том числе про человека в чёрном костюме без лица, похожего на сетевого монстра Дюнэтэни, также известного как Кромешник. Не странное ли совпадение?

Я вдруг ощутила, какими холодными и потными сделались мои ладони, – и кондиционер, не впускаявший снаружи летнюю жару, явно был ни при чём.

– Что-то та чёрная тварь не похожа на насильника, – голос Эша, впрочем, снова прозвучал скептически. – Проблематично насиловать девушку, предварительно загнав её под колёса.

– Но тварь ведь действовала не по своей воле. Она явно фомор. Порождение Дикой Охоты. А порождения Охоты, как вы помните, не могут просто взять и пробраться в Харлер из потустороннего мира.

Историй о людях, заключивших контракт с фоморами, нам на духоведении рассказывали множество. Ритуал вызова был прост, и для него даже магом быть не требовалось – лишь купить расхожие ингредиенты в любой магической лавке. На зов являлась какая-нибудь антропоморфная тварь из Дикой Охоты, которая предлагала свои услуги. Чаще всего фоморов просили об убийстве: в старые времена они иногда вырезали целые кланы, но сейчас контракты в основном заключали, чтобы тот или иной конкурент неудачно упал с лестницы и свернул шею.

Просили твари, как ни странно, немного. Никакой преждевременной смерти, никакой души – лишь чуточку крови владельца. Причина подобной скромности была проста: сами по себе

фоморы могли вырваться в наш мир только в Самайн, а человеческий вызов давал им лишнюю возможность погулять по Харлеру, да к тому же полакомиться жизненными силами жертв. Поговаривали, конечно, что после смерти контракторам суждено было самим стать фоморами и пополнить свиту Повелителя Кошмаров... Но то были лишь слухи, реальными доказательствами не подкреплённые.

– Этой тварью управляет человек или фейри, – продолжила Роксэйн, – и он явно имеет что-то против полукровок. Помимо шести девушек, убитых Ликорисом, есть ещё пятеро, которые погибли в результате несчастных случаев. Трёх из них сбил мобиль. Угадайте, на что жаловалась одна из сбитых?

– Неужели Кромешник? – вскинулась я.

– Именно. И здесь был не просто сон: родители той девчушки проснулись ночью от её крика. Когда прибежали в комнату дочери, та пряталась в шкафу и твердила, что видела за своим окном безликую тварь в чёрном костюме. Окно, если что, находилось на втором этаже... а на следующий день её сбили.

Я смотрела, как свет люстры играет на шёлковой юбке баньши, расцветившая насыщенную синеву светлыми пятнами – словно солнечные блики на глубокой воде, – и чувствовала, как страх и апатия, успевшие свить гнездо где-то в моей груди, уступают место азарту.

Так Кромешник – всё же не сетевая байка? И его образ действительно основан на одной из разновидностей фоморов? Просто любители страшилок исказили факты, облачив тварь в приземлённый наряд с белой рубашкой, дорисовав гниющую серую кожу вместо непроницаемой черноты... а те, кто мог бы опровергнуть мифы, просто не доживали до этой возможности. А если эта тварь – фомор, ей вполне могли заказать убить нашу семью... или меня.

Вопрос лишь в том, кому и зачем это нужно.

– Откуда ты всё это знаешь? – осведомился Эш, в отличие от меня не спешивший доверять кому и чему бы то ни было.

– В Сети много писали о Ликорисе. Я заинтересовалась этим делом. Решила проверить всех юных полукровок, умерших насильственной смертью за последние пять лет. Сначала за три года – никого, зато потом вдруг стали умирать как мухи. Я даже представить не могла, что встречу кого-то... причастного к делу, но теперь вконец

отказываюсь верить, что те несчастные случаи и Ликорис никак не связаны. – Баньши поднялась на ноги, зависнув над паркетом. – Правда, всё это наводит меня на невесёлые мысли.

– Если б мёртвые девушки наводили тебя на весёлые, я окончательно уверился бы, что у баньши крайне специфическое чувство юмора.

– Ты не понимаешь, мальчик. Тех, кто известен как жертвы Ликориса, контрактор твари явно убивал лично – монстр разве что помогал ему загонять добычу. И все трупы нашли в Динэ, хотя лишь две девушки жили в этом городе. Остальные приехали на выходные... или на каникулы. Одна гостила у тёти. Зато те пятеро, что погибли в несчастных случаях, умерли в разных концах страны. Видимо, убийце лень было самому мотаться по всему Харлеру, вот он и попросил чёрного друга подсобить, а заодно обставить смерти несчастливцами случайностями, чтобы с делом Ликориса их было не связать. Но как сильно нужно ненавидеть полукровок, чтобы желать убить всех в стране? Да ещё заключить ради этого контракт с фомором? Это же...

Баньши осеклась, уставившись на дверь в номер – или на что-то, внезапно материализовавшееся рядом с ней.

– Не хотел прерывать вас, – послышалось оттуда прежде, чем я успела испугаться, – однако вам пора ехать дальше.

Оглядываясь, я испытывала смутное ощущение дежавю.

– Ты! – Завидев сида, я, в свою очередь, вскочила с постели. – Где мама? Что с ней?

– Она в порядке. – Сиреневые глаза взирали на нас так отрешённо, словно сам смысл слов «эмоции» или «волнение» их владелец позабыл давным-давно. – Связаться с вами не может – не в том состоянии, чтобы вести беседы. Но она жива.

Если он и соврал, я была ему благодарна.

О Гвен и её родителях спрашивать я не стала. Не хотела слышать ответ.

– А, таинственный спаситель? – Взгляд, которым пришельца одарила Роксэйн, больше подходил опытному патологоанатому, чем юной студентке. – Вы бы хоть представились, гость из Дивной Страны. Или на Эмайне иные правила хорошего тона?

Справедливости ради сиды редко открывали смертным свои имена. Во всяком случае, истинные имена. Для сидов, что могли

назвать по имени дождь или ветер, дабы упросить те не мочить их одежды или раздуть крохотную искру в костёр, имя даровало власть над его владельцем; сказка о Румпельштильцхене или пассажи в книгах Ле Гуин возникли не на ровном месте. Но я прекрасно понимала, почему Роксэйн хочет услышать от него хотя бы прозвище – оно само по себе могло сообщить о пришельце немало.

– Я тот, кто желает Лайзе и Эшу добра. – В голосе сида шелестел песок, неумолимо текущий из верхнего деления стеклянных часов в нижнее. – Время играет против вас. Вы должны покинуть это место немедленно.

Я не удивилась, что при этих словах сид смотрел на Эша: из нас двоих брат больше был склонен прислушиваться к зловещим предупреждениям. И когда откуда-то – не то из коридора, не то из соседней комнаты, не то снизу – послышался крик, тоже почти не удивилась.

В конце концов, с нами уже почти целый день не происходило опасной для жизни фоморщины. Не могло же это продолжаться вечно.

– Об этом я и говорил, – вымолвил сид устало, когда мы трое синхронно вздрогнули. – Берите вещи и бегите. Я позабочусь, чтобы путь был безопасным.

– Подожди! Пожалуйста, объясни, что происхо...

Но сид снова растворился в воздухе, оставляя меня договаривать вопрос в пустоту, чтобы оскал волчьей пасти мог ехидно смеяться над моей растерянностью.

– В одном он прав, – после секундной паузы подвела черту Роксэйн. – Доставайте чемоданы, ребята. Задерживаться тут не стоит.

До лифта добежали так быстро, как могли. Дверь номера защёлкнулась за спинами сама собой; баньши не отставала от нас с Эшем, время от времени поправляя тонкий ремешок кожаной сумки, висевшей на её плече.

– Может, просто в номере под нами ссорится кто-нибудь? – пробормотала я, лихорадочно отжимая кнопку вызова подле деревянных дверей.

– Ага, – мрачно откликнулся Эш. – Молодожёны решили, что смерти стоит разлучить их побыстрее.

– Мне кажется, лучше пойти по лестнице, – глядя в сторону, произнесла Роксэйн.

– С чемоданами? Да ладно, лифт сейчас...

– А я говорю, что нужно без резких движений отходить к лестнице.

Это баньши процедила уже сквозь зубы – и, проследив за её взглядом, я выпустила ручку чемодана из пальцев.

В дальнем конце коридора застыла знакомая девушка-администратор. То, как она стояла – не шевелясь, пристально вглядываясь в нас, – до дрожи напомнило Гвен, замершую за калиткой нашего дома под бледным светом фонарей.

Мне не потребовалось подходить ближе, чтобы всмотреться в её глаза. В следующий миг девушка исчезла; когда она появилась снова – в паре ярдов от нас, сжимая стеклянную пилку в поднятой руке, – меж накладных ресниц плескалась знакомая чернота.

Вскидывая руку, на которой уже вспыхнула белым активированная печать, я думала только об одном: успею или нет?..

– *Кварт эир, косэн...*

В миг, когда кончики пальцев окутало прозрачное марево, за спиной противника мелькнуло потустороннее серебро чьих-то длинных волос. Цепкие пальцы легли на девичью шею, и веки её дрогнули; затем сомкнулись, скрыв собой жуткую черноту.

Секундой позже враг рухнул на пол, заставив меня осечься, прежде чем заклятие возымело действие.

– Я говорил, что позабочусь о вашей безопасности, – сказал сид безразлично, пока подъехавший лифт тихо звякал открывающимися дверьми. – Езжайте вниз.

– Что ты с ней сделал?

– Она без сознания. Когда тварь овладевает кем-то, она увеличивает их силу, но обычные люди слабы даже так, и отправить их в крепкий сон несложно. Езжайте.

Эш уже закатывал чемодан в лифт. Баньши вошла в кабину следом, пятась спиной назад, переводя ошалелый взгляд то на сида, то на бесчувственное тело, распростёртое на ковровой дорожке уместно кровавого цвета.

– Езжай, – повторил сид мягко, глядя на меня: сирень его глаз действовала почти гипнотически. – На твои вопросы я могу ответить позже.

Я зашла, когда Эш уже отжал кнопку с цифрой «1». Цепляясь за ручку чемодана так, словно лишь она удерживала меня в реальности, смотрела, как лицо сида скрывают смыкающиеся металлические створки.

Вопросов в голове теснилась уйма. Кто наш таинственный хранитель? Кто враг, следующий за нами по пятам? Но сейчас, пожалуй, с ними и правда можно повременить. Тем более что в данный момент чуть ли не больше всего остального меня удивляла собственная реакция на опасность: реакция боевого мага, причём инстинктивная. В колледже нам устраивали тренировочные схватки, но я всегда думала, что в реальном бою (по крайней мере, без родных боевых артефактов под рукой) скорее застыну истуканом или пушусь наутёк. Как и положено порядочному артефактору, который обеспечивает оружием тех, кто сражается на передовой, не более. Как и положено девочке, которой никогда не приходилось себя защищать.

Которая была тем, кого оберегают.

Поздравляю, Лайза, язвительно пропело в ушах, пока я выкатывала чемодан в пустынный холл, слушая, как колёсики жужжат по ковру, шуршит позади юбка баньши и вторят моим шагам шаги брата. Ты не такая трусиха, какой себя считала. Действительно, стоило чем-то насолить неведомому монстру, убежать из дому, которого больше нет, и бросить мать при смерти, чтобы это выяснить.

В скобочках – «нет».

Французик снаружи успокаивающе сиял синими отблесками под золотом вечернего солнца. Эш наскоро отключил провод для зарядки аккумулятора от энергетического столба и забрался на пассажирское сиденье, пока я запиховала вещи в багажник.

– Надеюсь, теперь эта тварь не будет гоняться ещё и за тобой. – Захлопнув крышку, я повернулась к баньши, наблюдавшей за моими действиями. – Спасибо, Роксэйн.

– Пока не за что, – пожалала плечами та, прежде чем открыть заднюю дверцу и сесть в мобиль.

На миг я остолбенела. Опомившись, поспешила к месту водителя.

– ...никуда не едешь! – Эш, как и ожидалось, вовсю ругался с незваной пассажиркой, гневно взирая на её отражение в зеркальце

заднего вида. – Тебя никто не приглашал!

– Приглашение мне и не требуется. Я же не вампир. – Баньши беззаботно откинулась на спинку мягкого тканевого сиденья. – Мы не закончили разговор. Так что я еду с вами хотя бы до места, где мы сможем договорить и попрощаться без того, чтобы нам мешали всякие твари и сиды, злостно пренебрегающие этикетом. И должна напомнить, что в твоих интересах поскорее отъехать от этого проклятого отеля вместо того, чтобы препираться со мной.

– Эш, она права. – Влезая в проход между сиденьями, чтобы брат мог поменяться со мной местами, по пути я успокаивающе коснулась его руки. – Поехали. Потом разберёмся.

Помедлив, тот перебрался за руль. Зло ткнул пальцами в панель управления; вырубив автоматически включившуюся магнитолу, положил ладони на бирюзовую бархатную оплётку, натянутую поверх чёрной кожи, и Французик, плавно тронувшись, выехал на узкую дорогу вдоль парка.

– Продолжая разговор, – молвила Роксэйн немного погодя, пока мы чинно притормаживали на светофоре. – К вашему сведению, у той девушки, которая решила поиграть в призрака отеля «Оверлук», тень смерти тоже была размытой. Полагаю, последствия встречи с вашим чёрным другом. – Баньши смотрела в окно, за которым по пешеходной зебре шли мимо нашего мобиля люди и фейри, спеша оказаться на той стороне дороги прежде, чем светодиодное табло снова сменит цвета. – Надо сказать, повидав его лично, мне ещё больше захотелось узнать, что он такое. И, если вы не против попутчика, я готова ехать с вами куда угодно.

– Конечно, против, – фыркнул Эш. – Только подобный обузы нам не хватало.

– Обузы? – В глазах баньши болотными огоньками сверкнула насмешка. – Поосторожнее, мальчик. Я вообще-то помочь хочу, но могу и расхотеть.

– Милости прошу. Нам всё равно стоять тут ещё минуту. Как открывать дверцу, думаю, разберёшься.

– Роксэйн, разве ты можешь просто бросить всё и поехать с нами? – Я решила прервать обмен любезностями. – У тебя же своя жизнь. Друзья. Родители. Работа.

Баньши только плечами пожала:

– С родителями я давно не живу. Друзья привыкли, что я то и дело срываюсь в другой город ненадолго – по работе или просто по настроению. Если напишу, что уехала на несколько дней, никто не удивится.

– Ты даже вещи никакие не взяла!

– Зачем нужны вещи, когда есть кредитка? А отец, к счастью, никогда не спрашивает, на что я трачу деньги с его счёта. Одно из немногих хороших дел, что он для меня делает.

...кажется, в нашей компании прибавилось не-совсем-людей, у которых проблемы с отцом.

– Честно скажу, – помолчав, вымолвила я, когда за окном, постепенно набирая темп, вновь замелькали дома и деревья, – я буду рада, если мы с братом окажемся не одни. Не останемся наедине с этим дерьмом.

– Мы с тобой вдвоём, Лайз. Это уже не «наедине».

– Но помощь со стороны нам пригодится, Эш. Особенно помощь кого-то постарше. Особенно учитывая, что мне хотелось бы знать, кто повинен в наших бедах, и нам придётся вести расследование, а у журналистов в таком опыта побольше, чем у нас с тобой. – Я посмотрела на баньши, ответившую мне едва заметной улыбкой. – Так что, если у тебя не было других планов... и если ты не боишься...

– Я как раз в отпуске, – безмятежно откликнулась та. – И нет, не боюсь. Всегда мечтала распутать подобное дельце, даже если написать об этом не смогу.

Эш только вздохнул стоически.

– Ладно, выкинуть её никогда не поздно, – буркнул брат, по указанию навигатора в графоне сворачивая налево. – Где-нибудь на трассе. Если ещё скорость побольше развить...

Я потрепала его по макушке. Подняла глаза, перехватив в зеркальце взгляд Роксэйн – баньши свойски мне подмигнула. Думает, шутка? Ха. Она просто не знает Эша.

К счастью, иногда слова моего брата всё-таки расходятся с делом. Особенно если я об этом прошу.

Для ночлега притормозили мы ближе к полуночи.

Проехав по мосту через реку, Эш свернул с трассы на небольшую дорожку, уходившую влево, к скопищу огней на горизонте; судя по указателю, там располагалась какая-то деревушка. Припарковав машину на обочине, мы вылезли из мобиля – все трое. Лицо пощекотала водная прохлада: дорога к деревне вилась вдоль пологого берега реки. Прямо перед нами раскинулась ивовая рощица, и между тёмными стволами видно было далёкую воду, отблескивавшую лунным серебром.

– Здесь и остановимся, – констатировал Эш. – Мне нужно поспать.

Я кивнула:

– А мне – разобраться с графонами и амулетами.

По шоссе мы гнали, не превышая скорости, но исправно обгоняя другие мобили, в отличие от нас никуда не торопившиеся. Не считая пары недолгих торможений в безлюдных местах по нужде, мы не останавливались – даже для того, чтобы перекусить. Обошлись крекерами и газировкой, завалившимися в бардачке с прошлой поездки на озеро; после случившегося в отеле кусок в горло не лез – и было немного боязно заезжать куда-либо.

– Может, и с ней всё-таки разберёмся? – Брат бесцеремонно ткнул пальцем в Роксэйн. – Был бы рад подкинуть её до той деревушки на горизонте и наконец распрощаться, да глаза совсем слипаются. Пешком дотуда, конечно, не близко, но баньши и не ходят, так что об усталых ногах ей беспокоиться не стоит.

– Эш, хватит.

Брат мог ершиться сколько угодно, но по моему тону всегда понимал, когда приближался к опасной черте – и когда убеждать его непутёвую сестру в чём-либо всё равно бесполезно. Вот и теперь, одарив меня тяжёлым взглядом, Эш молча побрёл обратно в мобиль, чтобы загнать его поближе к деревьям.

– А почему машину ведёт он, а не ты? – закурив, расцветившая ночь голубым огоньком своей сигареты, поинтересовалась Роксэйн. – У него же нет прав, верно?

В глаза ударил яркий свет фар: Эш съехал с обочины и, давя колёсами густую траву, стал парковаться рядом с толстым стволом одной из ив.

– Естественно, нет. Какие могут быть права у двенадцатилетки? Зато у меня есть – получила сразу после того, как семнадцать исполнилось. Только вожу я, в отличие от него, неважно, поэтому мы затонировали окна, а в местах, где могут быть камеры, делаем вид, что за рулём я.

– Отсюда ваши махинации с переменной мест?

– Ага. Изображаем, что я сажусь за руль. Или вылезаю из-за него. Эш и маму так иногда подменял, если куда-то ехали. Хорошо ещё, что мы низенькие, а он долговязый: даже колдовать с высотой сиденья не приходится.

– Такой серьёзный. – Баньши отняла сигарету от улыбающихся губ. – Если б не его лицо, в жизни не сказала бы, что ему двенадцать.

– Знала бы ты, сколько раз мы с мамой слышали это от его учителей, – хмыкнула я. – Он в будущем году уже школу заканчивает. Экстерном. Юный гений, что с него взять.

Роксэйн уважительно присвистнула, кончиком сигареты очертив в воздухе светящийся вензель.

– И в кого он у тебя такой уродился?

– В прадеда по материнской линии, полагаю. – Я не стала вдаваться в подробности. Роксэйн ещё в отеле, услышав нашу фамилию, к моему облегчению не задала сакральный вопрос «*те самые Форбидены?*», от которого я с момента выхода сериала о Гэбриэле Форбидене успела уже устать; у меня самой же не было никакого желания рассказывать пространную историю нашего рода. – Или в предков-сидов. Те тоже могли выглядеть детьми, а на деле жить уже сотню лет. – Я наблюдала, как струящиеся ветви закрывают собой затемнённое лобовое стекло. – Эш просто с ранних лет решил, что, раз он единственный мужчина в доме, то обязан заменить нам с мамой главу семьи. Вот и ускакал психологически куда-то в район двадцати... по меньшей мере.

– Славный он. И смешной.

– Только ему этого не говори. А то тебе сразу станет совсем не смешно.

Когда Эш вылез из мобиля и подошёл к нам, лицо его было хмурым, как осеннее небо, затемнённое сумерками и холодным ливнем.

– Я – спать. – Брат протянул мне пакет с амулетами. – Мой графон тоже там. Я лягу сзади, фары сейчас притушу, чтобы внимания не привлекать. Если не сможешь заснуть на переднем сиденье, буди меня, поменяемся. – Он злорадно оглянулся на Роксэйн. – А кое-кому придётся спать сидя.

– Мы вообще не спим, – сообщила баньши хладнокровно.

– Чудно.

В мобиль Эш вернулся, выразительно хлопнув дверцей. Сквозь наглухо тонированные стёкла я не видела, что происходит в салоне, но спустя какое-то время фары потухли: вокруг сразу воцарилась тьма, которую не рассеивало даже ясное лунное небо.

– Иди в мобиль, Роксэйн. – Я развернула руку ладонью вверх. Одновременно с печатью, проявившейся на коже, над пальцами вспыхнул ровный шарик белого пламени. – Если что, не обращай на Эша внимания. Побурчит и успокоится.

– А ты?

– Мне нужно кое-что сделать. Для нашей безопасности. – Взмыв с моей ладони, шарик завис над плечом, чуть позади, чтобы не слепить. – Одной.

Щурясь на яркий свет, Роксэйн выдохнула вишнёвый дым, прежде чем выключить сигарету и спрятать в сумочку.

– Будь осторожна, ладно? – отвернувшись, бросила баньши через плечо.

Я смотрела, как она устраивается на переднем сиденье – казалось, баньши не села в мобиль, а втекла, проникла, как воздушный поток. Когда дверца за ней закрылась, развернулась и направилась к реке.

Кажется, нам попала удачная спутница. Неприхотлива, бесстрашна, да ещё лишних вопросов не задаёт.

Впрочем, должно же нам везти хоть в чём-то.

Воды текли по широкому руслу тихо, почти неслышно; на другом берегу неторопливо крутили огромные лопасти генераторы ветряной электростанции. Над моей головой закружилась мошкара, привлечённая светом волшебного огонька, норовя залезть в рот, но я очертила ногой широкий круг на влажной траве и произнесла заклятие, уже отскакивавшее от зубов. Мгновенное дуновение прохладного воздуха развеяло надоедливых насекомых без следа, и они обиженно забились о края окружившего меня невидимого купола.

Такие трюки я уже осуществляла без труда. Жаль только, этот защитный контур не остановит никого, кроме мошек.

Глядя на воду, отражавшую сизое небо, и лунную дорожку, расплывавшуюся по волнам ломким серебром, я положила бумажный пакет у своих ног. Сперва нужно уничтожить оба графона: у каждого устройства есть персональный код, по которому его можно отследить в случае пропажи, и по нему же стража без труда обнаружит нас. Следом стоит заняться амулетами для иллюзий... но это всё потом.

А сейчас...

– Покажись, – выпрямившись, произнесла я. – Я знаю, ты рядом.

В тишине звучало лишь назойливое жужжание крохотных крылышек.

– Я вспомнила... сиды ведь умеют принимать призрачную форму. Невидимую, неслышную, неосязаемую. Потому ты и появляешься всё время в нужный момент. Ты просто не отходишь от меня. – Я оглянулась через плечо, чтобы не пропустить миг, когда наш хранитель появится вновь. – Почему ты прячешься?

– Я не прячусь, – тихий голос снова послышался там, куда я не смотрела. – Просто не хочу лишний раз попадаться тебе на глаза.

– Не хочешь? – Я повернула голову, досадуя, что не увидела, как его фигура проявляется из воздуха. – Почему?

– В этом нет нужды. – Сид стоял в двух шагах от меня, у самой границы барьера, за которой мошкара отчаянно пыталась разбиться о недостижимый свет. – Я должен лишь оберегать тебя в моменты опасности, не более, не менее.

– Зачем? Какое тебе дело до меня и до моей жизни? Кто ты? Ответь, пожалуйста!

По белой тунике фейри висала тонкая вязь красной шёлковой вышивки в виде осенних листьев; вчера мне казалось, что его одежды светятся на солнце, но во тьме их лёгкое мерцание, призрачное, как у синего фосфора или иных грибов, виднелось лишь отчётливее. Босые ступни тонут в тёмной траве, лицо белокожее, молодое – и взрослое до того, что, казалось, вот сейчас он повернёт голову, и сквозь маску юности проступит лик старика. В глазах – тёмная глубина и свет закатного солнца, зимний лёд и тёплые талые воды... печать иного мира.

Он выглядел мальчишкой немногим старше меня, но ему с равным успехом могло быть как двадцать, так и сто двадцать.

– Положим, я давний знакомый твоей матери, и у меня свои счёты с той тварью, что тебя преследует. – Слова бросили равнодушно и почти холодно. – Имя моё тебе ни к чему.

– И как же вы с мамой познакомились?

– Она помогла мне с одним важным делом. Ещё прежде, чем вы перебрались в Мойлейц.

– И всё? И теперь вместо того, чтобы припеваючи жить на Эмайне, ты в благодарность спасаешь её детей от этого чёрного чудища?

Его лицо осталось непроницаемым. Забавно... Прежде при каждой нашей встрече меня захлёстывал страх, но теперь, когда бояться было нечего, я ощущала нечто куда более странное: тёплое чувство долгожданного свидания с кем-то, кого знаешь давным-давно. Раздражающее желание заставить его улыбнуться – или просто ткнуться лбом в его плечо, словно перед тобой старый друг, в чьих объятиях ты привыкла находить утешение. Хвалёное очарование сидов?.. И ведь даже врождённую магическую защиту пробивает: никак не получается ни распознать чужеродную магию, ни поставить блок...

Тому пареньку из лавки такому учиться и учиться.

– Ладно. – Не дождавшись ответа, я скрестила руки на груди. – Спрошу прямо: ты не имеешь никакого отношения к моему отцу?

– Нет. Я с ним не знаком. Эмайн Аблах не столь тесен, как ты думаешь, и с твоей матерью нас связывает лишь общее дело.

Хоть это радует. Быть обязанной засранцу, бросившему нас с Эшем, или его приятелям мне хотелось меньше всего на свете.

– И что это за дело?

– Не суть важно.

– Мама зачаровала для тебя какой-нибудь артефакт?

– Быть может.

– Скажи хотя бы, что это за чёрная тварь! Она правда связана с Ликорисом?

– О чём-о чём, а о нём вам точно думать не стоит.

– Но этот монстр ведь порождение Дикой Охоты, верно?

– Это знание тебе ни к чему.

Ощущение, что я разговариваю с кирпичной стеной, заставило пальцы раздражённо впиться в предплечья.

– Считаешь, мне не нужно знать, кто... или что... хочет меня убить?

– Тебе не нужно знать ничего, кроме того, что тварь эта смертельно опасна. С ней бесполезно бороться, можно только бежать.

– Куда бежать? В Фарге? Там она оставит меня в покое? Но чем Фарге принципиально отличается от всех остальных городов Харлера?

Сид чуть повернул голову, глядя куда-то за моё плечо, – и, прежде чем исчезнуть, коротко велел:

– Оставайся здесь.

Я воззрилась на место, где только что серебрились его волосы, а теперь метались мошки – тёмными крапинками на серости, рождённой слиянием ночи и колдовского света. Оглянулась, пытаюсь разглядеть во тьме сида – или хотя бы то, что вызвало его интерес.

– И почему мне попался такой невыносимый спаситель, – ничего не увидев, пробормотала я, жалуясь неведомо кому.

Странно: мама ни словом не обмолвилась о том, что когда-либо вела дела с сидами. Может, не хотела расстраивать меня, зная о моём отношении к отцу?.. Сама она непостижимым мне образом на него не обижалась: говорила, ей подарили чудесных детей и несколько лет сказки, что неспособен дать ни один человек. Хотя сравнивать ей было не с чем – отец стал её первым и единственным возлюбленным.

Познав любовь фейри с Эмайн Аблаха, ты уже не будешь смотреть на смертных.

Я опустила взгляд на бумажный пакет у ног, скрывавший мой графон.

Я могла достать его и позвонить маме. Прямо сейчас. Хотя бы попробовать. Проверить, возьмёт она трубку или нет.

...а если нет?..

Сзади послышался странный шум. Следом – сдавленный стон. Обернувшись, я невольно попятилась ближе к воде: на траве крючился некто в джинсах и чёрной футболке, пока нависший над ним сид отряхивал руки.

– Он подкрадывался к тебе, – бесстрастно сообщил мой хранитель. – Видимо, преследовал вас от самого Мулена. Кажется, ты его знаешь.

– Не то что... кха... – Лежавший закашлялся. С трудом поднял голову, прижимая руки к животу, явно недавно встретившему чужой кулак. – Не то чтобы знает, но видела.

– Ты? – Потрясённый выдох сорвался с моих губ почти стоном. – А ты что здесь забыл?

Под пристальным взглядом сида пришелец кое-как поднялся на одно колено. Склонил голову, словно присягающий рыцарь.

– Я узрел даму в беде, – серьёзно проговорил знакомый продавец из лавки камней, – и не смог остаться равнодушным. – И поднял лукавый мятный взгляд на моё лицо. – К слову, меня зовут Питер.

Когда-то

Солнце золотит верхушки деревьев, зелёным оазисом примостившихся посреди города. Над ними – сияющее стекло небоскрёбов, греющихся вдали, под ними – шелест фонтанов, воркование влюблённых, радостная беготня и весёлый шум: от детского смеха в парке весело и шумно почти всегда.

По одной из аллей идёт сид в сопровождении девчонки в кедах, джинсах и футболке – странная, неуместная пара. Прохожие то и дело оглядываются на них, застывают, задумываются о чём-то; затем трясут головами, словно псы, вылезшие из воды, и продолжают путь – чуть более растерянные, чем прежде.

– Ты же магией это делаешь, верно? – едва слышно спрашивает девушка, когда очередной встречный замирает, ослобелыми глазами глядя им вслед. – Заставляешь их не обращать на тебя внимания?

– Одни принимают меня за полукровку, – отвечает её спутник. – Других нетрудно убедить, что я им неинтересен.

Ради прогулки сид облачил ноги в лёгкие замшевые туфли, но облик Коула всё равно кричит о его нездешности. Запахи леса, гор и мха шлейфом струятся за его спиной, перебивая ароматы города и сластей, ждущих покупателей в передвижных ларьках; асфальт под его ступнями смотрится так же неуместно и почти дико, как если бы оба они босыми шли по стеклу.

– Лучше бы в призрачной форме рядом шёл.

– Лишь в телесной оболочке чувствуешь себя живым в полной мере.

Девушка молчит. Только ни в чём не повинный камушек, подвернувшийся под ноги, досадливо отлетает от мыска её кеда.

– Ваши музеи великолепны, – говорит Коул с улыбкой, солнечным зайчиком скользящей по его губам, – хоть мне и жаль те вещи, что вы скрываете за стеклом. Вещами должно пользоваться, не любоваться на них.

– Обычно мы так и делаем, но тогда они быстро выходят из строя. – Девушка разъясняет это устало, но не с той усталостью, что в любую минуту грозит перерасти в раздражение. – Если не сберечь хотя бы по одному экземпляру этих вещей в сохранности, мы не будем знать, чем пользовались наши предки для того или иного...

– Вещи тоже жаждут чувствовать себя живыми. По меньшей мере нужными. В пребывании за стеклом жизни нет. А ваши картины... Скажите, вы не находите это жутким: любоваться на застывшее изображение вместо настоящих вещей? На неживые лица давно умерших людей?

– Какие-то вещи к нашему времени как раз и сохранились лишь на картинах. Эти люди, как ты сам сказал, давно умерли, а картины – память о них. Музеи – дань памяти, дань уважения и любви к прошлому. Разве это плохо, хранить память о чём-то?

– Мы храним живую память. Всё, что мы видели, живёт в наших мыслях. Всё, что отжило свой век, лучше отпускать с миром. Если вещь сломалась, от неё избавляются. Родитель всегда может рассказать своим детям то, о чём помнит сам.

– Вот только вы бессмертны, в отличие от нас. Думаю, в вашем мире очень мало вещей, которых старейшие из вас не видели лично.

Коул оглядывается – будто в поисках ответа. Неподалёку вокруг качелей и горок бегают дети, на лавках болтают счастливые пары и благостно щурятся на солнце старики; сид смотрит ещё дальше, и в его глазах росой блестит удивление.

– Это кони?

Проследив за его взглядом, девушка улыбается:

– Почти. Деревянные. И ездят только по кругу.

– Всё лучше, чем ваши железные повозки. Сопроводите меня к ним?

Она хмыкает. Первой направляется к карусели – круг с резными фигурками лошадей, украшенный пёстрой росписью, медленно вращается вокруг своей оси. Карусельщик скучает в будке: сейчас на аттракционе смеются несколько детей, но очереди из желающих поучаствовать в следующей поездке не видно. При появлении странных клиентов парень устремляет на Коула изумлённый взгляд, но пару секунд спустя изумление на его лице снова сменяет скука, и карту у девушки он принимает, не задавая вопросов.

Минутой позже сид и его спутница уже поднимаются на круг, занимая ближайшую пару лошадок: белых, в красных пополах, с умильными нарисованными мордочками. Что-то щёлкает, воздух наполняют перезвоны механической мелодии, словно кто-то открыл музыкальную шкатулку, и карусель делает первый оборот.

Коул сидит, глядя перед собой. Его лицо задумчиво, его взгляд – за грань настоящего, его мысли – не здесь. Девушка украдкой рассматривает его из-под длинной косой чёлки – и тоже молчит, и какое-то время металлическую музыку разбавляет лишь далёкий гул чужих голосов да шёпот воды, льющейся между каскадами далёкого фонтана.

– Сколько тебе лет, Коул? – спрашивает она наконец.

Сид встречает её взгляд, но не торопится с ответом.

– Ты же действительно молод, так? Я сперва думала... по вам же не поймёшь, и я думала, что мы только выглядим почти ровесниками. Но ты и правда немногим старше меня. Верно?

– Трудно сказать. Я вполне мог родиться, ещё когда под этим небом ходил ваш далёкий предок. – Он говорит так, будто размышляет вслух над загадкой, ключ к которой ему и самому хотелось бы найти. – Наше время течёт не так, как в Харлере. У нас нет поворотов Колеса, и природа не умирает, отсчитывая полный круг. Мы не считаем прожитые годы, ведь в этом нет нужды. Но да, по нашим меркам я мальчишка... по вашим, наверное, тоже.

Она кивает – едва заметно, но с таким удовлетворением, будто её наконец отпустило то, что терзало уже давно.

– Мы бессмертны, но это не единственное, отчего нам нет нужды в музеях, – произносит сид, словно они всё это время говорили на тему, начатую ещё на аллее. – Наш мир не меняется. Не так, как ваш. Я узрел сегодня, какими разными были людские города в прошлом

столетии и в этом. Технологии... всё дело, верно, в них? Или в вас? – Он смотрит на собеседницу столь пристально, словно подсказка скрыта в её лице. – Жизни ваши коротки, и вы не можете тратить время на такие мелочи, как ткать себе одежду, греть воду, разводить огонь в очагах... охотиться на дичь, а не получать её готовой. Чтобы не расходовать минуты и часы попусту, вам приходится неустанно двигаться вперёд, изобретая машины, что сделают ваше существование проще.

– А вы всё делаете руками? Даже знать?

– У нас нет знати и бедняков. Главный наш слуга – магия. И духи – саламандры, ундины и сильфы, что похожи на мерцающие тени, отражённые в воде. Но даже Благая Королева не считает зазорным ткать рубашки своему королю и обращать мягкую паутину в шёлк своих платьев. Прислуживать ей за столом или приготовить её обед для любого из её свиты – не обязанность, но величайшая честь. Нам достаточно спеть дереву, чтобы оно загорелось, и попросить воду, чтобы она стала тёплой. Но в вашем мире такое, должно быть, всё равно бы не вышло... в нём работает лишь ваша магия.

– Почему?

– Железо. Вы окружили себя железом.

– Но у нас очень мало железа. И чугуна, и стали... по крайней мере, там, где их можно коснуться. Я думала, вам только они вредят. – В её лице расцветает смущение, словно девушке неудобно, что родной мир, в отличие от неё, не столь радушен к гостю из Дивной Страны. – Мы стараемся использовать медь, алюминий, свинец... Низших фейри железо ведь тоже обжигает, а они здесь повсюду. Не будешь же делать всё только для людей.

– Железо жжёт нас огнём, это верно. Но дело не в том. Для нас весь мир звучит, поёт, как музыка, и у каждой стихии – своя песня. Достаточно подхватить её мотив, и она подчинится тебе. Такова наша магия... *истинная* магия. Лишь железо молчит, и даже примесь его, невидимая глазу, обрывает чужую песню. Его бесполезно просить о чём-либо: оно безжалостно и глухо, а потому мир ваш – как та музыка, которая звучит сейчас, и петь в нём тщетно. – Он кивает наверх, будто над их головами или у крыши, разрисованной под облачное небо, можно увидеть механические ноты, звонким металлом разливающиеся в воздухе. – Впрочем, ни люди, ни низшие фейри истинной магией не

владеют, и нет ничего удивительного в том, что вы предпочли железо и технологии.

Девушка сидит, держась ладонями за медный столб, колышущий лошадку под ней вверх и вниз. Она смотрит на профиль сида, тонкий, словно карандашный росчерк; мир за его лицом плывёт, размываясь в дымке жары и головокружения.

– Странный он, ваш мир... Чужой, непривычный, неудобный. Не для нас. Но его жители... вы, люди... вы меня восхитили. И мир ваш удивителен, как вы сами. – Когда Коул вновь поворачивает голову к своей спутнице, в его взгляде светится неотражённое солнце. – Вы такие хрупкие. Ваш век так недолог. Вы летите от рождения до смерти падающими звёздами, но за свою короткую жизнь свершаете столько, сколько иные фейри и представить не могут, и прокладываете дорогу к иному, собственному бессмертию. Память предков, что вы бережёте, творения, что вы оставляете после себя, знания, что вы передаёте из поколения в поколение... Это живёт в вас, таким образом не умирая. Может, потому люди, которые наведывались на Эмайн Аблах, и возвращались порой в Харлер много позже? Мы застыли в вечном безвременье, а вы... Время здесь никогда не стоит на месте – оно без усталости идёт вперёд вместе с вами.

Она невесело улыбается – одновременно с тем, как стихает музыка и карусель тормозит, заходя на последний круг.

– Забавно. Всегда думала, что сиды считают нас ничтожествами.

– Если б кто-то из моих сородичей назвал вас ничтожеством, он поплатился бы за это так дорого, что до конца вечности едва ли осмелился бы сказать о смертных дурное.

Её улыбка переходит в усмешку.

– Странное чувство, – говорит она. – Ты всего три дня как мне на голову свалился. Мы с тобой из абсолютно разных миров. Но иногда мне кажется, что я тебя всю жизнь знаю. Будто ты – старый друг, с которым мы ещё в одной песочнице играли. Вот видишь... я даже говорю тебе это, хотя должна, по идее, свои мысли держать при себе. И с чего вдруг?

Сид отвечает ей одним лишь долгим взглядом, и пару секунд они смотрят друг на друга, не замечая, что мир вокруг уже перестал кружиться.

Затем, подчиняясь окрику карусельщика, девушка встряхивает головой – и соскакивает со своей лошадки, оставляя Коула смотреть ей в спину.

– Та истинная магия, о которой ты говорил, – произносит она, когда сид нагоняет её на центральной аллее парка, тянущейся под деревьями к площади впереди, где пенятся и искрятся на свету воды фонтана, – звучит интересно. Жаль, что нельзя посмотреть.

– Отчего же нельзя? Нужно только место подальше от города. Подобное тому лесу, где я встретил вас.

– Правда? Тогда можешь... однажды... показать мне что-нибудь? Хотя бы безобидный фокус?

– Когда придёт время, буду к вашим услугам.

– А когда оно придёт, видимо, ты решишь сам?

Коул ничего не говорит. Лишь улыбка его в который раз отвечает ей без слов. И пока они идут по широкой аллее, поросшей дубами и буками, мимо прохожих, старательно глядящих сквозь них, даже слух феяри едва смог бы разобрать досадливое девичье бормотание:

– И почему мне попался такой невыносимый гость...

Нынешнее время

Продавец камней смотрел на меня снизу вверх, стоя на одном колене в летней ночи, но я только хмурилась.

Ни красивые жесты, ни красивые слова о даме в беде не могли купить моё доверие. Тем более сейчас.

– И как ты нашёл нас здесь, *Питер*?

Тон мой сочился таким же скепсисом, какой я привыкла слышать от Эша.

– Воспользовался обеденным перерывом и проследил за тобой до гостиницы. – Значит, мне не чудилось!.. – Потом вернулся, дождался конца рабочего дня... к счастью, мы рано закрываемся, а то не успел бы... запер магазин, решил снова прогуляться до твоего отеля и увидел, как вы садитесь в мобиль. Я сел в другой и поехал за вами. Вот и весь сказ.

– Ты же пешком шёл до отеля, – заметив несостыковку, цепко уточнила я. – Откуда тогда мобиль?

– От одного милого человека, который как раз парковался неподалёку от «Мельницы». – Парень отвечал на мои вопросы так охотно, точно для него не было в этой жизни большего удовольствия. – Он согласился мне его одолжить. Сейчас его металлический конь ждёт меня на шоссе.

– *Одолжить?* А ты случаем не с помощью эмпатии об этом просил?

Питер пожал плечами с восхитительной невозмутимостью.

– Если откажешься взять меня с собой, поеду обратно в Мойлейц и верну мобиль туда же, откуда взял. Если нет – брошу его здесь. Он подключён к сети, его быстро отследят и найдут. Владелец ближайшую неделю будет любить меня, как родного сына... правда, на всякий случай я излагал просьбу со спины и не показывал ему своего лица... так что, полагаю, он окажется не в обиде.

– Ты угнал мобиль?!

– Не угнал, а одолжил, говорю же. Я ведь не собираюсь оставлять его себе или продавать – просто у меня не осталось времени бежать до дома за собственным. Тебе нужна была помощь.

– Мне? И что же навело тебя на эту мысль?

Если б не сид, стоявший рядом немым стражем, я бы вряд ли решилась на подобный допрос. Скорее бы уже вырубил пришельца и неслась к Французику, чтобы будить Эша и сматываться.

Но в его присутствии мне едва ли стоило бояться одного безоружного парнишку.

– Не обижайся, но вид у тебя, как у типичной девочки в беде. Бледная, решительная, пришла одна, с полным кошельком наличных... да ещё купила амулеты для иллюзий, а такие штуки просто для красоты не носят. И кости... Тут даже эмпатии не нужно. Но то, что я успел считать, мне не понравилось.

– Не этот ли самый полный кошелек тебя заинтересовал? – спросил сид бесстрастно.

Взгляд, которым Питер одарил моего хранителя, был далёким от дружелюбия:

– Ты у нас, видимо, с Эмайна явился? Так вот, гость из Дивной Страны, ты ничего не знаешь о людях. А обо мне тем более.

– Одно я знаю точно: людям редко свойственен... альтруизм? Кажется, вы так это называете?

– Это не альтруизм. Скорее искупление. – Зелёные глаза, в свете волшебного фонарика искрившиеся почти так же ярко, как камни, которыми торговал их обладатель, вдруг опустились. – Просто... однажды ко мне в лавку уже заходила такая же девочка. Этот вид... как будто за спиной горят все мосты, которые могут сгореть, а ты из последних сил держишься, чтобы не обернуться. И эмоции... я же эмпат, я их чувствую. Боль. Отчаяние. Ровно то же, что у тебя. Она тоже покупала амулеты и карты для самозащиты. Я понял, что ей нужна помощь, но промолчал, и она ушла. – Когда Питер вновь поднял взгляд на моё лицо, всё лукавство из него исчезло безвозвратно. – Через месяц я прочитал в новостях, что стража нашла её обезображенный труп.

В его голосе даже сейчас без труда читалась вина – и меня передёрнуло неловким, пугающим ощущением, какое порой чувствуешь, когда смотришь на чужую рану.

Ладно, *это* многое объясняло.

– И ты до сих пор переживаешь из-за гибели той, кого даже не знал? – не смилостивившись, произнёс сид.

– Какая разница, знал или не знал? Мы так часто проходим мимо незнакомцев, которые нуждаются в помощи, просто потому, что не хотим лезть не в своё дело. Или не хотим, чтобы их проблемы стали нашими проблемами. Они скрываются из виду, мы мгновенно их забываем, и если б я забыл ту девчонку, сейчас я лежал бы в кровати у себя дома и видел десятый сон. Но я не забыл. – Питер посмотрел на моего хранителя так дерзко, будто из них двоих не он стоял на коленях, джинсами собирая росу с густой травы. – И тебя вряд ли забуду. – Когда он снова встретился со мной взглядом, в мятных глазах светилась обезоруживающая открытость. – Я не хочу увидеть новость про ещё один знакомый труп, которого могло бы не быть, если б я помог.

– Почему ты ничего мне не сказал? Ещё там, в лавке? – вымолвила я. – Почему преследовал меня тайком?

– Если бы я спросил, нужна ли тебе помощь, ты бы наверняка ответила «нет» и добавила бы, что у тебя всё прекрасно. Скажешь, неправ?

Я отозвалась молчанием, которое в данном случае абсолютно верно истолковывалось знаком согласия.

Скорее всего, мне бы очень захотелось ответить «да». Только я бы не осмелилась.

– Я не знаю, что или кто тебе угрожает, – продолжил он, – но тебе нужна защита. Если я смогу помочь тебе своим даром вместо того, чтобы растрачивать его на охмурение клиентов, я буду рад. И готов защищать тебя, пока ты не окажешься в безопасности.

– Чтобы нагнать Лайзу, тебе пришлось преодолеть немало трудностей. И предстоит ещё больше, если она соблаговолит избрать тебя своим спутником, – невыразительно заметил сид. Что верно, то верно: даже если забыть о чёрной твари, Питер сорвался за мной с одной лишь маленькой кожаной борсеткой – возможности заглянуть домой за вещами ему, как и Рок, не предоставили. – Люди, о которых я ничего не знаю, всегда готовы пойти на такое ради спасения незнакомых дев?

– Тебя бы поедом совесть ела последние пару лет, может, ты бы меня и понял.

Сид лишь моргнул: длинные ресницы блеснули в лунном свете крыльями серебристых мотыльков.

– Тебе решать, Лайза, – сказал он, глядя мимо моего лица.

Слышать своё имя из его уст было странно – словно зов кого-то родного. Близкого. Знакомого тебе всю жизнь, и даже не одну.

Треклятая магия сидов...

– Значит, хочешь меня защитить? – когда я перевела взгляд на Питера, тот смиренно ждал вердикта. – Не зная, куда я направляюсь и что за опасность мне грозит?

– Вряд ли она опаснее той, что способна превратить юную симпатичную девушку в обезображенный труп, – криво улыбнулся он.

– Но меня уже есть кому защищать. Например, ему. – Я кивком указала на сида, внимавшего диалогу с восхитительным равнодушием. – И брату. И одной баньши, которая сегодня тоже увязалась с нами.

– Я заметил. Видел вашу встречу в парке. Но у той девчонки тоже могли быть спасатели, которые ей не помогли, так что для меня разницы нет. – В его взгляде разливалась почти смертельная серьёзность. – Слушай, это действительно только тебе решать. Я прекрасно понимаю: свалился какой-то странный парень на голову, а у тебя и так горе, и каждой тени боишься... Не отрицай – я всё это

чувствую вместе с тобой. Если ты скажешь «нет», я поеду обратно в Мулен, верну мобиль владельцу и завтра утром выйду на работу. Но... возможно, ты подумаешь, что я сумасшедший, но... просто знай: если возьмёшь меня с собой, я лучше умру, чем дам тебя кому-то в обиду. Кто бы там тебя ни преследовал.

Тоже мне, рыцарь нашёлся... Нет, всё же он очень странный.

...или просто удивительный.

– Тебе что, настолько жизнь не дорога?

– Ни родных, ни друзей, ни семьи – чем тут дорожить? Я знаю одно: если помогу тебе, наконец прощу сам себя. А если не помогу... хотя бы попытаюсь. Всё лучше, чем жить, считая себя трусом и тряпкой.

Я смотрела в прозрачную зелень его глаз, встречавшую мой взгляд подкупающей смелостью.

...да, если подумать, трогательная история с умершей незнакомкой могла оказаться ложью, а менее подозрительным его внимание ко мне от этого не делалось, но было в Питере что-то, отчего ему очень хотелось верить. Даже без внушения: единожды распознав его магию и поставив блок, мне не было нужды его возобновлять. И, в конце концов, сорвалась же Рок с нами лишь из смеси сочувствия и журналистского интереса.

Что я теряю, в самом деле? Даже если он не тот, за кого себя выдаёт, сид всегда рядом, чтобы меня защитить. В противном случае иметь под рукой сильного эмпата совсем неплохо.

Хотя бы на случай, если нас всё-таки нагонит стража.

– Должна предупредить, что мы едем в Фарге... а это, мягко говоря, далеко от Мулена... и за мной охотится одна тварь, которая очень опасна. Нечисть. Порождение Дикой Охоты, – решившись, честно сказала я. – Если тебя это не пугает, добро пожаловать в команду.

Когда Питер поднялся с колен, широкая улыбка светилась на его лице, казалось, ярче моего фонарика:

– Нечисть не так страшна, как люди. Люди умные. – Загорелая ладонь потянулась ко мне, без труда скользнув сквозь прозрачную стену защитного контура. – Рад знакомству, Лайза. Я еду с вами.

Сид немим поручителем наблюдал, как мы жмём друг другу руки. Когда чужие пальцы, сухие и тёплые, отпустили мои – прохладные,

чуть влажные от волнения, – отступил к ивам.

– Раз вы поладили, я вас оставляю, – резюмировал он без тени эмоций: даже попытка понять, осуждает он или одобряет моё решение, была бессмысленной. – Я буду неподалёку.

Лунная тьма поглотила его ещё быстрее, чем дневной свет в тот день, когда я впервые увидела его на перекрёстке. Вчера, это же было только вчера... Боги, почему у меня ощущение, что я пропалывала кабачки и шла в дом, чтобы услышать от мамы приказ уехать, вот уже месяц назад...

– Сид, чтоб его, – отплёвываясь от мошек, завистливо вздохнул Питер. – Хотел бы и я так перемещаться.

– Иди сюда, в круг. – Я села прямо на траву, скрестив ноги в кедах, словно собралась медитировать. Наконец вытащила из картонного пакета свой графон. – А то пока мы болтали, комары наверняка тобой и так знатно поужинали.

Уговаривать его не потребовалось.

– А ты, похоже, неплохая магичка, – констатировал Питер, изнутри окинув взглядом границы купола, очерченные бьющимися в них мошками.

– Так себе, но совершенствуюсь.

Прежде чем положить графон на траву перед собой, я повертела его в руках. Посмотрела на царапины на алюминиевой трубке и наклеенный на неё стикер – потёртый рисунок длинной стеклянной колбы, внутри которой переливалась горстка серебристых звёзд. Лишь один из той кучи стикеров, что дарила мне Гвен.

Все мои фото, все видео, все документы хранились в облачном сервере. И всё равно я не могла прогнать ощущение, что вместе с гаджетом я уничтожу часть своей жизни. Той, в которой у меня ещё был дом. Подруга. Мать.

Мама в порядке, напомнила я себе, глубоким вдохом приглушая волну боли и страха, всплеснувшую где-то в животе. И, если уж на то пошло, ты не можешь быть уверена, что Гвен с родителями мертвы.

Если сид вытащил из дома маму, кто мешал ему проделать тот же трюк с Хайлинами? Кто мешал твари, явно наделявшей жертв сопротивлением к магии, заставить их прорваться сквозь Печать и покинуть дом до взрыва?..

– Как же ты бросишь работу? – спросила я, наконец опустив графон на землю.

– Легко. Я в этой лавке всё равно на испытательном сроке, полтора месяца отмотал на прошлой неделе. Как раз зарплату получил. – Питер сел рядом: не так близко, чтобы заставить меня отодвинуться, но и не так далеко, чтобы его достала мошкара. – Думаю, хозяин даже не удивится.

– Но, уверена, огорчится. Подозреваю, с твоим появлением продажи в его лавочке подросли. – Я уже чувствовала энергетические потоки, разлитые в воздухе: они текли сквозь мои пальцы и расправленные ладони, нависшие над графоном. Когда гаджет окутало сияние белее и пронзительнее, чем свет, собравшийся в шарик над моим плечом, сощурилась. – У тебя и правда никого нет? Ни семьи, ни друзей?

Мне не было нужды всерьёз контролировать потоки силы, которые я вливала в графон. В заклинаниях – тоже.

Разрушать всегда легче, чем создавать.

– Мать погибла, когда мне было пять. Отец умер тремя годами позже. Меня воспитывала бабка, но её не стало несколько лет назад. В Мулен я переехал недавно, так что друзьями обзавестись не успел. Во всяком случае, такими, которые стали бы обо мне беспокоиться.

Наблюдая, как светящееся марево гаснет, будто впитываясь в графон, я сжала пальцы в кулаки.

Молодец, Лайза. Тактичность уровня «бог».

– Извини, – сказала я – как могла мягко. – Не хотела давить на больное.

– В твоей ситуации вопрос естественный. – Питер только плечами пожал. – Я понимаю, что это кажется странным – с моими-то талантами... и внешностью. И скромностью. Но это правда: мне нечего терять. Потому я и сорвался вот так за тобой.

Алюминиевая трубка пошла мелкими трещинами. Секундой позже гаджет распался на кусочки, рассыпав по земле чипы, осколки аккумулятора и материнской платы; следом всё это обратилось серой пылью, затерявшейся в густой траве.

– И не жалко?

– Жалко. Но мы лучше купим новые. – Я вытащила из бумажного пакета графон Эша. – По этим нас с братом будет искать стража.

Жалко было. Ещё как. И совсем не из-за денег. Да только Эш прав. Лучше думать, что мама при всём желании не может нам позвонить, чем ждать её звонка – и не дожидаться.

– У вас и со стражей проблемы?

Судя по насмешливой улыбке, новость вызвала у Питера скорее веселье, чем страх.

– Пока нет. Но, я подозреваю, будут.

– Потрясающе. Может, заодно расскажешь, зачем вам в Фарге и что за тварь вас преследует?

Я вновь расправила ладони – уже над другим графоном, – готовясь второй раз за день завести свою нерадостную повесть:

– Как бы тебе сказать...

* * *

Когда слова – про маму, Гвен, мобиль и Ликориса – закончились, оба графона уже были пылью, смешавшейся с землёй, а в пакете лежали три готовых амулета. Пока я зачаровывала их, рассказ пришлось прервать, но Питер не проявлял нетерпения: просто сидел, наблюдая за движениями моих рук, и колдовской свет светлячками плясал в его зрачках. Он и слушал так же – не перебивая, не задавая вопросов. Я редко смотрела на него, но когда смотрела, лицо его ничего не выражало; при этом оно не казалось мне равнодушным – просто меня слушали так внимательно, что это внимание вытеснило все эмоции.

Странно, но сейчас рассказ дался легче, чем днём. Мне даже ни разу не захотелось плакать.

– Несладко вам пришлось, – подытожил Питер наконец. – Значит, вы думаете, что во всём виновен Ликорис.

– По крайней мере, других подозреваемых у нас нет.

– Интересно. – Он помолчал, глядя на колдовской огонёк над моим плечом; отражение волшебного пламени распускалось в глубине его глаз диковинными цветами, белыми узорами в зелёном стекле. – Эта тварь... знаешь, по твоему описанию...

– Похожа на Кромешника?

– Именно.

– Мы уже заметили. – Я встряхнула ладони, расслабляя уставшие руки. – Думаю, Кромешник реален. И это фомор, чьё существование ещё официально не подтвердили.

– Если вас преследует фомор, как вам поможет поездка в Фарге?

– Не знаю. Просто... мама просила нас ехать в Фарге. И ничего другого нам всё равно не остаётся.

Под изучающим взглядом Питера я вдруг остро осознала, насколько неуверенно звучат мои собственные слова.

– Но по дороге, если это возможно, мы хотим побольше узнать про этого Ликориса. – Это прозвучало оправданием – и, раздражённо разогнув ноги, я встала. Питер немедленно поднялся следом; кажется, он дёрнулся ко мне, желая помочь, но в последний момент решил, что я предпочту остаться сильной и независимой, и был прав. – Тот, кто спалил наш дом и... в общем, он не должен разгуливать безнаказанным.

– А этот сид, который вас спас... Стало быть, ты понятия не имеешь, кто он?

– Сид с Эмайна, который в прошлом имел какие-то дела с нашей матерью. На этом всё. Он даже прозвище своё не хочет говорить, тот ещё любитель нагнать туману, – мстительно процедила я, зная, что предмет разговора наверняка стоит рядом.

В одном задумчивом «хм» прозвучало всё, что Питер думает по поводу всяких сомнительных фейри из Дивной Страны.

– Ладно, – изрёк он. – Утро вечера мудренее. На ночлег мне устроиться здесь, под ивами, охраняя покой прекрасной дамы?

– Лучше иди в свой *одолженный* мобиль. Мой покой и без тебя есть кому охранять.

– Увы, я у миледи не единственный рыцарь. – Питер развёл руками так, словно видел и в этом свою вину. – Тогда разбудишь меня, как поедете?

– Осмыслю за ночь всё, что ты мне рассказал, и подумаю.

– О горе мне, коли рассказ мой не угодил миледи! Впервые за долгие годы проснулось во мне благородное намерение спасти кого-то от ужасных напастей, но неужели суждено ему так бесславно уснуть обратно?

– Иди уже спать. – Спрятать невольную улыбку стоило мне немалых усилий. – И не играй в куртуазных фейри с Эмайна, мне

одного хватает.

Питер шутливо поклонился. Развернулся и направился к ивам, весело и чисто насвистывая квиновскую Don't Stop Me Now: сумасбродный рыцарь в чёрном, уходящий в ночь по велению новоиспечённой госпожи.

– Питер...

Негромкий оклик заставил его обернуться – и помимо мятных глаз на меня взглянули Брайан Мэй, Джон Дикон, Роджер Тейлор и Фредди Меркьюри, высокомерно задиравший голову на его футболке.

– Я тоже рада с тобой познакомиться.

Он лишь улыбнулся, прежде чем продолжить путь.

Я подождала, пока он скроется в темноте. Не торопясь пошла следом, к Французику, притаившемуся среди плачущих ветвей; перед тем как открыть дверцу, шепнула «эмин», и огонёк над моим плечом погас. Эш безмятежно спал на тканевом диванчике заднего сиденья, Роксэйн устроилась на переднем, листая ленту Твиттера.

– Долго ты, – шёпотом заметила баньши, когда я тихо прикрыла дверь мобиля. – Всё в порядке?

– Насколько это возможно. – Я откинула спинку сиденья и положила ноги на бардачок, так, что в итоге вышло почти лечь. – С некоторыми неожиданными обстоятельствами познакомлю тебя завтра.

Не дожидаясь реакции, отдалась подступающей дремоте.

Зеленоглазые обстоятельства и правда вышли неожиданными. Но из всех неожиданностей, приключившихся с нами за последние дни, эта оказалась одной из самых приятных.

В общении так уж точно.

* * *

Утро для меня началось с деликатного стеклянного стука, за которым последовал нервный вскрик Роксэйн.

Мгновенно перейдя из полулежачего положения в сидячее, я посмотрела в окно: за тонированным стеклом маячило любопытное лицо Питера.

– Спокойно, это свои, – зевнула я, успокаивая баньши. Поморщилась от неприятного покалывания в затёкшем копчике; кое-

как протерев глаза, нажала на кнопку, открывая окно. Поток тёплого воздуха с улицы разбавил прохладу, нагнанную кондиционером. – Кажется, ты хотел, чтобы я тебя разбудила.

– Так вышло, что я проснулся сам и дерзнул пробудить миледи ото сна, дабы удостовериться, что она не уедет без меня. – Приставив ко лбу ладонь козырьком, прикрывая глаза от пронзительного утреннего солнца, Питер перевёл взгляд вглубь салона. – О, знакомые лица...

– Лайза, кто это?!

– Ах да, вы же ещё ничего не знаете, – сказала я так непринуждённо, точно запамятовала о сущей мелочи. – Знакомьтесь: Питер. Он тоже хочет нам помочь. А ещё он мощный эмпат, так что его помощь нам пригодится.

– Ничего себе набежало помощников! – подал резкий голос Эш, рывком сев на заднем сиденье. – Откуда он вообще взялся?

– Мы с ним вчера столкнулись в Мулене. Случайно. Питер понял, что я в беде, проследил за нами досюда и предложил свои услуги.

Эш смерил меня взглядом, ясно говорившим: такого легковерия он не ожидал даже от своей наивной сестрѐнки, вечно витающей в музыкальных и книжных облаках.

– Лайза, я не склонна паниковать, – осторожно проговорила Роксэйн, – но при известных обстоятельствах такие помощники выглядят немного... подозрительно.

– Да у него на лице всё написано! На смазливом лице крупными буквами – «подлец»...

– Эш! – укоризненно воскликнула я.

– Какой милый, вежливый малыш, – усмехнулся Питер, положив локти на опущенное стекло. – Эш, значит? Я тоже рад встрече.

Кажется, на нерадушный приём со стороны моих спутников он ничуть не обиделся. Впрочем, их тоже можно понять.

Наверное, стоило всё же разбудить Эша вчера и поговорить с ребятами ночью, чтобы теперь Питеру не пришлось выслушивать *это*, но я была слишком вымотана, а умные мысли всегда приходят постфактум.

– Эш, я польщена, что родной брат считает меня мелкой наивной дурочкой, только вчера выпустившейся из детского сада, но я не склонна доверять кому-то ни с того ни с сего, – вымолвила я со всем

терпением, которое у меня оставалось. – Мы с Питером вчера имели долгий разговор под присмотром сида, который не стал возражать против его присутствия. Причины, по которым Питер захотел нам помочь, я нашла убедительными. А тебя, Роксэйн, вполне можно считать таким же «внезапным помощником».

– Я – другое дело, – откликнулась баньши с таким возмущением, словно путешествовала с нами уже месяц. – Я совершенно случайно столкнулась с тобой на улице. Даже шла не *за* тобой, а *навстречу* тебе.

– А я совершенно случайно забрела в лавку Питера. Никто меня туда силком не тащил. И сид ни слова не сказал против него, а фейри с Эмайна поголовно эмпаты. Если бы Питер... питал ко мне противоестественные чувства, сид это увидел бы.

– Спасибо за деликатную формулировку, – усмехнулся Питер, от которого моя заминка в последней фразе не укрылась.

Роксэйн посмотрела на его усмешку. Щёлкнула по кнопке открытия дверцы – уже безмолвно.

Почувяв неладное, я жестом попросила Питера отойти. Последовав примеру баньши, вылезла из мобиля под иву – крона просеивала длинными листьями солнечный свет, ложившийся на траву золотыми перьями. Баньши к тому времени встала чуть поодаль, подолом юбки подметая траву, и когда она разомкнула губы, тихий голос понравился мне ещё меньше, чем выражение её лица.

– Парень, что ты от нас скрываешь?

Питер задумался о чём-то. Тяжело вздохнул.

– Вообще такое не рассказывают знакомым при первой встрече, но иногда я балуюсь фильмами неприличного содержания. А в детстве меня задирали один мальчишка, так я однажды не выдержал и дал ему коленкой прямо в...

– Очень смешно. Ты ведь сталкивался с той тварью, что преследует Лайзу?

– Кромешник? – Брови Питера взлетели вверх в искреннем изумлении. – Думаю, если б я с ним столкнулся, я бы это запомнил.

– В чём дело, Роксэйн?

– Его тень, Лайза. Такая же, как у Эша. Такая же, как была у той девушки в отеле. – Лазоревые глаза баньши не моргая вглядывались в новоявленного спутника. – Тень неопределённой смерти.

С лёгким жужжанием опустилось ещё одно стекло, открыв заинтригованное лицо Эша.

Я уставилась на Питера, но тот казался ошарашенным не меньше моего.

– Не знаю, о какой тени ты говоришь, – изрёк он, – но богами клянусь: не видел я никакой тварь. Я о Кромешнике до вчерашнего дня только в Сети читал да с иными знакомыми разговаривал.

– Врёт, – отрезал Эш злорадно.

– Я говорю о тени твоей смерти, Питер. До недавних пор мне не встречалось людей, день смерти которых был бы мне неизвестен, но вчера я увидела Эша, которого эта тварь чуть не прикончила, а потом – человека, который был ею одержим. Сегодня я вижу тебя, и за твоей спиной – ту же размытую тень, что у них. Тень, по которой невозможно определить, сколько осталось тебе до встречи с Великой Госпожой. Всё ещё будешь отпираться?..

– Тварь тут ни при чём.

Голос сида вплёлся в песню далёкой воды и ивового шелеста; когда мы повернули головы, он шёл к нам со стороны реки, и гибкие длинные ветви при его приближении раздвигались сами собой.

– Тварь тут ни при чём, – повторил фейри, неслышно ступая по траве, льнувшей к его ногам. – Однако я рад, что даже избранница Владычицы Предопределённости не поняла, в чём дело.

– Рад? – Роксэйн смотрела на него без восторга. – С чего бы тебе этому радоваться, гость из Дивной Страны? Опять байки про то, что знание об опасности само по себе опасно?

– Неважно. Но этот мальчик не лжёт. Он непричастен к вашей беде. Можете брать его с собой, коли ему не терпится умереть.

– А ты, смотрю, об этой твари знаешь побольше всех присутствующих, только рассказывать почему-то не спешишь, – недобро заметил Питер.

– Дай тебе боги, чтобы ты не узнал того, что знаю я. – Сид безучастно отвернулся. – Вам известен пункт назначения: Фарге. Езжайте туда. Не медлите. Прочее вам ни к чему.

Мигом позже на месте, где он был, лишь шуршали на ветру ивовые ветки, заставив меня задуматься о том, все ли сиды склонны к позёрству.

– Вот вам и ответ, – подытожила я. Обвела спутников взглядом, в котором наверняка читался вызов. – Питер ни при чём.

– И вопрос лишь в том, почему мы должны доверять неизвестному сиду с Эмайна, – резонно возразила баньши. – С чего ты мнишь его слова истиной в последней инстанции?

– Мама ему доверяла. И нас просила о том же. Он говорил, что у него свои счёты с этой тварью, и уже трижды спасал мне жизнь. По-моему, после такого глупо сомневаться в том, что в конечном счёте он желает нам добра.

– Ладно, леди... и малыш. – Питер ослепительно улыбнулся Эшу; ответный взгляд брата резанул синей сталью не хуже опасной бритвы. – Решайте уже, берёте вы меня с собой или нет. А то через час-другой я позабуду обо всех своих рыцарских побуждениях за кусок чего-нибудь съестного.

– Берём, – непреклонно заявила я.

– Берём, – помедлив, неохотно кивнула Роксэйн, выразив этим жестом вежливое сомнение в собственном здравомыслии. – А там посмотрим.

– С мнением большинства не поспоришь, – процедил Эш, – но учти... *старик*: я с тебя глаз не спущу.

– Старик польщён, – отозвался Питер добродушно. – Не сказать, правда, что я обделён по жизни пристальным вниманием других людей, особенно представительниц противоположного пола, но новые поклонники – это всегда приятно.

Не удостоив его ответом, Эш скрылся за поднявшимся стеклом; через открытую дверь я видела, как брат, не выходя из мобиля, ловко перелезает с заднего сиденья в кресло водителя.

Что ж, будем считать, мы договорились.

Вернувшись в мобиль, чтобы занять место по левую руку от Эша, я достала из бумажного пакета зачарованный вчера амулет: кожаный круг на тонкой бечёвке, украшенный дымчатым кварцем и перьями зимородка. Брат уже сосредоточенно заводил двигатель.

– Где планируешь следующую остановку? – спросила я.

– В Динэ.

Динэ. Город, который когда-то был нашим родным.

Город, где недавно нашли труп девушки, которая незадолго до смерти видела Кромешника...

Размышления прервал хлопок, с которым закрылась задняя дверца: Питер устроился на тканевом диванчике, вольготно закинув ногу на ногу, пока Роксэйн жалась в углу, отодвинувшись от новоявленного соседа подальше.

Оставалось надеяться, что со временем наша разношёрстная компания всё-таки поладит.

– Динэ так Динэ. – Я повесила амулет на зеркало заднего вида, рядом с войлочным котом-саше, наполнявшим салон ароматом кофе. – Только притормози у ближайшего места, где можно умыться и перекусить. И правда, есть хочется.

* * *

Место, удовлетворявшее моим пожеланиям, обнаружилось в ближайшем маленьком городке. Мы поехали по объездному шоссе, справедливо рассудив, что какая-нибудь закусочная отыщется и там, и точно: гугл-карты на графоне Рок подсказали нам, где ближайший мотель с кафе, сиротливо жавшийся к дороге в чистом поле.

Когда Эш припарковался, я достала из пакета два оставшихся амулета (те же мелкие камни, кожа и перья, что у висевшего на зеркальце – набор ингредиентов для создания иллюзий такого типа всегда один). Протянула их вначале брату, без лишних слов сжавшему края двумя пальцами, затем попутчикам, сидевшим сзади:

– Дотроньтесь до них. До обоих. Каждый.

– Зачем? – недоумённо спросил Питер.

– Нужно.

Роксэйн, не задавая лишних вопросов, уже коснулась зеленоватым пальцем обеих побрякушек. Дождавшись, пока Питер последует её примеру, я вручила одну подвеску Эшу, чтобы накинуть себе на шею другую, спрятав её под рубашку.

Пока мы вылезали из мобиля, я украдкой косилась на наших спутников, гадая, как скоро они заметят подвох, – и не удивилась, когда Роксэйн и Питер застыли по разные стороны Францулика, уставившись на дверцы, которые только что захлопнули за собой.

– Ваш мобиль... он же вроде был не красный? – неуверенно проговорила баньши. – И формы другой?..

– Маскировка. Для всех, кроме вас, мы с Эшем теперь тоже выйдем по-другому, – пояснила я, приготовившись к объяснениям задолго до этой минуты. – Амулеты создают иллюзии. Не слишком сложные, но надёжные. При желании их нетрудно пробить магией, но для этого мы должны напороться на мага, который заподозрит неладное. А так наш истинный облик увидит только тот, кто коснётся амулета.

– Да ты и номера поменяла, – обойдя Французика кругом, заметил Питер. – А с правами что сделала?

– Ничего. Там нужен фокус посложнее, а я только второй курс закончила. Лучше просто не нарываться на проверку.

Прежде чем направиться к дверям кафе, я уловила на лицах попутчиков уважение, но, вместо того чтобы ощутить себя польщённой, снова погнала прочь тоскливые мысли.

Иллюзиям меня учила мама. В колледже мы их тоже проходили, но я впервые сотворила подобный амулет задолго до того, как до них добралась стандартная учебная программа.

Наверное, сейчас она была бы мной горда.

Забегаловка оказалась небольшой, простенькой, но уютной. Зал, оформленный в жизнерадостных оранжевых тонах, пустовал, и официантка-глейстиг подскочила сразу, как только мы сели, чтобы развернуть голограмму меню из крохотной чёрной точки посреди пластиковой столешницы. Нам предложили завтрак (*«оладьи, напиток и сэндвич всего за десять гинэ!»*) и специальные новинки в честь скорого Лугнасада (*«песочный пирог, мороженое и даже курица с черничным соусом!»*), но я согласилась на завтрак, даже не потрудившись изучить голограмму. В итоге мы с Питером сошлись на сэндвичах с тунцом, оладьях с кленовым сиропом и виноградным чаем, Эш выбрал бейгл с курицей и апельсиновый сок, а Роксэйн ограничилась салатом и эспрессо.

Забавно... До Питера я не встречала людей с *абсолютно* такими же вкусами, как у меня. Эш, например, кленовый сироп терпеть не мог – говорил, сахар сахаром. А ещё не жаловал ни сэндвичи с тунцом, ни ароматизированный сладкий чай, к которому я тяготела больше благородного напитка с лимоном или молоком...

– Парень, – проникновенно изрекла Роксэйн, когда официантка удалилась; баньши сидела, хмуро глядя на Питера, и пальцы её

быстрыми паучьими движениями барабанили по столу. – А как, говоришь, твоя фамилия?

Тот понимающе усмехнулся.

– Я не говорил, но Джекевэй. Питер Валентайн Джекевэй.

– Симпатично. Я Роксэйн Лили Бэс. – Она, не торопясь, выплыла из-за стола. – Простите, я на минуту... Руки помою. А то с этой дорожной грязью под ногтями даже стыдно пожать чужую ладошку в честь знакомства.

Мы смотрели, как баньши лазурным призраком скользит по направлению к туалету над бело-рыжей плиткой, выложенной в шахматном порядке.

– Мы ведь уже мыли руки, – медленно произнесла я. – Когда пришли.

То, что я сморозила очередную глупость, стало ясным по укоризненному взгляду Эша ещё прежде, чем брат едва заметно качнул головой.

– А кем мисс Бэс работает? – потягиваясь, лениво осведомился Питер.

– Вроде она ещё учится. Но подрабатывает журналисткой.

– Понятно. Тогда у неё наверняка есть какой-нибудь знакомый в страже, который может пробить меня по своей базе. – Смущение, проступившее в моём лице и бросившееся жаром в макушку, вызвало у него только смех. – Да брось, Лайза. Будь я на вашем месте, я бы тоже себя проверил. Зато теперь она наконец успокоится на мой счёт и, может, даже малыша утихомирит.

– Не надейся, старик. Даже если для стражи ты чист, как младенец, это ещё ничего не значит.

– Ладно, на самом деле я серийный убийца, только хорошо шифруюсь. Доволен?

– Ты себе льстишь. Скорее уж брачный аферист. Или жиголо. Или просто бабник, который надеется залезть под юбку моей наивной неопытной сестры.

– Эш!

Брат лишь отвернулся, глядя в окно, где волновалось золотом поле пшеницы, отделённое от отеля узкой асфальтовой полоской шоссе: казалось, моё возмущение волной разбилось о нерушимый портовый мол, едва заметивший брызги.

– Я же говорю, милый вежливый малыш, – сказал Питер, ничуть не обидевшись. – Далекo пойдёт.

Роксэйн вернулась, лишь когда мы почти расправились с едой – и, прежде чем приняться за свой салат, протянула Питеру руку:

– Вот теперь можно и познакомиться как следует, мистер Джекевэй.

– К вашим услугам, мисс Бэс, – почти без иронии откликнулся тот, без возражений сжав голубоватую ладонь своей. В длинных пальцах баньши его собственные, отнюдь не короткие, смотрелись ладошкой ребёнка в кисти взрослого.

По тому, как спокойно Роксэйн смотрела ему в лицо – впервые на моей памяти, – я поняла, что знакомый стражник не обнаружил ничего криминального. Ожидаемо.

Надеюсь только, Питер прав, что мобиль вскоре найдут, а владелец не видел его лица: угон в послужном списке, прежде чистом от правонарушений, ему ни к чему.

– Какой у нас план? – спросила баньши, подцепив вилкой листик руколы.

– Доезжаем до Динэ. Покупаем там, что нужно, и ночуем подальше от потенциальных одержимых. – Эш сосредоточенно резал оладушек. – С восходом солнца движемся дальше.

– То есть ночью ты никуда ехать не собираешься.

– Я хочу довести нас до Фарге живыми. Для этого мне нужно хотя бы сегодня нормально спать. Лайзу я за руль не пущу: это будет путешествие до первого столба.

– Отлично. Тогда у нас есть время заглянуть на кладбище.

Слова баньши заставили меня поперхнуться последним куском сэндвича.

– Самый простой способ выяснить, кто убийца, – позволить мне увидеть труп, – пояснила Роксэйн, когда я, прокашлявшись, подняла на неё вопросительный взгляд. – А тело последней жертвы Ликориса как раз сегодня утром погребли на Дайрском кладбище, что на окраине Динэ.

– И мы пойдём осквернять могилу?!

– А кто говорил, что будет легко? – Баньши весело отправила в рот кусок помидорки. – Нам нужно найти контрактора той твари, что за вами охотится. Судя по всему, наш контрактор – Ликорис. Если я

увидю, как именно умерла девушка, которую официально признали его последней жертвой, это наверняка подскажет, кто он. Найдём его, заставим разорвать контракт, и убийствам конец.

– Каким же образом мы его «заставим»?

– Сдадим страже, конечно. Там с ним быстро разберутся.

Не сказать, что план пришёлся мне по душе. И каким образом мы собирались искать Ликориса, даже узнав, кто он, я до сих пор не понимала.

С другой стороны, я понятия не имела, что ещё мы можем сделать помимо того, чтобы покорно ехать в Фарге, а на сегодняшний день это было единственной нашей зацепкой. Хотя не зацепкой даже, а ниточкой к ней.

– Почему ты не пошла в коронеры? – спросил Питер, прежде не встречавший в разговор, но внимательно слушавший. – Я так понял, ты абсолютная провидица. Можно сказать, это твоя святая обязанность.

– Вот и отец так же говорит. Только у меня нет никакого желания постоянно любоваться на мертвецов, – отозвалась Роксэйн прохладно. – Осмотреть чьё-либо тело время от времени – одно. Делать это каждодневной рутинной – совсем другое. Мне довольно того, что я вижу тень смерти повсюду вокруг себя.

– Понимаю. – Не сводя прозрачного мятного взгляда с её лица, Питер склонил голову набок. – А твой отец не в страже ли сам служит?

Роксэйн молча сложила вилку и нож по обе стороны наполовину пустой салатницы. Медленно опорожнила чашку с кофе – в один присест, до дна, не морщась от горечи, которая заставила бы меня скривиться после первого же глотка.

– Я всё, – сказала баньши, когда керамическое доньшко с деликатным звяком коснулось блюда. – В путь?

Отправив в рот последний кусок оладьи, сироп с которой падал на тарелку каплями тягучего осеннего солнца, вместо ответа я поднялась из-за стола.

* * *

Когда приветливая кафешка осталась позади, как и городок, что мы объезжали, вокруг Французика распростёрлась желтизна вызревающих полей с редкой зеленью перелесков, высвеченной палящим солнцем. Все молчали: Роксэйн уткнулась в свой графон, Эш рулил, мы с Питером смотрели в окна, и лишь Драконы тихо пели из колонок про попытки убежать от себя и монстров, прячущихся внутри.

– Манчестер, – произнёс Питер в какой-то момент.

Я оглянулась через плечо:

– Что «Манчестер»?

– Предлагаю сыграть в города. Мне скучно, а по дороге я в графон залипать не могу – укачивает.

– В детстве не наигрался?

– Нет, – бесхитростно ответил Питер. – Вот навёрстываю упущенное.

Роксэйн фыркнула, не отрываясь от экрана. Эш сделал вид, что ничего не слышит.

– Рэвил, – поразмыслив, всё-таки откликнулась я.

Питер широко улыбнулся.

– Ландэн.

– Ньюкасл.

– Ливерпуль.

– Опять на «л»?

– Как получилось.

Я призадумалась: с ходу на ум ничего не шло.

– Лидс, – буркнула Рок.

– Ого! – Питер насмешливо присвистнул. – Тебя можно приветствовать в игре?

– Просто нет сил смотреть, как ты мучаешь Лайзу. Лидс.

– Саутон. Ты с нами, малыш?

Эш вместо ответа выдал стоический вздох – без слов сообщивший, что моему двенадцатилетнему брату не слишком нравится чувствовать себя воспитателем в передвижном детском саду.

* * *

В Динэ мы въехали уже после заката – и даже не плутали: указатели, память Эша и пара редких подсказок от Рок, время от времени сверявшейся с онлайн-картами, не подвели.

Когда мы жили здесь, в мегаполисе, у нас в квартире повсюду были голографические обои. Стоило зажечь свет, как невидимые проекторы скрывали стены иллюзией бумаги, но когда я касалась их, вместо шелковистой глади ощущала обычную штукатурку. Сам Динэ точно так же прикрывал кричащими огнями серую искусственность: слепил неоновыми огнями, давил высотой небоскрёбов и глухими стенами улиц, обескураживал густотой толпы, текущей реками по бетонным руслам бордюров. Светящиеся витрины и вывески били по глазам кричащей яркостью, наперебой цепляли взгляд, и без того теряющийся в тесноте, что после зелёных просторов Мойлейца казалась почти удушливой. Казалось, вылези из мобиля где-нибудь посреди бульвара – и захлебнёшься в пестроте, духоте и шуме, что вольются в уши и в горло с первым же вдохом.

К счастью, выйти нам пришлось лишь на окраине старого города, с которого Динэ когда-то начинался. Дома, выстроенные ещё пару веков назад, оставили мало места для современных высотных зданий; народу тут было меньше, тишины – больше, а цветущие палисадники вносили в город-обманку хоть что-то настоящее. По дороге к кладбищу мы притормозили у ларька с техникой, у кафешки с сэндвичами навынос, у лавочки хозяйственных принадлежностей и у магазинчика спортивного инвентаря. В первой мы с Эшем разжились новыми графонами. В кафе заморили червячка и прихватили кое-что в дорогу. Из лавки вышли с лопатой, ломом и всякими полезными мелочами вроде зубных щёток; из магазина – с палаткой, спальниками и пенками. Отыскать мотель, где принимают наличные и не требуют паспортов, было не так легко, да и спать в отелях нам не особо хотелось – кто знает, по какому принципу тварь выбирает себе кандидатов в одержимые. В прошлый раз нам удалось удрать, а если незваные гости нагрянут посреди ночи, пока мы в постелях?..

С полноценным доступом к Сети отыскать Дайрское кладбище труда не составило, и вскоре лабиринт улочек вывел нас к низкой каменной ограде.

Кладбище нагоняло жути даже издали: темнотой, очертаниями надгробий, едва различимых в свете уличных фонарей, острыми

крышами храма, высившегося посередине, силуэтами невысоких корявых ив. Жилые дома напротив, мирно сиявшие окнами, отделённые от обители мёртвых одной узкой кленовой аллеей, лишь добавляли пейзажу нотки неправильности.

– Типичная картинка из фильма ужасов, – резюмировал Питер, когда мы припарковались чуть в стороне от арки центрального входа. – Даже неинтересно.

– Когда могилу будешь раскапывать, станет интереснее, – ухмыльнулся Эш, заглушив Французика.

– Я?

– У нас в компании только ты мордovorot. Не копать же хрупким девушкам. Или *малышу*.

– Смотрю, привык к новому прозвищу, – подметил Питер, открывая дверцу. – Да я, собственно, и не собирался спорить. Просто умилился немного, что мной помыкает десятилетний ребёнок.

– Мне двенадцать.

– Многие мечтают выглядеть младше своих лет. Считай это своим достоинством.

Прежде чем перелезть из водительского кресла в пассажирское, Эш вцепился в руль с таким ожесточением, словно в мыслях смыкал пальцы на чьём-то горле.

За кладбищенской оградой никого не было видно, но, ступив на землю мёртвых, мы всё равно свернули с дороги: едва ли сторож, вероятность встречи с которым была не нулевой, обрадуется, увидев Питера с лопатой и ломом наперевес. Оставив позади храм, долго брели по газону среди плачущих статуй и могильных плит, по мере продвижения становившихся всё менее тёмными и замшелыми. Лунный свет обливал окрестности серебристой плёнкой, лишая необходимости призывать колдовской свет; в конце концов мы вышли туда, где взгляду открылся ровный луг, серый в ночи. Он упирался в шелестящую рощицу и скованный парпетом берег реки Дон, в тёмных волнах которой мерцали огни небоскрёбов, высившихся по ту сторону широкой водной полосы.

– Конец, – констатировала Рок. – Все свежие захоронения – здесь. Раньше и тут деревья были, но когда места стало не хватать, их начали выкорчёвывать...

– А ты откуда знаешь?

– Нашла обсуждение на местном форуме. Кто-то настаивал, что кладбище пора закрыть, но власти решили иначе. – Баньши оглядела ровные ряды надгробий, тянувшиеся за нашими спинами. – Девушка должна быть погребена неподалёку.

Мы прошли ещё немного, уже не вглубь кладбища, а вдоль, вчитываясь в памятники над каждой свежей могилой. У шестой по счёту Рок удовлетворённо кивнула:

– Алвена Лэйла Блейк. Она. – Баньши замерла напротив белой мраморной плиты, высившейся над прямоугольником недавно разрытой земли. – Жила в Динэ, мать – здешняя уроженка, отец тилвит. Семнадцать лет. Перед смертью её мучили кошмары про Кромешника.

– Всего семнадцать? – спросила я тихо.

– Самой старшей жертве Ликориса было двадцать, – мрачно заметила Рок. – Питер?..

Тот безмолвно всучил Эшу лом, и мы с братом расступились, пропуская его к могиле.

Натянув на руки тряпичные перчатки, приобретённые в той же хозяйственной лавочке, Питер бережно отодвинул в сторону венки из плюща и пучки ивовых ветвей, перевязанных траурными лентами. Вонзил лопату в мягкую, податливую, ещё не осевшую почву.

– Знал бы я вчера, на что подписываюсь... – Он переносил комья земли с одного места на другое так неловко, что сразу стало ясно: копать ему непривычно. – Мне одно всё хотелось спросить: с чего вы вообще взяли, что за Лайзой охотится Ликорис? Может, кто-то просто на её мать зуб отрастил. Может, эта тварь вообще по своей воле действует.

– Порождениям Дикой Охоты никак не выбраться в наш мир без контракта с жителем Харлера. Стыдно не знать. – Закурив, баньши выпустила в тёмное небо струйку вишнёвого дыма. – Ликорис убивал полукровок. По меньшей мере две его жертвы видели Кромешника во сне или наяву. Лайза – полукровка, а теперь её хочет убить тварь, очень похожая на Кромешника. Я не верю в совпадения.

– Предположим... пуф... что ты права. – Питер перевёл дыхание после очередной лопаты. – Даже если ты увидишь лицо убийцы, как это нам поможет? Если на Лайзу положил глаз Ликорис, как вы собираетесь его искать?

– Вот откроем гроб и посмотрим.

Питер воткнул лопату в землю для короткой передышки. Отёр пот со лба.

– Сколько, говорите, она уже мертва? – спросил он, помолчав.

– Где-то пару месяцев, если верить журналистам.

– Зрелище должно быть потрясающее. Да и запах не хуже.

– Копай давай.

Покачав головой, лунный свет с которой соскальзывал ему на плечи, Питер вновь взялся за черенок.

– Похоже, мы здесь надолго, – усевшись на траве, положив лом на колени, изрёк Эш с мстительным удовольствием – и я, подумав, последовала примеру брата.

В конце концов, копать Питер и правда не мастак, а уставшие ноги нам точно ни к чему. Лучше всегда быть готовой срываться с места и бежать.

* * *

Лопата глухо стукнула о твёрдую поверхность, когда куча земли подле надгробия уже возвысилась над нашими головами.

– Думал, это никогда не закончится. – Пока мы с Эшем вскакивали, а Рок отрывалась от графона, Питер устало сгрёб оставшуюся землю в сторону, оголяя деревянную крышку; яму он предусмотрительно копал чуть большую, чем вырытая утром могила, так что теперь спокойно стоял сбоку от гроба. – Давайте лом.

Эш протянул требуемое прежде, чем он договорил.

Отложив лопату на край ямы, Питер вставил лом под крышку. Поднатужился, напряг мышцы на перепачканных землёй руках, и послышавшийся треск возвестил о том, что гроб открылся.

– Отлично. – Стоя рядом со мной, Рок активировала фонарик на графоне, и в могилу забил слепящий белый луч. – Покажи тело.

Питер угрюмо оглянулся на нас с Эшем. Челюсти его сжались так, что на скулах заиграли желваки.

Поддел ломом крышку, откинув её до конца.

Я даже не успела почуять запах, а меня уже затошнило. Питер, закашлявшись, выронил лом, чтобы прижать ладонь к лицу, зажимая рот и нос.

– Боги, что... – рывком отвернувшись, я отступила от могилы на пару шагов: боялась, что от запаха меня точно вывернет, – что с ней сделали?

– Ликорис отрезает своим жертвам губы и язык. Потом душил – руками. Ещё стёсывает ладони и выкалывает глаза. – Роксэйн казалась спокойной. – До последнего, впрочем, додумался не только он.

Меры против баньши... Те часто служили в страже, и их дар помог раскрыть не одно преступление. Но если нет возможности заглянуть жертве в глаза или увидеть линии руки, способности тех, кто служит Владычице Предопределённости, оказываются бесполезны.

К счастью, абсолютной провидице это не помеха.

Какое-то время вязкая тишина стелилась к ногам вместо кладбищенского тумана. Не решаясь обернуться, я смотрела на силуэты деревьев, блики реки и искрящиеся башни далёких домов, пока отвратительный сладкий запах просачивался в ноздри.

Потом Рок охнула так, будто её ударили под дых.

– Всё в порядке, – выдохнула баньши, когда я рывком обернулась. – Просто... мы не только видим последние мгновения жертвы, а проживаем их вместе с ними. – Тыльной стороной ладони она утёрла подозрительно блестящие щеки. – Прости, Питер. Можешь закрывать.

Тот стоял в могиле, отвернувшись от гроба, прикрыв глаза, и дважды просить его не потребовалось.

– И что там насчёт убийцы? – спросил Эш, пока Питер, захлопнув крышку, выкарабкивался из ямы.

– Ничего. Я не видела его.

– В смысле «не видела»? Ты же...

– Я говорила: мы видим не картинку со стороны. Мы видим и чувствуем то же, что видела и чувствовала жертва. А она умирала слепой. Ей выкололи глаза, когда она была ещё жива.

Устоять на ногах стоило мне немалых усилий: картинка, рождённая воображением, прошла тело дрожью ужаса, боли и отвращения.

– Зря мы поели до того, как сюда идти, – пробормотал Питер, забрасывая могилу землёй. – Сэндвичи-то ни в чём не виноваты.

– Может, ты услышала что-то? – предположил Эш упрямо: брат, как обычно, до последнего отказывался признать поражение. –

Почувствовала?

– Боль. Дикую боль. Удушье. Чужие руки на шее. – Роксэйн, опустив голову, убрала графон в сумочку. – Больше ничего.

Закапывалась яма куда быстрее, чем раскапывалась. Пока Питер работал лопатой, мы молчали, и я даже не знала, чем подавлена больше – то ли недавним зрелищем, то ли разочарованием.

Странно. Мне вроде и не особо верилось, что визит на кладбище нам поможет. Но теперь, выяснив, что мы и правда ни на шаг не приблизились к истине, я ещё отчётливее ощутила, как гнетёт меня неизвестность.

Когда гроб снова укрыл толстый слой разровненной земли, прикрытой срезанными побегими плюща и ивы, мы постояли какое-то время, глядя на могилу Аллены Блейк, не дожившей до восемнадцатого дня рождения. Тихо, словно соучастники преступления, направились к выходу, вдыхая прохладный воздух, который больше не отравлял привкусом гнили.

– Спасибо, – сказала Рок, когда мы уже подходили к арке, тронув за плечо Питера, шедшего впереди.

– За что? – не оборачиваясь, спросил тот: в одной грязной руке – лом, в другой – лопата, изгазанные перчатки торчат из кармана джинсов, мокрая футболка липнет к телу, лицо и одежда выпачканы землёй.

– Что не ворчишь. Я заставила тебя потревожить покой мертвеца, а в итоге всё было зря.

– Ты ведь не знала, что это будет зря. – Питер всё-таки оглянулся. Улыбался он через силу, но, кажется, действительно не злился. – Не сахарный, не растаю. Хотя душ принять не отказался бы.

– Здесь неподалёку есть озеро. Я как раз планировал у него заночевать, – неохотно произнёс Эш, шурясь на свет, пока мы гуськом выходили на парковку: после кладбищенского мрака мерцание уличных фонарей казалось нестерпимо ярким. – Сможешь искупаться.

– То, что нужно. Спасибо, малыш.

– Нарываешься, старик. Я ведь могу и передоу...

– Эй! Вы, ребята с лопатой!

...когда вы выходите с кладбища, раскопав могилу, и слышите чей-то возмущённый крик, ничего хорошего ждать не приходится. Вот

и пара стражников, направлявшаяся к нам, явно не входила в категорию «хорошего».

Застыв испуганным кроликом, я нашла глазами синюю крышу Французика, прикидывая, успеет ли мы добежать до него прежде, чем нас попытаются остановить – и хорошо если без оружия.

– Спокойно, – бросил Питер. Одарил стражников лучезарной улыбкой. – Чем можем помочь, джентльмены?

Те приблизились: один – немногим старше Питера, другой – лет пятидесяти, седой и поджарый, точно гончий пёс. Подозрительные взгляды буравчиками сверлили наши лица, безразличные фонари бросали оранжевые блики на серебряные значки стражи, приколотые к чёрным кителям.

– Прогулки на кладбище? – вкрадчиво поинтересовался тот, что старше. – Под луной?

– Ох, простите, припозднились немного. Просто там такая травка для газона – залюбуешься, а я всегда мечтал накопать несколько кустов для своего садика. – Питер опустил лопату – железо неприятно скрежетнуло по асфальту; непринуждённо опёрся на черенок, как на трость. – Слушайте, ребят, нам неприятности не нужны. Давайте мы поедем себе тихонько дальше, а вы сделаете вид, что нас не видели, окей?

– Как скажешь, сынок, – добродушно кивнул его собеседник миг спустя. Покровительственно хлопнул Питера по плечу. – Езжай. Только не разгуливай в таком виде по городу, а то мы-то всё понимаем, но выглядишь ты подозрительно.

...лишь сейчас я поняла: за время речи Питера всю враждебность в их лицах растворила осоловелая растерянность. Будто за несколько секунд они опьянели без всякого алкоголя.

– Не буду, – пообещал Питер, и стражники отвернулись, напоследок одарив нас равнодушными взглядами. – Я же говорил, что пригожусь, – добавил он тихо, пока служители закона степенно шли к аллее. – Пара секунд, и любой человек возлюбит меня больше, чем самого себя.

Я осознала, что невольно приоткрыла губы – не то от изумления, не то от восхищения, не то от всего разом. Покосилась на Рок, в лице которой стыли те же эмоции, и Эша, недоверчиво глядящего в удаляющиеся чёрные спины.

Странная всё же штука – дар эмпата. Эмоции эмоциями, но мозги у людей, казалось бы, должны работать. Или сильные чувства могут *настолько* затмевать разум?..

Будто ощутив наше пристальное внимание, стражники замерли под одним из фонарей. Обернулись – со странной, пугающей синхронностью.

Ноги, уже готовившиеся продолжать путь к мобиле, вмиг оледенели, будто примёрзнув к асфальту подошвами кед.

– Питер, – тоненько проговорила я, – кажется, твои чары возымели побочный эффект...

Фонарь впереди мигнул – и тьма, на секунду воцарившаяся под ним, поглотила фигуры стражников, чтобы ещё секундой позже выплюнуть их в трёх шагах от меня: сверлящими моё лицо чёрными, как бездна, глазами без белков.

Когда-то

– Давно я не была в океанариуме, – признаётся девушка, когда город остаётся позади и они с сидом замирают у стены зелёных буков. – Рыбы-клоуны – всё-таки прелесть. Сама рада, что сходила.

– Удивительное место, – соглашается Коул. – Словно морские воды расступились, позволив пройти под ними.

– Люблю воду. Мне кажется, будь мне подвластна та истинная магия, о которой ты говорил... Она же связана со стихиями, так? – Покачиваясь с мысков на пятки, девушка смотрит на бледные звёзды, заглушённые городским заревом, перемигивающиеся с сигнальными огнями на крышах небоскрёбов. – Думаю, охотнее всего мне бы подчинялась вода.

Наступающая ночь аметистовым куполом накрывает город, лес и тропинку, пролегающую по лугу, протоптанную среди отцветающей таволги. Темнота подводит черту под очередным днём, что смертная и гость из Дивной Страны провели вместе; теперь девушка, как всю минувшую неделю, провожает сида до леса, где завтра они встретятся вновь, и ещё успеет домой к позднему ужину, от которого её отделяют десять минут до метро и три станции в сторону центра.

Прощания их с каждым днём всё длиннее – совсем как ночи, раз за разом кладущие конец их прогулкам.

– Я обещал показать вам, что такое истинная магия, – говорит Коул. – Время пришло.

В девичьем лице вспыхивает радость – от того, что очередное расставание ненадолго отсрочится, и того, что её желание наконец исполнится. Тут же сменяется настороженностью, когда она смотрит во мрак, ждущий их под лесными сводами.

– Сейчас?

– Вэрани, вы думаете, если б я желал вам навредить, дневной свет мог бы мне помешать?

Смех искрами плещется в его глазах, словно они невесть каким образом могут отражать свет далёких окон.

Когда сид протягивает ей руку, девушка, колеблясь, всё же протягивает свою в ответ.

Оба исчезают в тот же миг, как пальцы их соприкасаются. Лишь ветер колышет острые листья таволги, нависшие над опустевшей тропой, точно секундные стрелки заевших часов, – пока на далёком берегу озера, отделённого от города буковым лесом, проявляются из воздуха две тонкие фигуры.

Коул отступает от своей спутницы на пару шагов. Та изумлённо оглядывает узкую полоску песчаного пляжа, зеркало тёмной воды и лес, подступающий к нему почти вплотную.

– Где мы?

– Неподалёку от холма, из которого я пришёл. – Палец сида, белый и тонкий, словно выточенный из кости, указывает на стволы деревьев. – Это всё тот же лес, только город остался на другом его конце.

– А, так это озеро Горм? Которое рядом с Динэ? – Её сумрачный взгляд проясняется, но менее озадаченным не становится. – Как ты... Я думала, перемещаться так быстро, без всякого дискомфорта... Мне говорили, это невозможно.

– Вряд ли я смогу объяснить. Мы не учимся этому так, как вы. Нам просто это подвластно.

То, как она выпускает воздух сквозь приоткрытые губы, очень напоминает разочарованный вздох.

– И это место подходит для истинной магии?

– Недаром же здесь находится холм, через который можно попасть на Эмайн Аблах. Хотите увидеть то, о чём просили?

Её прищур без слов выдаёт мысли о том, что за «истинную магию» молодой человек может показать девушке ночью на безлюдном озере, – но сид уже легко ступает по светлому песку, серому в ночи, и, помедлив, она следует за ним к ближайшему буку.

– То, что я хочу подарить вам, можно осуществить лишь здесь, – продолжает Коул, дожидаясь, пока его спутница окажется рядом. – И ночь подходит для этого лучше, чем день.

– Подарить? Мне? – В девичьем голосе звучит то же недоверие, что сизыми тучами темнеет в её глазах. – Что же?

– Благодарность за дни, полные чудес. Я здесь уже семь дней, но редко благодарил вас. Пришло время отдать долг.

Он касается ладонью ближайшей ветки, тонкой и гладкой: юного отростка мшистой узловатой ветви, которую старый бук выпустил в сторону на высоте человеческого плеча. Под его пальцами та вытягивается и ширится, покрывается новыми листьями, растёт на глазах; когда она становится толще руки, кора в одном месте трескается, обнажая светлую древесину, в которой темнеет ряд маленьких круглых отверстий.

Сид достаёт из трещины флейту – та легко отделяется от цельного массива, оставляя на своём месте пустоту. Вновь касается ветви, и прежде, чем кора срастается, пустота затягивается свежим волокном, готовым переправлять живительные соки.

– Я исцелил его рану. – Сид по-приятельски ласково похлопывает буковый ствол. Поднеся флейту к губам, извлекает из неё несколько звуков, звонких и терпких, далеко разносящихся в ночной тишине. – Он потратил много сил, но больше мы его не потревожим.

– Можно посмотреть?

В словах – трепет, робость и восхищение. Это вызывает у сида улыбку, с которой он и протягивает своей спутнице новорожденный инструмент: поперечную флейту с шестью отверстиями и деревянным мундштуком. Девушка проводит пальцами по идеально гладкой, без единой щербинки, без единого стыка поверхности и едва заметно наклоняет голову, глядя флейту длинными волосами.

Лаконичный жест передаёт её потрясение лучше непрозвучавших возгласов восхищения.

– Ты говорил, вы поёте, когда колдуете, – возвращая флейту сиду, произносит она; эмоции с трудом различимы за маской сдержанности.

– Нам нет нужды петь вслух. – Коул идёт обратно к воде. Опускается на колени, подметая одежками мокрый песок, пока тихие волны тянутся к его ступням, не решаясь до них дотронуться. – Поют наши души. И слышит песню лишь то, к чему она обращена.

Сид кладёт на воду прямую ладонь, едва касаясь поверхности кончиками пальцев. Затем поднимается – и, сжимая флейту одной рукой, другую снова протягивает девушке, следящей за каждым его движением.

– Теперь домой? – спрашивает она почти обречённо.

– Нет. Вы увидели далеко не всё из того, что я хотел вам показать. Но вы должны закрыть глаза и идти за мной.

– Зачем?

В ответ она слышит лишь плеск волн и шёпот леса, подталкивающий её в спину, шепчущий, что она зашла слишком далеко, чтобы отступать.

Смежив веки, девушка снова вкладывает пальцы в ладонь сиды, разрешая потянуть её за собой, и какое-то время они идут в молчании, что не нарушают даже звуки их шагов. Этих звуков попросту нет.

– Смотрите, – говорит Коул наконец. – Только не отпускайте моей руки.

Она недоумённо глядит перед собой – на бледное лицо Коула и берег озера, едва различимый во тьме. Оглядывается на буковый лес, оставшийся далеко позади, отделённый от них широкой полосой тёмной воды.

Догадывается опустить взгляд себе под ноги.

Они стоят на воде, касаясь сухими ногами гладкого зеркала, в котором сияют отражённые звёзды: остро, пронзительно, так, как никогда не сияют в городе.

– Ты... – девушка поднимает голову: взгляд её, утратив всякую настороженность, светится восторгом, что ярче звёзд, – как?..

– Воду можно просить не только о том, чтобы она нагрелась. – Фейри протягивает руку с флейтой в сторону, разжимает пальцы – и инструмент остаётся висеть в воздухе, словно его удерживает невидимка. – Вэрани, вы подарите мне танец?

Спустя мгновение флейта начинает играть. Взвзвись из ниоткуда ветер перебирает волосы сйда и его спутницы, не тревожа озёрной глади.

– Я... – она в смущении опускает голову, – не умею танцевать. Не те танцы, что танцуете вы.

– Это неважно. Не со мной. Не для меня.

Она поднимает глаза, прячущиеся под косой чёлкой. Во взгляде фейри – тягучий мёд, пьяный вереск и закатная ворожба, и девичьи плечи расправляются сами собой ещё прежде, чем она кивает.

Флейта плетёт мелодию из звёздного света и душистого тёплого ветра, когда фейри с Эмайна и смертная дева делают первый шаг. Они идут, едва смыкая кончики пальцев, очерчивая широкий круг на воде; под ногами их расходится рябь, ломая отражения звёзд, и когда круг замыкается, они шагают навстречу друг другу, чтобы под пение флейты закружиться в странном, неправильном подобии вальса. Повороты быстрые, но ни он, ни она не сбиваются со стремительного ритма, не путают шагов; её движения столь же выверенны и изысканны, сколь его, в глазах – бархат той же заворожённости. Они танцуют сквозь сумрак, оба одинаково нездешние, и неважно, что она в джинсах вместо летящего платья: глядя на них сейчас, никто не сказал бы, что на воде не двое фейри.

Когда флейта затихает, они замирают на неподвижной озёрной глади, и девушка запрокидывает голову, глядя в фиолетовое небо.

– И что, каждый может так танцевать под флейту сидов?

– Нет. Не каждый. – Коул держит её опущенные руки, не сводя взгляда с её лица, залитого жемчужным блеском ночных светил. – Но и не каждый сможет петь, как вы.

– Эта песня... которая играла сейчас... я ведь пела её, когда встретила тебя. Откуда ты её знаешь? Или запомнил тогда?

– Это *наша* песня. Её сочинил один дин ши. Уместнее было бы спросить, откуда её знаете вы.

Она улыбается чему-то. Опускает голову, встречая его взгляд – уже без смущения.

– Пожалуй, – говорит она, – это можно счесть достойной оплатой моих услуг экскурсовода.

– Вы дивный проводник. И явили мне много удивительного за минувшие дни. Впрочем, самое удивительное в этом мире я увидел

ещё прежде, чем вы согласились на сделку.

– Это что же?

– Вас.

Хмурые морщинки, проявившиеся меж её бровей за пару секунд до его ответа, тут же исчезают, и она смеётся – громко и заливисто, как заигравшаяся девчонка.

– Удивительно во мне разве что легкомыслие. Благодарю его, что я связалась с сидом, вот уже неделю выгуливаю его по городу и позволяю среди ночи утаскивать себя невесть куда... и, самое удивительное, ничуть об этом не жалею.

– Это как раз несколько не удивительно. – Коул легонько касается её волос, убирая непослушные пряди с лица. – Едва ли вы творили бы подобные безумства, если б я вас не очаровывал.

Она смотрит на него – и молчит. Лишь продолжает улыбаться, пока сид кладёт узкую ладонь на её щёку и мёд в его глазах темнеет.

– Это вышло почти невольно на самом деле. Смертные бессильны противостоять магии в нашей крови, даже если мы не прикладываем к тому никаких усилий. – Кончиком большого пальца Коул касается её скулы, проводит им короткую и ласковую линию; её лицо идеально ложится в его ладонь. – И вы очаровали меня первой... в тот же миг, как я услышал ваш голос и узрел совершенство, которому он дарован.

Его собственное лицо – непозволительно близко, однако она по-прежнему улыбается. Только голос срывается в порывистый, с хрипотцой шёпот, когда она наконец отвечает:

– Странно, и почему я совсем не злюсь...

Когда их губы соприкасаются, она перестаёт улыбаться. Но, судя по тому, как девичьи руки обвивают тонкую шею сида, отсутствие улыбки вовсе не значит, что ей не нравится.

Нынешнее время

Моя печать вспыхнула одновременно с тем, как одержимые стражники потянулись за пистолетами.

– *Кварт эир*, – выпалила я, выбросив правую руку вперёд, – *косэн дум!*

Крохотный комок прозрачного марева, зародившегося на кончиках пальцев, за секунду расширился до круглого щита, закрывшего меня с головы до ног. Звуки выстрелов громом ударили по ушам: промахнуться с такого расстояния было невозможно, но пули, врезавшись в защитный барьер, осыпались наземь, обиженно звякая по асфальту. После въевшейся в ноздри могильной гнили запах дыма был даже приятен.

Кажется, оба разрядили в меня всю обойму. Во всяком случае, кинулись перезаряжать – и, судя по быстрым умелым движениям, навыков одержимые не теряли.

Я на миг позволила себе оглянуться: ребята застыли позади, не зная, что делать. Вдруг поняла, что ищу взглядом сида, готового меня защитить, – и подавила в зародыше странную, обиженную, совершенно неуместную сейчас растерянность от осознания, что он не пришёл.

– В мобиль, быстро! – Вновь повернувшись к стражникам, я стала отступать спиной назад. – Меня прикрывать не надо!

...концентрация. Не думать о сиде. Не думать о ногах. Не думать о том, что в любой момент тело могут прошить сразу пять-шесть пуль. Думать только о барьере, ощущать, как твоя сила перетекает в прозрачную стену, контролировать её количество; отдавать не меньше, чем нужно, можно даже больше, ведь нет нужды делать это долго...

Стражники шли за мной, и чернота их взглядов пиявками впивалась в моё лицо.

Снова грохот выстрелов. Щит возмущённо вибрировал, но держался, отползая назад вместе со мной: со стороны казалось, наверное, что меня закрывает огромный кусок стекла.

Я подошла к Французику в тот момент, когда стражники вновь кинулись перезаряжать оружие.

...а вот мозгов у твари, видимо, было не очень много. Иначе она не допустила бы, чтобы у одержимых уже во второй раз одновременно кончились патроны.

Мысленно помолвившись богам на удачу, я сжала ладонь в кулак, оставив распрямлённым лишь указательный палец. Когда щит мигнул и исчез, направила палец на недругов, словно дуло револьвера. Проклятием Гиффеса на тренировках в колледже мы раскидывались щедро; да только одно дело – вырубить однокурсника, который рухнет

на заботливо подстеленный мат, под присмотром мастера, который тут же приведёт его в чувство, а выстрелить в настоящего противника, в настоящем бою...

– *Дархадас орхим!*

До ушей донеслись характерные щелчки, с каким встают на место заряженные магазины, но с кончика моего слегка дрожавшего пальца уже сорвались тёмными пулями крохотные сгустки мрака.

Магам не требовалось оружие, чтобы стрелять. И промахнуться с такого расстояния было невозможно даже для колдуньи-недоучки вроде меня.

Мои проклятия попали врагам в грудь. Полыхнуло холодное чёрное пламя, и каждого отбросило ярда на три – я вложила в заряды куда больше силы, чем на тренировках. Стражники упали спиной на асфальт, да ещё проехали немного по пустой дороге; обычный противник уже вырубился бы, но на примере Гвен и её семьи я убедилась, что магия для твари – незначительная помеха. Так что я торопливо запрыгнула в мобиль через заднюю дверцу, которую ребята предусмотрительно оставили открытой, Эш тут же надавил на педаль, и Французик, взвизгнув, сорвался с места.

Когда я обернулась, стражники снова были на ногах. Они стояли под фонарём, пока в доме напротив кладбища всё так же мирно сияли окна, и быстро обращались маленькими фигурками на пустой улице, оставшейся за задним стеклом. И когда Эш завернул за угол, я запоздало ощутила, как колотится сердце, глухим молоточком отбивая стремительный ритм по рёбрам, как холодны мои трясущиеся руки – и как разливается под кожей пугающий пьяный азарт, торжество победителя, ударившее в голову не хуже шампанского.

Справилась. Смогла. Защитилась. В настоящем бою.

И брата защитила – в кои-то веки, как и положено старшей.

– Ну вот, – неловко выдохнула я, повернувшись к Питеру и Роксэйн: они сидели рядышком, отделённые от меня грязной лопатой. – С боевым крещением меня.

К моему удивлению, те молча, не сговариваясь, заплодировали.

Вскоре мы уже выезжали на шоссе, а чуть позже – сворачивали на узкую дорогу через лес, что привела нас к обещанному озеру.

Про озеро Горм я слышала, но ни разу там не была. По слухам, где-то возле него располагался холм с прорехой, которая вела на Эмайн Аблах. Поскольку подавляющее большинство обитателей Харлера не горело желанием случайно пройти сквозь неё и выпасть из жизни на пару десятков лет, озеро не пользовалось особой популярностью; мама, как и всякий маг, знала, что «случайно» сквозь прореху никак не пройти, но предпочитала водить нас с Эшем в аквапарк или вывозить на море. Мы поставили Французика под буками, у узкой полосы песочного пляжа, и вылезли на воздух, пахший влажной свежестью.

– Думаю, здесь и заночуем. Всё равно очереди из других желающих не вижу. – Я зажгла на ладони волшебный фонарик, послушно взмывший над моим плечом. Озеро было огромным: я едва могла разглядеть смутное скопище огней на другом берегу, там, где за буковым лесом остался Динэ. – Эш, займись палаткой. Питер, предположу, что тебе понадобится полотенце.

– Не помешает.

– Если что, футболку тоже можешь постирать. Я её магией высушу. – Открыв багажник, я расстегнула свой чемодан, не утруждаясь тем, чтобы его вытаскивать. – Джинсы у тебя вроде не настолько изгваздались.

– Буду безмерно благодарен, миледи. – Щурясь на свет, Питер мельком улыбнулся. – Я, конечно, для заплыва выберу местечко подальше отсюда, но всё-таки вам с Рок лучше не смотреть в мою сторону. Если только вы не против сеанса бесплатного стриптиза.

Эш, достававший палатку из сумки, закашлялся так, будто в нашей компании злостным курильщиком был он, а не баньши, как раз дымившая под деревьями в стороне.

– Вообще я люблю скидки и специальные предложения, но не в этом случае. – Я вручила Питеру кусок махровой ткани, понадеявшись, что огонёк за моим плечом скроет краску на моих щеках. – Иди уже.

Проследив, как тот направляется к воде, насвистывая битловскую Here Comes the Sun, я повернулась к Эшу: брат провожал Питера взглядом тяжёлым, как кувалда. Хотела было помочь, но Эш уже снял со сложенной палатки ремешок, резко подкинул её в воздух – и та

раскрылась сама собой, разорвав лесную тишину хлопком, опустившись наземь готовым пристанищем.

– Лучше отойди от берега подальше, Лайз. – Голос брата вызывал в памяти все дурацкие сцены из фильмов, где строгий отец семейства встречает ухажёра дочери с ружьём. – Думаю, вам с Рок есть что обсудить.

Я без возражений отвернулась, чтобы составить компанию баньши, прохлаждавшейся под буками чуть поодаль: она, как всегда, уткнулась в графон, водя по экрану рукой с сигаретой.

– Не ходи к озеру, – сказала я, – если не желаешь полюбоваться на Питера без плавок.

– Спала и видела его голый зад, – усмехнулась Роксэйн, демонстративно выворачивая шею в сторону воды. – Надеюсь, он у него такой же привлекательный, как фасад.

– А мне-то казалось, баньши не особо интересуются мужчинами, – фыркнула я, пряча смущение. – Видимо, эти слухи были преувеличены.

– Просто тяжело любить кого-то, кто умрёт раньше тебя. И ты с самого начала точно знаешь срок годности вашей любви.

Она сказала это без горечи, без сожалений: простой констатацией факта, с которым она смирилась давным-давно. И всё-таки мне стало горько.

– Как ты вообще живёшь с этим? Видя смерть повсюду? Извини, если давлю на больное, просто... я не представляю, как бы я жила с таким даром.

– Научилась его контролировать. – Баньши затаилась: в жесте не было ни капли той нервозности, что сквозила в движениях её рук во время нашего разговора в отеле. – По большому счёту, это вопрос концентрации. Внимания, которое можно фиксировать только на том, что требуется, отсекая лишнее. Всё равно что постоянно видеть людей на фоне леса, но приучить себя смотреть на человека, а не на деревья за ним. Люди легко могут не видеть того, чего не желают видеть, и закрывать глаза на то, чего замечать не хотят, – чем баньши хуже? Поэтому сейчас я вижу тебя, а не перекрёсток, на котором ты умираешь. – Её взгляд переместился с моего лица на Эша, возившегося с палаткой, закрепляя её на металлических кольшках; в том, как Роксэйн улыбнулась, завидев его золотую макушку, сквозила

странная мягкость. – Хотя это ещё одна причина, по которой я рада, что вы с братом встретились мне. Как и Питер. Это фоморски приятно для разнообразия – смотреть на кого-то и не знать, когда он умрёт. Чувствуешь себя... почти обычной.

К последней фразе отзвуком примешалась тоска, и я промолчала, не зная, что сказать.

Если она, абсолютная провидица, мечтала об обычности так же, как многие *обычные* девчонки мечтают быть магами, её нетрудно понять.

– Если что, насчёт Питера я шутила, – сказала Роксэйн, когда молчание затянулось. – Не в моём вкусе. Хотя так-то он ничего... симпатичный и не нытик.

– Стало быть, знакомый стражник подтвердил, что он не убийца и не брачный аферист?

– Так моя блестящая маскировка с походом в туалетную комнату не удалась? Печально. – Слова не соответствовали весёлому тону. – Да нет, какой из него убийца... Ты не хуже меня видела его реакцию на труп. Штрафы за превышение скорости или неправильную парковку – всё, что на него было. Пару раз переезжал в другие города, но ни в чём подозрительном замешан не был. Видимо, просто искал лучшую долю.

– Проверить всё равно не мешало, – сказала я, нехотя признавшись самой себе, что меня эти сведения тоже успокоили. Мельком взглянув на экран графона, увидела там фотографию девушки, странно похожей на Эша. – Кто это?

– Первая жертва Ликориса. Абигейл Труэ. – Роксэйн услужливо повернула голографический экран в мою сторону. – Её отец – тилвит.

Последнее можно было не добавлять. Только крови сидов подвластно раскрасить человеческие кудри столь ярким золотом: даже на фото казалось, что волосы девушки сияют. Только кровь сидов могла привнести в человеческие глаза эту пронзительную сапфирную глубину, так огранить черты лица, что оно казалось кукольным.

Абигейл была очень красива. К сожалению, была.

– Она жила в Карнеле со своим отчимом. Небольшой городок в окрестностях Оксфорда. За неделю до смерти Абигейл поехала в Динэ, решила устроить себе небольшие каникулы... на которых её и убили. Я проверила, Карнел почти по дороге в Фарге – можно было бы заехать и опросить знакомых Абигейл. Первая жертва маньяка часто имеет

особое значение, и Ликорис мог знать её лично. Вдруг Абигейл чем-то ему досадила, а потом он просто продолжил убивать тех, кто на неё похож? Других полукровок? – Баньши снова поднесла к губам сигарету и, выдохнув в сторону вишнёвый дым, вдруг закончила: – Но я не уверена, что нам это нужно.

– В смысле? Если это приведёт к Ликорису...

– Я не уверена, что мы вообще должны идти по следу Ликориса. Как твой сид может быть связан с ним? Вдруг Питер прав, и Ликорис не имеет к тебе никакого отношения? А после этой стычки со стражниками... Я только теперь поняла, что это не игрушки. Нас *правда* могут убить. – Роксэйн закрыла сумочку, и магнитная застёжка щёлкнула так резко, что почти заставила меня вздрогнуть. – Если твоя мать знала, что происходит... наверное, она не зря советовала просто бежать. И сид вместе с ней. Может, ваш дом в Фарге чем-то защищён от фоморов и других порождений Охоты?

– И что, мы теперь всю жизнь должны будем просидеть в этом доме?

– Когда у тебя есть безопасная база, вести расследование куда проще.

Я опустила глаза, разглядывая траву, осыпавшую мои кеды вечерней росой.

Может, она и права. В конце концов, мне и самой страстно хотелось просто сделать так, как говорит мама. Так, как я делала всю свою жизнь.

Следовать чужому плану всегда проще.

– Интересно, где этого сида носит? – произнесла баньши досадливо. – Обычно ведь объявлялся, когда тебе грозила опасность.

Я лишь дёрнула плечом вместо ответа. Потому что я старалась об этом не думать, но не могла не понимать: его отсутствие лишало меня последней надежды на то, что мои проблемы может решить кто-то кроме меня. Похоже, с этой минуты я должна была полагаться только на себя, и не сказать, чтобы это мне нравилось.

Одно дело – бежать от непонятной твари, зная, что таинственный хранитель всегда придёт на помощь, если тебя догонят. Совсем другое – сражаться с непонятной тварью, когда за спиной – союзники и брат, а между ней и тобой – никого.

– В этот раз без него справились, справимся и в другой. – Я оглянулась на палатку, синие стенки которой светились изнутри: видимо, Эш уже собирался спать. Наконец посмотрела в сторону озера: Питер сидел на корточках у воды прямо напротив нас, застирывая футболку. – И, к слову, я как раз собиралась разжиться оружием.

Оставив Роксэйн докуривать, я заглянула в сетчатое окошко на матерчатой двери палатки. Убедившись, что брат лежит на спальнике, листая что-то на экране графона, достала из бардачка Французика бумажный пакет, в котором остались игральные кости.

– Водичка что надо, – когда я подошла к нему, доложил Питер, выжимая футболку. Он сидел в одних джинсах, раскинув мокрые кудри по плечам, и я подумала, что наш спутник вполне мог бы сниматься в кино, демонстративно сверкая рельефным торсом; во всяком случае, на такого Аквамена я посмотрела бы с большей охотой, чем на бугая Момоа. – Исккупаться не желаешь?

– Нет, спасибо. Но рада, что ты хорошо поплавал.

– Лучше скажи «помылся». Кажется, ты обещала её высушить?

Мыском кеда я очертила на песке края защитного контура: мошкара вновь торопилась слететься на колдовской огонёк. Сев рядом, отложила пакет и взяла футболку в руки, чтобы пропеть заклинание; на финальном «*тэйем!*» волна горячего пара поднялась к лицу, оставляя ткань у меня пальцах абсолютно сухой.

– Прикрой срам, – велела я, возвращая футболку владельцу, который в ответ горестно вздохнул:

– А я-то надеялся, что под ней не такой уж и срам...

– Льстите себе, мистер Джекевэй, – пока Питер одевался, не моргнув глазом соврала я, следя, как расправляются на его груди нарисованные лица. – Рада, что футболка не пострадала. Слишком люблю Queen.

– А что, можно *не* любить Queen?

– Есть уникамы.

– Хочешь сказать, на этой грёбаной планете отыщется хоть один человек, способный устоять перед группой, где у барабанщика в роду тилвиты, а у вокалиста – гандхарвы?^[15]

Притворный ужас, расширивший его глаза, отразился на моих губах ещё одной непрошеной улыбкой.

– Лично у меня к чарам фейри иммунитет, если ты забыл, так что я их полюбила не за это. Как и ты, судя по твоей родословной. Но на нашем курсе я была единственным динозавром, который обожает рок времён наших мам... во всяком случае, пока не вышла «Богемская рапсодия».

– Может, твои однокурсники ещё и Стинга с Боуи не жаловали?

– Ну, когда я приходила на пары в футболках с Боуи, девочки признавали, что он красавчик.

– Так Боуи вылитый дин ши – в отца. Ещё бы не признавали. – Питер посмотрел на тёмную гладь озера: она блестела перед нами глянцевым отрезом звёздного неба, каким-то чудом расстелившимся на земле. – Начинаю верить, что малыш утром сказал правду.

– Ты о чём?

– Если ты и можешь быть «неопытной», то исключительно из-за высоких музыкальных стандартов, которые не находили понимания у зумеров, обделённых хорошим вкусом. А то красивая, смелая, талантливая девчонка, и вдруг – неопытная?.. До сего момента категорически не верилось. – Он глядел на воду, не на меня, но я всё равно видела лукавые искры, пляшущие в его глазах отражением моего фонаря. – Это не комплименты, а констатация фактов.

Не комплименты, конечно. Ни разу.

– У женщин нашей семьи с отношениями вообще не особо складывается, – произнесла я – неожиданно даже для самой себя. – Мама как-то пошутила, что пора вводить в обиход поговорку «Везёт в любви, как леди рода Форбиден». Отлично подойдёт старым девам, пережившим в юности травматичный опыт и решившим, что лучше с этим дерьмом не связываться.

– Форбиден? – Это заставило Питера повернуть голову, и только после этого я вспомнила, что прежде не называла ему свою фамилию. – Так вы из тех самых...

– Да, – устало подтвердила я, не дожидаясь окончания вопроса, который за последние годы я слышала столько раз, что сбилась со счёта. – Из тех самых Форбиденов, про которых «Кодекс Форбидена».

Питер присвистнул.

– Забавно. – Он помолчал. – Я-то всё думал улучшить момент и спросить, не водилось ли у вас в роду Инквизиторов. А то каждый раз,

как малыш на меня смотрит, терзаюсь ощущением, что мне готовятся вынести смертный приговор.

– Просто Эш с шести лет решил, что пойдёт по стопам нашего славного предка. Будет охотиться на колдунов-отступников, расследовать магические преступления, все дела. Учитывая, что Гэбриэл Форбиден чуть не стал Великим Инквизитором, у моего брата большие планы, как ты понимаешь.

– Заметно, – серьёзно кивнул Питер. – Так вы, стало быть, аристократы?

– Да. Только прадед... *настоящий* наш прадед, внук Гэбриэла Форбидена... просто самого Гэбриэла мы обычно тоже зовём прадедом, чтобы не выговаривать все эти «прапрапра»... В общем, наш прадед спустил фамильное состояние в рулетку, а родовое имение после его смерти перекупило государство. Поскольку дед в любом случае не мог его содержать, он счёл это выгодной сделкой.

– Но титул проиграть нельзя. И, выходит, ты всё равно *леди* Форбиден.

– Леди Форбиден – моя мать, а я – леди *Элайза* Форбиден. В моём случае это титул учтивости, так что с именем, и никак иначе. Зато Эш официально – лорд Форбиден, граф Кэрноу.

Питер склонил голову, осмысливая информацию. Но особого трепета в его взгляде я не заметила, и это меня порадовало.

Инквизитор Гэбриэл Форбиден был выходцем из среднего сословия, вследствие запутанной и жуткой истории получившим титул одного из тех, кого он отправил на справедливый суд. Видимо, его потомкам вместе с кровью передавалось несколько пренебрежительное отношение к пиетету перед аристократией – и к тому, что сословной разнице в нашей стране по-прежнему придавали, на мой взгляд, незаслуженно большое значение. Так что мы с Эшем по возможности не афишировали свою фамилию и раздражались, когда в голосах людей, услышавших наш титул, пробивалось подобострастное придыхание. Тем более титул этот, учитывая спущенное состояние и проданный майорат, был чисто номинальным.

Мы с Эшем когда-то сошлись на том, что Гэбриэл Форбиден только обрадовался бы, взглянув на своих потомков – не бедствующих, но и не пирующих в особняках, восстановивших статус-кво. Он был не из тех людей, которым приносили счастье кровавые деньги.

– Значит, я имею абсолютно законные основания величать себя рыцарем прекрасной дамы, – заключил Питер. – Так что там с фамильным невезением?

– Невезение и есть, – невесело улыбнулась я. – Этим всё сказано.

На самом деле я не была такой уж «неопытной». Первое признание я выслушала в тринадцать от одноклассника, незадолго до того, как наша семья переехала в Мойлейц (потому-то переезд и стал для меня трагедией). Мы поклялись друг другу в вечной любви, пообещали переписываться и встречаться на каникулах, но обещаний не сдержали, и расстояние убило наш едва завязавшийся псевдороман за пару месяцев. В Мойлейце за мной увивались парни; я пробовала встречаться то с одним, то с другим, но меня не покидало ощущение, что рядом со мной не тот, кто должен быть. Долго ни одни мои отношения не продлились, и дальше нескольких свиданий да неловких поцелуев не заходили. Мама тоже осложняла дело: каждого моего ухажёра она принимала в штыки, и встречаться нам чаще всего приходилось тайком.

Мама вообще сильно изменилась после переезда в Мойлейц. Если прежде меня не особо контролировали, то теперь находились сотни причин, по которым я не могла пойти погулять с одноклассниками. А я редко спорила, так как по природе своей была покладистым ребёнком, и всё бунтарство подросткового периода прошло мимо меня...

– Да ладно. Романтичным отношениям вашего прадеда и вашей прабабки целый сезон сериала посвятили. Я лично встречал десяток девочек, у которых Гэбриэл Форбиден – любимый герой: в конце концов, Джуд Лоу кого попало играть не будет. Так что ваша прабабка, можно сказать, сорвала куш.

– Да, но прежде наша прабабка вышла замуж за другого и чуть не отдала ему своё сердце вырванным из груди. А их с Гэбриэлом дочь, Эстелла... Впрочем, четвёртый сезон сериала будет про неё, и, чтобы не спойлерить, скажу только, что там не менее весёлая история. А моя мать родила детей от сиду, который бросил её. – Я обняла руками колени, глядя, как тихие, почти незаметные волны подкрадываются к моим кедам. – После этого я немного побаиваюсь, что будет, когда угораздит влюбиться меня. Всерьёз, во всяком случае. И если твоя «констатация фактов» свидетельствует о том, что ты вздумал за мной приударить, учти, что ничем хорошим это, скорее всего, не кончится.

...никогда не думала, что смогу так просто разговаривать о таких вещах с посторонними. Тем более с парнем, которого я знаю всего ничего. Но с Питером об этом, как и о многом другом, почему-то говорилось поразительно легко. Возможно, потому, что мы установили высокий уровень откровенности и прямоты ещё там, в его лавке, когда были друг для друга незнакомцами, что расстанутся навсегда спустя пару минут.

Ирония состояла в том, что я даже не собиралась скрывать (от себя, во всяком случае), что Питер мне нравится. А он явно не собирался скрывать, что я нравлюсь ему. И пускай мне было решительно не до того, чтобы проверять, действительно ли фамильное невезение леди рода Форбиден распространялось и на меня – отсутствие экивоков и загадок хотя бы в наших отношениях изрядно облегчало мою жизнь, в которой с недавних пор загадок и без того хватало. Если подумать, эти отношения в принципе изрядно облегчали мою жизнь: сейчас – как и в дороге, пока мы играли в «города», а потом обсуждали, какой альбом у Драконов лучший, – я чувствовала себя почти так же беззаботно, как до побега из Мойлейца.

Будто я по-прежнему обычная студентка-магичка, интересная разве что своим друзьям, которая имеет право дурачиться и разговаривать о Квинах вместо того, чтобы думать о маньяках, чудищах и головоломках.

– Можешь считать, я всего-навсего выражал восхищение тем, как ловко ты отделала этих стражников, – невозмутимо отозвался Питер. – Кем ты хочешь стать? Из магов?

– Артефактором. Как мама, – добавила я машинально.

– Почему не боевым магом? Судя по тому, что я видел сегодня, Инквизиция в твоём лице многое теряет.

Лести в его голосе не было ни капли, и я верила, что он и правда впечатлён. Наверное, со стороны мой поединок со стражниками смотрелся довольно зрелищно. Я и сама до сих пор была удивлена и горда, что разобралась с ними как по учебнику – даже если учесть, что со стражниками, не подконтрольными твари, я едва ли справилась бы так легко. Как верно заметил Питер, люди умные.

Только вот насчёт своего потенциала я никогда не обманывалась.

– Знаешь основные принципы колдовской работы с энергией? – спросила я.

– Откуда?

– Магическая энергия разлита повсюду и, кроме того, заключена в нас самих. Каждое заклятие с помощью определённых слов и определённых движений преобразовывает эту энергию, заставляя её нужным тебе образом влиять на зачаровываемый объект. – Я надеялась, что изложение базовых основ, зазубренных мной ещё в детстве, звучит для него так же просто, как для меня. – Есть два пути: использовать энергию окружающей среды или свою собственную. У большинства магов слишком маленький запас своих сил, так что они берут энергию из окружения. Но сперва её всё равно нужно пропустить через себя, а на это требуется время, а в сражении, как ты догадываешься, со временем напряжёнка. Поэтому боевыми магами становятся те, у кого большой запас собственной энергии, которую можно расходовать мгновенно. Поэтому боевики – элита. – Нашарив рядом с собой на песке мелкий камушек, я без замаха кинула его в воду. – С магическими кастами-то ты знаком?

– Смутно. И в любом случае я не в курсе тонкостей каждой специализации.

– Артефакторы вливают магическую силу в предмет или преобразовывают ту силу, что уже есть в нём. Целители работают с энергией человеческого тела: помогают организму побороть болезнь или заживить увечья. Механики анализируют строение техники и других неживых объектов, находят места поломки и устраняют их. Мы чиним, лечим и зачаровываем, преобразовывая энергию и направляя её в нужное русло. Вольёшь слишком мало силы – не сделаешь то, что требуется, слишком много – объект разлетится на кусочки. У боевиков таких проблем не возникает: у их заклинаний принципиально другое действие. Можно вложить в заклятие слишком много энергии и нанести человеку больший вред, чем планировалось, но большинство заклятий изначально содержат в себе ограничение на летальность. Тем, что должно усыпить, не убьёшь при всём желании. – Я кинула ещё один камень, глядя, как по воде расходятся круги, ломая дрожащий рисунок звёзд. – Боевикам не нужен такой уровень самоконтроля и концентрации при работе с силой, как нам. Но мы работаем с безопасными вещами в мирной обстановке, при нормальных обстоятельствах вообще не трогая собственный резерв, а они постоянно опустошают себя, рискуя жизнью. А когда маг

исчерпывает запас своей магической силы, у него есть два выхода: либо добирать энергию извне, либо расходовать физическую, заключённую в его собственном теле. В бою для первой опции не остаётся ни времени, ни возможности... если только ты не прихватил с собой резервуар с энергией, заранее подготовленной к использованию.

– Вроде драгоценных камней, зачарованных артефакторами, – заключил понятливый Питер. – Поэтому в старину маги таскали трости с рубинами или сапфирами в набалдашнике?

– Именно. А если человек полностью исчерпает и магическую, и физическую силу, он умрёт. И я закончусь довольно быстро.

– Хочешь сказать, у тебя маленький запас сил? Но стражники в тебя четыре обоймы разрядили, и ты все отбила! А потом ещё запулила в них этой штукой, – он рассеянно пощёлкал пальцами, – проклятием или чем там...

– Моего запаса хватило бы на то, чтобы держать щит ещё пару минут, не дольше. Да и противники были не магами. Пули отбивать легче заклятий. – Я запустила руку в бумажный пакет: тот отозвался негромким шуршанием, почти слившимся с шелестом волн. – Нет, Питер. У меня всё в порядке с концентрацией и самоконтролем, но боевик из меня слабый. Видимо, даже здесь в маму пошла. – На самом деле учёные до сих пор спорили, влияет ли генетика на магический потенциал, но в моём случае факт оставался фактом. – Поэтому к следующей встрече с нашим чёрным другом у меня будет это.

– Я знаю, что маги дерутся костями, картами и камнями, – кивнул Питер, когда я разжала пальцы, демонстрируя лежавший в них игральный кубик. – Значит, артефакторы заключают в них энергию...

– ...уже преобразованную в конкретное заклятие. Остаётся лишь сказать слово-активатор, и оно сработает. Всё равно что кнопку нажать. Другое дело, что в кость много энергии не влезет. Зависит, конечно, от материала, из которого она сделана, но тот же защитный барьер в любом случае продержится недолго. Карты вмещают и того меньше.

...«не столь важна мощь инструмента, мисс Форбиден, как умение им пользоваться, – улыбнулся в моей памяти мастер Тинтрэ. Дело было в кафетерии колледжа: Гвен тогда болела, и, в перерыве между парами взяв себе чай с шоколадным чизкейком, чтобы подзарядить глюкозой уставший мозг, я под села за стол к учителю. В

разговоре мастер упомянул, что всем колдовским орудиям предпочитает карты, и я спросила, почему, ведь маг его квалификации наверняка прекрасно управляется с теми же камнями, которые куда мощнее. – *То же и с магическим потенциалом. Взять вас: изначальный резерв невелик, но в комплекте с вашей сметливостью и концентрацией... Предложи мне выбрать между вами или боевиком, которому от природы дано сил куда больше, но распоряжается он ими куда менее разумно, – я поставлю на вас».*

До конца того дня я дулась от гордости.

– ...драгоценные камни – другое дело, но с ними я пока работать не умею, – вынырнув из воспоминаний, закончила я. – А там одна ошибка, и подорвёшь весь дом.

– В общем, кости с твоей стороны были правильным выбором. – Питер вновь устремил взгляд на чёрную гладь, расцвеченную серебром звёздных бликов; на фоне этой черноты его профиль казался чётким, словно его чеканили по металлу. Разомкнув губы, вдруг негромко, чисто, дивно приятным баритоном пропел: – *«А звёзды смотрят сверху... их свет глотают тёмные озёра, и звёзды молчаливо тонут в них»...*

– *«Какая ночь!.. Любимая, ты гредишь, и грёзы тканью вечности ложатся на облик бытия»*, – с лёту узнав песню, машинально подхватила я, заканчивая куплет. – Обожаю Марка Шейдона. Эту балладу особенно.

Заметив, что мятные глаза смотрят на моё лицо так, будто впервые его увидели, я запоздало осознала: с Питером я расслабилась настолько, чтобы сделать то, чего обещала себе никогда не делать в приличном обществе.

– У тебя чудесный голос, – с изумлением сказал он.

...а вот теперь точно лесть.

– Голос как голос.

– И кто тебя в этом убедил?

Прозорливый взгляд, напомнивший, что сидящий рядом читает меня как книгу, заставил меня отвернуться, прежде чем честно ответить:

– Мама.

Когда-то я тоже думала, что это единственное наследие, что оставил мне папа-тилвит: серебряный голос фейри. Но однажды, пока

я во всё горло распевала что-то, прибирая кухню, пришла мама и сердито сказала, чтоб я перестала пищать, как резиновая игрушка, или хотя бы чуть больше старалась попадать в ноты. А я даже не слышала, что фальшивила, – и это подтвердило полное отсутствие у меня музыкального слуха.

– Почему я не удивлён? – молвил Питер невыразительно.

– Действительно, почему?

– За наше недолгое знакомство ты упоминала о ней достаточно, чтобы я понял: её авторитет для тебя неоспорим. Могу даже предположить, что её одной. И я не хочу говорить ничего дурного про вашу с Эшем почтенную матушку, но, будь она здесь, я бы с ней крепко повздорил.

– Она хотела мне добра, – сказала я тихо и упрямо. Подобрала с песка картонный пакет, цепляясь за него, словно за привычный мир, от которого за последние дни мало чего осталось. – Как и всегда.

...кажется, тот случай имел место вскоре после переезда в Мойлейц. Мама тогда вообще была какая-то нервная, вот и не выдержала. Я осталась не в обиде: всегда разделяла принцип «горькая правда лучше сладкой лжи». Эш потом пытался меня убедить, что никакая это не правда, но с тех пор петь я стеснялась.

Теперь-то я понимала, что тогдашняя мамина нервозность наверняка имела под собой серьёзные основания. Я бы даже сказала, смертельно серьёзные.

– Посмотри на меня, Лайз.

Приказ в голосе чувствовался лишь едва уловимыми нотками, спрятанными за проникновенной просьбой: так аромат духов прячет своё сердце за первыми, куда более броскими аккордами.

– Ты замечательная дочь, и я не сомневаюсь, что мать у тебя тоже замечательная. Но ни один ребёнок не обязан слушать родителя беспрекословно, каким бы замечательным тот ни был, – произнёс Питер, когда я подчинилась. – Самые заботливые родители и рады были бы, если б дети всегда оставались беспомощными, привязанными к ним... только вот мы рождаемся, чтобы рано или поздно вылететь из гнезда. Те, кто не сумел вовремя обрубить поводок их заботы, ползают по этому гнезду, не понимая, что оно превратилось в клетку, и умирают, не понимая, что были созданы для полётов. А вы, леди Элайза Форбиден, можете парить выше многих, но вы не

научитесь летать, пока не вылезете из тени распростёртого над вами материнского крыла.

В сиянии колдовского фонарика глаза его сверкали весенним огнём: ярко, отчётливо, заставив меня на миг усомниться в том, что то лишь отблески стороннего света.

– Не знала, что ты ещё и психолог на полставки, – сказала я, пытаюсь спрятать за насмешкой всё, что от эмпата прятать было бесполезно. – И поэт заодно.

– Ради вас, миледи, готов быть хоть поэтом, хоть рыцарем, хоть драконом. Хотя последнюю должность, кажется, уже занял малыш. – Питер встал. Одним гибким движением-поклоном подхватил с песка свои мокасины. – Ты собиралась зачаровывать кости, я так понял. Не буду мешать.

Я слушала, как он уходит, едва слышно шурша по берегу босыми ногами.

Повертела кость в пальцах, вглядываясь в чёрные точки на белых гранях.

Наверное, мне следовало возразить ему. Разозлиться. И это не отменило бы того, что он – парень, знакомый со мной чуть дольше дня, – прав. Я всю жизнь была маминой дочкой: маленькой, инфантильной, послушной девочкой, которая знала, что мама всегда рядом, чтобы решить все её проблемы. Которая мирилась с тем, что даже её двенадцатилетний брат больше похож на взрослого, чем она.

Я пропустила через себя энергетические потоки – сперва вхолостую, без преобразования, как полая трубка вбирает воду, лишь чтобы выпустить её с другой стороны. Ох... То ли всему виной озеро с его средоточием водной стихии, то ли проход в Дивную Страну, но это место эманировало колдовской силой. Я почти чувствовала её вкус – сладковатые нотки родниковой воды, свежесть лесной зелени, медовую терпкость цветущего вереска. Никакого сравнения с теми пресными потоками, которыми мы довольствовались в колледже. В подобных местах строили старинные университеты, но нынче многие студенты были обречены до самого выпуска работать со стандартным магическим фоном. Впрочем, привыкать к такой роскоши было чревато, а без должного навыка работа с мощными потоками могла пойти и во вред: даже я, которая стараниями мамы магии училась с четырёх лет, сейчас чувствовала лёгкое головокружение.

Прикрыв глаза, я стиснула кость в кулаке, ощущая, как нагреваются на коже линии печати.

...но мама больше не со мной, что бы там с ней ни случилось. А Эш, каким бы умницей он ни был, не сможет нас защитить. Отныне между ним и тварью, жаждущей нашей крови, похоже, буду стоять только я; и чужой план, каким бы простым он ни казался, не поможет положить этому конец.

Спасибо, Питер. В одном ты прав.

Мне пора повзростеть.

Когда я закончила и подошла к Французику, Питер спал, подложив руки под голову, свернувшись калачиком на заднем сиденье. Роксэйн сидела на переднем и курила, выдыхая дым в открытое окно: Эш милостиво разрешил нашим спутникам заночевать в мобиле. Правда, предварительно перевёл его в режим завода после сканирования отпечатка пальца.

Доверяй, но о худшем раскладе не забывай – в этом весь мой брат.

– Три часа уже, полуночица, – шёпотом посетовала баньши, когда я влезла на водительское место, притушив волшебный огонёк, не закрывая дверцу. – Что делала?

Я подбросила на ладони кожаный мешочек с зачарованными костями:

– Оружие. Как и обещала. Больше эта тварь меня врасплох не застанет.

– Ну, до Фарге осталось не так долго. Если не будем особо задерживаться в людных местах...

– Боюсь, придётся. Мы едем в Карнел.

Рука с сигаретой застыла на полпути к её губам.

– Лайза...

– Мне надоело слепо слушать кого-то, Рок. И я не хочу отсиживаться в укрытии, теряя время, пока монстр разгуливает на свободе. Я хочу узнать, кто наш противник. Я хочу убить эту тварь. А если она бессмертна, то хотя бы отправить её туда, откуда она не сможет портить жизнь другим.

– А если Ликорис действительно не имеет к тебе отношения?

– Я тоже не верю в совпадения. Но на этот случай у меня есть запасной план... правда, его озвучивать пока рано. А раз уж мы

взялись за Ликориса, проверим твою версию. В конце концов, новичкам и дуракам везёт. Знакома с Таро?

– Знаю только, что люди зря впадают в панику, когда им вытаскивают Смерть.

– Потому что Смерть – скорее про завершение очередного жизненного этапа и перерождение, верно. Но я сейчас не о ней, а о Шуте. – Убрала мешочек в карман джинсов, я положила ладонь на руль. – У каждой карты есть не только своё значение, но и своя энергия. Потому их и используют в качестве боевых артефактов. Шут, он же Дурак, – это начало нового пути и энергия хаоса. Энергией хаоса легче всего влиять на вероятности, воплощая то, что кажется маловероятным или вообще невозможным. Так что дуракам действительно везёт. – Я перебирала пальцами по бархатной оплётке, словно по невидимым клавишам. – У нас есть ты. И Питер. И я. И наши силы. А ещё Эш с его ста шестьюдесятью IQ. Значит, у нас есть шанс. Даже если узнаем, кто такой Ликорис, и он окажется непричастен к... моему случаю – когда отправим его за решётку, я сильно жалеть не буду. После того, что увидела сегодня на кладбище, уж точно.

Всё-таки затянувшись, баньши медленно выдохнула: струйка дыма белёсым щупальцем вытекла в окно, растворяясь во мраке.

– Тебе что, Питер хвост накрутил?

Я рассеянно провела ладонью по длинным, успевшим спутаться волосам.

– Поищи ещё адреса полукровок, погибших в несчастных случаях после появления Ликориса, ладно? – сказала я вместо ответа, прежде чем выйти, аккуратно прикрыв дверцу.

До палатки я добрела в темноте и, не снимая кеды, залезла внутрь. Легла подле Эша – на спальник, который брат перед сном заботливо расстелил рядом с собственным.

Хорошо, что Рок напомнила про хвост. Не люблю ни резинки, ни заколки, но в ситуации, где расчёсываться особо некогда, придётся потерпеть. А то копна до талии – конечно, красиво, да только путается это дело немилосердно...

Утром меня растолкал Эш, и продрать глаза стоило мне немалых усилий.

К моменту, как я выползла из палатки, Питер и Рок жевали сэндвичи в мобиле, распахнув настежь дверцы: небо заволокли облака, и в воздухе стояла липкая духота. Ненадолго забредя подальше в лес для священных утренних процедур, я вернулась на берег; умывшись озёрной водой, присоединилась к ребятам, отчаянно зевая.

– Всем недоброе утро. – Заняв свободное водительское сиденье, я потянулась за своим сэндвичем. – Который час?

– Восемь. Наш малыш – ранняя пташка. – Питер щурился на блёклое небо: его постепенно закрывали серо-сизые тучи, наползающие с горизонта. – Долго вчера сидела?

– Долго. – Прежде чем откусить от здорового бутерброда с тунцом, я посмотрела на Эша, сворачивавшего палатку. Задерживаться здесь брат явно не планировал. – Нишево, по жорохе... ням... ничего, по дороге подремлю.

Закончив с едой, я вылезла из мобилы, чтобы ополоснуть руки и уступить Эшу место за рулём. Пока тот убирал упакованную палатку в багажник, смыла с пальцев неосторожно задетый соус и, сидя на песке, где виднелись очертания моего защитного контура, кинула прощальный взгляд на озёрную гладь: отражая белёсое небо, она казалась седой.

Странно, но уезжать не хотелось. Вид озера рождал во мне ощущение... умиротворённости. Может, из-за разлитой вокруг магической силы? Или близости прохода на Эмайн? Или одно было следствием другого?..

– Лайз, ты едешь или как? – Эш уже завёл Французика и нетерпеливо перебирал пальцами по рулю.

– Не бросать же вас на произвол судьбы. – Нехотя встав, я вернулась в мобиль. – Поехали.

Хлопнула дверца, Французик тронулся с места, и озеро медленно уплыло влево, скрывшись за буковыми стволами.

Опасная дорога продолжилась.

– Следующая остановка в Оксфорде, – сообщил Эш, когда мы выехали на шоссе и в лицо хлестнул встречный ветер, ударивший по щекам из открытого окна. – Перекусим, заправимся, купим еды с

собой. Если не случится ничего непредвиденного... что в нашей ситуации весьма вероятно, но всё же... к ночи будем в Фарге.

– Как раз хотела с тобой поговорить. – Я закрыла окно мобилы, и в салоне воцарилась тишина. – Давай притормозим в Карнеле. Это же почти по дороге?

– Зачем?

– Там жила первая жертва Ликориса.

О лобовое стекло с приглушённым стуком разбилась пара дождевых капель, распластавшись на нём прозрачными кляксами.

– Опять этот ваш Ликорис. – Брат неотрывно смотрел вперёд, сверля раздражённым взглядом дорогу. – Мне зряшного похода на кладбище хватило.

– Эш, пока это единственная версия, которая у нас есть. Раз уж мы ступили на этот путь, нужно идти до конца.

– Мама говорила ехать в Фарге. Без всяких... «версий».

– И что, дом дедушки сможет нас защитить? Мама ведь ничего не объяснила. А я устала от этого, Эш. Я не хочу до конца жизни прятаться и бояться, что в любой момент к нам посреди ночи нагрянут *они*. Я хочу знать, кто наш враг, и победить его.

– Силёнок не хватит.

– Сомневаться в старшей сестре – нарушение субординации.

Дождь, потихоньку разгоняясь, стучал по стёклам, деликатными пальцами отбивая по ним дробный ритм. Эш включил дворники, и дорога, расплывшаяся в жидком водном хрустале, вновь обрела чёткость.

– Ладно, Карнел так Карнел, – наконец сказал брат. – В конце концов, не так уж это и далеко от Оксфорда.

Я благодарно сжала его плечо. Расшнуровав кеды, откинулась на спинку кресла, закинув ноги в носках на бардачок, и подняла глаза на зеркало заднего вида. Роксэйн, не удивившись моему заявлению, снова залипла в графоне, зато я перехватила пристальный взгляд Питера. Заметив, что я смотрю на него, он не отвёл глаза – и в них я прочла одобрителное понимание.

Из всех моих спутников он единственный знал, почему я резко изменила планы. И, похоже, единственный был искренне рад, что леди Элайза Форбиден всё же решила расправить крылья.

Мне заговорщицки подмигнули. Потом – скорчили жуткую рожицу. Спрятав очередную вызванную им улыбку за нарочитым зевком, я отвернулась к окну; подумала, что можно было бы наконец достать из бардачка свой новенький графон (не зря же, в конце концов, мы его купили), но вместо этого прикрыла глаза.

Учитывая, что при чтении в дороге меня, как и Питера, укачивает, в соцсети мне всё равно нельзя, а промашка в бою из-за сонливости может стоить всем нам жизни, лучше подремлю. Тем более шум дождя прекрасно меня убаюкивал.

* * *

Когда мы въехали в Карнел, ливень уже кончился.

Город оказался симпатичным и небольшим, едва ли крупнее Мулена или Мойлейца; за его окраиной зеленели просторные луга с редкими перелесками, на его улицах клёны роняли отяжелевшие от влаги листья. Небо из светло-сизого обернулось фиолетовым, и отражение города расплывалось в чёрных лужах жёлтыми бликами фонарей. Мобилей на дороге было немного; большинство магазинчиков к нашему приезду уже закрылось, и, глядя в окно, я видела Францулика, мелькающего в зеркалах тёмных витрин. Низкие кирпичные дома тонули в пестроте садов с поздними летними цветами, тут и там над кронами парков высились острые крыши храмов.

– Кого мы хотя бы собираемся допрашивать? – спросил Эш, когда мы встали на очередном светофоре.

– Для начала навестим лучшую подругу Абигейл, – доложила баньши, раздававшая указания, сверяясь с картами на своём графоне. – Её зовут Дакота Джилиш. Кстати, на следующем повороте направо.

– Откуда ты про неё знаешь?

– Отец любезно подкинул адресок. Я сказала, что пишу статью про Ликориса, а у него есть доступ к сведениям по делу. Не всем, конечно, – добавила Рок, – он же мелкая сошка, а дело ведут крупные шишки из Динэ. Но информацию о свидетелях, опрошенных после гибели Абигейл, по своим каналам раздобыть смог.

Так вот откуда у Рок взялся знакомый стражник... Значит, Питер и тут был прав.

– Неподалёку живёт ещё и отчим Абигейл. Его тоже навестим. Но девушки чаще секретничают с подругами, чем с родителями, а когда отец к тому же не родной... Дакоте представимся журналистами, только тебя, Эш, в мобиле оставим. Не сомневаюсь, что при желании ты уже получил бы Пулитцера, но всё-таки к двенадцатилетним журналистам общественность пока не привыкла.

– Какие журналисты заявляются на ночь глядя?

– Те, у которых есть Господин Чарующие Глаза. – Баньши многозначительно покосилась на Питера. – Думаю, если нашему появлению не обрадуются, мы как-нибудь это уладим.

– Не вопрос, – безмятежно подтвердил тот.

– И я о том же. В конце улицы налево.

Подруга покойной Абигейл жила в симпатичном двухэтажном таунхаусе, разместившемся на тихой окраинной улочке. Припарковав мобиль на обочине, мы вышли в прохладный, освежённый дождём вечер. Поодаль какой-то человек выгуливал собаку; он уставился на нашу троицу с любопытством, и мы с Питером поторопились за Роксэйн – баньши плыла над мокрым асфальтом, всматриваясь в номера квартир.

– Говорить буду я, – сказала Рок, направившись к двери с медной цифрой «восемь», отделённой от соседних прямоугольником зелёного газона и узкой бетонной дорожкой. – Если возникнут проблемы, ты знаешь, что делать, Питер.

– Надеюсь только, тварь не выбрала Дакоту в качестве следующей одержимой, – заметил тот невесело.

– Надеюсь. – Я нащупала кожаный мешочек с костями, ждавший своего часа в кармане джинсов. – Но если и выбрала, мы вооружены и опасны.

В ответ на короткий звонок Роксэйн открыли почти сразу.

– Добрый вечер. – На нас воззрилась худенькая светловолосая женщина в роговых очках. – Чем обязана?

Лицо её было серым, немногим светлее мокрого бетона под подошвами моих конверсов. Зрачки небольших глаз терялись в непроглядно чёрных радужках – к счастью, окружённых тонкой полоской белков и слишком блестящих, чтобы напугать меня

сходством с одержимыми: такие глаза-бусинки я скорее привыкла видеть у тюленей. Короткие пальцы, придерживавшие дверь, соединяли плотные кожистые перепонки. Селки... Далеко же их занесло от воды. Обычно морской народ предпочитал жить у моря.

– Вы миссис Джилиш? – вежливо осведомилась Рок.

– Да.

– Роксэйн Бэс, журналистка. Пишу для сетевого издания «Муленские вести». Мы хотели бы взять интервью у вашей дочери Дакоты.

Миссис Джилиш опасно сузила веки, опушённые белыми ресницами.

– Сколько можно, стервятники, – без тени любезности прошипела она. – Уже устали от вас отбиваться!

Питер ловко успел подставить ногу рядом с косяком прежде, чем дверь захлопнулась у нас перед носом.

– Миссис Джилиш, я понимаю, как вас утомило внимание журналистов и как вы беспокоитесь за дочь, – проникновенно изрёк он, заглядывая в образовавшуюся щель. – Но, поверьте, вам нет причин волноваться: мы зададим Дакоте всего пару вопросов. Безобидных. Правда.

Спустя несколько мгновений, в которые лишь колёса редких мобилей шелестели по мокрой дороге за нашими спинами, нам открыли снова.

– Заходите. – На лице миссис Джилиш расплылась улыбка, слегка неестественная в своей феноменальной приветливости. – Дакота у себя в комнате. Наверху, последняя дверь справа по коридору.

– Да ты просто находка для журналиста, – прошептала Рок, пока мы поднимались на второй этаж. – Не хочешь подработку себе организовать? Так сказать, специалистом по связям с общественностью?

Питер лишь улыбнулся, перешагивая с одной стеклянной ступеньки на другую: лестница казалась сложенной из блоков твёрдой зеленоватой воды. На синих стенах прихожей, переливчатых и дрожащих, как озёрная гладь, белели ракушки морских гребешков; не удержавшись, я коснулась рукой одной из них, но пальцы прошли сквозь голограмму, ощутив лишь прохладу извёстки под ней.

Даже уехав далеко от моря, морской народ попытается взять его с собой.

Пройдя по крохотному коридору, завешанному фотографиями в пластиковых рамках, мы постучались в указанную дверь. Дерево – белое, как перья чаек или ракушечный песок, – приглушило голос, недовольным колокольчиком зазвеневший в комнате:

– Да?

Рок дёрнула медную дверную ручку, искусно вырезанную в виде морского конька.

Первым я увидела аквариум на полстены: над чёрной тумбочкой за стеклом зеленели водоросли, миниатюрный замок тянул башни к поверхности и золотые рыбки неторопливо фланировали в лучах подсветки. Потом – бардак: на стуле виселась гора одежды с лифчиком на самом верху, письменный стол завалили косметикой, на полу валялись книжки, подушки и носки. Хозяйка всего этого великолепия сидела на кровати с графоном поверх одеяла, изумлённо воззрившись на нас, когда мы поочерёдно переступили порог.

Бардак был похуже того, что я, убегая, оставила в своей спальне. И я прогнала эту мысль почти сразу, но в мысль о том, что теперь моя спальня превратилась в головёшки, она трансформироваться всё же успела.

Пустота, разверзшаяся под ложечкой, сбила сердце с размеренного ритма, но зацикливаться на воспоминаниях о горящем доме мне было некогда.

– Что вам нужно? – оправившись от неожиданности, резко спросила Дакота. Волосы цвета морской пены падали на замызганную майку, обнажавшую серые руки, из домашних пижамных штанов выглядывали босые перепончатые ступни.

– Я Роксэйн Бэс, журналистка. Пишу для сетевого издания «Муленские вести», – повторила баньши. – Мы с коллегами готовим статью об убийце, известном как Ликорис. Хотели задать вам пару вопросов об Абигейл Труэ.

– Мы быстро, – добавил Питер. – И, конечно, без вашего согласия не укажем в статье ваше настоящее имя.

Дакота посмотрела него.

Я почти заметила умиротворённую дымку, за пару секунд заволкшую чёрные бусины её глаз.

– Можете и указать, – затем произнесла девушка тихо. – Я хочу помочь.

Подплыв к кровати, Рок достала из кармана юбки графон. Споро пощёлкав пальцами по экрану, села прямо в воздухе, поджав ноги под себя, застыв в метре над ковром – будто забралась с ногами в невидимое кресло.

– Насколько я знаю, вы с Абигейл были близки.

От меня не укрылось, что она развернула серебряную трубку так, чтобы встроенный микрофон оказался поближе к Дакоте. Видимо, включила диктофон.

– Мы были лучшими подругами. – Дакота отвела с лица прядь белых волос; движения её казались слегка заторможенными. – Мне до сих пор не верится, что её нет.

– Скажи, Абигейл не жаловалась тебе на кошмары? Или на то, что видела странное существо, похожее на человека в чёрном костюме?

– Не помню такого.

Рок это не смутило. В отличие от меня.

Впрочем, если подумать, объяснение этому наверняка найдётся – просто сейчас искать его было немного некогда.

– Её отчим сказал, что Абигейл поехала в Динэ на экскурсию, – сказала Рок. – В одиночку. Это так?

– Аби давно мечтала побывать в Динэ. Хотела повидать большой город.

Слова показались мне странно торопливыми. И немного уклончивыми.

– Почему она отправилась на экскурсию одна? Без опекуна, без одноклассников, без подруг? Молодой девушке небезопасно ехать в незнакомый город в одиночку. Абигейл не предлагала, к примеру, тебе составить ей компанию?

Дакота молчала. Но, в мыслях аплодируя прозорливости Рок, усмотревшей в этой истории детали, не встревожившие меня, – я заметила, как рыбки юркнули в укрытие керамического замка, когда вода в аквариуме вдруг пошла волнами.

Селки не просто так предпочитали жить у воды, над которой им даровали сверхъестественную власть.

– Дакота, – мягко молвила Рок, не дождавшись ответа, – поскольку подозреваемых в этом деле так и нет, мы пытаемся...

– Нет подозреваемых. Конечно, – в голосе селки зазвенела злость. – Но я-то знаю, кто её убил. И других девушек наверняка он же прикончил. – Отшвырнув графон, серые пальцы стиснули одеяло. – А я ведь всё рассказала страже! Хотя клялась Аби, что никому и никогда не скажу! Да только у него, видите ли, алиби! И свидетели – подкупленные! Даже оснований задержать его для допроса не нашлось! Аби хотела от него убежать, но... но...

– О ком ты, Дакота? – Рок подалась вперёд, пока девушка нерешительно хватала губами воздух. – Скажи нам. Прошу.

Та подняла беспомощные, влажные глаза. Встретила пристальный взгляд Питера.

– Её отчим. – Когда Дакота заговорила вновь, её голос был глух, но больше не дрожал. Водоросли в аквариуме метались, словно их трепал шторм, вода билась в стеклянные стенки яростно, точно кто-то мучил её невидимой рукой. – Грег.

– *Отчим?..*

– Аби родилась от тилвита с Эмайна. Ей было шесть, когда её мама вышла замуж. Она умерла, когда Аби исполнилось пятнадцать, и Аби осталась на попечении мистера Труэ. Три года всё вроде было нормально, но потом... – Девушка отвернулась, глядя в незанавешенное окно, за которым сгущалась сиреневая тьма. – Однажды Аби пришла ко мне и сказала, что уходит из дома. Уезжает из Карнела. Просила никому не говорить, что заходила. Сказала, что свяжется со мной, как только сможет, но старый графон она выбросит, чтобы её не могли найти, и какое-то время связи не будет. – Дакота прижала перепончатые ладони к щекам. – Боги, какая же я была дура! Я должна была с ней поехать, обязана была! А я предложила только пойти в стражу, но Аби сказала, что у этой мрази там всё схвачено, и ей всё равно уже восемнадцать, и у него нет прав, чтобы вернуть её домой...

– Что случилось?

Голос Питера ласкал слух тёплым шёлком.

Дакота обречённо прикрыла глаза – и в аквариуме воцарился штиль, такой же мёртвый, как голос селки, когда она вновь заговорила.

– Он пытался изнасиловать её. Отчим. Аби ведь такая красивая... и... и Аби убежала, а ч-через месяц её нашли в Динэ, – Дакота всё-таки

всхлипнула, – с отрезанными губами, и языком, и г-глаза, изнасилованной и у... убитой.

* * *

– Скажи, что хоть это было не зря, – произнёс Эш, дожидавшийся нас за рулём, когда я открыла пассажирскую дверцу: в тихом Карнеле, где камеры висели разве что на центральных улицах, мы решили не мудрить с переменой мест.

– Абигейл Труэ, красавица-полукровка... к слову, тоже училась на магичку в здешнем колледже... сбежала из дома после того, как её пытался изнасиловать отчим. Он программист, по совместительству друг начальника местной стражи, – мрачно отрапортовала я, заняв своё место. – Она уехала в Динэ, а через месяц там нашли её тело.

Заплаканное лицо Дакоты до сих пор стояло у меня перед глазами. Как и ласковая улыбка миссис Джилиш, провожавшей нас с сожалением, как дорогих гостей, пригласив заходить ещё. Забавно... Чары Питера, мощь которых мне наконец-то довелось наблюдать во всей красе, и то, как легко они ломали чужую волю, пугало меня чуть ли не больше всего, что я недавно слышала. И лишь теперь я понимала: раз на низших фейри дар Питера работает не менее эффективно, чем на простых смертных, – когда Роксэйн усомнилась в нём, он мог бы просто задурить ей голову. Вместо того, чтобы позволить отговаривать меня и пробивать его по базе. Но не задурил.

Подобная честность в ситуации, где побыть нечестным было бы даже естественно, вызывала уважение.

– Маги в страже установили день, в который произошло убийство. Отчим Абигейл как раз был в отъезде, – добавила Рок под аккомпанемент закрывающихся дверей Францулика. – Якобы поехал на рыбалку с другом. Тем самым начальником стражи. Тот это подтвердил. Дакота рассказала о попытке изнасилования, но ей никто не поверил: все знали мистера Труэ как отличного семьянина, в котором покойная жена души не чаяла.

– Если начальник стражи соврал, наш старик наверняка сможет его разговорить. – Эш кинул быстрый взгляд в зеркало, найдя в нём отражение Питера. – Проверить, правдива ли их рыбалка.

– Увы, – поморщился тот. – Пару месяцев спустя наш стражник-рыболов скончался от сердечного приступа. Человек немолодой, смерть выглядит совершенно естественной.

Эш молча повернул руль, выезжая на дорогу.

– А что насчёт анализа ДНК? – спросил он, когда дом Дакоты остался позади. – Девушек насильовали. Если сравнить ДНК преступника с ДНК...

– На телах не нашли никакого биологического материала, по которому можно было бы провести анализ. Ни крови под ногтями, ни спермы, ни волос, ни перхоти. – Рок смотрела в окно, где проплывали провинциальные домишки, светящиеся окнами в вечерней тьме. – Как полагает стража, девушек мгновенно обездвигивали, связывали, затем насильовали и убивали. Потом тела обмывали... только голову не трогали, потому детективы и находили пыльцу в волосах... Следом проверяли, не осталось ли на них улики, заворачивали трупы в полиэтиленовые мешки и выбрасывали. На помойку. Как мусор. И нет ни одного свидетеля, видевшего каких-нибудь подозрительных мужчин, которые вытаскивали из багажника своей машины какие-нибудь подозрительные свёртки. – Баньши достала графон из сумочки. – Узнать бы, где был отчим Абигейл во время остальных убийств... Но он продал дом и уехал из Карнела год назад.

– Куда?

– Этого Дакота не знает.

– Но тебе ведь смогут снова подкинуть адресок?

– Чем я, по-твоему, занимаюсь? – Баньши уже набивала сообщение: перемещаясь по голографическим кнопкам, длинный палец вырисовывал в воздухе затейливые вензеля. – Питер, если доберёмся до заботливого папаши, ты ведь сможешь его разговорить?

– Уже не терпится побеседовать с ним по душам.

– Чудно.

Эш сосредоточенно рулил, с узких улочек выводя Французика на широкую дорогу. Я уставилась в окно, разглядывая обгонявшие нас мобили: белые снопы фар прорезали полумрак, рождённый смешением темноты и уличных фонарей, и выхватывали сверкающие крапинки возобновившегося дождя.

– Он мог заключить контракт с фомором, чтобы тот помог ему отыскать сбежавшую падчерицу. Сначала убил Абигейл... а потом

вошёл во вкус и решил повторить сценарий. И теперь тварь ищет для него новых жертв. – Я говорила вслух: так легче было структурировать мысли, роившиеся в голове растерянными пчёлами. – Но Абигейл ведь не видела Кромешника.

– Значит, она не жаловалась на безликих чёрных тварей. – В словах брата скользнуло почти удовлетворение.

– Нет. Но ей просто некому было жаловаться, – вместо меня снова ответила Рок. – Как я поняла, Кромешник является к жертвам накануне гибели. Не раньше. Абигейл убили спустя неделю после побега, а графон она, когда сбегала, оставила дома. Даже если она видела Кромешника незадолго до смерти, то при всём желании не могла позвонить Дакоте и сообщить об этом.

– Если и так, при чём тут одержимые?

– Могу только предполагать, но... Контрактор хотел подстроить Лайзе фатальный несчастный случай, верно? А твари не удалось выполнить «заказ», и тогда она решила достичь цели, вселившись в других людей. Она же бестелесна, похоже... а до Лайзы подобных осечек с ней не случалось. Иначе информацию о похожих случаях нетрудно было бы найти. – Баньши прислонила ладонь к оконному стеклу, тьма за которым стала ещё гуще: мы покидали город, и домов на этом участке дороги почти не было – единственным источником света остались редкие фонари. – Подозреваю, контрактор сам не понимал, с чем связался. Вряд ли в его планы входило, что монстр вяжет в очередное убийство кучу посторонних.

– И зачем бы этому Труэ убивать полукровок по всей стране? Насиловать и душить во имя своего извращённого удовольствия – это я ещё могу понять. На самом деле не могу, – добавил Эш брезгливо, – но предположим. А девушки, погибшие в несчастных случаях, – они-то тут при чём?

– Возможно, их вина в том, что они юны и прекрасны. «Всё красивое должно умереть», все дела. Может, Труэ решил избавиться от искушения таких же слабых мужчин, как он сам... Не думаю, что он женился на матери Абигейл исключительно из расчёта когда-нибудь изнасиловать её дочь, но Абигейл подросла и, так сказать, своими прелестями толкнула его на кривую дорожку. А несчастные случаи он имитировал, чтобы страже сложнее было связать эти смерти с делом Ликориса и выйти на его след. – Рок отстранённо смотрела на тёмное

поле, окружавшее шоссе, расстелившееся по левому борту Францулика. – Ручаться ни в чём не могу, конечно. Факт в том, что у нас есть подозреваемый. И если он тот, кого мы ищем, скоро вы с Лайзой сможете вернуться домой.

Эш хмыкнул, но возразить баньши в очередной раз не успел.

Фары Францулика выхватили из темноты мужчину, застывшего посреди дороги. Брат ударил по тормозам так, что ремень безопасности врезался в живот тугим жгутом; сзади тут же раздался длинный возмущённый гудок. Я ждала звука удара в бампер, но, к счастью, напрасно – водитель за нами благоразумно держал дистанцию, так что успел притормозить.

– Какого фомора этот тип забыл на шоссе? – прорычал Эш, разъярённо врубив аварийку.

Францулик высветил серебристые кудри, тёмные очки с круглыми стёклами, светлый костюм с щегольской шёлковой жилеткой – и, осознав, кто стоит в трёх футах от нашего капота, я недоверчиво ойкнула. Мобили объезжали нас, с любопытством притормаживая рядом, но мужчина не обращал на них никакого внимания: лишь вскинул руку, и на лобовом стекле вспыхнули сотни искр цвета весенней листвы, сложившие фразу *«Лайза, я знаю, что ты там»*.

Ребята что-то говорили – друг другу и мне. Кажется. Я слышала их, но не слушала. После секундного колебания отстегнула ремень и открыла дверцу, чтобы, выйдя на дорогу, встретить внимательный взгляд поверх очков.

– Мастер, – обречённо выдохнула я в знак приветствия.

– Мисс Форбиден, – в голосе мастера Тинтрэ шелестела мягкость майской травы. – Хорошая работа с амулетами.

Конечно, для него мои простенькие иллюзии были не помехой.

– Что вы здесь делаете? Как вы меня нашли?

Бледное лицо любимого учителя высветлила улыбка.

– Это долгая история. И её точно стоит рассказывать не здесь. – Он выразительно огляделся по сторонам, окинув взглядом мобили, проезжающие справа, и пустырь слева. – Попутчиков не берёте?

Я смотрела на него, пока среди мыслей, роившихся в ещё большем беспорядке, чем прежде, отчётливее других жужжала одна: мастер – опытный маг, который должен к тому же неплохо разбираться в Дикой Охоте. И ещё одна: что я до боли, до одури рада его видеть.

Видеть кого-то из моей беззаботной студенческой жизни, оставленной в Мойлейце. Кого-то, кто может помочь и кому я могу довериться без скидок на то, что знаю его всего ничего.

Кого-то, кто точно взрослее, умнее и сильнее меня.

– Берём, – решила я. Развернувшись на пятках, заглянула внутрь мобилия. – Боюсь, вам придётся потесниться.

– Кто это, Лайза? – осведомился брат.

– Мастер Тин... для вас – мистер Тинтрэ. Мой учитель в колледже.

Злыми синими глазами Эш наблюдал, как мастер устраивается на сиденье по соседству с Рок: баньши немедленно отодвинулась поближе к Питеру, взиравшему на новоявленного соседа без особого восторга. Выключил аварийку, как только обе дверцы закрылись, и тронулся дальше, резко сорвав Французика с места.

– Мастер, это мой брат Эш, – сказала я, осознав, что без церемоний не обойтись. – А это... наши попутчики.

Я решила повременить с именами: просто указала на ребят, изучавших пришельца подозрительными взглядами.

– Как вы нас нашли? – Эш заговорил сухо и вкрадчиво, как Инквизитор на допросе. – Лайза уничтожила графоны. И мобиль скрыла иллюзией.

– Магу сложно скрыться от другого мага. Особенно от того, кто взрослее и опытнее его. Особенно от того, кто его учил, – спокойно откликнулся мастер. – Я знаю почерк Лайзы и её печать. Когда я захотел её найти, амулеты, которые она сотворила, послужили прекрасным маячком, а каждый раз, как она активировала печать, сиял для меня сигнальной ракетой. К слову, позвольте взглянуть на амулет, мисс Форбиден? Мне привычнее было бы видеть ваше истинное обличье, а постоянно пробивать иллюзию неудобно.

Про себя я тоскливо посетовала на учебную программу, которая не предусматривала обучение таким тонкостям поисковой магии на втором году предуниверситетской подготовки. Покорно сорвала амулет с шеи и протянула мастеру, пока Эш сворачивал на парковку какого-то придорожного мотеля на окраине Карнела, едва освещённую парой тусклых фонарей, и тормозил на первом из многочисленных свободных мест.

– Как же вы бросили колледж?

– Взял отгул на неделю. В конце концов, за всё время работы я ни разу не уходил на больничный – думаю, имею право. – Учитель одобрительно повертел в руке кожаный кружок с камнями и перьями – словно мы сидели в классной комнате и он проверял моё домашнее задание. – Прекрасная работа. Впрочем, зачёт по иллюзиям категории «в» вы сдали на десятку, другого и не ждал.

– Зачем вы искали меня?

– Чтобы вернуть домой.

Я знала ответ ещё прежде, чем его услышала. И легче от услышанного мне не стало.

– Я не знаю, от чего вы с братом бежите, но вам не стоит бояться стражи, – без труда угадав мои мысли, сказал мастер, возвращая мне амулет. – Все знают, что в случившемся нет вашей вины. Ни в пожаре, ни в том, что произошло с Хайлинами.

– Откуда?

– Со слов твоей матери, конечно.

– Так она жива?

...в этот момент я ненавидела себя. И боялась встретиться взглядом с братом, которого пару дней назад истово в этом убеждала.

В том, во что я отчаянно хотела верить и – как выяснилось – не верила.

– Она в реанимации, но стабильна. Её избили и пытались задушить, но кто-то вытащил её из дома до того, как тот взорвался. – Рассудительные и вместе с тем сочувственные нотки в голосе были подобны интонациям в разговорах с детьми, которых хотят успокоить, при этом не желая лгать. – Её нашли соседи – как вы понимаете, взрыв вашего дома без внимания они не оставили. Ваша мать успела сказать, что это сделали Хайлины, прежде чем отключилась.

Я зачем-то кивнула. Бросила ненужный амулет в бардачок, чувствуя, как облегчение пульсирует в висках вместе с кровью, потеплевшей от осознания, что мама жива. Не сгорела в доме. Не пала от рук одержимых. Жива.

Жива...

– Так что случилось, мисс Форбиден? В вашем доме? Почему вы с братом сбежали?

...а если мама жива, значит, она лежит в лечебнице, продолжая угасать от проклятия. Чего-то, очень похожего на проклятие. И пусть

только похожего, я знала одно: проклятия снимаются по воле того, кто их наложил. Или с его смертью.

Если я покончу с чёрной тварью и разыщу её контрактора, мама может поправиться. Ведь кто бы из них ни был ответственен за её недуг, все чудовища смертны – или хотя бы изгоняемы; а Питеру едва ли составит труда убедить контрактора в том, что тот был неправ и на самом деле ничего не имеет против нашей семьи.

– Мама сказала, что нам грозит опасность. – Сформулировать ответ, который обходил бы все скользкие моменты, далось мне не без труда. Ребята молчали: просто ждали, что я скажу, предоставив мне вести переговоры с человеком, которого они всё равно видели впервые в жизни. – Сказала, мы с Эшем должны срочно уехать. А на следующий день к нам пришли Гвен и её родители, и они... они были...

– Словно одержимы кем-то? – мастер усмехнулся удивлению, проступившему на моём лице. – Видимо, вы думали, что не оставляли следов, но вынужден разочаровать. Есть записи с камер наблюдения в муленском отеле. Есть жители дома рядом с Дайрским кладбищем, которых опросили после загадочной гибели двух стражников. Те из них, кто услышал выстрелы и выглянул в окно, сообщили, что стражники обстреливали безобидных подростков. Правда, при подростках были лопата и лом, но осквернённых могил на кладбище не нашли, а гулять по улицам Динэ с лопатой и ломом не воспрещается.

– Вы сказали «гибели стражников»?

– По словам свидетелей, как только вы с друзьями сели в мобиль и скрылись из виду, стражники рухнули как подкошенные. К тому моменту, как люди выбежали на улицу, чтобы помочь им, они были уже мертвы.

Я осознала смысл этих слов – и у меня скрутило живот.

– Но... но я запустила в них безобидным проклятием. Они должны были просто вырубиться.

– Верно. Коронеры осмотрели тела. Что стражники, что администратор муленского отеля умерли не от чар, не от травм: у них просто внезапно остановились сердца. С которыми прежде, надо отметить, не наблюдалось никаких проблем.

– Девушка в отеле... тоже умерла?

– К сожалению. Подозреваю, с Хайлинами произошло бы то же самое, если бы их не прикончил огонь. Так что преступника, кем бы или чем бы он ни являлся, нужно остановить и скорее.

Я думала, мне уже не может стать хуже.

Я ошибалась.

Обманываться насчёт Гвен и её семьи было глупо – я сама это понимала. Поняла ещё там, в муленском отеле. И всё равно слова мастера прозвучали приговором, которого до этой секунды ещё можно было избежать.

Опустив взгляд, я уставилась на свои пальцы. Те сами собой успели сцепиться в замок, пока в звенящей пустоте, воцарившейся в сознании, крутился незримый счётчик.

Гвен. Тётя Лэйн. Дядя Ахайр. И ещё три человека. И, видимо, ещё шесть зверски убитых девушек-полукровок – плюс пятеро, погибших в несчастных случаях...

– Значит, вы решили сбежать от этой твари, – сказал мастер, не дождавшись ответа. – И добежали до самого Карнела.

– Мама сказала, что мы будем в безопасности, если... уедем подальше от Мойлейца. – Про Фарге и поиски Ликориса я пока решила умолчать. – Видимо, она знала что-то об этой твари, но не хотела об этом говорить. Она... За день до всего этого её свалило какое-то недомогание, похожее на проклятие. Мама сказала, это из-за того, что она знает правду. Вы встречались с подобным?

– С недугом, который вызывает одно знание о чём-то? Никогда. И никогда не сталкивался с тварями вроде той, что преследует вас. Судя по всему, это фомор, но я не слышал о том, чтобы фоморам для расправы требовались чужие тела. Телами могут овладевать призраки, но чтобы люди умирали после того, как их тело оставили... – Когда я подняла глаза, учитель качал головой. – Кто бы это ни был, он очень хочет вас убить, и его не волнует количество случайных жертв.

– Потому мы и сбежали.

– И были неправы. Штабы стражи защищены магическими барьерами, сквозь которые нечисти так просто не пробраться. Стража уже привлекла к этому расследованию Охотников, чья специализация – бороться с монстрами.

Я почти чувствовала вес его слов. Тяжёлых, как камни, брошенные в витраж.

Разбивающих последнюю надежду на то, что в моей жизни снова появится всемогущий, всезнающий взрослый, который объяснит мне всё, что я хочу знать, и решит все мои проблемы.

– Жертв можно было бы избежать, – продолжил мастер печально, – если б ваша мать заблаговременно обратилась к...

– Не смейте обвинять маму!

Наши с Эшем голоса слились в один гневный вскрик, только мой гнев обжигал огнём, а его – был ледяным. Услышав этот вскрик, мастер воззрился на меня так удивлённо, будто прямо перед ним вдруг взорвался фейерверк: едва ли он думал, что его любимица – тихоня, хорошистка, примерная девочка Элайза Форбиден – когда-нибудь сможет на него накричать.

Я и сама не думала.

– Наша мама – магичка, и если б она знала, что стражники или Охотники нас защитят, то первой пошла бы к ним! А если мама сказала нам бежать, значит, была уверена, что нам никто не поможет! Учитывая, что немалая часть людей и фейри, с которыми мы столкнулись, становились одержимыми, стражников в Мойлейце тоже едва ли избежала бы эта участь! – Я почти чувствовала, как вскипает моя подогретая злостью кровь. – Да мама даже нам не рассказала, с чем мы столкнёмся, желая уберечь от проклятия! Она просто хотела избежать лишних жертв! Если бы мы делали точно то, что она сказала, нигде не останавливались, никуда не заходили, а ехали напрямик в...

Я осеклась прежде, чем успела опрометчиво назвать пункт назначения.

– Куда ехали, мисс Форбиден? – Майскую траву в голосе мастера сменила осенняя листва, шуршащая под сапогом.

Я взглянула на Питера и Рок: оба мотнули головами, не сговариваясь.

– Почему вы отправились в Динэ вместо того, чтобы прятаться? Что вам понадобилось на Дайрском кладбище? Зачем вы приехали в Карнел?

Я посмотрела на Эша: брат одними губами шепнул: «Нет».

– Лайза, вы можете мне доверять. Расскажите то, что боитесь сказать. Мы вернёмся в Мойлейц и найдём выход вместе. В том, что касается нечисти, я подкован не хуже, а то и лучше вашей матери. По вине этой твари я уже потерял одну ученицу – и очень не хочу

потерять вторую. Но я не смогу помочь вам, пока у меня на руках не будет всех карт.

Не выдержав взгляда поверх очков, проникавшего в душу отеческой лаской, я вновь опустила глаза.

...соблазн открыться и попросить помощи был велик. Велик. Но всё, что я слышала до этого момента, ясно дало понять: эту помощь окажут теми методами, которые сам мастер считает нужными. Правильными.

К тому же, впутав его в это, я рискую пополнить счётчик смертей ещё одной.

Я приняла помощь Рок и Питера, когда мы с Эшем были одни. Когда я была растерянной девочкой, не знающей, что делать. Когда я не понимала настолько остро, что за кровавый след тянется за моей спиной. Но теперь мы были не одни, и растерянная девочка осталась на берегу озера Горм. И, как бы мне ни хотелось вернуться к ней, там ей и место.

Позади.

– Простите, мастер, но это наше дело. Мы не хотим вмешивать в него посторонних. Мы сделаем всё, чтобы больше жертв не было, но наша цель – остановить эту тварь. И мы близки к этому. – Я искренне надеялась, что последнее – правда. – Как только она сдохнет, мы с Эшем приедем обратно в Мойлейц и расскажем всё без утайки. Пока же буду благодарна, если вы сохраните нашу встречу в секрете... и передадите привет маме, когда вернётесь домой.

Учитель откинулся на спинку сиденья: за очками трудно было разглядеть, разочарован он или нет.

Тем, что на последних словах мой голос не дрогнул, я гордилась почти так же, как когда-то – его похвалой.

– Значит, вы уверены, что сами со всем справитесь, – отстранённо констатировал мастер. – И возвращаться сейчас не собираетесь.

– Простите, мистер Тинтрэ, – вмешалась Рок, – но откуда вы узнали всё это? Про записи камер в отеле, вердикт коронеров и прочее? Я отслеживала новостные сайты, и нигде не упоминали таких подробностей.

Движение снаружи я заметила ещё прежде, чем мастер устало вскинул руку, и за окном мобиля рассыпался сноп синих искр, подавая сигнал невесть кому.

На полутёмной стоянке вспыхнул ослепительный свет: на его фоне отчётливо выделялись тёмные фигуры, окружившие Французика со всех сторон.

– К коронерам я заглянул вместе с отрядом стражи, который шёл по вашим следам, – ответил учитель, ничуть не смутившись, пока я отчаянно вертела головой, пересчитывая противников. – Снаружи вас ждут детективы из Динэ. Они забрали ваше дело у коллег из Мойлейца, когда выяснилось, что вы связаны с гибелью стражников на Дайрском кладбище. Начальник стражи Мулена, посмотрев записи из отеля, почему-то расхотел оказывать нам содействие... Должен отметить, у него странное отношение к безопасности собственной дочери. Я вот добровольно вызвался содействовать в вашем поиске. – Мастер посмотрел на оцепеневшую Рок почти сочувственно. – Хватит с вас беготни, мисс Форбиден. Выходите из мобиля. Это для вашего же блага.

Насчитав пятерых, ждавших нас снаружи, я наконец встретила его взгляд. Взгляд единственного из людей, за последние дни предложивших мне помощь, кому я действительно доверяла.

Конечно, он действовал ради моего же блага. И, конечно, не считал это предательством. Но девочка, оставшаяся на берегу озера Горм, всё равно обиженно закричала – и очень хотела послушаться взрослых, как делала всю свою жизнь.

Леди Элайза Форбиден, сидевшая в мобиле здесь и сейчас, лишь посмотрела на своих спутников.

– Как вы понимаете, ситуация оказалась хуже, чем представлялась всем нам, – сказала я, пока неприятный холодок, прошивший руки, растекался по телу, ударяя в голову кристальной сосредоточенностью. – Если вы хотите воспользоваться любезным предложением мистера Тинтрэ, выйти на улицу и оказаться под защитой стражи, я пойму.

– Мне полагалось бы обидеться, что меня считают крысой, которая побежит с тонущего корабля, – стряхнув оцепенение, произнесла Рок, – но у нас у всех выдался нелёгкий день, так что не буду.

– Я уже говорил, – произнёс Питер, – мне нечего терять. Я подозревал, что ввязываюсь в опасное дело, теперь знаю точно, – вот и всё, что изменилось.

– Думаю, ты не можешь всерьёз полагать, что я тебя брошу, – произнёс Эш, – так что даже отвечать не собираюсь.

Не знаю, что бы я делала, услышав от них иное. Но предложить им этот выход была обязана.

– Спасибо. – Я повернулась к Питеру, напряжённому, как кот перед прыжком, ждавшему моего вердикта. – Будь добр, высади его из мобилы.

Тот уставился на учителя без лишних вопросов. Пару мгновений спустя коротко бросил: «Защити нас» – и я не испытывала ни малейших угрызений совести, пока мастер беспрекословно вылезал наружу.

– Они выходят? – крикнул кто-то.

Вместо ответа мастер захлопнул дверцу, глухо стукнувшую об уплотнительную резинку на кузове.

Проклятие, слетевшее с его руки, рывком вскинутой в сторону наших преследователей, наверняка было посильнее тех, которыми разбрасывалась я.

– Они пойдут только туда, куда считают нужным, – сказал мастер, когда один из стражников рухнул наземь. Закрытые окна приглушили слова; последний слог и вовсе утонул в рёве колёс Французика, когда Эш отдал педаль акселератора, круто разворачивая мобиль. Кажется, мы едва не сбили кого-то, но брат умудрился проехать между двумя стражниками, поспешившими отпрыгнуть с пути.

– Крепко ты ему мозги промыл, – почти одобрительно высказался Эш, пока мы мчали к шоссе по пустой стоянке.

– С пятерыми одновременно я бы не справился. Пришлось воспользоваться тактикой отвлечения, – весело ответил Питер. – К тому же без помощи учителя им Лайзу не выследить, а он теперь будет не слишком охотно им...

Мобиль резко затормозил – второй раз за вечер, заставив меня порадоваться, что мама намертво привила нам с Эшем привычку пристёгиваться. Питер и Рок улетели вперёд, едва не врезавшись головами в спинки передних сидений, но успели подставить руки.

Кардинальное отличие первого торможения от второго состояло в том, что в этот раз Эш не нажимал на тормоз.

Колёса отчаянно визжали, вхолостую крутя по дороге.

– Вылезайте, искатели приключений. Игры кончились, – глухо прогремел чей-то голос, усиленный магией, заставивший стёкла дрожать. – И без фокусов: сопротивление страже карается законом.

Эш убрал ногу с педали, оборвав истошный свист резины по асфальту. В наступившей тишине посмотрел на меня.

Наверное, впервые в жизни я наблюдала в глазах брата беспомощность.

– Кажется, приехали, – выпрямившись, резюмировал Питер: непривычно серьёзный, непривычно тихо. Посмотрел в окно – я почти видела, как в голове его щёлкают невидимые счёты. – Ждите здесь.

Я ухватила его за рукав прежде, чем он положил ладонь на дверную ручку:

– Куда ты?

– Разбираться с ними, куда же ещё.

– Ты же говорил, что с пятерыми не справишься!

– Их осталось четверо. И я отправлюсь на переговоры... вроде как. Зачарую кого-нибудь одного. Натравлю его на магов, которые держат мобиль. Вряд ли он справится со всеми, но хотя бы внесёт сумятицу в их ряды. Даст вам время уйти. – Мятные глаза расчётливо изучали фигуры за окном, тонувшие в белом свете. – Как только чары исчезнут, езжайте.

– А ты?

– Вы сможете продолжить путь и без меня, Лайз. Возможно, это к лучшему.

– Потому что в тюрьме тебе будет безопаснее, чем с нами?

– Не говори ерунды. – Всё же повернувшись ко мне, Питер улыбнулся – той искристой, обезоруживающей улыбкой, к которой я совершенно незаметно успела привыкнуть. – Я пошёл бы за тобой хоть в Аннун, хоть на тот берег Ахерона^[16], хоть до девятого круга Ада – мифологию выбирай по вкусу. Но малыш нашему расставанию точно порадуется.

Футболка с Queen медленно выскользнула из моей холодной руки.

А что, план неплох. На победу не рассчитан, зато выиграть нам время почти наверняка получится. Питера, конечно, скрутят и арестуют, однако серьёзные меры к нему едва ли применят: не настолько он провинился. Может, после допроса в участке он и вовсе

выйдет оттуда свободным и безнаказанным – если аккуратно воспользуется даром. И хотя бы ему больше не придётся рисковать жизнью ради едва знакомой девчонки.

Чёрная синтетика текла между пальцами, как секунды, отмеренные мне на то, чтобы принять его выбор – или сделать свой.

...это действительно к лучшему. Было бы, не будь я такой эгоисткой. Потому что в этот миг я с отчаянной отчётливостью поняла, что не осилю эту дорогу без него. Без его дара. Без его шуточек, которые заставляют меня улыбаться даже среди огненных полей преисподней, что расстилаются вокруг меня с недавних пор. Без его «миледи» и разговоров о Квинах, позволявших хоть ненадолго забыть о монстрах, потерях, маньяках – обо всём, что превратило мою жизнь в страшный сон, пробудиться от которого невозможно.

Не хочу, чтобы Питер Джекевэй открыл дверь и ушёл из этой жизни, забрав даже ту капельку света, что теперь в ней оставалась. Не хочу.

– Не надо. – Я выпустила его футболку. Вытащила из кармана мешочек с костями: пальцы мои были ледяными, но то был лёд спокойной решимости. – Эш, дай сюда свой амулет.

– Лайза...

– У меня есть другой план. – Мне пытался возразить Эш, но я ответила одновременно ему и Питеру: тот следил за мной пристально и почти обречённо. Вытащив из бардачка собственный амулет, сорвала побрякушку, висевшую на зеркальце. – Верь мне.

Мастер прав. Этого монстра нужно остановить. Но я не верила, что невиданная доселе тварь не достанет нас в штабе стражи, зато была уверена: если нас запрут там, погибнем не только мы.

Я не позволю вернуть нас домой, когда мы зашли так далеко. Ради мамы, для которой счёт наверняка идёт на часы.

Ради Гвен.

– Не стреляйте! – крикнула я, открыв дверцу. – Мы выходим!

– По одному, – удовлетворённо пророкотал голос.

То, что нужно.

Я уронила амулеты на асфальт: даже если стража заметила это, то никак не прокомментировала. Достав из мешочка одну кость, сжала её в кулаке и вышла на улицу.

У меня было много претензий к официальной учебной программе. Однако сейчас она играла мне на руку – потому что стражники едва ли могли предположить, что девчонка, ещё не поступившая в университет, сможет сотворить заклинание, способное унести целый мобиль за сотни километров отсюда.

Надо сказать, девчонка и сама не была уверена, что сможет.

Где-то далеко хлопали двери: видимо, постояльцы мотеля выглянули посмотреть, что происходит. Над головами служителей закона дрожали огромные шары ослепительного белого света. Их осталось трое – мастер успел вырубить не одного, а двоих.

И все они очень удачно собрались в одной стороне.

...ладно. В конце концов, заклятие было тем же, с помощью которого я однажды уже телепортировалась. Перенос бутылки кленового сиропа из кухни на веранду или собственного тела из спальни в сад принципиально ничем не отличается от переноса мобиля с собственным телом внутри. Разница лишь в количестве энергии, которую придётся за это отдать, а с той единственной попытки мой резерв обязан был подрасти. Худшее, что случится, если я провалюсь, – я потрачу все силы, так и не сумев открыть прореху, призванную перенести наш мобиль в другое место; потеряться во время переноса невозможно, умереть, пытаясь, – уже возможно, но вероятность этого крайне мала.

Главное, моим спутникам ничего не грозит.

Шагнув вперёд, я шепнула «керум». Когда кость повернулась кверху гранью с четырьмя точками, размахнулась и бросила её вперёд.

Десять.

Вряд ли стражники успели среагировать. А если и успели, всё равно ничего не могли сделать – то простенькое заклинание ослепления, которое я вложила в кубик, не блокировалось. В этом состояла единственная его пакостность: оно не наносило никакого вреда, кроме временной слепоты, творить заклятия не мешало, да и действовало совсем недолго – десять секунд.

Девять.

Когда громогласный голос выругался, я вытащила из мешочка следующую кость. Талию захлестнуло невидимой верёвкой, удерживая меня на месте: стражи решили, что я попытаюсь задать стрекача, и поймали меня тем же заклятием, что наш мобиль.

Да только никуда бежать мне не требовалось.

Восемь. Семь.

– *Кенн!*

Я кинула кость прямо перед собой. Кубик упал на асфальт, выбросив единицу, и остался лежать там, как приклеенный. Следом окутался мерцанием – и в воздухе задрожал прозрачный широкий щит, закрывший не только меня, но и капот Французика. Верёвка на талии тут же исчезла: мощный щит не только отражал новые заклятия, но и обрубал энергетические потоки уже наложенных. А я вчера не жалела сил, зачаровывая кости, – на озере силы вокруг меня клубилось в избытке.

Шесть. Пять.

– *Кенн!*

Следующая кость полетела вправо, добавив к щиту стенку с другой стороны. По всем законам физики кубик должен был бы запрыгать по парковке и закатиться фомор знает куда, но при работе с артефактами такого типа требовалась не столько меткость, сколько воля – они всегда летели именно туда, куда нужно, если у тебя хватало сил и концентрации направить их точно в цель.

Четыре. Три. Два.

Один.

Четвёртый кубик перелетел через мобиль, упаковывая его в коробку из воздушного хрусталя, в момент, когда отсчёт закончился.

Выбросив ненужный больше мешок с другими костями, я рванула обратно в мобиль – за миг до того, как по моим щитам забарабанили чужие заклятия.

Маги такого уровня снесут барьер за минуту, не больше. Да и выехать из него мы не сможем: сразу же окажемся снова пойманными. Но всё, чего я хотела, – на время прервать заклятие, удерживавшее Французика на одном месте.

Щиты для этого подходили как нельзя лучше.

– Лайза, – выдохнула Рок, когда я прикрыла дверцу, отрезая шум снаружи, – что ты...

– Ни звука, – приказала я, рисуя в воздухе паутинку необходимых рун. – *Кварт эир, эмвима богу эр руд...*

Кожу обожгло тепло вспыхнувшей печати. Перед глазами всплыла картинка песчаного пляжа у чёрного озера.

– ...эр миэна айтхен!

Белый свет за окном преломило зыбкое марево, обнявшее Французика стеклянным коконом. Линии печати раскалились так, будто в них влили жидкий металл.

Удерживая в сознании пункт назначения, я даже не сразу поняла: крик, который я слышу, вырывается из моего рта.

– Лайза?!

– Лайза, что с то...

...не слушай их. Не слушай. Концентрация. Самоконтроль. Сосредоточенность.

Озеро Горм рядом с Динэ.

Я зажмурилась, стиснула зубы, согнулась пополам. Виски сдавило стальным обручем, руку жгло огнём, тошнота подкатила к горлу; ладони дрожали, сжатые в кулак пальцы норовили расправиться...

Мобиль вздрогнул – ошутимо и коротко, словно наехав на кочку, – и боль прекратилась.

Когда я открыла глаза, мы стояли на песке между водой и буковым лесом. Свет фар расползлся по озёрной глади миниатюрными лунными дорожками.

Надо же. Телепортировались. И я всё-таки жива.

Впрочем, судя по ощущениям, последнее утверждение оставалось под вопросом.

– Это то озеро, где мы ночевали вчера?

Слова Эша, сидевшего рядом, донеслись до меня будто сквозь водную толщу.

– Да. – Едва ворочавшийся язык, казалось, весил тонну. Моя рука упала на колено – беспомощная, бесполезная, набитая непослушной ватой вместо мяса и костей. – Я хотела сбежать... все амулеты и кости я выбросила, все силы выплеснула там, на парковке, так что нас... не...

Окрестности расплылись во мраке: пугающе плотном, поглощавшем реальность, затапливавшем её душной чернильной волной. Спустя секунду вновь сделались чёткими.

– Лайза?..

Я попыталась разомкнуть губы для ответа – и не смогла.

– Лайза!..

Рот обжѐг солѐнный металл. Чернильная волна захлестнула меня с головой, затекла в глаза, рот и уши, заглушила крик Питера мертвенной тишиной.

Последнее, о чём я успела подумать, – что подобный исход хотя бы был предсказуем. В отличие от многих пакостей, приключившихся со мной в этом странствии. И что летают не только птицы: лемминги, падая с обрыва навстречу воде, делают то же.

Правда, недолго.

Когда-то

Буковый лес шелестит листьями на солнечном ветру. Воды озера накатывают на песчаный пляж: они сверкают так, будто каждая мелкая волна несѐт на гребне пригоршню золотых монет.

Чуть поодаль широкие ветви деревьев плетут кружево из лучей света и теней буковых крон, укрывая им двоих, лежащих на земле.

– Стало быть, – Коул обводит пальцем маленькую чернильную птичку, вытатуированную на девичьем плече, что обнажила расстѐгнутая рубашка, – назвав тебя певчей птицей, я всё же верно угадал твою суть.

– Не знаю. Мама иногда шутит, что мне больше подошѐл бы рисунок ёжика. – Девушка следит за ним, щурясь; она лежит на спине, пока сид изучает её, привстав на локте, и её длинные волосы мешаются с зеленью густой травы. – Пока я не встретила тебя, я и сама иногда думала, что птица для меня – слишком нежно. Хотя для меня она больше про свободу, чем про нежность.

– А после переменяла мнение?

– Ты доказал мне, что я могу быть очень даже нежной.

Он улыбается – быстрой, едва заметной улыбкой, мелькающей на его лице солнечным зайчиком. Снова проводит рукой по контурам крыльев, выбитых под тонкой косточкой выпирающей ключицы.

Птица прорисована с любовью, тщательно, до отсветов на перьях и бликов в крохотном чёрном глазке – и при этом смотрится на белой коже естественно, словно была здесь всегда, как родимое пятно.

– Что ты уготовила мне завтра?

– Зоопарк или ботанический сад – сам выбирай.

– Зоопарк... место, где вы держите животных в клетках?

– Да.

– Зачем?

Вопрос ставит её в недоумение – на секунду молчания, заполненного лишь далёкими чаячьими криками да песней листвы и озёрных вод.

– Мы же не можем поговорить с ними по душам, как вы. Во всяком случае, большинство из нас не может, – отвечает она затем. – Мы держим их в зоопарках, чтобы посмотреть на них, ведь многих зверей можно увидеть только в глухих лесах или на другом континенте... а ещё – чтобы сохранить тех животных, которых на воле осталось слишком мало. В клетке их кормят и поят, а в дикой природе давно могли бы убить, – добавляет девушка, когда пристальный взгляд сида без слов заставляет её оправдываться. – Так они могли бы умереть от голода или холода, а мы даём им возможность прожить сытую безмятежную жизнь.

– В маленькой клетке.

– В просторных вольерах. И вообще, ты же ничего не имел против океанариума!

– Я умолчал о том, о чём тогда не счёл нужным говорить, и рыбы не так сильно тоскуют в неволе. Клетки же – не леса, не поля, не горы. Их обитатели не могут выбирать, где поселиться, куда идти, с кем сразиться... кого полюбить. Всё решают за них. Вы правда думаете, что делаете для них благо?

– Я сама это не одобряю, – признаёт девушка, снова помолчав. – Но, наверное, лучше выжить в клетке, чем исчезнуть совсем.

– И это говорит дева с птицей на плече.

Она только улыбается слегка виновато. Её улыбка отражается на лице сида, растворяя тучи, заставившие его помрачнеть; следом Коул тянется к её губам, и на какое-то время под буками снова воцаряется тишина.

– Ты думала о будущем? – спрашивает Коул потом, вглядываясь в тёмную серость её глаз с густым синеватым оттенком.

– Думала, конечно. Но ещё не решила твёрдо, куда буду поступать. – Она садится и, поправив сбившуюся рубашку, рассеянно застёгивает пуговицы; руки её методично двигаются от живота к горлу. – Силы больше располагают к тому, чтобы я шла в артефакторы.

Маги, которые делают артефакты. А мне всегда нравились боевые тренировки, но для боевого мага мой резерв слишком мал. Впрочем, я думала насчёт боевика-артефактора... такая специализация есть, но только в крупных университетах. И конкурс на место там в разы больше.

– Вэрани...

Она поворачивает голову, встревоженная серьёзностью в его голосе.

Встречает взгляд, исполненный нежностью в той же мере, что печалью.

– Ллеу Колборн, – говорит он. Прохладный ветер, вдруг скользнувший под буки, призраком подступающей осени тревожит траву, листву, светлые волосы, струящиеся по плечам сида. – Моё истинное имя. Одна часть на древнем языке, ныне почти мёртвом. Другая – на живом, привязывающая нас к земле. «Присяга, рождённая в холоде» – таково его значение.

Она смотрит на него. Долго, непонимающе, почти испуганно.

Когда она размыкает губы, голос её звучит хрипло:

– Зачем ты?.. В смысле... Я даже не думала просить тебя о таком. Я знаю, как вы относитесь к именам.

– Я уже говорил. Ты вызвала у меня доверие. С первой же ноты, что даровал мне твой голос. С первого же мига, как я увидел твоё лицо. Считаю это залогом моей преданности... для того, о чём я собираюсь просить.

Она не отвечает. Лишь продолжает всматриваться в его лицо – так, будто видит его впервые.

– Я должен вернуться на Эмайн Аблах. Через пару дней. Я уже задержался в ваших землях дольше, чем хотел. Ваш мир прекрасен, но в последние века, когда люди и железо правят в нём повсеместно... Долгое присутствие здесь изнуряет любого из нас.

– Я помню. – Слова звучат тихо, отчего колючий холод в них почти не слышен. – Не волнуйся. Я никогда не думала, что ты решишь остаться здесь.

– Нет. Но я прошу тебя отправиться туда со мной.

Изгиб её брови без слов говорит сиду, что тот мог бы придумать шутку получше.

– Идём со мной. – Коул встаёт на колени и берёт её ладони в свои; её кожа белая, но его всё равно белее. – Мой род уважает смертных с тех времён, как людской владыка Пуылл помог моему деду Арауну одолеть короля Хавгана^[17], посягнувшего на наши земли. Мой двор примет тебя тепло. Здесь ты – одна из многих, там будешь единственной в своём роде. Здесь смертные девы мечтают походить на наших дам, вдохновляющих сказителей и поэтов; там ты станешь той самой дамой. Наш мир огромен и полон чудес, прекрасных и страшных, и я покажу тебе их все. Красоту, какой никогда не видели в ваших землях, и чудовищ, каких здесь никогда не появлялось. Но тебе нечего будет бояться, ведь я уничтожу всех чудовищ, на которых упадёт твой взор, если на то будет твоя воля. Я облачу тебя в платья из цветочных лепестков и кружева шёлковой паутины; плащи твои будут сотканы из серебра лунного света, блеска птичьих перьев, соловьиных трелей и детского смеха, ибо только они достойны касаться твоих плеч. Ты не познаешь ни болезней, ни старости, ни мелочных горестей, и Великая Госпожа заберёт тебя так не скоро, что отмеренный тебе срок покажется вечностью. До конца этой вечности я клянусь дышать тобой одной, и...

– Ты не понимаешь, о чём говоришь. – Когда она прерывает его, то почти задыхается. – После пары недель и сотни поцелуев ты заикаешься о вечности? Серьёзно?

– Лишь людские чувства переменчивы и непостоянны.

– О да. Зато ваши *так* постоянны. Особенно ваше отношение к людям как к игрушкам. – Девушка резко вырывает ладонь из его пальцев. – Я знаю парочку женщин, Коул, которые поверили чувствам сидов. Сейчас они здесь – брошенные, и воспитывают детей-полукровок – брошенных. И где, как ты думаешь, их избранники, которые тоже разбрасывались красивыми словами и клятвами? – Она срывает травинку, сжимая её подрагивающей рукой. – Я читала «Томаса-Рифмача», Коул, и не только. Ты предлагаешь мне бросить семью. Учёбу. Мой мир. Будущее, которое здесь у меня точно есть. Бросить всё – ради того, кого я толком не знаю. Там, на Эмайне, какое будущее меня ждёт? Диковинки, что твоей родне забавно будет показывать другим сидам на пирах? Куклы, которую будут любить, пока она тебе не наскучит?

– Вэрани...

– Если я тебе небезразлична, почему ты не хочешь остаться здесь, со мной?

Лицо Коула становится беспомощным – и впервые за всё время, что они провели вместе, походит на лицо мальчишки, которым он выглядит.

– Ты... не представляешь, о чём просишь. Жить здесь – всё равно что лишиться одного из чувств. Всё равно, что добровольно стать глухим.

– Если мы хотим быть вместе, кому-то из нас придётся идти на жертвы.

– Тех камней, что я взял с собой, не хватит навсегда, а...

– О «навсегда» никто и не говорит.

– Зачем же расставаться со всем, с чем ты сроднился, ради того, с кем не хочется провести вечность?

– В том-то и дело. – Девушка прикусывает травинку уголком рта, пока в глазах её тают серые тучи. – Коул, ты молод. Ты сам говорил мне. Не тебе судить о вечности. И поверь: я не та, кого ты ищешь. Люди просто не могут быть *теми*. Даже если в наших жилах течёт примесь вашей крови, нам не стать вам ровней. Даже если я пойду с тобой, ты лишь увидишь своими глазами, что рядом с сидами я – ничтожество. И для меня это будет уже вторая пытка. Первую я переживу, когда брошу всё, что знаю и люблю, чтобы уйти с тобой. Вторую – когда, привыкнув к тебе и к твоему миру, буду вынуждена вырвать всё это из сердца, чтобы вернуться.

– Вэрани...

– Коул, давай начистоту. – Лицо её спокойно: она жуёт травинку и смотрит в сторону озера, на золото водных бликов, что всё так же весело вспыхивают на гребнях маленьких волн. – Я позволила себе увлечься. Ты этому способствовал. Я не злюсь, не думай, но... Я с самого начала знала и смирилась, что ты уйдёшь. Мне останутся воспоминания. Прекрасные воспоминания. Оживший сон. Мечта, которой грезят многие, но воплотилась она для меня. Зачем портить всё это ложными обещаниями? Ложными надеждами? Когда ты найдёшь свою истинную любовь, свою прекрасную высшую фею, облачённую в одежды из лунного света, которая сможет танцевать с тобой на воде без помощи волшебных флейт... возможно, как-нибудь ты вспомнишь обо мне. И поймёшь, что я была права.

Коул смотрит на неё так неотрывно, будто пытливого взгляда достаточно, чтобы разбить фарфоровую маску, которой вдруг обернулось девичье лицо.

– Почему? Почему ты не веришь в то, во что сама так хочешь поверить?

Отшвырнув травинку в сторону, она обнимает руками колени.

– Лишь дурак учится на своих ошибках. Я на своём коротком веку повидала немало чужих. Только в сказках обычные девчонки вроде меня находят прекрасных принцев, которые увозят их на белых конях в волшебную страну, а потом живут с ними долго и счастливо. Но жизнь не сказка, Коул. Я поняла это давным-давно.

Они молчат. Молчат, пока стеклянная ладонь феяри не касается девичьей щеки, вынуждая её повернуть голову.

– Последнее, что я хотел, – опечалить тебя, – говорит сид. – Ты даруешь мне прощение, если больше твой покой не нарушат подобные разговоры?

На её губах появляется призрак улыбки.

– В кои-то веки демонстрируешь чудеса понятливости... Ллеу Колборн. – Прохладный ветер вновь веет вокруг её лица, вплетаясь в длинные тёмные волосы вместо лент. – Кем бы я была, если бы не простила тебя после такого подарка?

Коул проводит пальцем по её губам, как будто хочет поймать эту улыбку, задержать, остановить. Прижимает спутницу к себе – и, пока она доверчиво жмурится, уткнувшись в его плечо, его глаза остаются открытыми.

Она не видит, как мёд в них темнеет. И, конечно, не догадывается о решении, что он принимает в этот самый момент.

Решении, которое однажды приведёт на берег озера Горм леди Элайзу Форбиден – залитую собственной кровью в мобиле марки «Peugeot».

Нынешнее время

Я бреду по берегу мимо водной глади, что в ночи кажется матовой. Луну и звёзды скрывают тучи, вокруг – лишь серость и чернота.

Я не знаю, куда иду. Не знаю даже, как здесь оказалась. Это похоже на озеро рядом с Динэ, но, сколько я ни высматриваю на горизонте городские огни, их не видно – просто такое же озеро среди такого же букового леса.

– Есть здесь кто-нибудь?..

Мой голос тонет в темноте: она поглощает его жадно, как вода – камень, что попытались положить на её поверхность.

Босые ноги несут меня по пляжу, пока вдалеке не показывается светлое пятно, выделяющееся из темноты. Я бегу к нему – и, различив серебряную макушку сида, останавливаюсь.

Он стоит на песке, босоногий, как и я. Руки безвольно висят вдоль тела, голова опущена, длинные волосы скрывают лицо: будто весь его мир только что рухнул – прямо на него. Поколебавшись, я подхожу и трогаю его за руку, и когда он поднимает голову, глядя сквозь меня, отшатываюсь.

Передо мной лицо того, кто увидел куда больше, чем был в силах увидеть. Бесстрастная восковая маска мертвеца, чьё сердце бьётся лишь по недоразумению. В глазах стынёт сиреневый лёд; они смотрят на что-то за моим плечом, и я оборачиваюсь.

Тварь тоже тут. Застыла на приличном расстоянии от нас, прямо напротив сида. Но липким взглядом невидимых глаз сверлит меня.

– Что тебе нужно?! – кричу я в бешенстве, скидывая руку, готовясь защищаться. – Почему ты не оставишь меня в покое?!

Вместо ответа та исчезает. Только мерзкое ощущение, которое рождал её взгляд, остаётся и теперь раздражает мою спину.

Не ощущая страха, я снова поворачиваюсь, чтобы увидеть тварь рядом с сидом, бок о бок с ним. Она не стремится тянуть чёрные щупальца (или что там заменяет ей руки) ни к его, ни к моему горлу.

У меня рождается шальная мысль, что это – ответ.

Из-за него?..

– ...Лайза!

Крик, донёсшийся сверху, вынуждает поднять взгляд – и я понимаю, что открываю глаза.

Ещё пару секунд сон вязкими щупальцами тянул меня обратно в беспамятство. Потом, наконец осознав себя, я судорожно моргнула, пытаюсь понять, почему я в палатке и почему надо мной склонилась незнакомая рыжая девица.

– Кошмар приснился? – участливо спросила она.

– Ты... кто?

Пересохшие губы выдали хриплый шёпот.

– Ах да, – ответила девица голосом, в котором я запоздало узнала интонации Рок. Торопливо выправила из-под кожаной куртки знакомый амулет: кожа, камни и птичьи перья. – Дотронься.

С трудом оторвав руку от спального, где лежало моё тело, которое во сне по ощущениям долго и с наслаждением били, я коснулась амулета кончиками пальцев.

– Мы нашли мага и прикупили у него побрякушек с готовыми иллюзиями, – пояснила баньши, когда рыжий морок рассеялся, явив её лицо. Указала на побрякушку, выбившуюся из-под одежды: кто-то передел меня из рубашки в любимую футболку с Зигги Стардастом. – И Эшу, и Питеру, и тебе. И на мобиль. Тебе-то теперь колдовать нельзя, а то нас мигом вычислят.

– Вы... Когда успели? – Воспоминания о побеге от стражи и телепортации накатывали болезненными волнами. – Где мы? Сколько я спала?

– Всё ещё у того озера рядом с Динэ. А спала ты больше суток.

– Серьёзно?!

– После телепортации ты отключилась. Мы погнали в Динэ, к частному лекарю. Нашли в Сети одного глейстига, который на дому принимает, но с лицензией, все дела. В пригороде – там вроде поменьше камер на дорогах, надеюсь, нас не засняли. Выглядела ты... бледная как полотно, кровь из носа хлещет... Рубашку всю залила – мы её с тебя потом сняли, а то выглядела ты в ней, как героиня какого-нибудь слэшера ближе к финалу. – Рок говорила почти беззаботно, но от меня не укрылось, какими нервными дёргаными движениями она заправила амулет под платье. – Лекарь не очень-то рад был, когда ему на ночь глядя начали в дверь названивать, но всё же открыл, а там Питер его обработал. Тебе диагностировали сильное истощение, подлатали этими глейстиговскими светлячками, что-то вкололи, сделали капельницу и ещё одно лекарство дали нам с собой. А потом мы вернулись сюда, раскинули палатку, и тут заявляется твой сид и давай на нас орать! Мол, почему мы ещё не в Фарге, зачем тебя заставили так рисковать... ладно, он не орал, конечно, скорее шипел – но лучше бы орал... Питер ему возразил, что, мол, ты бы рассказал об

этой твари побольше, мы б с ней давно уже разобрались. Но сид просто исчез, как всегда. С тех пор ты и лежишь. – Баньши вздохнула так, словно в мыслях делала затяжку. – Перевозить тебя куда-то мы не решились, пока хотя бы в сознание не придёшь. Сегодня ребята поехали к артефактору за амулетами, только недавно вернулись... заодно купили нам с Питером новые графоны, а то меня стража точно уже опознала. А я тут осталась, присматривать за тобой.

– Но... зачаровать артефакты так быстро... это же должно бешеных денег стоить.

– Ты забываешь о Господине Чарующие Глаза. Если не ошибаюсь, маг не только не взял плату за срочность, но ещё и скидку сделал. К тому же Питер ему намекнул, что о нашем визите никто не должен узнать. Спустя несколько дней чары спадут, но спустя несколько дней нас здесь уже и не будет.

Я села на спальнике. Это далось мне с трудом: судя по тому, что я пришла в себя, мне должно было стать лучше, однако ощущения твердили обратное.

Значит, сид приходил? Так он не бросил нас? Но почему тогда не появился раньше? Почему перестал следовать за мной в призрачной форме?..

– Ладно, думаю, тут кое-кто очень обрадуется твоему пробуждению. – Баньши расстегнула вход в палатку, впуская внутрь свежий озёрный ветер. – Пойду скажу ребятам, что...

Вид на буковые стволы внезапно загородили чьи-то ноги в растянутых спортивных штанах. Потом их владелец нагнулся, явив взору короткий ёжик русых волос и прыщавую физиономию тщедушного подростка.

Сперва я подумала, что это Эш. Но улыбку Питера узнала даже на чужом лице.

– Лайза...

Амулет не менял голос – и слышать этот баритон, походивший на то, как звучали бы бархат и золото, если бы они могли звучать, из тонких губ морока было дико.

– В общем, я вас оставлю, – подытожила Рок. Вылезая наружу, ещё успела мне подмигнуть, – прежде чем её место занял Питер, чтобы без лишних слов прижать меня к себе.

– Дурная девчонка, – проговорил он едва слышно. Нежно скользнул ладонью по моим волосам. – Не делай так больше.

Амулет менял внешность, но то была лишь иллюзия. Магическая голограмма, не замещавшая реальные ощущения. Уткнувшись носом в его шею, закрытую воротником выдавшей виды куртки, вместо раздражающего прикосновения потрёпанной синтетики я ощутила тёплую кожу, обнажённую горловиной футболки; и пахло от неё терпкостью можжевельника, горечью тополиных почек, ореховой сладостью.

Влекуще.

Я оттолкнула его, едва не упав обратно на спальник, скорее инстинктивно. Просто потому, что не ждала ни этой ласки, ни этой нежности – ни того, что отталкивать его мне совсем не захочется.

– Ты бы ещё пустил скупую мужскую слезу у моего смертного одра. – Я подпустила в голос тем больше издевки, чем больше других чувств хотела за ней спрятать. – Амулет... дай, пожалуйста.

Он не обиделся. Просто выпростал побрякушку из-под футболки – пальцы прошли прямо сквозь ткань фальшивой куртки – и протянул мне кожаный кружок.

– А маг был юморист, – сказала я, дотронувшись до амулета. Блеклую серость иллюзорных глаз тут же сменила привычная мятная зелень – и раздражающий диссонанс того, что я видела, и того, что чувствовала, наконец исчез. – Отличную личину подобрал. Тебе в самый раз.

– Может, тогда стоило оставить всё как есть? Любовалась бы моим прекрасным личиком, сколько вздумается.

– Если ты хотел бы преследовать меня в кошмарах вместе с нашим чёрным другом – пожалуйста.

Сидя на коленях напротив, Питер без улыбки смотрел на меня.

– Лайз, не делай так больше, – тихо повторил он.

Я пожала плечами – вернее, дёрнула. Тело до сих пор подчинялось мне не слишком охотно.

– Кому-то из нас двоих пришлось бы пострадать. Я решила, что лучше это буду я. Зато мы остались в полном составе.

– Это я виноват. Своими руками толкнул тебя идти по стезе боевика. Сотворить колдовство, которое тебе не по силам.

– Почти по силам, как выяснилось, – резонно возразила я. – Это было моё решение. И, как видишь, оно себя оправдало.

– Я не должен был позволять тебе идти на такой риск. И не позволил бы, если б знал, что тебе придётся рисковать жизнью. Но я полный профан в магии. Думал, ты знаешь, что делаешь.

– Я и знала. Всё же обошлось. – Я улыбнулась, стараясь не показывать, что сидеть и держать спину прямо стоит мне немалых усилий. – Питер, я не собиралась умирать. Я не первая магичка, творившая телепортацию с маленьким резервом. Шансы того, что я погибну, были ничтожными.

– С вашими *шансами*, миледи, только в рулетку играть. Учитывая феноменальную везучесть леди рода Форбиден, о которой вы сами мне любезно поведали. Если тебе твоя жизнь не дорога, хоть бы о брате подумала: он тут чуть с ума не сошёл. – Меня взяли за плечи, не позволив упасть – в тот самый миг, когда я уже готова была сдать и откинуться на свёрнутую ветровку, подстеленную под голову вместо подушки. – В следующий раз я буду действовать так, как считаю нужным.

– Питер...

– Я говорил: пока я с тобой, я лучше умру, чем дам тебя в обиду. И буду защищать тебя даже от тебя самой.

До этой минуты я не особо задумывалась, на сколько он старше меня. Зато сейчас отчётливо ощутила – старше. Мои ровесники были другими: порывистее, суетливее. И слова его – не бахвала, а спокойное обещание, которому слишком хочется и слишком легко поверить.

Я бы даже поверила... если бы не была леди рода Форбиден. Если бы жизнь не доказала мне на примере мамы – и многих других, – что за доверие самым красивым мужским словам рано или поздно приходится платить. Дорого.

– Умирать за едва знакомую девчонку? Камикадзе приняли бы вас в своих рядах с распростёртыми объятиями, мистер Джекевэй.

– Эмпату не требуется много времени, чтобы узнать кого-то. И я уже понял, миледи, что вам трудно полагаться на кого-то кроме себя и своей семьи, но я намерен отучать вас от этой пагубной привычки.

– Зачем? Мне и так...

– ...неплохо? – закончил Питер, когда я осеклась, осознав всю абсурдность того, что собираюсь сказать. – Вижу. – Усмешка, с

которой он убрал растрёпанные волосы с моего лица, вышла почти грустной. – Особенно в данный момент.

Не знаю, что сломало меня больше: эта усмешка или то, как бережно он заправил длинные пряди мне за уши. Или его взгляд. Или его голос. Или то, как другая его рука продолжала держать меня – так, словно весь мир у меня под ногами мог исчезнуть, уйти из-под ног, рассыпаться в пыль, но и тогда он останется моей точкой опоры. Только следующее, что я осознала – что, уткнувшись ему в плечо, цепляюсь за его футболку и впервые после той ночи в Мулене позволяю себе плакать. От осознания, что моя подруга всё же мертва; от всех пережитых ужасов, всех смертей, усеявших наш путь. А меня держат ещё крепче, чем до того, и впервые с тех пор, как я вошла в мамину спальню и услышала приказ уехать из дома, я чувствую себя по-настоящему защищённой.

Слишком хочется верить ему. Верить в то, что он и правда может стать той опорой, в которой я сейчас нуждаюсь больше, чем когда-либо. Не тем, за кого можно уцепиться, позволив вести себя, куда вздумается, но тем, кто пойдёт со мной бок о бок и поддержит, когда я буду готова упасть. Слишком.

– Отойди. От моей. Сестры.

Голос Эша прозвенел льдинками в хрустальном стакане.

Когда я повернула голову ко входу в палатку, взгляд брата пытался прожечь в Питере дыру.

– А. Малыш. – Питер неторопливо разжал пальцы. – Надеюсь, у тебя хватит такта дожидаться своей очереди.

– Пошёл вон, кобель.

Питер только хмыкнул. Выбравшись из палатки, склонился в шутовом поклоне, приглашающим жестом указывая Эшу на вход:

– Прошу, лорд Форбиден. Раз уж вам так не терпится.

Не удостоив его взглядом, Эш залез в палатку. Рывком застегнул матерчатую дверцу, заслонив насмешливое лицо самопровозглашённого рыцаря белой тканью.

– Как ты? – сухо спросил брат.

– Жить буду, – вытерев щёки, буркнула я, пытаюсь скрыть досаду. Понять бы ещё, на что: на вторжение Эша – или на то, что позволила себе размякнуть. – А ты почему без амулета?

– Я с ним. Просто, в отличие от некоторых, я умею думать, причём на несколько шагов вперёд, так что вложил амулет в твою руку, пока ты спала. – Эш казался спокойным, но я достаточно хорошо знала брата, чтобы понять: он в бешенстве. – Ехать сможешь?

– Деваться некуда. Мы и так целый день потеряли. – Мысли о маме и о том, что у меня нет времени на истерики, отрезвили лучше пощёчин. – Едем.

Эш кивнул. Отвернулся, но не двинулся с места.

– Лайз, ты не можешь поставить блок от этого типа?

Я недоумённо вскинула брови, ожидая пояснений.

– Он же очаровывает тебя, это ясно, – не глядя на меня, продолжил брат. – Ты рядом с ним сама не своя. Смотришь на него, как... как...

– Как наша сериальная прабабка на нашего сериального прадеда? – мрачно предположила я, ясно представив эту картинку – романтическую до соплей.

– Как глупые девочки из всех этих глупых мелодрам, которые вы смотрели с мамой. До сих пор не понимаю, что вы в них нашли.

– Если ты про экранизации Джейн Остин, то я польщена. Правда, надеюсь, я скорее похожа на Элизабет Беннет, чем на Марианну Дэшвуд^[18]. – Я качнула головой. – Это не эмпатия, Эш. Кровь сидов защищает нас, ты же знаешь. Питер пытался очаровать меня, когда я пришла к нему в лавку. Я сразу заметила это и поставила блок.

– Ради богов, не говори мне, что это большое и светлое чувство.

– Нет, маленькое и тёмное. – Посмотрев в сетчатое окно, убедившись, что Питер не маячит перед палаткой, я понизила голос: – Эш, мне семнадцать. Я девушка, официально достигшая возраста согласия. И я понимаю, что во времена нашего прадеда невинные девицы не могли позволить себе такой разврат, как поплакать на плече красивого мужчины без присутствия компаньонки. Но мы живём в двадцать первом веке, а я намеренно чуть не умерла, так что имею право на небольшое грехопадение.

– Он мне совершенно не нравится.

– Удивительно, но я это уже заметила. Думаю, не я одна.

– Я был бы рад, если бы ты нашла кого-то, кто сделает тебя счастливой. Правда. Не на всю жизнь, конечно... в семнадцать рано говорить о жизни... но хотя бы на пару лет. Вот только я не уверен, что

он хочет твоего счастья. – Когда Эш наконец поднял голову, с детского личика на меня смотрели взрослые синие глаза. Глаза фейри. – Скорее чего-то другого.

Так выглядел наш отец в детстве?..

– Конечно, он хочет от меня только одного. Именно поэтому ввязался в наши догонялки с маньяком, салочки с Кромешником и прятки со стражей, – устало сказала я. – Эш, для этих целей Питер вполне мог подыскать себе другую девушку, не такую проблемную. И я знаю, ты решил, что отвечаешь за меня вместо отца, но у меня тоже есть голова на плечах. – Я ласково взъерошила золотые кудри; брат бесстрастно, без улыбки следил за моим лицом. – Мы с Питером как-нибудь сами разберёмся. И мне сейчас в любом случае не до того.

Эш помолчал.

– Я верю, что ты знаешь, что делаешь. Просто не хочу, чтобы ты допустила ошибку, о которой будешь потом жалеть.

– Не допущу. Не волнуйся. Но я рада, что ты обо мне беспокоишься.

– Ты моя сестра. И единственный друг, – просто ответил брат. – Нам пора. И так приедем в Айспорт ближе к ночи.

– Айспорт?..

– Рок узнала, куда переехал отчим Абигейл. Городок Айспорт, за триста километров от Карнела. Придётся отклониться от намеченного маршрута, но... если всё получится, ехать в Фарге уже не будет нужды.

Я следила, как Эш вылезает из палатки. Преодолевая слабость, норовившую вернуть меня обратно на спальник, а лучше – в крепкий нездоровый сон, последовала за ним.

Когда я выбралась наружу, кожу овеяла прохлада – за время, пока я спала, успело похолодать. Небо окрашивало матовое озеро серым. Я выпрямилась и, пошатываясь, побрела к воде; казалось, ноги наспех слепили из пластилина, вместо костей сунув в них гибкую проволоку. Эш, ждавший у палатки, подхватил меня под руку, позволив опереться на него, – и подвёл к берегу, где сидела на песке Рок, глядевшая на разбегавшиеся по Горму мелкие волны.

– Теперь я торчу Питеру десятку, – прокомментировала баньши, и я вдруг поняла: я впервые вижу, чтобы она коротала время без графона или сигареты в руках. – Ставила на то, что сегодня ты не поднимешься.

– Ты недооценила породу Форбиденов, – холодно заметил брат. – Нас отличает завидная сила воли.

– Настолько завидная, – выдохнула я, почти рухнув на землю рядом с Рок, – что нормальные люди, которых из уважения к предкам я назову «злыми языками», не без оснований сочтут её ослиным упрямством.

– Зато теперь точно не буду недооценивать одного зеленоглазого засранца. Как и то, что в вашей породе он разбирается получше моего. – Баньши протянула мне предмет, в котором я узнала свою косметичку. – Держи. Питер предположил, что ты захочешь умыться. Зубная щётка, паста, мыло – всё там, мы проверили.

Я посмотрела туда, где предусмотрительный «зеленоглазый засранец» неспешно прогуливался по берегу, распугивая чаек: достаточно далеко от нас, чтобы ничего не слышать, у самой кромки воды, рискуя замочить мокасины. Вот он нагнулся, подобрал подвернувшийся под ноги камень – и метко кинул его волнам наперерез, заставив перед погружением оставить на озере четыре «блинчика».

Какая работа.

Прежде чем достать щётку из матерчатой сумочки, я покосилась на баньши: та отстранённо обнимала руками колени, облитые шёлком, на котором наше путешествие оставило пару маленьких зацепок и неряшливых пятен.

– Рок, что ты теперь будешь делать?

Та чуть повернула голову, обратив на меня вопросительный взгляд.

– Ты вместе с нами скрываешься от стражи. А твой отец сам стражник. Даже удивлена, что он не согласился помочь отряду, который за нами выслали, но наверняка он...

– За меня не волнуйся. – Тихие слова баньши без труда перебили мои собственные. – У нас с отцом специфические отношения, но в конечном счёте он хочет мне только добра. – Она взмыла с песка вспугнутой синей бабочкой. – Я – курить.

Глядя, как она плывёт к лесу, я вспомнила разговор, прошедший на этом самом месте между мной и Питером.

Наверное, тут должна была настать моя очередь толкнуть речь о родителях, которые хотят тебе только добра. Но Рок – старше, и я не

эмпат, и я знаю о ней и её отце слишком мало, чтобы читать ей нотации. Меня жажда самостоятельности пока привела лишь к тому, что вместо полётов я еле ползаю.

И всё равно ни о чём не жалею.

Умываясь, я с трудом удерживалась от того, чтобы не открыть себя энергетическим потокам, снова ощутив клубившуюся вокруг силу: даже не активируя печать, я чувствовала на губах её дразнящий вкус. В моём состоянии и такой безобидный фокус мог привести к непредсказуемым последствиям. Жаль, что при необходимости физическая энергия преобразовывалась в магическую незаметно для обладателя, но чтобы перегнуть магическую в физическую, требовалось куда больше усилий. Как это делать, я не знала; если бы и знала, экспериментировать с этой энергией, мощной и непредсказуемой, всё равно не решилась бы.

Убрав щётку и пасту в косметичку, я кое-как выпрямилась, взглянув на подоспевшего Питера.

– А я думала, ты так заигрался с камушками, что тебя придётся звать.

– Ваш зов, миледи, я угадаю прежде, чем он прозвучит, – церемонно ответил он, подхватывая меня на руки.

От удивления я даже не попыталась брыкаться. Лишь порадовалась, что Эш отошёл сворачивать палатку.

– Вообще-то ходить я ещё не разучилась, – вымолвила я, пока меня несли к мобиле, благодаря амулету немного вытянувшему капот и окрасившемуся в весёленький жёлтый цвет.

– Но, судя по тому, что я видел, утратила немалую часть этого навыка, – справедливо заметил Питер. – Лекарь рекомендовал тебе постельный режим в течение недели. Раз я не в силах тебе его обеспечить, хотя бы поберегу от лишних нагрузок.

– Я вообще-то собиралась в лес. По секретным делам. Туда тоже меня понесёшь?

– Если потребуется.

Я закатила глаза, скрепя сердце смиряясь с происходящим.

– Не доводил бы ты Эша. Он и так на тебя здоровенный зуб отращивает.

– Ревнует, что поделаешь, – откликнулся Питер беззаботно. – Не беспокойтесь, миледи. Не спорю, что зуб вашего брата пробьёт любую

броню, но у меня под рыцарскими доспехами прячется слишком толстая шкура, чтобы я отступил.

Я промолчала. Хотя знала, что Эш не ревнует: просто считает меня глупой девочкой, которая вполне может взять пример с дорогой мамы – и полюбить мужчину, который в один прекрасный день исчезнет из её жизни, оставив её с двумя детьми и разбитым сердцем.

Мы с Эшем не говорили об отце. Но мне всегда казалось, что его ненависть к нему ещё сильнее моей.

В лес, естественно, я побрела сама. Медленно, на подгибающихся ногах, кое-как держась за мшистые буковые стволы. Вернувшись к Французику, обнаружила сюрприз – в лице Рок, занявшей пассажирское кресло по соседству с Эшем.

– Я понимаю, что калек быстро сбрасывают со счетов, – сказала я, устало опершись на открытую дверцу мобиля, – но это вообще-то моё место.

– Лекарь сказал, если хочешь скорее восстановиться, тебе нужно отсыпаться, а сидя делать это не особо удобно. К тому же мне надо раздавать Эшу указания насчёт дороги, если заплутаем, – возразила баньши весело. – Пойдёшь назад, к Питеру. Ляжешь на сиденье, положишь голову к нему на колени – думаю, он не будет отмывать их до конца жизни.

Эш молчал, держа руки на руле, неподвижный, как ледяная скульптура.

Прежде чем забраться назад, я заглянула в лицо Рок и одними губами выразительно прошептала: «Сводница».

Тронулись мы ещё раньше, чем я сжевала предложенные блинчики, явно купленные в отделе готовой еды ближайшего супермаркета. Аппетита не было, несмотря на сутки вынужденного голодания, но я знала, что мне надо поесть.

– Твоё лекарство. – Когда я вытерла руки влажной салфеткой, Питер протянул мне объёмистый пузырёк тёмного стекла. – Доза – четверть бутылки. Пить дважды в день после еды. Лекарь сказал, за сутки встанешь на ноги.

Снадобье оказалось горьким, как полынь; поморщившись и кашлянув, я вернула бутылку Питеру. Стянула кеды, забралась на сиденье с ногами – и осторожно, словно ложась на раскалённые угли, опустила затылок на колени, прикрытые чёрной джинсовой тканью.

– Руки не распускать, – буркнула я, закрывая глаза.

– Предложил бы по старой традиции положить между нами обнажённый меч, – донеслось сверху, – но в нашей ситуации это не сильно бы помогло.

– Свой меч, мистер Джекевэй, будьте добры держать зачехленным. Ближайшую вечность.

Мне ответили лишь коротким смешком, позволяя провалиться в забытие. Но напоследок я всё-таки успела подумать, что сказали бы об этом зрелище мама и Гвен, – и спаслась от боли, обернувшей сердце подушечкой для десятка тупых иголок, лишь тем, что болезненное забвение слишком жадно ждало, когда ему предоставят возможность утянуть меня обратно в черноту.

...в одном мой маленький братик прав. Жаль, что на естественные человеческие эмоции тоже нельзя поставить блок: жить было бы намного легче.

* * *

Проснувшись я от того, что кто-то осторожно потормошил меня за плечо:

– Лайз, вставай. Приехали.

Кое-как разлепив веки, я увидела прямо над собой зелень внимательных глаз.

– Как спалось? – любезно осведомился Питер.

– Сносно. – Зевнув, я села. – Подушка из тебя, надо сказать, лучше продавца.

– Не будь ты полукровкой, ты перед уходом из лавки вымаливала бы у меня книгу отзывов, чтобы на пяти страницах расписать моему работодателю, как я прекрасен.

– Но я полукровка, так что могу судить беспристрастно. Даже если не учитывать, что ты заколдовывал клиентов – хорош продавец, который сбегает с рабочего места до окончания испытательного срока.

– Прикажете мне сменить причёску и заплести себе косички, миледи? Кажется, вам очень хочется за них подёргать.

Я молча ткнула в кнопку открытия дверцы, благо пальцы слушались меня куда охотнее, чем утром.

На улице было темно и холодно: скорый Лугнасад всюду приближал осень, и этой ночью её дыхание отчётливо веяло в воздухе. Свет фонарей расплывался на мокром асфальте, руки, открытые футболкой, мгновенно покрылись мурашками. Мобиль стоял на парковке какого-то мотеля – длинное одноэтажное здание в виде буквы «П» со множеством дверей, выкрашенное в унылый бежевый цвет. Типичное придорожное пристанище на одну ночь, где принимают наличку и не спрашивают документы: в таких часто останавливаются киногерои, скрывающиеся от закона.

Совсем как мы.

Ни Рок, ни Эша не было видно. Я закрыла дверцу, за которую держалась, рискнула отойти от неё на шаг – и пластилиновые ноги подкосились, вынудив беспомощно ухватиться за мобиль, чтобы не упасть. Фоморы побери этот мой резерв! Я, конечно, ждала последствий, но не того, что выйду из строя на несколько дней!..

– Зачем мы здесь? – раздражение шипящими нотками прорвалось в голосе.

– Надеюсь, ты не думаешь, что в состоянии идти на встречу с мистером Труэ прямо сейчас? Учитывая, что помимо него нас может встретить твой чёрный друг? – Звонко тренькнула сигнализация. Мобиль мигнул фарами и закрылся – и я не сразу поверила своим глазам, когда поняла, что Эш дал Питеру ключи от Французика. – Мы решили заночевать в мотеле на окраине Айспорта. Если верить лекарю, к утру его чудо-снадобье и сон подлатают тебя достаточно, чтобы в случае чего ты хотя бы смогла бежать без посторонней помощи.

– Но мы подвергаем опасности всех постояльцев! Если тварь вселится в них...

– Не думаю. – Взяв меня на руки, Питер уверенно зашагал к одной из абсолютно одинаковых дверей. – Видишь ли, пока ты спала, Рок справедливо заметила, что одержимыми становились только те, кто столкнулся с тобой лично. Она проверила твоего учителя, Дакоту с её матерью, того глейстига, который тебя лечил, – все они были помечены тенью неопределённой смерти, хотя Кромешника в глаза не видели. Похоже, дело не в твари, а в тебе. И потенциальные мишени – все, кто с тобой взаимодействовал.

От этой мысли мне стало не по себе.

– Но вы с Эшем и Рок постоянно со мной взаимодействуете. И до сих пор почему-то не... одержались.

– Теория нуждается в доработке, не спору. Эта тварь точно вселяется в людей и фейри с тенью неопределённой смерти, но овладевала далеко не всеми, кто с тобой пересекался. – Питер постучал в дверь мыском мокаина. – В любом случае до утра ты будешь тихо-мирно лежать в номере, не общаясь ни с кем, кроме нас. Если Рок права, здесь твари нечем будет поживиться.

– А если неправа?

– Как-нибудь разберёмся.

Дверная ручка мягко щёлкнула.

– Эш улаживает дела с оплатой. Скоро придёт, – доложила открывшая Рок, отступив от порога вглубь небольшой простенькой комнаты в апельсиновых тонах. – Я в душ. Никогда не думала, что можно так соскучиться по горячей воде... Потом наберу тебе ванну, Лайз. А пока поешь и лекарство выпей: мы по дороге останавливались в кафе, купили с собой жареной курочки.

– Мы что, собираемся спать вповалку на двух кроватях? – уточнила я, бегло оглядев номер, когда меня опустили на мягкий пружинистый матрас.

– Нет, конечно. Мы сняли две соседние комнаты. Одну для вас с Эшем, одну для Питера. А я в мобиле посижу: мне-то спать не нужно, так что послежу за обстановкой с парковки... дабы кто-нибудь не подкрался незаметно. Если тебе полегчает, с утра пораньше отправимся в сорок второй дом по Сиарской улице.

– Отчим Абигейл?..

– Он самый. Завтра выходной, он должен быть дома. Застанем его сонным – облегчим дело.

Кожу снова пощекотали мурашки – на сей раз не от холода.

Даже не верится, что завтра наше путешествие может подойти к концу. Хотя сейчас рано о чём-то говорить... по крайней мере, пока подозреваемый не взглянул в честные глаза Питера.

И пусть эта ночёвка сопряжена с риском, которого я предпочла бы избежать, я не могла отрицать, что перед столь важным делом предпочту поспать в нормальной постели.

Часом позже я полулежала, разметав мокрые волосы по плечам и подложенной под спину подушке, и грела ладони о кружку с чаем, пока Питер молчал, устроившись на стуле рядом с моей кроватью. Эш тихонько посапывал на соседней: брат лёг сразу, как пришёл в номер и наспех сжевал свой ужин. Когда я вернулась из ванной, он уже спал, а Рок ушла на ночное дежурство в мобиль – зато Питер остался. И теперь неспешно допивал чай, вместе со мной слушая тишину.

Я не знала, почему он до сих пор здесь. Но выставлять его не хотелось.

– Тебе больно.

...два негромких, на грани шёпота прозвучавших слова за секунду объяснили, почему Питер не спешил оставить меня одну.

Конечно, от эмпата не укрылось, что я чувствовала последние минуты. Что неизбежно нагнало меня теперь, когда я не могла убежать от назойливых мыслей в наши перепалки или в сон.

Или в спасительную надежду на то, что Хайлины, как и мама, каким-то чудом избежали смерти в горящем доме.

– Я не знаю... не знаю, смогу ли я когда-нибудь простить себя. За Гвен. – Я зажмурилась, будто в черноте перед глазами можно было спрятаться от мук совести. – Если Рок права...

Даже срывающимся, неверным шёпотом я не смогла договорить это вслух.

Гвен умерла, и её родители – тоже. Они умерли – из-за меня. Ведь даже если не встреча со мной позволяет твари вселиться в кого-то, именно мне посчастливилось стать очередной жертвой Ликориса и подставить подругу под удар. А я в последнюю нашу встречу даже серию «Кодекса» с ней досмотреть не соизволила. И все её догадки про сида и чёрную тварь встречала этим грёбаным сарказмом...

Наверное, будь у меня чуть больше сил, я попыталась бы найти то, чем можно резануть себя по руке – и с кровью выпустить хоть немного той ненависти к себе, что кислотой разъедала душу.

– Я могу помочь.

Это заставило меня разомкнуть веки, обратив непонимающий взгляд на его лицо.

– Я не могу влиять на твои эмоции силой. Не могу зародить в тебе то, чего нет. Но увеличить или уменьшить чувства, что *уже* существуют... если ты позволишь мне... – Аккуратно отставив кружку

на прикроватную тумбочку, Питер подался вперёд. – Я могу заглушить твою боль. На время.

– Предпочту заглушить её сама. Отомстив.

– Месть не поможет, Лайз. Никогда не помогает. А ты и так после своего фокуса с телепортацией слишком слаба. Не хочу, чтобы ты ещё и плакала в подушку всю ночь, когда тебе нужно спать и восстанавливать силы.

Предложение было заманчивым. Слишком заманчивым.

Даже несмотря на то, что я осознавала: у любой магии есть своя цена.

– Это... неправильно.

– Ты сможешь оплакивать подругу и грызть себя потом, когда в твоей жизни не будет массы других нервирующих факторов. Когда отпадёт необходимость сражаться и быть начеку.

...понимание, что в ином случае бессонная ночь мне действительно обеспечена, а на подгибающихся ногах я не сумею ни отомстить, ни защитить брата, если потребуется, послужило решающим фактором – и моя кружка встала на тумбочке по соседству с его, знаменуя капитуляцию.

– Что для этого нужно? Чтобы твои чары сработали?

Вместо ответа Питер безмолвно пересел со стула на кровать. Устроившись на краешке, обнял меня, привлекая к себе.

– Это обязательно? – уточнила я, когда моя голова легла на широкое плечо, скрытое футболкой с Квинами.

– С тобой, сама понимаешь, всё сложнее, чем с обычными людьми. – Свободной рукой он коснулся моей влажной макушки. – Или фейри.

Я скосила глаза, убедившись, что Эш по-прежнему видит десятый сон.

Хорошо, что мой брат всегда спит как убитый. Иначе то, что я разрешила Питеру манипуляции с моими эмоциями, взбесило бы его даже больше этой близости.

– А тебе не нужно проникновенно заглядывать мне в лицо?

– Мне необязательно поддерживать зрительный контакт, чтобы зачаровать кого-то. Он облегчает дело, но не более. В твоём случае сенсорный важнее зрительного. Просто закрой глаза. Считай вдохи. Доверься мне.

Последнее прозвучало примерно как просьба дышать носом, обращённая к рыбе. И всё-таки я подчинилась – и очутилась в темноте, где остался только прохладный воздух, ритмично заполняющий лёгкие, мерный счёт, едва уловимый запах можжевельника и тёплые пальцы, методично и ласково скользившие по моим волосам.

После я сама не смогла бы сказать, когда именно меня отпустило. Просто в какой-то момент Питер отстранился, заставив меня вздрогнуть и вынырнуть из темноты, что незаметно успела стать уютной, – и я поняла, что тяжесть, сдавливавшая сердце, исчезла.

– Спасибо, – опередив меня, сказал он, как ни в чём не бывало возвращаясь на стул.

– За что?

– Что, как выяснилось, всё же мне доверяешь. Иначе фокус бы не сработал. – Потянувшись за своей кружкой, Питер приподнял её, будто собираясь произнести тост, с лукавством, пляшущим на дне мятных радужек. – И, конечно, за то, что предоставила лишний повод заключить тебя в мои сладострастные объятия.

Я фыркнула. Снова подумала, что Гвен пришла бы в восторг что от него, что от его вечных шуточек. На этот раз – лишь с лёгким сожалением, что я не смогу их познакомить.

Будто с её смерти прошли годы, а не дни.

– Забавно, что чуть ли не больше всего на свете тебя пугает и злит собственная беспомощность, – заметил Питер, сделав глоток. – При этом ты не злилась, когда тебя спасал тот сид.

– Тогда я хотя бы теоретически могла сама себя спасти. Он просто... опережал меня. А теперь... – одной рукой я с отвращением обвела собственное бесполезное тело, закрытое одеялом, – еле хожу, колдовать не могу и...

– И вынуждаешь кого-то о тебе заботиться? Хотя это дозволено только членам семьи, потому что Форбидены не любят выглядеть слабыми в глазах кого-то, кто *не* носит фамилию Форбиден?

Я промолчала – и Питер вздохнул.

– Полагаю, в детстве ты не жаловала принцесс, которые сложа ручки дожидались в башне, пока прекрасные принцы разберутся с драконами.

– Я и принцев не жаловала. Предпочитала драконов. Они всего-навсего коллекционировали красивые вещи, а им за это – голову с

плеч.

Он посмеялся. Тут же осёкся, когда Эш беспокойно заворочался во сне.

– Может, ты ещё и Фредерику Клеггу^[19] сочувствовала? – тише прежнего поинтересовался Питер, когда брат перевернулся на живот и, спрятав худенькие руки под подушку, затих.

– Я сказала, что предпочитала добропорядочных драконов, а не слабовольных тупых ублюдков.

– Как ты с ним сурова. А в чём, по-твоему, разница между маньяком-коллекционером и добропорядочным драконом?

– Возможно, я идеализирую драконов, но Клегг точно не понимал истинной прелести девушки, которую похитил. И красоты её – настоящей, той, что внутри. И уморил её совершенно бесславно. – Я посмотрела на Эша – тот снова дышал мерно, с тонким трогательным присвистом. Взяла чашку с тумбочки, вдохнув поднимавшийся над ней запах персиков: не знаю, где Питер раздобыл чайные пакетики, сахар и кипяток, но за возможность выпить перед сном любимый напиток я была благодарна ему почти так же, как за возможность сейчас не рыдать, а разговаривать с ним о «Коллекционере». – Хотела бы я почитать историю в духе той сказки, что рассказывала ему Миранда... где маньяк сперва держит девушку в плену, а потом, узнав её по-настоящему, искренне влюбляется в неё. И, полюбив, больше не может смотреть, как она страдает в клетке, и поэтому даёт ей уйти.

– Уже есть. Называется «Красавица и чудовище», – усмехнулся Питер. – Ты сказала «искренне влюбляется». Стало быть, до того ты отказываешь бедному маньяку в праве любить?

– Христиане писали, что любовь не мыслит зла. Ты не будешь держать в подвале того, кого любишь, согласишься.

– Я в жизни повидал слишком много, чтобы согласиться. – Мягкий взгляд, обращённый на меня поверх кружки, снова напомнил, что мой собеседник – если ещё не взрослый, то ощутимо старше. – Любовь – многоликое чудовище, Лайз, и на каждом его лице – по маске. Нежности. Одержимости. Болезненной страсти. Заботы – здоровой и нет. Да только суть под масками всегда одна.

– Если это и так, суть любви чиста. Чудовищной её делают люди, когда отравляют эту суть своей темнотой.

– Или любовь отравляет их? Проявляет *их* суть, обращая чудовищами тех, кто к этому предрасположен? Как говорил Парацельс, «всё есть яд и всё есть лекарство; только доза делает лекарство ядом и яд лекарством». Любовь может вылечить того, кто погряз во тьме, как это часто бывает в сказках... а может вытащить на свет крошечное пятнышко тьмы и заставить его разрастись чёрной дырой, которая поглотит хозяина с головой, и хорошо, если его одного. Любовь толкает людей на безумства, но один из любви заслонит ребёнка грудью от выстрела, а другой из любви же сломает ему жизнь. Или вовсе сделает с этим ребёнком то, что тебе не приснится в кошмарном сне.

– Это не любовь. Что угодно, кроме любви.

Его палец едва слышно стукнул ногтем по дешёвой керамике из Икеи, пока весенний взгляд изучал меня с доброжелательной насмешкой.

– А вы романтик, миледи, – констатировал Питер. – Хотя и скрываете это изо всех сил.

– Будешь постоянно напоминать о том, что видишь меня насквозь, – получишь в нос, и, поверь, это будет совсем не романтично.

– Если ты достаточно окрепла, чтобы у тебя нашлись силы дать мне в нос, буду этому даже рад.

Я глотнула чая – глянцевая зелёная грань прикрыла мою улыбку. Покосилась на Питера из-под сохнувшей чёлки.

– Расскажи о себе.

На меня посмотрели так недоумённо, словно я внезапно попросила его раздеться.

– Как ты справедливо заметил, я тебе доверяю. И это абсурдно, учитывая, что кроме имени и фамилии я знаю о тебе только одно: ты фоморски сильный эмпат, который, обладая таким даром, почему-то продавал камни в муленской лавке. А ещё сирота, который, похоже, держал в качестве настольной книги «Божественную комедию», тоже любит рок времён наших мам, сэндвичи с тунцом и как никто умеет меня рассмешить.

– Неужели миледи удостоила меня комплиментом?

– Констатация факта, не более. Так вот, я хочу сделать ситуацию чуть менее абсурдной. Где ты вырос? Сколько тебе лет? Кем были твои

родители? Ты сказал, что приехал в Мулен недавно, но как ты жил до того?

Судя по улыбке, саркастичное цитирование своей скромной персоны Питер оценил.

Неторопливо закинув ногу на ногу, он облокотился на спинку стула. Перебрал пальцами по кружке, подушечками выбив из керамики тихую трель.

– Мне двадцать пять. – Ого... Значит, я верно прикинула на глаз его возраст. И чувствовала восьмилетнюю разницу между нами – тоже. – Я рос в Ахорке. – О туристическом приморском городке я была наслышана: мы даже собирались съездить туда с мамой, но не сложилось. – У отца был свой бизнес. Мама получила диплом историка, но выбрала долю примерной жены и матери. Моя бабушка работала лекарем. В старших классах школы я устроился санитаром в хоспис – откладывал себе на учёбу.

– Так ты что, Доктор Сон^[20]?

– Он не играл в регби.

– А ты?

– Даже получил спортивную стипендию. Послужила неплохим подспорьем, чтобы закончить университет.

Ладно, это объясняло фигуру Аквамена.

– И какой у тебя диплом?

– Я юридический психолог.

...так он и *правда* психолог.

Если прибавить к этому его дар – ясно теперь, почему Питер Джекевэй считывал меня так легко.

– А юридический психолог – это...

– Я собирался изучать заключённых. Помогать с допросами. Составлять профайлы убийц. В конце концов, дар к этому располагает.

– И почему ты не работаешь по специальности? Почему уехал из Ахорка?

– После смерти бабушки я запер дом и отправился в запоздалый гар уеаг^[21], который немного затянулся. Мне было невыносимо оставаться в доме, где умерли и она, и мама. – Его плечи едва заметно вздрогнули – так, словно их владельца слегка передёрнуло. – Оба раза я был рядом. Думаю, ты можешь представить, каково эмпату быть

рядом с тем, кто испытывает предсмертную агонию. Особенно такому сильному, как я.

Я опустила взгляд, и тёмное чайное зеркальце отразило мои глаза.

Я могла. Удивительно ещё, что Питер при этом работал в хосписе. С другой стороны, смерть близких – совсем не то, что смерть незнакомцев. Он устроился в хоспис ещё прежде, чем выбрал профессию... Скорее всего, надеялся, что его дар сможет помочь этим людям. Только вот реальность оказалась куда прозаичнее – и заставила Питера в итоге поступить на специальность, где можно было помогать людям, не умирая вместе с ними.

– Скажи что-нибудь на психологическом, – нарочито иронично предложила я, уводя разговор от болезненной темы, которую так неосторожно затронула.

– Что миледи предпочитает? – легко согласился Питер. – Выдержку из Фрейда, Адлера, Юнга? Абзац из «Анатомии мотива» Дугласа? Краткое изложение криминально-личностного профилирования?

– А психологический портрет Ликориса составить можешь?

Его ресницы дрогнули – и взгляд, обращённый из-под них на моё лицо, без слов интересовался, зачем мне понадобилось продолжать такой хороший вечер *этим*.

– Ты же видел его жертву, – неуверенно напомнила я. – И наверняка читал про него.

– Прессе известно о Ликорисе слишком мало, чтобы можно было делать правдоподобные выводы на этой основе.

– Хотя бы предположи.

Он поднёс кружку к губам – судя по движениям, осушив до дна. Наклонился, чтобы аккуратно коснуться керамическим доньшком пластиковой тумбочки.

Когда он выпрямился, Питер-весельчак, к которому я успела привыкнуть, уступил место тому Питеру, которого я мельком видела в стычке со стражей. Серьёзному. Расчётливому.

– Нарцисс. Психопат. Неизлечим. Возможно, в детстве мучил мелких животных, – неподвижными глазами изучая изголовье моей кровати, заговорил он отвлечённо, будто читая с бумажки, хранившейся где-то в его голове. – Скорее всего, на место убийства девушки шли с ним добровольно, так что умеет располагать к себе,

вызывать доверие и симпатию. Следовательно, хитрый и искусный лжец. Сохраняет спокойствие в экстремальных ситуациях. Преступления тщательно планирует. Осторожен, скрытен, предусмотрителен. Не ведёт переговоры с полицией или прессой и не оповещает никого об убийствах – скорее модель Теда Банди, чем Потрошителя или Зодиака. Однако, похоже, у него нет потребности привлекать к себе внимание.

– Но он обзавёлся «визитной карточкой» в виде пыльцы ликориса, – робко возразила я. – Это само по себе оповещение.

– Ничего точно утверждать не могу, но пыльца может быть просто частью ритуала, в первую очередь важного ему самому. Он педант. – Питер сцепил ладони, рассеянным жестом вертя одним большим пальцем вокруг другого. – Избегает руководящих должностей. Возраст – от двадцати пяти до сорока. Силён, сложен атлетически, раз методом убийства выбрал удушение голыми руками. Может подсознательно стремиться к собственной казни. Рос с властным отцом. Мать занимала в его жизни важное место: с большой вероятностью, расправляясь с жертвами, в своём воображении он убивает её. Поскольку он получает сексуальную разрядку путём насилия, жестокость и любовь для него неразделимы. Едва ли импотент, скорее всего, способен к нормальным половым отношениям, но они не приносят ему должного удовлетворения. Садист: наслаждается, когда пытается жертву, слушает её крики и мольбы о пощаде, видит её боль и страх. Может дегуманизировать жертв, но я ставлю на то, что ему нравится уничтожать именно живую личность, а не бездушную вещь. Может испытывать оргазм в процессе пыток, но пик его удовлетворения, как это обычно бывает у душителей с сексуальными девиациями, приходится на конвульсии задыхающейся жертвы. Нельзя исключать бисексуальность и диссоциативное расстройство идентичности.

– Ладно, – торопливо произнесла я, когда от картинок, рисующихся в воображении, меня начало мутить. – Я поняла, ты умеешь говорить на психологическом.

Я поняла не всё из того, что услышала. Но уяснила одно: Грег Труэ – тихий программист, любитель рыбалки и всеми уважаемый отчим девочки-подростка – под описание вполне подходит. Если никто из знакомых не заподозрил в нём насильника, скорее всего, у девушек,

которых он вылавливал на улицах Динэ, тоже не возникало желания от него бежать.

И ещё одно: я подозревала, что Ликорис – больной ублюдок, но не настолько.

– Я рад. – Питер блеснул глазами, и я не отличила, была то издевка или действительно радость. – Если всё ещё не убеждена в моём профессионализме, могу изложить то, что заинтересует тебя даже больше.

– Что же?

– Кое-какие выводы о характере леди Элайзы Форбиден.

В его взгляде скользнуло то, что вынудило меня опустить глаза. И крепче сжать чашку, ощущая под пальцами тёплую гладкость нагретой керамики.

– Попробуй.

– Ты хочешь быть сильной. Ты не показываешь того, что чувствуешь, потому что боишься расстроить Эша. Ты прекрасно держишься и отлично убеждаешь саму себя в том, что с тобой всё хорошо. Но за этой маской скрывается одинокая девочка, которая не позволяет себе плакать, потому что боится подвести брата и мать. Боится открыться посторонним и стать уязвимой. Самоотверженная. Умная. Трогательная. Смешная. Удивительная.

Я всё-таки осмелилась кинуть на него быстрый взгляд из-под прикрытия мокрых волос, падавших на скулы.

Увидев в его лице чувства, которые ожидала, но не готова была увидеть, вновь опустила голову.

– Уход отца глубоко тебя травмировал, поэтому единственный мужчина, которому ты доверяешь безоговорочно, – твой брат. Но даже это... как и твоя мать, которая боится, что дочь повторит её ошибки... всё это – не главные причины, по которым у тебя не складываются романтические отношения. Просто ты чувствуешь, что тебе нужно нечто большее, чем тебе могут дать. Что ты ждёшь кого-то, кого пока не встречала.

– Откуда...

– Мне тоже оно знакомо. А как мы уже выяснили, мы с тобой похожи – не только в этом. – Питер наклонился вперёд, качнув стул, оторвав задние ножки от потёртого линолеума. – Даже лучший эмпат неспособен контролировать себя до конца. Тебе нравится человек, и ты

хочешь понравиться ему, но твои послы магически усиливаются, и в итоге ты влюбляешь собеседника в себя, сам того не желая. И в любви всех, кто любил меня, всегда было что-то... искусственное. Слишком приторное, слишком восхищённое, слишком иступлённое. Они готовы были исполнить любое моё желание, любой каприз, но не потому, что любили меня – такого, какой я есть, – а потому, что так им приказывала моя магия. Девушка ли, друг, неважно. В итоге я уехал из родного города и перестал сближаться с кем-либо, потому что мне всё это надоело. Я не хотел портить людям жизнь одержимостью мной.

– А потом плюнул на правило, которое сам себе установил, и сорвался за нами?

– Я сорвался не за вами. Я сорвался за тобой. Я и сам этого не понимал, когда сломя голову кидался тебя выслеживать, но сейчас я знаю: я пошёл бы за тобой, Лайз, даже если бы не увидел в твоих эмоциях эту страшную черноту. Даже если бы не было той девочки, которой я не помог. Потому что ты можешь поставить блок на мои чары. Потому что твои чувства – настоящие, и ощущать их – всё равно что глотнуть родниковой воды после нескольких лет на одной коле. Потому что ты – человек, который способен оценить меня настоящего... и, возможно, принять.

Чайное зеркальце в кружке волновалось в такт сбившемуся дыханию и частому рваному ритму, которым обернулось моё сердцебиение.

– То есть я для тебя – ходячий кулер.

– Всё лучше, чем личный сорт героина. И не уходи от темы. Мне нравится твоя привычка иронизировать над всем, включая себя, но давай ты позволишь мне хоть недолго побыть порядочным романтическим героем.

– А это обязательно подразумевает под собой высокопарную напыщенность в духе мистера Дарси?

– Даже не пытайся, Лайза.

Я помолчала. Я молчала очень, очень долго.

И всё это время пыталась умирить дрожь в пальцах, не дрожавших так даже в стычках с одержимыми.

...да, я могла понять Питера. Никто, никто и никогда – ни мальчишки, претендовавшие на моё внимание, ни Гвен, ни мама, ни даже Эш – не мог подарить мне ощущение, что ты говоришь с

человеком, который абсолютно тебя понимает. Принимает ровно такой, какая ты есть, без желания подогнать настоящую тебя под вымышленный образ классной девушки, верной подруги, идеальной дочери или сестры, имеющий с тобой не так много общего. Хочет изменить в тебе только то, что тебе же мешает жить – или быть собой, той собой, которая пряталась под всеми образами, навязанными со стороны, без возможности взглянуть на себя в зеркало и увидеть, какая ты на самом деле.

Но теперь в огромном множестве «никого» стало ровно одним человеком меньше.

– И ты уверен, что хочешь, чтобы я тебя принимала?

– Я уже составил ваш профайл, миледи. Почти. Но то, что в нём пока написано, меня полностью устраивает. – Я слышала, как Питер неторопливо покачивает стул на ножках взад-вперёд. – Знаешь... я, конечно, верил в богов, но никогда – так, как после встречи с тобой. Потому что ты едва ли случайно зашла в мою лавку. Потому что если к тебе заходит самая прекрасная девушка, которую ты когда-либо встречал, единственная в своём роде, и нуждается в твоей помощи... по-моему, это не может быть случайностью. Только перстом судьбы.

Его шёпот был мечтательным до неожиданности, до боли, до щемящей трогательности. Словно в этот миг он держал в пальцах тончайший хрусталь – или птицу, на которую долгие годы лишь смотрел снизу вверх, а теперь та вдруг сама опустилась ему на ладони.

– С пафосом ты всё-таки капельку перегнул.

– Просто знаю, что на мой пафос у тебя всегда найдётся свой бафос^[22].

– Это ещё что за зверь?

– Снова уходишь от темы?

Я опустила кружку, керамическим доньшком прижав тонкое одеяло к своему животу.

Я не боялась обидеть Питера словами. Он всё равно знал, что за ними скрывается.

Но произнести вслух то, что я едва-едва начинала принимать в мыслях, было выше моих сил.

– Если завтра мы найдём Ликориса... и всё это закончится... ты поедешь со мной домой? В Мойлейц?

Я по-прежнему не смотрела на него. Лишь увидела, как его стул опустился на все четыре ножки.

– В конце концов, нам предстоит ещё со стражей разбираться, – продолжила я. Негромкие слова звучали почти беззаботно, и хотела бы я чувствовать себя так же. – Даже если на обратном пути мы забросим тебя в Мулен и оставим там, скорее всего, потом нам всё равно придётся встретиться в штабе стражи где-нибудь в Динэ.

– А когда разберёмся?

Я знала, чего он хочет. Чтобы я перестала убегать от ответов. Чтобы признала то, что он давно уже читал без слов. Но пока оно оставалось невысказанным, я ещё могла балансировать на опасной черте, не пересекая её. Сейчас между нами всё просто: игра в рыцаря и его леди, защитника и деву в беде, дружба с шуточками на грани, симпатия на крохотной, но всё же дистанции. За чертой, когда даже эта дистанция исчезнет, станет куда сложнее.

Сложности с ним – последнее, что мне сейчас нужно. Любовь – последнее, на что я сейчас имею право.

– В конце концов, в Мойлейце тоже есть лавки камней. Думаю, тебе будет нетрудно получить работу в одной из них.

– И я буду нужен тебе там? Когда всё закончится? Когда ты вернёшься к прежней жизни, где тебя есть кому защищать?

Наверное, на это я могла бы придумать очередную шутку. И не стала – потому что впервые за весь вечер в его голосе скользнула пытливость.

Ответа на этот вопрос я и сама не знала. Но единственное предположение, которое у меня было, снова оставила невысказанным.

Его вздох прощуршал по маленькому номеру в придорожном мотеле, словно пытаюсь докатиться до Эша, спящего в нескольких футах от нас. Следом я услышала, как Питер встал, краем глаза увидела, как он подался ко мне, – и всё равно вздрогнула, когда его губы невесомо коснулись моих волос.

– Тебе нужно поспать. – В тихом голосе, огладившем ухо, не было ни обиды, ни печали. – Добрых снов, миледи.

Я сидела неподвижно, пока за ним не закрылась дверь. Наконец отставив кружку, наполовину полную, безнадежно остывшую, сползла по подушке и легла, уставившись в потолок.

Трусиха ты всё-таки, Лайза. И то, что тебе проще дать отпор отряду стражи и сразиться с парочкой одержимых, чем признать, что Питер Джекевэй тебе нужен – больше, чем нужен был кто-либо в жизни, помимо твоей семьи, – не оправдание.

* * *

– Рад, что тебе лучше, – сказал Эш следующим утром, когда мы позавтракали заварной овсянкой из пакетиков.

Заснула я быстро: изнурённость дала о себе знать. И проснулась сама, едва стрелки часов перевалили за восемь, с удивлением обнаружив, что могу вполне уверенно ходить без посторонней помощи. В целом самочувствие трудно было назвать отличным, но очередной глоток лекарства разлил по телу ощущение подзабытой бодрости, словно я выпила энергетик. Я подозревала, что эффект временный, однако дело своё лекарь определённо знал.

– Современная медицина творит чудеса. – Отправив в рот последнюю ложку каши, я отодвинула одноразовую тарелку из сахарного тростника. – Удивлена, что Рок нас ещё не разбудила.

Меня слегка трясло, и теперь не от истощения. В сжавшемся желудке, расправиться которому не помогла даже овсянка, засело ощущение, какое я привыкла испытывать перед экзаменом.

Уже скоро я загляну в лицо тому, кто сломал мою жизнь – и смогу починить её.

Во всяком случае, я была в этом уверена.

– Мы договорились, что дадим тебе выспаться. Сходишь за ней? Я пока растолкаю твоего спящего красавца.

– Я сама его растолкаю.

Эш воззрился на меня, как учитель на нашкодившую первоклашку.

– Даже знать не хочу, о чём ты сейчас подумал. Но едва ли мы с Питером осуществим это за те пять минут, спустя которые ты начнёшь барабанить в его дверь, если я не вернусь, – устало сказала я, поднимаясь из-за стола. – Во-первых, до номера идти ближе, чем до мобиля, а я только вчера с трудом передвигалась. Во-вторых... во-вторых, я просто хочу разбудить его сама.

Казалось, я чувствую осуждающий взгляд на своей спине, даже выйдя на улицу. Да только мне не хотелось, чтобы после вчерашнего разговора мы впервые встретились с Питером при посторонних – и, конечно, сделали вид, что ничего не было.

Крохотная часть меня *очень* хотела сделать вид, что ничего не было. Но это будет нечестно, и если у Питера есть что сказать мне, пусть скажет.

Преодолев робость, я стукнула костяшками пальцев в дверь соседнего номера:

– Питер, это я.

Выждав какое-то время, я постучалась вновь. Не дождавшись ответа, дёрнула за ручку: дверь, скрипнув, отворилась. Штукатурка на стенах бросилась в глаза ядовитой зеленью, сквозняк из распахнутого окна волновал салатовые шторы, аккуратно заправленная кровать была пуста.

– Питер?..

Ответом мне послужило певучее мурлыканье из приоткрытой ванной комнаты.

Поколебавшись, я подошла ближе, осторожно заглянув в щель: Питер стоял у раковины в одних джинсах и брился, напевая про себя то, в чём я без труда опознала «You and I» любимых Scorpions.

– А, Лайза. – Заметив моё отражение в зеркальном шкафчике на стене, он опустил опасную бритву с костяной рукояткой. – Вижу, тебе лучше.

Я приоткрыла дверь шире, опершись плечом на косяк:

– Откуда ты взял этот раритет?

– От деда достался. Отец ею не пользовался, хранил на память, а деду она однажды жизнь спасла. – Питер поднёс лезвие к коже. – Подождёшь немного?

Какое-то время я молча следила за его движениями: скользя по щекам, бритва издавала шуршащий шелест. По тёмным завиткам распущенных кудрей спустилась взглядом ниже – на спину, где по гладкой коже под шеей лаконичной чёрной строчкой тянулась латинская надпись.

– Тоже хотела себе татуировку, – зачем-то сказала я, вспоминая, как год назад искала подходящего тату-мастера и референсы для

эскиза. – Думала, сделаю в качестве подарка на семнадцатый день рождения.

– Дай-ка угадаю. – Серебристая сталь, выпачканная кремом для бритья, застыла над его верхней губой. – Мама не разрешила.

Я только кивнула.

Тогда, больше года назад, мне стало дико обидно. Мы даже поругались, что случалось редко. Просто у мамы-то татуировка была, и тоже набитая в юности, – а мне, значит, нельзя.

Сейчас эти слёзы казались таким ребячеством.

– Думаю, после всей этой истории она поменяет мнение. – Питер ловким движением снял остатки пены под носом. – В любом случае тебе скоро восемнадцать, я так понимаю.

– Осенью.

– Тогда тебе уже не нужно будет её разрешение.

Официально – нет, подумала я, но промолчала.

– *In te omnis spes mihi est*, – сощурившись, прочла я, благо надпись была чёткой, выполненной лаконичными печатными буквами без всяких завитушек. – Что это значит?

– «Вся моя надежда – на меня самого».

Я смотрела, как он споласкивает грязную сталь под краном.

– И кто там собирался отучать меня от пагубных привычек?

Питер не ответил. Лишь отложил бритву и склонился над раковиной, умываясь.

– Не считаешь, что, прежде чем учить чему-то других, мы должны сами усвоить тот же урок? Никогда не жаловала тех, кто хочет ловить детишек во ржи и спасти кого-то, когда они и себя-то спасти не могут.

– И тем не менее детишки, не упавшие потому, что их подхватили, остаются живы. Вне зависимости от того, кто это сделал. – Насухо вытерев полотенцем вначале лицо, а затем – бритву, Питер нашёл в отражении мои глаза. – Тебе есть на кого положиться, Лайз. Мне – нет. Когда я набивал это, точно не было.

Я потупилась, не выдержав взгляда, который ещё вчера встречала так легко, и всего, что читалось в нём. Отступила к кровати, позволяя Питеру выйти.

Фоморовы сложности, которых я так хотела избежать...

– И что, ты везде таскаешь бритву с собой? – Хотелось спросить совсем не это, но первой заводит разговор о вчерашнем я не

решилась. – Ты же из Мулена с одной борсеткой уехал. Не заходя домой.

– Во времена Великой депрессии на деда напали в тёмном переулке, – на ходу собирая волосы в низкий хвост, охотно откликнулся Питер. – Поскольку из-за кризиса грабежи и убийства участились, дед на всякий случай носил бритву в кармане. В итоге пригодилась.

– Он... убил кого-то?

– Ага. А перед этим ему в плечо всадили пулю. – Питер потянулся за футболкой. Сперва я подумала, что он забыл её вывернуть, и только потом поняла: футболка новая, просто тоже чёрная, с длинным рукавом, но без рисунка. Видимо, успел купить в Динэ, пока я отлёживалась без сознания, как и лежавшую по соседству толстовку. – У нападавшего был пистолет. Деду повезло, что он сумел полоснуть вора левой рукой. С тех пор брать бритву с собой – в некотором роде семейная традиция. И талисман, и оружие в одном флаконе... в конце концов, ещё и бреет получше электронных.

– Можно посмотреть?

Одевшись, Питер достал бритву из заднего кармана джинсов. Раскрыв, протянул мне; я осторожно повертела её в пальцах, разглядывая белую костяную рукоять и лезвие, блестящее серебром, покрытое тонкой вязью волнистых узоров. Так и тянуло провести пальцем по стальной грани, проверить остроту заточки – даже зная, что порежешься.

Хорошо, что во время вчерашнего приступа самобичевания я не знала о её существовании.

Впрочем, попытайся я себе навредить, Питер не позволил бы.

Аккуратно сложив бритву, я протянула её владельцу – и, прежде чем вернуть ту в карман, он произнёс:

– Лайз, если что, клыки за ночь я не отрастил.

Вопреки сказанному я застыла, чувствуя себя напуганным кроликом.

...трусиха, трусиха, труси...

– Всё, что я сказал, было сказано, потому что ты должна это знать. Но от тебя я не жду ни ответов, ни решений. Не сейчас. – Он легко поддел пальцем мой подбородок, заставив вскинуть голову и увидеть ту улыбку, которая с первой минуты нашего знакомства на время гнала

прочь тяжёлые мысли. – Я и так вчера услышал больше того, на что надеялся. Пока оставим всё как есть, если это поможет тебе не смотреть на меня так, будто я сейчас тебя укушу. Договорились?

Эта прямота успокаивала лучше, чем если бы он сказал, что всё вчерашнее было шуткой.

Хотя, если подумать, такое заявление меня как раз совсем не успокоило бы.

– И ты не обидишься?..

– За то, что ты не торопишься признаться в вечной любви парню, которого знаешь несколько дней, в ситуации, когда за тобой охотятся серийный убийца и неведомая магической науке тварь? – Его усмешка была почти снисходительной. – Я понимаю, что в фильмах ужасов поджимающий хронометраж частенько вынуждает героев выяснять отношения побыстрее, но от этого рукой подать до сцены уединения в душе или на укромной полянке в лесу. А ты достаточно благоразумная девочка, чтобы помнить, что ничем хорошим это не заканчивается.

Засмеялись мы одновременно. И, смеясь, впервые за последние минуты я чувствовала, что дышу полной грудью.

Не зря я пришла. Ледок напряжения легко разбить несколькими фразами... если ударить по нему прежде, чем он успеет затвердеть.

– Тогда договорились. – Я вспомнила о том, что следовало спросить у него давным-давно. – А лишней резинки для волос у тебя не найдётся?..

* * *

– Ты долго, – отрезал брат, ожидавший за столом с чашкой чая, когда я вернулась в номер.

– Не лютуй, Эш, – мирно заметила Рок, выплывая из ванной. – Доброе утро, Лайза. Рада видеть тебя на ногах.

– А я тебя на... лету. Как ночное дежурство?

– Никого и ничего. Правда, Питер вчера ночью покидал ваш номер подозрительно довольным, но это не те подозрительности, которые я высматривала.

Эш поперхнулся чаем – я поспешила постучать его по худенькой спине. Досадливо посмотрела на баньши, в глазах которой мне

улыбались фоморы.

– И чем же, дорогая сестрёнка, – хрипло поинтересовался Эш, прокашлявшись, – ты так его осчастливила, пока я спал на соседней кровати?

– Невинной беседой, – буркнула я, забирая надоевшие волосы в хвост простенькой резинкой из чёрной махрушки.

– Действительно невинной?

– Эш, хватит.

Брат смолк, но сверлить меня убийственным взглядом не перестал.

К сожалению, если уж я с Питером не могла говорить о Питере, то с ним тем более не собиралась.

– Знаете, – сказал Питер, лёгкий на помине, заходя в наш номер и на ходу дожёвывая сэндвич, – как всё это закончится, первым делом поведу вас в какой-нибудь нормальный ресторан, где можно поесть какой-нибудь нормальной еды. Если что, я угощаю.

– Идёт, – согласилась Рок, открывая на графоне гугл-карты. – Выдвигаемся. Я нашла кружную дорогу до нужного дома – думаю, там нам никто не встретится. Дойдём пешком, чтобы не встревожить мистера Труэ шумом подъезжающего мобиля.

Мысленно скрестив пальцы, я перешагнула порог, жалея, что помимо слабости зелье не убирало нервное сосущее чувство под ложечкой.

Улица встретила далёким шумом мобилей, жужжащих на шоссе, и пасмурной прохладой лета, движущегося навстречу собственной смерти. Обогнув мотель, мы вышли на широкую просёлочную дорогу: она пролежала по зелёным лугам, огибая садовые участки, где среди плодовых деревьев прятались невысокие дома.

– Похоже на большую деревню, – заметил Питер; борсетку он перекинул через плечо, и теперь та била его по бедру. – Или ма-ах... ленький городок.

– Не выспался, смотрю, – колко заметил Эш, когда собеседник широко зевнул. – Долго вчера отвлекал мою больную сестру от здорового сна?

– Что ты, малыш. Всего-навсего подоткнул ей одеяло и рассказал сказку, чтобы крепче спалось. Как видишь, помогло.

– А прежде чем подоткнуть одеяло, не преминул запустить под него ручонки?

– В Айспорте меньше двух тысяч жителей, – сказала Рок, пресекая препирательства. И к лучшему: сейчас мне было не до них. – В основном люди. Фейри всего пара сотен.

– Зачем программисту переезжать в такую глушь? – пробормотала я, натягивая рукава ветровки на ладони, чтобы не мёрзли.

– Да к тому же покупать дом на отшибе. – Рок неловко вышагивала по дороге, за ночь успевшей подсохнуть: ходить ей было непривычно, но привязать к амулету морок баньши было куда сложнее, а летящая человеческая девушка вызвала бы у случайных свидетелей море вопросов. – Это тебе не Карнел, где живёшь в таунхаусе с кучей соседей.

Мы уже приблизились к домам и шли мимо низкой каменной изгороди, отделявшей посёлок от лугов. Серые домишки с черепичными крышами тонули в садовой зелени и цветочной пестроте; вдалеке, там, куда уводила дорога, белыми крапинками разбредалось по изумрудным холмам овечье стадо. Где-то позади залаяла собака – оглянувшись, я увидела одинокого прохожего, выгуливавшего рыжего корги. К счастью, слишком далеко, чтобы мы могли стать для него угрозой.

Когда мимо нас проплыл не один десяток крыш, Рок остановилась у высокой кирпичной ограды. Дом стоял от остальных особняком, выделяясь глухим забором, как бельмо на глазу, и был последним перед пастбищем, стелившимся до самого горизонта. Ворота в заборе, как и калитка, выходили на просёлочную дорогу... по которой легко было доехать до мотеля, а оттуда выйти на шоссе, обогнув посёлок и не попавшись на глаза соседям.

Идеальные условия для того, кто хочет периодически отлучаться на пару дней и возвращаться незамеченным.

– И от кого он прячется за этим забором? – поинтересовался Питер, оценив высоту ограждения, за которым едва можно было разглядеть верхушки деревьев на участке.

– От совести, – мрачно ответил Эш. – Звоним?

Я помолилась про себя всем богам, которые могли меня услышать.

Рок нажала на кнопку звонка рядом с жестяной калиткой.

– Может, отошёл? – неуверенно предположила я, когда пять минут нервного ожидания и три повторных звонка не принесли никакого результата.

– Может, – с сомнением согласилась Рок.

– И что теперь? Возвращаемся в мотель? Приходим позже?

– Нет уж, – изрёк Питер, открывая борсетку. – Лишнее время – лишний риск встречи с одержимыми. А ловить его по всему городу я не собираюсь.

Я смотрела, как он натягивает на руки тканевые перчатки для хозяйственных работ: одни из той пачки, которую мы купили в Динэ.

– Что ты делаешь?

– Хочу подождать мистера Труэ с комфортом. – Питер ухватился за жестяные завитушки, украшавшие калитку сверху. – В его собственном доме.

– С ума сошёл?! Это же проникновение со взломом!

– Мы предполагаем, что он маньяк, осквернили могилу, подались в бега от стражи и оставили позади... всё, что оставили, а ты беспокоишься о таких мелочах?

Я не нашлась, что возразить – и, оглядевшись по сторонам, убедившись, что вокруг никого, Питер ловко подтянулся. Перекинув ноги через верх калитки, повис на руках и, разжав пальцы, с негромким шумом приземлился по ту сторону забора.

Открытие двери на участок сопровождал мерзкий, почти комариный писк.

– Мало того что брачный аферист, так ещё и домушник, – резюмировал Эш, когда мы поочередно юркнули внутрь.

– Я специалист широкого профиля. Не завидуй, малыш, у тебя всё впереди.

Сад мистер Труэ запустил. Пара яблонь роняла больные жёлтые листья, в высокой, давно не кошенной траве валялись гниющие плоды, наполняя сад ароматом осени. К одноэтажному каменному зданию удручающе современной архитектуры, так отличавшемуся от окружавших его сказочных домиков, вела дорожка из простой серой плитки: коттедж явно строили позже соседних домов, не особо заботясь о том, как он впишется в окружение. Взбежав на крыльцо, Питер на всякий случай стукнул в дверь; вновь не дождавшись ответа, по влажной траве направился к углу дома.

– Поищем открытое окно. Хотя бы в подвал, – сказал он, опережая вопросы. – Если такового нет, будем думать.

К счастью, окно нашлось. Раздав нам с Эшем перчатки (на длиннопалые руки Рок они всё равно не налезли бы), Питер шире распахнул деревянные створки, чтобы первым влезть в чужой дом. Я опасливо ждала воя сигнализации, но ничего не произошло.

– Мораль: даже живя за надёжным забором, не забывайте закрывать окна после проветривания. – Раздвинув шторы, Питер протянул мне руки, помогая забраться в комнату: дом строили на высоком фундаменте, и это было не так легко. – Особенно если вы маньяк-убийца.

– Запомню, – пообещала я, когда меня втянули на подоконник. Соскочив на пол, оглядела скудно обставленную кухоньку, угнетавшую пыльной теснотой и горой невымытой посуды в раковине. – Правда, надеюсь, в такого рода деятельность меня всё же не занесёт.

Когда мы в полном составе столпились у окна, я первой двинулась вперёд. Кухня смыкалась с узким коридором, ведущим в гостиную, и то, что мы оказались в жилище одинокого холостяка, было видно сразу. Вещи валялись как попало, на журнальном столике оставили тарелку с куриными костями, рядом с креслом бросили грязные носки. Но присутствовало во всём этом что-то... неправильное. Тревожащее. Например, зашторенные окна и включенный торшер – днём. И телевизор, работающий в беззвучном режиме, показывающий «Гравити Фолз»... старый плазменный телевизор из тех, какими пользовалось поколение наших родителей.

А ещё в воздухе отчётливо витал запахок канализации.

– Может, у него трубу прорвало? – поморщился Эш, понизив голос. – И он за слесарем пошёл?

Я вгляделась в фотографию, светившуюся в электронной рамке на том же столике, где засыхал куриный скелет. С неё мне улыбнулся моложавый мужчина с гладким симпатичным лицом под шапкой тёмных кудрей; он держал на руках златовласую малышку в пёстром платье, пока сбоку к нему доверительно льнула красавица-жена.

Грег Труэ выглядел очень... располагающе. Подойди он ко мне на улице, я бы точно не заподозрила в нём маньяка.

– Ребят, – окликнул Питер негромко, – смотрите.

Обернувшись, я проследила за его взглядом.

Из-под закрытой двери в дальнем конце комнаты пробивался свет.

– Если он дома, тот как мог не услышать, что мы звонили? – напряжённым шёпотом произнесла Рок. – А потом ещё галдели у него в кухне?

Мы постояли, вглядываясь в жёлтую полоску, таявшую в полумраке гостиной. Потом медленно, медленно я двинулась вперёд. Тишина давила на барабанные перепонки, пока на экране телевизора мелькали яркие мультяшные картинки; мерзкая вонь и разлитая в воздухе тревога морозили руки в перчатках, судорожно стискивали желудок, проникали в кровь инстинктивным, животным страхом.

Взявшись за дверную ручку, я тихо провернула ровный медный шар. Язычок замка со скрежетом пополз в сторону.

Щелчок.

Я толкнула дверь от себя... и попятилась, зажимая рот рукой.

Это напоминало мой кошмар. Тот, что я видела в день, когда впервые встретила тварь. Только здесь не было леса, белого платья и гривы каштановых волос: был крюк от люстры, брючный ремень и спокойное лицо с раздувшимся языком, вывалившимся из синюшных губ.

Мёртвое.

Я ткнулась спиной в кого-то, обнявшего меня. Питер... Рывком отвернувшись, зарылась лицом в его плечо; вдохнула, чтобы знакомый аромат можжевельника и орехов немного заглушил мерзкий запах, въедавшийся в ноздри. Тело Грега Труэ словно кто-то высек резцом на сетчатке: даже зажмурившись, я всё ещё видела его – с закрытыми глазами и синеющей кожей, в мокрых штанах, с босыми ногами, на ковре под которыми валялась опрокинутая табуретка и сохла зловонная лужа.

– Кажется, – держа меня, проговорил Питер печально, – уговаривать его расторгнуть контракт не придётся.

Собравшись с силами, я вновь посмотрела на висельника. Рядом с ним уже стояла Рок, держась сбоку от табуретки: видимо, самоубийца спрыгнул с неё, а после, дёргаясь в конвульсиях, случайно опрокинул.

– Записка. – Не касаясь, баньши указала пальцем на бумажный клочок, приколотый булавкой к рубашке трупа. Сощурилась, вглядываясь в синие чернильные строчки. – *«Я больше не могу. Моя дорогая Абигейл должна была жить, и другие девочки тоже. Отныне*

никто и никогда не узнает о новых жертвах Ликориса». Буквы расплылись... похоже, он плакал, пока писал.

Наше потрясённое молчание прервал Эш: брат стоял в стороне, разглядывая тело со спокойствием патологоанатома.

– Так это что, *правда* он? Грег Труэ – Ликорис?

– По-моему, записку трудно понять иначе, – сказал Питер.

– И он просто покончил с собой? Два года жил, убивал и ничего, а прямо перед нашим приездом повесился?

Рок прикрыла глаза. Спустя несколько секунд дёрнулась, взметнула вверх голубые ресницы – и глубоко, жадно, судорожно вздохнула, точно за эти секунды у неё в лёгких успел закончиться весь воздух.

– Да. Он покончил с собой. Перед смертью... он дёргался и крутился, я видела всю комнату. Здесь больше никого не было. Никого и ничего. – Она на миг прижала ладони к глазам. Разведя их, точно стирая с уголков глаз непролитые слёзы, безглаголиво отплыла на шаг. – Пойдёмте. Здесь нам делать нечего.

– А как насчёт доказательств? Обыскать дом? Найти орудия убийства?

– Мне достаточно записки. Доказательства найдёт стража, а нам лучше не оставлять лишних следов. – Выплывая в гостиную, баньши решительно потянула меня за собой: сама я хотела, но не могла оторвать взгляд от мёртвого лица. Предсмертная агония не исказила его, отчего оно выглядело едва ли не более жутко, чем если б на нём застыла мучительная гримаса. – Не хочу, чтобы нас подозревали в том, к чему мы точно не причастны.

Прежде чем уйти, я вновь задержала взгляд на семейном фото рядом с телевизором, где всё ещё безмолвно веселились мультяшные персонажи. Фото, на котором все трое казались такими счастливыми.

Когда-то Грег Труэ был обычным мужчиной. Верным семьянином. Любящим мужем. Потом – оборвал жизнь собственной падчерицы и многих девочек, похожих на неё. Неужели этот кровавый ряд прервался? Неужели я должна была стать последней, но не стала?

Почему?..

– Идём, Лайз, – сказала Рок, бережно и непреклонно утягивая меня в кухню.

Из дома выходили так же, как и вошли, – через окно. Прежде чем открыть калитку, Питер выглянул на улицу сквозь металлические завитушки; убедившись, что никто не караулит снаружи, нажал на кнопку рядом с воротами и жестом предложил нам выйти.

– Это ещё зачем? – слабым голосом спросила я, когда мы покинули сад и Питер напоследок подпёр калитку валявшимся неподалёку камнем, оставляя её открытой.

– Чтобы соседей встревожить. Чтобы его нашли побыстрее. – Отряхнув руки, Питер стянул перчатки. – Он хоть и мразь, а бросать его гнить в доме... Да и чем скорее родителям девочек скажут, что Ликорис найден, тем лучше.

К мотелю возвращались молча, под серым небом, начинавшим плакать мелкой моросью. Но я знала, какой вопрос готов сорваться с губ у каждого.

Тот же, который мучил меня.

– Значит, вот и всё? – не выдержав первым, проговорил Эш, как только за нами закрылась дверь номера.

– Договор с порождением Дикой Охоты разрывается со смертью контрактора, – ровно подтвердила я.

– Но был ли Грег Труэ контрактором? И как проверить, был ли он *нашим* контрактором?

– Проще всего выйти на улицу. Чтобы Лайза поговорила с кем-то, – без особого энтузиазма предложила Рок. – Посмотреть, изменится ли его тень. Станет ли он одержимым.

– А если станет?

Все молчали.

Все – как и я – не могли поверить в то, что это конец.

– Предлагаю уезжать, – произнёс Питер. – Как только труп найдут, Айспорт наводнит куча стражников. Пока мы не уверены, что тварь нас больше не потревожит, не хотелось бы случайно столкнуться с кем-нибудь из них.

– И куда ехать? Если всё закончилось, ребятам нужно возвращаться домой. Или как раз сдаваться страже, – возразила Рок. – Если нет...

– Мы не можем никому сдаваться, не убедившись, что это безопасно. А перед тем как устраивать Лайзе тест на

монстроустойчивость, надо дать ей восстановиться. Чтобы она дала одержимым отпор, если те появятся.

– Твоя правда. Предлагаешь поискать другой мотель?

– Нет. Предлагаю пожить в моём доме. Родном доме. В Ахорке. Там никто не живёт, сейчас он просто стоит пустой.

Баньши посмотрела на него в замешательстве:

– У тебя есть дом в Ахорке?

Для неё это было новостью – в отличие от меня. И всё-таки за вопросом пряталось нечто большее простого удивления факту, что у Питера есть дом.

– А что?

– Просто забавно. – Рок рассеянно достала из кармана ключи от Французика, которые Эш милостиво не стал у неё отбирать. – Там жила девушка, видевшая Кромешника перед тем, как её сбили. – Покрутив на пальце колечко с брелком, баньши задумчиво проплыла к выходу. – Ахорк так Ахорк. Я в мобиль. Не задерживайтесь.

Мы смотрели ей вслед, даже когда за ней затворилась дверь, вновь отрезая нас от мира. Знать бы ещё, по-прежнему опасного – или уже нет.

– Дурные у меня предчувствия насчёт всего этого, – качнул головой Питер.

– В кои-то веки я с тобой согласен, старик. – Эш потёр пальцами виски. – Будь добр, иди в свой номер и собери вещички.

– Если б мне было что собирать.

– Тогда просто сделай вид, что понял намёк, и дай нам с сестрой побыть наедине. – Выразительно глядя в сторону выхода, брат дождался, пока Питер, иронично откланявшись, оставит нас вдвоём. – Лайз, ты тоже думаешь, что всё вышло подозрительно легко?

Я опустилась на кровать. Вспомнила жилище Грега Труэ. *Педант*, говорил вчера Питер про Ликориса – и, судя по тому, что убийца не оставлял на трупах никаких следов, был прав; но то, что мы увидели в сорок втором доме по Сиарской улице, меньше всего походило на педанта. Разве что на педанта, который последние месяцы был решительно не в ладах с собой.

Если вспомнить другие слова Питера – что Ликорис подсознательно стремится к собственной казни...

– Судя по тому, что его окружало, – сказала я наконец, – Грег Труэ вполне походил на человека, который готов покончить с собой.

– Но чтобы настолько вовремя?

– Совпадения случаются. А может, тварь подсобила ему с самоубийством, – подумав, предположила я. – Надоело за нами гоняться, вот и решила освободиться от контракта раньше срока.

– Рок ведь сказала, что в комнате больше никого не было.

– Тварь могла залезть в него. Сделать одержимым и, управляя его телом, заставить повеситься.

– А разве контракт такое позволяет?

– Говорят, нет. Но пока не попробуешь, не узнаешь. Пробовать у меня желания нет.

– Дураки.

Последнее, тихое и горькое, донеслось со стороны окна – и, повернув голову, я встретила взгляд сида.

Я сама не поняла, почему так обрадовалась его появлению. Едва ли потому, что была бы рада снова нырнуть под его защиту: мне не нужен был защитник, навязывающий своё мнение без объяснений, требующий идти туда, куда он прикажет. Просто сама мысль о том, что он здесь, что всё-таки нас не бросил, вызвала странное, почти ликующее облегчение.

– Снова ты? – Кажется, Эша его появление тоже обнадёжило. Логично: брат с первой же встречи проникся к сиду куда большей симпатией, чем другие мои спутники. – И где ты был эти дни?

– Отвлекал внимание твари на себя. Надеялся выиграть для вас время, да только вы им не воспользовались. – В голосе сида сквозила безнадёжность. – Сколько ещё раз мне повторить, чтобы вы не занимались глупостями и ехали в Фарге?

– Выигрывал время?..

– Как вы могли заметить, пока я не появлялся, тварь вас почти не беспокоила. Отвлеклась, охотясь на меня. Но она не оставит вас в покое. Никогда. И вы не найдёте её контрактора.

– Так Ликорис связан с нами?

Сид качнул головой – двумя мерными движениями, плавными, словно он двигался под водой.

Наверное, приди он ещё вчера, чтобы так же ответить на тот же вопрос, это вызвало бы у меня возмущение. Недоверие. В конце

концов, мы подошли к цели слишком близко, чтобы отступить, и надежда на то, что визит к Грегу Труэ поможет всё исправить, была слишком велика. Но теперь, когда мы достигли этой цели и мёртвое тело Грегга Труэ висело в его доме, а чувства долгожданной победы не было, я отчётливо поняла: его нет потому, что и не могло быть.

Всё и правда вышло подозрительно легко. Слишком легко, чтобы оказаться правдой.

– А ты не мог об этом прямо сказать? – Брат даже не злился, только смертельная усталость разлилась в словах чёрной смолой. – Чуть пораньше?

– Даже если бы я попытался, мне поверил бы только ты. – Сид почти улыбнулся. – И я пытался, Эш. Прими как данность.

Я молчала. Лишь смотрела на сида: тот стоял у окна, расчерченного косыми следами дождевых капель, оправленного в шторы морковного цвета. Смотрела, силясь понять, что в этой картинке неправильного.

...шторы. И узоры на них – просвечивавшие прямо сквозь лунную ткань его одежд и украшавший их кровавый шёлк.

Тело сида было прозрачным: самую капельку, самую малость. Но достаточно, чтобы встревожить меня сходством с призраками.

– Ты... – я выдохнула, не понимая, нормально ли то, что я вижу, – с тобой всё в порядке?

– Ты об этом? – Сид равнодушно вскинул ладонь, позволив мне увидеть, как серый свет сочится сквозь его полупрозрачные пальцы. – Просто одна из причин, по которой я больше не могу постоянно следовать за тобой. У меня осталось не так много времени, и, прежде чем я исчезну, я бы хотел всё же увидеть, как ты достигаешь цели путешествия.

– Исчезаешь?.. – Это испугало меня больше, чем недавний вид мёртвого тела. – Почему? Тоже из-за твари?

– Уборка номера!

В дверь, из-за которой донёсся чей-то требовательный голос, постучали. Мы не успели ответить, а в комнату уже заглянула измотанная грузная женщина лет пятидесяти; за ней замаячила в проходе тележка со швабрами, щётками и флаконами бытовой химии.

– Нет! – Я торопливо замахала на неё руками. – Пожалуйста, зайдите позже, мы...

Поздно.

Она посмотрела на меня, вскинув круглое лицо, затянутое сеточкой морщин – и лицо это обратилось бесстрастной восковой маской одновременно с тем, как белки и радужки, светлевшие меж некрашенных ресниц, заволокла чернота. Сид оказался рядом с одержимой мгновенно, но вместо женской шеи пальцы его сомкнулись на пустоте: та просто исчезла, растворившись в воздухе.

– А оно учится, – безэмоционально заметил сид, отталкивая тележку уборщицы от двери. Та отъехала в сторону, жалобно звякая колёсиками, открывая проход. – Уезжайте отсюда. Быстрее. Я за вами присмотрю.

Мы с Эшем, не сговариваясь, рванули на улицу.

Питер ждал у Французика, желтевшего капотом под дождливой моросью, и о чём-то говорил с Рок: та снова устроилась на переднем сиденье, открыв окно, и нервно грызла кончик сигареты. Появление уборщицы за беседой они, видимо, пропустили. Во всяком случае, в нашу сторону баньши посмотрела, лишь когда мы преодолели уже полпути до мобиля, – и вдруг выкрикнула:

– Сзади!

Я обернулась, увидела, как одержимая замахивается на меня невесть откуда взятой кочергой – и сид материализовался между нами как раз вовремя, чтобы удар, предназначенный мне, обрушился на его голову.

Кочерга саданула его в висок и, хотя сид был почти призраком, вполне ощутимо отшвырнула в сторону. Врезавшись в какой-то мобиль, истерично взывший сигнализацией, он сполз на асфальт. Не кричал, не истекал кровью – и был жив, хотя любой человек на его месте наверняка был бы мёртв; лишь судорожно обхватил голову узкими ладонями, зарыв пальцы в серебряные волосы.

Кочерги делали из чугуна. Или стали. И одно прикосновение любого из этих металлов не только обессиливало фейри – обжигало их огнём невыносимой, сводящей с ума боли.

Заклятие, возможность сотворить которое сид так любезно мне подарил, я почти проорала.

Когда одержимая приготовилась нанести следующий удар – теперь мне, – белые сгустки проклятия Нимуэ уже сорвались с кончика моего пальца, чтобы врезаться твари в грудь. Магия оттолкнула её

назад, опрокинув на дорогу, но она вскочила моментально, двигаясь с резкостью марионетки, слишком быстро для полной женщины.

– Эш, в мобиль! – наградив врага ещё одним проклятием, выиграв несколько секунд отсрочки, рывкнула я.

– Но...

– Ты всё равно ничего ей не сделаешь! Я разберусь!

То, как брат подчиняется и бежит, шлёпая подошвами кроссовок по лужам, я не увидела, но услышала. В голове мелькнула мысль о том, что мне не следует пользоваться магией – по многим причинам, – и тут же отошла на задний план. Передо мной была убийца Гвен, убийца её родителей в человеческой шкурке, занятой иной, чуждой и страшной сущностью.

И боль, только что причинённая сиду, крючившемуся на асфальте, почему-то разъярила меня больше, чем вся боль, причинённая мне.

– *Солас, баглу...*

Меня вдруг повело. Слова заклятия затихли на губах, рука дрогнула, в глазах потемнело – а когда прояснилось, тварь была прямо передо мной. Я успела опустить голову, ощутив, как кочерга со свистом задевает кончики моих волос; второй удар пришёлся бы мне по ногам, если б я не отскочила – кочерга ударила по асфальту с такой силой, что в стороны брызнула каменная крошка.

Увернуться от простого толчка рукой в грудь уже не получилось.

Краткое ощущение полёта. Слепляющая боль – в миг, когда я упала. Меня ударило головой об асфальт и кубарем прокатило по дороге, пока я не врезалась во что-то плечом. Боль, застелившая глаза и молотом стучавшая в затылке, на время отняла возможность думать и видеть; затем я поняла, что лежу у колеса какого-то мобиля, пока капли дождя холодной пылью присыпают моё лицо. Где-то выла сигнализация, кто-то кричал, по-моему, даже моё имя – я лишь смотрела в грязное небо над головой, окутанная пеленой равнодушного безволия, не в силах шевельнуть и пальцем. В поле зрения возникло неживое лицо одержимой, рука с кочергой, взмывшей в воздух для финального удара...

Кисть твари перехватили чужие пальцы – и изогнутый кончик кочерги замер в высшей точке замаха.

Серебристая вспышка стали. Жуткий булькающий хрип.

Питер толкнул одержимую в сторону так быстро, что кровь, хлынувшая из перерезанного женского горла, не успела брызнуть ни на него, ни на меня. Сложив бритву, пряча багряное лезвие в косяную рукоять, сунул её в карман; подхватил меня на руки – и, пока он шёл к мобиле так торопливо, как позволяла нелёгкая ноша, я видела, как в оставшемся позади мотеле открываются двери номеров.

Другие постояльцы вышли на шум...

Эш надавил на педаль акселератора, едва мы оказались в салоне, не дожидаясь, пока закроется дверь. Французик погнал прочь от злополучной парковки, а я привалилась саднившей головой к прохладному стеклу, глядя туда, где в последний раз видела сида. Туда, где теперь не было никого и ничего, кроме чужих мобилей да мокрого асфальта.

...только бы он был жив.

– Ты в порядке? – ровно спросил Питер, когда мы выехали на шоссе, оставляя позади мотель и потенциальных одержимых.

– Я... – обрывочные воспоминания о произошедшем постепенно соединялись в цельную картинку, – ты... убил её?

– Она всё равно была не жилец. Ты же знаешь.

С трудом повернув голову, я заглянула в его непривычно невыразительное лицо.

– Она бы всё равно умерла, – глядя вперёд неподвижными глазами, сказал Питер, будто убеждая самого себя. – Я... я не хотел убивать её, но... иначе она бы тебя...

– Всё в порядке. – Я накрыла его ладонь своей. – Ты...

Лживое продолжение *«всё сделал правильно»* отказывалось идти на язык.

Зато страшная правда высказалась просто:

– ...ты сделал это ради меня.

Он не ответил. Лишь повернул руку ладонью кверху, крепко сжав мои пальцы.

Подняв глаза к зеркальцу заднего вида, я поймала в нём два внимательных взгляда.

– Видимо, с Ликорисом мы всё-таки дали маху, – констатировала я, посмотрев на Рок и Эша, желая закрыть тему.

– Да. Дали, – безучастно откликнулась баньши. Отвернувшись, уставившись в окно, за которым умывались дождём зелёные холмы. –

Прости, Лайз.

– За что?

– Я построила теорию, которая себя не оправдала. Связала разные убийства в одно дело. Заставила вас потерять кучу времени. Нужно было сразу концентрироваться на девушках, погибших в несчастных случаях.

– Но жертва Ликориса тоже видела эту чёрную...

– Такая тварь в Дикой Охоте может быть не одна! А может, та девчонка вообще просто начиталась страшилок на ночь! Ей ведь кошмары снились, ничего больше, а я... а я домыслила теорию заговора. Девушка, которая жила в Ахорке, хотя бы своими глазами тварь видела.

– Мне тоже кошмары снились. И я не читала перед этим никаких страшилок. Вообще про Кромешника не слышала.

– Но Ликорис мёртв. А тварь, которую я считала его слугой, продолжает убивать людей. – Баньши устало подпёрла подбородок рукой. – И по-прежнему пытается убить тебя.

– Ты не могла знать, что в Харлере одновременно возникнут двое психопатов, которые объявят сезон охоты на полукровок. – С трудом подавшись вперёд, свободной рукой я хлопнула приунывшую баньши по плечу. Вернее, положила на это плечо тяжёлую непослушную ладонь, живо напомнившую, что не стоит ввязываться в магический бой вскоре после полного истощения резерва. – Ты говорила, что одна из жертв Кромешника жила в Ахорке. Раз мы всё равно едем туда, почему бы не опросить её родителей или друзей?

– Лайз, – произнёс Эш негромко, – сид сказал, мы не найдём контрактора.

– Мало ли что он сказал. Эта тварь – фомор, а значит, контрактор у неё есть. Если сид считает, что он нам не по зубам, я намерена доказать обратное. Опросить ещё пару свидетелей в Ахорке недолго.

Долгий взгляд брата я выдержала стойко. Потому что принять собственную беспомощность, принять, что нам действительно не остаётся ничего, кроме как бежать в Фарге и прятаться, оставляя маму угасать в лечебнице, не могла. Просто не могла. Не теперь. И чтобы спасти её, готова была пойти на куда более опасное дело, чем опрос свидетелей. Дело, о котором я впервые задумалась на берегу озера

Горм – и о котором предпочитала с тех пор не думать, цепляясь за варианты, оставлявшие мне куда больше шансов на выживание.

Даже встреча с маньяком безопаснее, чем встреча с *ним*.

– Ладно, – поколебавшись, сказала Рок. Достала графон из сумочки. – Думаю, раздобыть адреса будет нетрудно.

Выдавив из себя подобие улыбки, я позволила ватной ладони упасть обратно на колено. Перевела взгляд на Питера: тот откинулся на велюровую спинку, сжимая мои пальцы так крепко, словно только они удерживали его от падения в пропасть, видную ему одному.

– Клыки у меня по-прежнему не отросли, – вполголоса проговорил Питер, заметив, что я смотрю на него. – Хотя, пожалуй, сейчас я на шаг ближе к этому.

...как легко и естественно это выглядит на экране. Или на книжных страницах. Когда герои убивают злодеев, посягнувших на жизнь или честь тех, кто им дорог. Не говоря уже о безликой массовке злодейских прислужников, не имеющих ни характеров, ни даже имён.

Как, оказывается, далеко это от реальности.

– Спасибо, – произнесла я.

– За то, что убил человека?

– За то, что спас мне жизнь.

Он не ответил. Лишь мельком, краешком губ улыбнулся – бледным призраком настоящей улыбки.

Руку из тёплого плена его пальцев я вызволять не стала.

* * *

Ахорк пах солёной прохладой и морем.

Мы приехали туда на закате – он расцветил серый день розовой пастелью, окрасившей облака на горизонте. Город выстроили на огромном вересковом холме, полого спускавшемся к морю, и он отправлял новоприбывших напрямик в Средневековье: старые готические храмы высились среди белёных фахверковых ^[23] домов Тюдоровской эпохи, лепившихся друг к другу курами на насестах узких улочек. Несмотря на поздний час, эти улочки наполнились людьми – и я многое отдала бы, чтобы вылезти из мобиля и тоже прогуляться

по брусчатке, бликами отражавшей свет стеклянных фонарей, среди уютных маленьких магазинчиков и кафе-булочных.

– Ну и народу, – ворчал Эш, пока мы неторопливо ехали по переулкам, больше походившим на пешеходные.

– Туристический приморский город, – развела руками Рок. – Канун Лугнасада.

– И популярное место для сёрфинга, – добавил Питер. – Где живёт наш свидетель?

– Тупик Грейне, дом семь.

– Удачно. Мой дом в том же квартале. Снова отец с адресом подсобил?

– Кто же ещё.

– И ему не зазорно выходить на связь с преступницей в бегах? Или в обмен на информацию тебя наградили лекцией о пользе сотрудничества со стражей и позоре, который ты навлекла на его седины?

Баньши рассеянно накрутила на палец прядь волос, выбившуюся из пучка.

– Перед тем как я встретила Лайзу... в прошлое воскресенье... мы с отцом поругались, – неожиданно заговорила она, пока за окнами мобилиа проплывали фонари и светящиеся окна. – Так поругались, что я убежала из дома, хлопнув дверью, и пошла в бар. Недалеко от того отеля, где Лайза с Эшем тогда остановились. «Волшебная мельница» называется, коктейли у них отличные... да. В общем, я убежала из дома, заказала себе выпивку с утра пораньше и весь день проторчала за барной стойкой, наедине с «Голубыми Гавайями» и злостью. А злилась потому, что отец прав. Он давно уже твердит, что меня наделили великим даром, который может помочь многим людям, но я отворачиваюсь от него, тратя жизнь на бестолковые статейки. А что пойти в коронеры – это каждодневная боль, каждодневная смерть вместе с каждым, кого тебе привозят... даже не раз в день... – Рок дёрнула намотанную на палец прядь, будто хотела позвонить в колокольчик. – Когда я начала выпытывать у него информацию о Ликорисе, отец ничего не сказал. И все адреса, которые мне требовались, присылал без вопросов. Даже узнав, что за нами следует стража. А раз детективы приходили к нему, ему наверняка рассказали, что меня видели на кладбище в Динэ, и после моих запросов концы с

концами свести было бы нетрудно. – Баньши резким движением вывернула кисть, освободив палец из плена бледно-василькового локона. – Думаю, отец понял, что я искала Ликориса. И не только не собирается меня останавливать – наконец-то мной гордится. Ведь непутёвая дочка всё же взялась за ум и помогает людям... в том смысле, в каком это понимает он.

Я осуждающе мотнула головой и поморщилась: похоже, после дневного приключения на затылке осталась приличная ссадина.

– Его не смущает, что это опасно? – поинтересовался Эш негромко.

– У моего отца вообще интересная система воспитания. В духе полной самостоятельности. По принципу «что нас не убивает, делает нас сильнее». Любой баньши трудно с этим поспорить.

...слухи о том, что баньши не интересуются мужчинами, родились не просто так. Для продолжения рода баньши не требовались мужчины – и, если уж на то пошло, они вообще не могли забеременеть. Новые баньши рождались из мертворожденных человеческих младенцев; мёртвых мальчиков родители могли оплакивать сразу, но мёртвых девочек лекари всегда оставляли в колыбели до наступления ночи. Ведь была вероятность – одна на тысячу – что, когда взойдёт луна, остывшее тельце шевельнётся и воздух над ним пронзит крик ребёнка, наконец сделавшего первый вдох. Только вот от маленьких баньши нередко отказывались, а в старые времена лишь считанные избранницы Великой Госпожи росли в родной семье. Немногие спокойно относились к тому, что за какой-то месяц кожа их ребёнка обретала нездоровый зеленоватый оттенок, уши заострялись, пальцы неестественно вытягивались, а волосы отрастали седыми... или голубыми, как у Рок.

Сейчас маленькие баньши по большей части оставались с родителями. Теперь людям уже хватало терпимости и смелости для принятия, что этот странный материальный призрак с тёплой кожей, бьющимся сердцем и пугающим даром видеть чужую смерть – их ребёнок, несмотря ни на что. Поговаривали, что баньши дарует жизнь сама Владычица Предопределённости, являясь к их колыбели и целуя в холодный лоб; маги верили, что баньши рождаются из тех девочек, которым суждено было стать колдуньями. Правда, далеко не у всех

баньши проявлялась магическая печать – но, быть может, Великая Госпожа попросту решала, что с них достаточно и одного дара.

Роксэйн вот своего точно с головой хватало.

– И как к этому относится твоя мать? – спросила я, не зная, как ещё комментировать услышанное.

– Если б она не умерла, когда мне было семь, думаю, она бы это не одобрила. Но я не уверена.

– О. Прости.

– Ничего. На самом деле я не ропщу ни на судьбу, ни на Великую Госпожу. Ни за мать, ни за отца, ни за мой дар. Если бы всё сложилось по-другому, я была бы уже не совсем собой, а я себя вполне устраиваю. И предложи мне изменить в прошлом хоть что-то, я не согласилась бы.

– Редко встретишь человека... или фейри... который так оптимистично смотрит на вещи, – заметил Эш.

– Это не оптимизм, а детерминизм. Или фатализм. Наши выборы, наше прошлое, вся боль, причинённая нам – это делает нас теми, кто мы есть. В моей жизни были вещи, о которых мне неприятно вспоминать, и поступки, которых сейчас я бы не совершила, и вещи, из-за которых мне было так хреново, что я молила Великую Госпожу о смерти. Но в конечном счёте я не жалею ни об одной трагедии из тех, что со мной случились, и ни об одном решении, которое я приняла. Да и... едва ли в те моменты, о которых сейчас вспоминаешь с болью, я действительно могла поступить иначе. Думать, что мы вольны в каждый момент времени повернуть на любом перекрёстке направо или налево, – иллюзия. Наши решения предопределены нашими личностями, эмоциями, желаниями, складом ума: всем тем, что составляет саму нашу суть. Правда, после поворотов не туда важно делать выводы и шлифовать эту суть, и тогда на следующем перекрёстке она подтолкнёт тебя к более удачному выбору. – Баньши вдруг улыбнулась. – Поэтому никогда не любила истории о путешественниках во времени... Они дают ложную надежду, что некоторые вещи можно просто перечеркнуть. А свои ошибки нужно принимать, учиться на них и идти дальше. Не увязать в бесконечных сожалениях о том, что могло бы быть, сложились всё иначе. Люди ведь так часто путешествуют во времени без всяких машин... Живут мечтами о будущем, которое может никогда не наступить, мыслями о

том, что сделают и чего добьются однажды, в подходящих условиях – вместо того чтобы жить в моменте и делать то, что по силам прямо сейчас. Или увязают в прошлом, бесконечно жалея о том, чего уже не исправить, о тех днях, которые давно остались позади – вместо того, чтобы делать настоящее таким, каким ты хочешь его видеть. Жалкое зрелище.

– Если ты знакома с концепциями Ницше о вечном возвращении и amor fati^[24], полагаю, они приводят тебя в восторг, – заметил Питер отстранённо.

– Ого, какие слова мы знаем. – В голосе Эша прорезалось уважение, и я не сомневалась: признайся я, что для меня упомянутое – пустой звук, и брат прочтёт мне подробную часовую лекцию на тему. – Я-то думал, старик, ты только клеиться к девчонкам да с малолетками пререкаться горазд.

– Считай это признанием своих заслуг, малыш. Я не унижаюсь до перепалок с теми, кто не сдал мой маленький внутренний тест на интеллект. – Равнодушно глядя в окно, Питер скрестил руки на груди. – А если произошло то, с чем ты не можешь жить, как ни старайся? То, что изменило твою жизнь раз и навсегда? Что-то слишком страшное, чтобы ты мог извлечь из этого урок, что не сделало тебя сильнее, а искалечило? Если бы тебе отрезало руку, но был шанс переиграть события так, чтобы она осталась, ты бы им не воспользовалась?

– В том-то и дело, что реальность этого шанса не даёт. И толку рассуждать об этом, если путешествия во времени всё равно невозможны и прошлого не изменить? Разве что в книжках, комиксах да кино. – Рок пожала плечами. – Я предпочитаю жить реальностью, а не грёзами о том, что могло бы быть, если бы произошло то, чего всё равно не случилось. Жить настоящим – не прошлым, не будущим. Ценить каждое мгновение, что мне даровано, – сейчас. И строить планы, но помнить, что будущему свойственно приносить вещи, которых не ждёшь.

Я смотрела, как за стёклами Францулика калейдоскопом мелькают пёстрые витрины.

– Тоже не люблю истории о путешествиях во времени, но по другой причине, – вырвалось у меня. – Когда герои меняют прошлое, они... будто отменяют всё, что было с ними в настоящем, которого

больше не существует. Все их поступки больше не имеют значения. Это как читать толстую книгу, в конце которой выясняется, что всё это был сон.

– Да ладно. Обычно они меняют прошлое ради светлого будущего, – возразил Питер. – Спасают тех, кто при ином раскладе умер бы. Или мир. Или просто живут лучше, чем жили бы при исходных условиях. Их усилия в конечном счёте себя оправдывают, даже если в конце новое настоящее замещает старое и все забывают прежний вариант.

– В том-то и дело. Герои таких историй... В процессе между ними завязываются связи. Отношения. Дружба. Когда они изменяют прошлое, эти отношения стираются, будто их никогда не было.

– Любые отношения конечны, – сказала Рок – неожиданно, ведь от неё я ждала скорее поддержки. – И всегда обрываются – либо ссорой, либо временем, что разводит вас в стороны, либо смертью. Это не повод их не ценить.

– Но обычно они оставляют опыт. Память. След.

– Вся наша жизнь – след на снегу. Существующий до первой метели или оттепели. Время стирает всё, и нас сотрёт неизбежно, и память о нас – рано или поздно, так или иначе. Но то, что мы *были*... были такими, какие есть, со всеми нашими ошибками и связями... это уже имеет значение. И стоит всего. – Баньши закрыла окно, сквозь которое в салон проникала свежесть близкого моря. – В конце концов, обычно в историях о путешественниках во времени остаётся хоть кто-то, кто помнит всё, и живёт счастливо именно потому, что помнит. Потому, что пережитые испытания изменили его. Даже если я не люблю такие истории, то красоты таких финалов отрицать не могу.

По её жесту я угадала, что мы почти приехали, ещё прежде, чем Эш затормозил, чтобы припарковаться у сувенирного магазинчика.

– Тупик Грейне прямо перед нами, – доложил брат, активируя электронный ручник: иначе мобиль навряд ли покатился бы по наклонной улочке. Кивнул на переулок, прятанный за невысокой каменной аркой, которую время покрыло мхом. – Там пешеходная зона, но до нужного дома идти недолго.

– Мне, полагаю, лучше посидеть в мобиле, – сказала я. – Превращать очередного свидетеля в одержимого нам ни к чему.

– Она баньши, – встряла Рок. – Девушка, к которой мы идём.

– И что?

– Я долго думала, почему кто-то становится одержимыми, а мы – нет. Я – баньши, в Эше и Питере – кровь сидов. Думаю, тварь не может вселиться ни в полукровок, ни в тех, кто служит Владычице Предопределённости. В конце концов, она овладевает теми, кто помечен неопределённой смертью, но у сидов и баньши со смертью своеобразные отношения. – Отстёгивая ремень безопасности, Рок смотрела в окно. – Впрочем, лучше не рисковать. Я и так ошибалась, и эти ошибки дорого нам обошлись.

Прежде чем нажать на кнопку и открыть дверь, я колебалась всего секунду.

– Тварь в любом случае вряд ли успеет добраться до Ахорка так же быстро, как мобиль, Эш, – отвечая угрожающему непониманию в глазах брата, произнесла я, переползая по сиденью к выходу в переулок. – Судя по её предыдущим появлениям, когда мы переезжали в другой город, то каждый раз выигрывали себе немножко времени. Значит, полчаса на беседу у меня точно есть.

...на самом деле, конечно, всё было проще. Я не собиралась подкреплять самобичевания Рок, показывая, что не верю в неё. Я действительно верила ей – и себе. Как бы быстро тварь нас ни находила, она никогда не нападала мгновенно.

И, откровенно говоря, меньше всего мне хотелось сидеть в мобиле, пока ребята будут вести разговор, от которого зависело если не всё, то очень многое.

Нырнув в пустой переулок так быстро, что едва ли кто-то из прохожих успел меня заметить, я прижалась к стене дома за аркой, прячась в тени, дожидаясь Питера и Рок.

– Ещё раз, – сказал Питер, когда мы зашагали по брусчатке мимо белёных стен, – как нашу свидетельницу зовут?

– Латоя. – Рок пристально всматривалась в номера на дверях. – Латоя Хокс.

Латоя Хокс была подругой Мэлори Блэйк, погибшей под колёсами мобилиа год назад. В ней текла кровь тилвитов, ей было девятнадцать, она училась на биолога – и видела Кромешника накануне смерти. Родители нашли её прячущейся от монстра в шкафу; потеряв дочь, они уехали из Ахорка – на северное побережье, ровно на другой конец страны. Поскольку ехать через весь Харлер в обратном направлении

будет для нас самоубийством, оставалось надеяться, что Латоя сможет дать исчерпывающие ответы. Иначе ничего, кроме запасного плана, мне не останется, а его проверить возможно лишь завтра – или уже на следующем повороте Колеса Года... до которого я вряд ли доживу.

Рок замерла перед высокой белёной дверью, которую венчало полукруглое арочное окно.

Кончиком длинного пальца одна баньши утопила кнопку звонка, чтобы минуту спустя дверь открыла другая.

– Христианских брошюр мне не нужно, спасибо, – категорично сказала девушка, застывшая у порога. – И опросы я ненавижу.

Она казалась ровесницей Питера. Ухоженные волосы спускались ниже талии седой волной, оттенок кожи близился к зелёному чаю, глаз – к папоротнику в мелкую карюю крапинку. В джинсах, пушистых домашних тапочках и хлопковой кофте баньши смотрелась странно – особенно на контрасте с Рок: платье, что могла бы носить диснеевская принцесса, решившая адаптироваться под современную моду, на мой взгляд, подобало избраннице Великой Госпожи куда больше.

– Мисс Хокс, мы журналисты. Я Роксэйн Бэс, пишу для сетевого издания «Муленские вести». Это мои коллеги, Питер и...

– Журналисты, стало быть? – в голос Латои, вглядывавшейся в глаза Рок, змеей скользнула вкрадчивость. – И зачем же одна из избранниц Владычицы Предопределённости явилась к другой, прячась под человеческим мороком?

Рок осеклась.

...ну конечно. Рок говорила, что баньши не могут предсказать смерть других баньши. И хотя большинство избранниц Великой Госпожи читали чужую судьбу по линиям руки, иным требовалось лишь заглянуть в глаза. Если Латоя из последних, её взору предстала долговязая человеческая девица – с нечитаемой тенью, что могла принадлежать только мертворожденной девушке из её народа.

– Мы вынуждены соблюдать секретность, – не растерявшись, вмешался Питер, но Латоя уже перевела взгляд на меня – и, когда наши глаза встретились, попятилась.

– Ты... – она вскинула дрожащую руку, почти уткнув длинный палец мне в грудь, – ты ведь...

– Да, должна быть уже мертва. Судя по всему, раз десять, – устало произнесла я. – Это долгая история.

– Кто вы? На самом деле? Зачем пришли?

– Я – абсолютная провидица. – Оправившись от неожиданности, Рок вскинула подбородок: в жесте вдруг проявилась надменность, так ей несвойственная. – Лайза – моя подруга. Я хочу понять, что сделало её тень *такой*, и мне нужна твоя помощь.

Я не знала, что удивило меня больше: то, как после этих слов Латоя склонила голову, будто фрейлина перед королевой, или это «подруга». И то, что я внезапно осознала: эти слова не только правдивы, но и взаимны.

Видимо, избитые слова о том, что трудности сближают, были куда точнее, чем я думала.

– Проходите, – тяжело вздохнула баньши, распахивая дверь. – Придётся, видимо, поставить чайник...

Чая мы дожидались на уютной светлой кухоньке, обставленной дубовой мебелью в стиле кантри. Воду Латоя кипятила не в электрочайнике, а в старомодном стальном, со свистком. Пока баньши расставляла на столе чайный сервиз, я обратила внимание, с каким пиететом (движение больше походило на ещё один поклон) она поднесла фарфоровую чашку Рок.

Прежде я не задумывалась об этом, но сейчас понимала: видимо, среди баньши абсолютные провидицы почитаются за некоронованных королев. Любимые дети Владычицы Предопределённости, живущие лишь благодаря её милости, не могли не уважать тех, кого среди них выделили особо, одарив щедрее других.

– Итак, – изрекла Латоя, снимая с плиты чайник, засвистевший в пронзительном ариозо, – какое отношение твоя тень имеет ко мне?

Я взглянула на Рок – та едва заметно кивнула.

– Несколько дней назад мне приснился кошмар. Про чёрную тварь без лица. Она была похожа на... на Дюнэтэни, если вы про него слышали. Его ещё называют Кромешником.

Латоя помолчала, заливая кипятком заварку, что зеленела в стеклянном чайнике; Питер пристально следил за девушкой из-под полусомкнутых ресниц, сложив руки на столе. Я почти не сомневалась – прямо сейчас он анализирует, какие чувства мой рассказ всколыхнул в собеседнице. И не только с помощью эмпатии: жесты и мимика опытному психологу тоже скажут немало.

– Слышала, – наконец ответила Латоя. – Значит, тварь была похожа на него?

– Да. Только у того лицо серое, а у моего монстра – чёрное. Но в целом похож. А на следующий день меня чуть не сбил мобиль.

– И должен был сбить. Я видела. – Взяв чайник в руки, Латоя мягкими круговыми движениями поболтала заварку. Сквозь стеклянные стенки видно было, как вода окрашивается в золотистый, быстро темнеющий цвет. – Как же ты спаслась?

– Один... знакомый вытащил буквально из-под колёс.

– Это невозможно. Великая Госпожа не допускает ошибок. – Ответ прозвучал куда резче, чем до того. – Если тебе суждено было погибнуть под колёсами, никто не смог бы тебе помочь. Не успел бы, или вовсе не оказался там, или...

Латоя осеклась. Шумно вдохнула.

Аккуратно, тонкой струйкой налила в чашку Питера напиток, благоухающий жасмином.

– Её пути неисповедимы, – продолжила баньши – уже спокойно. – Даже тот, кто знает день своей гибели, не сможет её избежать. Ведь если ты узнал день, значит, это входило в её план.

– Тем не менее Лайза здесь. Хотя твой Дар, как и мой, кричит, что она мертва, – мягко заметила Рок. – Видимо, и у Владычицы Предопределённости случаются осечки.

Латоя, не ответив, медленно наполнила мою чашку.

– Как бы там ни было, – продолжила я, – на переходе, где я чуть не погибла, была эта безликая тварь. Тем же вечером она пришла в мой дом. И с тех пор преследует нас с братом.

– Интересная история, – откликнулась баньши почти равнодушно. – И при чём тут я?

– Ваша подруга. Мэлори. Её тоже сбил мобиль, а накануне она видела тварь, похожую на Кромешника.

От меня не укрылось, как дрогнул чайник в зелёных ладонях, прежде чем Латоя отвернулась.

– Откуда вы знаете?

– По Сети гуляет история, что накануне гибели Мэлори пряталась в шкафу от Кромешника, которого увидела за окном, – сказала Рок. – Эту байку растащили по всем сайтам о Дюнэтэни. Мы хотели бы услышать от тебя всё, что ты можешь рассказать по этому поводу.

Поставив чайник рядом с раковиной, Латоя побарабанила паучьими пальцами по столешнице. Отвернувшись, прошла к выходу из кухни.

– Подождите минутку, – бросила она через плечо, ногами в тапочках едва касаясь блестящего ламината. – Я сейчас.

Мы проводили её долгими взглядами.

– Надеюсь, – тихо молвил Питер, – она не в стражу пошла звонить.

– С чего бы? – Я сжала чашку ладонями, похолодевшими от тревоги, тут же засосавшей под ложечкой. – Мы с тобой под мороками, и я сомневаюсь, что о нашем розыске объявляли всенародно.

Рок лишь пригубила свой чай: аристократично, как и подобает королеве даже в доме подданной.

Латоя вернулась спустя пару минут – и, комкая что-то в кулаке, протянула мне тканевый чехол для одежды:

– Открой.

После секундного колебания я всё же отодвинула стул. Положив чехол на колени, потянула застёжку пластиковой молнии.

Внутри был чёрный брючный костюм. Самый обычный. С пиджаком и белой рубашкой.

– Моего отца, – сообщила Латоя. – Родители построили себе дом у моря, а этот оставили мне. Но некоторые вещи по-прежнему держат здесь.

– И?..

Баньши потеряла то, что сжимала в опущенной руке: кажется, обычные колготки из чёрного капрона.

– Я видела тень её смерти. Мэлори. Мэл. Я смотрела ей в глаза и знала, что она скоро умрёт. И не могла её предупредить. – От звучания её голоса мне стало ещё более зябко, чем до того: так мог бы говорить человек, преодолевающий зубную боль. – Баньши, что раскроет смертным планы Великой Госпожи прежде, чем они свершатся, потеряет дар... и скоро погибнет. Вроде случайно – болезнь или трагический инцидент, – но не было ещё отступницы, с которой бы не случилось этой случайности. – Латоя подплыла к кухонному окну, вглядываясь в летний сумрак. – Знаешь, что такое тень смерти? Это чёрные крылья. Как у бабочки. Ничего общего с тёмным пятном на земле, что люди привыкли называть тенью. Мы смотрим на них и

откуда-то понимаем, сколько осталось человеку до смерти. Для обычных баньши они дрожат на чужой ладони – маленькие, как у настоящей бабочки. Для абсолютных провидиц – расправляются за чужой спиной, как у гигантских птиц. Для меня – чернеют в чужих глазах. Чем ближе день встречи с Великой Госпожой, тем отчётливее эти крылья. А накануне гибели они начинают отливать в фиолетовый. Страшно и красиво...

Рок следила за хозяйкой дома, и в её взгляде блеснуло почти пугавшее понимание.

– О Кромешнике я узнала от Мэл. Где-то за месяц до её гибели. Новая модная страшилка, как она могла её пропустить... Она же так любила страшные истории. Видеоролики мне про него показывала, игры... Рассказала о людях, что умерли вскоре после того, как его увидели. – Латоя расправила ладонью чёрный капрон, и я поняла, что это не колготки, а скорее чулок. Плотный, непрозрачный, странно короткий. – И я подумала... Я не могу сказать Мэл, что она скоро умрёт, но если я предупрежу её другим способом, может, она будет осторожнее? Будет бояться смерти? Как-нибудь уберётся от...

Конец фразы утонул в судорожном вздохе – и, не договорив, Латоя натянула чулок себе на голову.

Повернувшись к нам, она явила чёрное, без единой черты лицо. Взмыла под самый потолок – и когда я посмотрела на баньши, парящую в воздухе, то ощутила тоскливый холод.

– Глупая, глупая я... Тогда я ещё не знала, что планы Великой Госпожи нерушимы. И то, что ты попытаешься изменить их, лишь станет их частью. – Латоя опустилась обратно, зависнув в паре сантиметров над полом. Из-за чёрной маски голос её звучал приглушённо. – Мэл увидела Кромешника и, конечно, испугалась, что он заберёт её. В тот день её кузина праздновала юбилей, но Мэл не осмелилась на него пойти. Решила отсидеться дома, в безопасности. Она сообщила о монстре мне и семье, потом – однокурсницам, и все, кроме меня, пытались её успокоить. Доказать, что ей приснилось. Померещилось. Её родители – тоже. Так что под вечер Мэл немного осмелела... даже выбралась из дома за хлебом к ужину. По маминой просьбе. – Латоя сдёрнула обрезанный чулок с головы; прежде гладкие волосы баньши взъерошились, и непослушные прядки торчали гороховыми усиками. – До булочной она не дошла.

– Ты надела папин костюм, – обречённо проговорила я. – И маску из чулка. Ты подлетела к её окну. – Я прижала ладони к вискам. – Ты была Кромешником, которого она видела!

– Не совсем *правильным*, конечно. Меня осенило лишь под вечер, и колготки нашлись только чёрные, а бежать в магазин за серыми было поздно. Впрочем, Мэл хватило и этого. Я пыталась уберечь её от гибели, но если бы она не испугалась мифического Кромешника, и пошла к кухне, как собиралась – в минуту, когда её сбил мобиль, Мэл была бы в пяти милях от дороги, оборвавшей её жизнь, и пила чай с праздничным тортом. – Латоя пристально, в упор смотрела на меня. – Путь, уготованный тебе Великой Госпожой, неисповедим. С него невозможно сойти. Я не знаю, девочка, как ты избежала гибели, и не знаю, что за тварь тебя преследует, но знаю одно: ты не сможешь бежать от неё вечно. Рано или поздно поцелуй Владычицы Предопределённости достигнет тебя, и нужно ли вообще в таком случае убежать? – Бледные губы баньши скривила улыбка. – Пей чай. А то остынет. В конце концов, кто знает, сколько ещё тебе осталось чаепитий...

* * *

– Судя по вашим лицам, хороших новостей ждать не приходится, – констатировал Эш, когда я открыла дверцу мобиля.

Я села назад, рядом с притихшим Питером. Молча.

Я не знала, что сказать.

– Это был не Кромешник. И не фомор, – без намёка на эмоции произнесла Рок, заняв переднее сиденье. – Её подруга... она разыграла погибшую девушку. Переделась в монстра.

– То есть это не убийство.

– Нет.

– И тварь не имеет к этому отношения.

– Нет.

– И не было никакого маньяка, охотящегося на полукровок.

– Нет.

По лицу Эша трудно было прочесть что-либо, и мне оставалось лишь предполагать: брат не удивлён. Он с самого начала подозревал,

что всё закончится именно так.

И всё же хотел, чтобы его подозрения не оправдались.

– А как же остальные несчастные случаи?

– Видимо, просто несчастные случаи. – Баньши невидяще воззрилась на жизнерадостных прохожих, сновавших за окном. – Просто пять погибших полукровок за два года.

– Ты приводила статистику. Я сам изучал новости в Сети. Пять полукровок, погибших в несчастных случаях за два года. До того в течение трёх лет никто из них не умирал.

– Закон распределения вероятностей, – негромко сказал Питер. – Когда кидаешь кость, тебе долго может выпасть всякая мелочь, зато потом попадётся несколько шестёрок подряд. Это жизнь, в ней возможно всё. А люди слишком часто видят заговор в совпадениях, и в них же – судьбу.

Я по-прежнему молчала. Пытаясь смириться с тем, что все наши теории, все догадки, все надежды оказались пустышками.

Ликорис не имеет ко мне отношения. Несчастный случай, в котором замешан Кромешник, был просто несчастным случаем. Никакого коварного плана по истреблению потомков сидов не существует.

Существует только тварь, которая хочет меня убить. Тварь, которая не могла бы разгуливать по Харлеру, не будь у неё контрактора.

– Мы выясним, что это за фомор, Лайз. – Я едва не вздрогнула, когда Питер взял меня за руку. – Мы что-нибудь придумаем.

Я смотрела на улицу, где сияли весёлым разноцветьем огни фонарей, витрин и окон. Огни жизни.

– Я уже придумала. У меня был... запасной план. – Ладонь Питера, сжимавшая мои пальцы, успокаивала, растворяла засевшую в сердце ледяную иглу растерянности и страха. – Раз мы не смогли найти контрактора сами, значит, нужно встретиться с тем, кто знает его. И сможет назвать нам его имя.

– Какие у тебя, оказывается, полезные знакомства, – скептически откликнулся Эш. – Что же мы раньше к нему не обратились?

– Потому что встретиться с ним можно лишь на повороте Колеса Года, а Колесо повернётся завтра, в ночь Лугнасада. Если кто-нибудь может знать, что это за тварь и с кем в нашем мире она связана, то

именно он. Потому что он – бог, а богам ведомо всё. – Я прикрыла глаза. – Он повелевает всеми фоморами в Дикой Охоте. Тем, что охотится за нами, в том числе. Тёмный бог Донн, Повелитель Кошмаров... Завтра ночью я попробую его призвать.

Когда-то

Шелест буковых листьев похож на шушуканье встревоженной толпы. День в самом разгаре, но озеро серое, как и небо, отражённое в нём, и ветер заставляет воду бить песок на берегу частыми мелкими волнами.

Двое проходят по берегу озера и углубляются в лес. Под буковыми кронами властвуют тень и прохлада; в густой траве не видно и намёка на тропу, но, видимо, сид точно знает, куда ведёт свою спутницу. Оба молчат – просто идут неторопливо, держась за руки.

Они проходят совсем немного, прежде чем видят холм.

Холм не слишком высок, где-то в полтора человеческих роста. Он окружён кольцом из буков и порос вереском и посреди ровной лесной земли смотрится странно. Коул и его спутница застывают рядом, и сид пропевает короткую фразу на незнакомом языке – чисто, ясно, совсем негромко.

Его голос отзывается во вдруг расступившихся облаках, в затихшем лесу, в исчезнувшем ветре, что унимается послушным псом. Когда Коул замолкает, солнечное золото падает на холм, пробившись сквозь тучи и буковую листву. Высвечивая из сумрака вереск, лучи едва заметно преломляются над ним: будто в воздухе над холмом немного неровно соединяются два огромных, кристально прозрачных, но всё же различимых стеклянных полотна.

– Это она и есть? – спрашивает девушка. – Прореха?

– Да. Если сделать шаг за эту грань, попадёшь на Эмайн Аблах.

– Я-то думала, развернется земля, и в холме откроется провал. – Девушка улыбается, но глаза выдают, что улыбка даётся ей через силу. – Можно подойти ближе?

Они поднимаются на холм, где ждёт трещина в пространстве. За пару шагов до прорехи девушка нагибается, чтобы сорвать стебелёк вереска у себя под ногами; не приближаясь к проходу на Эмайн Аблах,

кидает в его сторону ветку, припорошенную мелкими сиреневыми цветами.

Вместо того чтобы упасть в траву, поросшую на холме, стебелёк исчезает в воздухе, затянутый в мир, куда редко открывался ход тому, что рождено в мире смертных.

– Значит, так оно происходит. – Девушка снова улыбается, и на сей раз в улыбке этой нет ни капли веселья. – Стало быть, вот и всё.

Коул поворачивается, чтобы взять её руки в свои:

– Вэрани, может...

– Помнишь, что я пела, когда мы впервые встретились? – Она высвобождает ладони – мягко, но непреклонно. Прежде чем глотнуть воздуха для песни, легонько касается пальцами его щеки. – *«Нет, не зови, не зови за собой»...*

– *«...и, уходя по дороге зазвёздной, стань моей самой далёкой мечтой, самой короткой и сладостной грёзой».*

Подхваченные сидом певучие строки звенят серебром и тихой обречённостью.

– Ты знаешь её не хуже меня. Как и смысл её. – В сизой глубине девичьих глаз плещется печаль. – Останься моей грёзой, Коул. Так будет лучше для нас обоих.

– Разве реальность, похожая на сказку, не лучше всего лишь грёзы о ней? – Он перехватывает её опускающуюся руку, удерживая девичьи пальцы у своего лица. – Почему ты уверена, что тебе не суждено быть счастливой со мной?

– Я просто... знаю. В нашем мире давно нет ни спящих принцесс, ни прекрасных принцев, и самые красивые сказки не получают счастливых концов. Те, кто верят в иное, лишь лгут себе, а в итоге кончают жизнь несчастными, одинокими, среди осколков своих разбившихся надежд. – Девушка не делает попыток выкрутить запястье, но сид сам отпускает его; она спокойна – и не отводит глаза, встретив испытующий взгляд Коула. – Я не верю тебе, Коул. Ты не лжёшь мне, ведь сейчас ты сам веришь в то, что говоришь, но рано или поздно ты поймёшь, что ошибался. Ты юн. Ты утверждаешь, что влюбился с первого взгляда, но ты полюбил не меня, а образ, что придумал себе сам: с первого взгляда ничего иного не увидишь. Однажды этот образ растает, как морок, и тебе откроется моё истинное лицо, и тебе оно не понравится. Твоя любовь умрёт, а моя... – Не

договорив, она отступает на шаг. – Уходи, пока я могу тебя отпустить. И не зови за собой. Не надо. В долгих проводах лишь больше слёз.

Он молчит – и, отвернувшись, девушка спускается с холма, залитого солнечным светом. Прохладный ветер, первый предвестник скорой осени, волнуется озеро, сереющее в просветах между деревьями; однако здесь, у прорехи, нет ни дуновения.

Когда руки сиды обхватывают девичью фигурку за плечи, останавливая, удерживая, она не вырывается, но и замирает не сразу. Будто сперва не верит, что её касаются живые пальцы, а не бесстрастный ветер, всё же прокрававшийся к открытой двери в Дивную Страну.

– Удивительные вы всё-таки, люди. Отказываетесь верить даже в те чудеса, что судьба преподносит вам на ладони. – Сид привлекает девушку к себе – и, не разворачивая, обнимает со спины, касаясь губами густых тёмных волос на её макушке. – Не будет никаких проводов. Мне не нужен Эмайн, если я вернусь туда в одиночестве.

Глаза её ширятся в изумлении:

– Ты... остаёшься?..

– Ни один из миров не принесёт мне счастья, если в нём не будет тебя.

...чуть позже солнце скрывается за тучами, вновь кутая кольцо буков в пасмурный сумрак, пока вернувшийся ветер качает вереск на холме, где уже никого нет. И только чайки вдалеке плачут над волнами, будто предвосхищая боль, чашу которой очередной леди рода Форбиден в конечном счёте придётся испить сполна.

Обитатели Дивной Страны не всегда обманывают людей. Но порой правда их опаснее лжи, равно как любовь их страшнее равнодушия.

Нынешнее время

Дом Питера ждал нас всего в пяти минутах ходьбы от жилища Латои.

Как и обитель баньши, он приткнулся в переулке, отходящем от центральной улицы Ахорка – той самой, с магазинчиками и кафе, которая шла почти через весь город извилистой лентой, спускаясь к

морю и переходя в набережную. Припарковав мобиль на обочине, мы быстро проследовали за Питером, на ходу доставшим из борсетки связку ключей. Нужный дом было видно сразу: его окна тёмными провалами контрастировали со светящимися квадратами соседних, дубовую дверь украшал тяжёлый навесной замок. В остальном здание ничем не отличалось от других – узкое, двухэтажное, с кирпичными стенами, увитыми плющом, и трёхступенным каменным крыльцом.

– Давно я тут не был, – сказал Питер, парой ловких движений открывая замок, чтобы снять с двери и сунуть в борсетку. Зазвенел связкой ключей, выискивая следующий: помимо навесного замка дом хранили от взлома ещё и два врезных. – В отпуск я обычно навожу здесь порядок, но мой последний отпуск был давно.

– И почему ты уехал? – невыразительно поинтересовался Эш. – Из хорошего дома в центре неплохого туристического городка, притом покрупнее, чем Мулен?

– Я много где был, пока не приехал в Мулен. И в Динэ жил, и в Ландэне, и в Манчестере... потом понял, что в больших городах мне не особо нравится. Может, потому, что вырос в небольшом. Но в этом доме я жить не могу. – Наконец справившись с нижним замком, Питер дёрнул дверь на себя и, шагнув в прихожую, открыл щиток сигнализации возле входа. – Лайза знает почему.

Я промолчала, слушая, как пищат кнопки, на которых Питер набирал код, отключающий охранную систему.

Хорошо, что сейчас Эша слишком волнуют наш провал и мой самоубийственный план, чтобы он лез в расспросы.

Когда Питер закрыл щиток и включил свет, серые стены окрасила голографическая сирень. В узком коридоре жужжал робот-пылесос, объясняя девственную чистоту паркетного пола, обычно плохо совместимую с брошенными домами. Раздав каждому тапочки, гостеприимный хозяин проводил нас в гостиную и, сдёрнув белые чехлы с кушетки напротив камина и шкафа в углу, достал из последнего чистый стакан и бутылку виски.

– Полагаю, ты не откажешься, – сказал он, наполнив стакан почти до краёв, прежде чем протянуть его Рок.

Баньши, хранившая молчание с тех пор, как мы вернулись в мобиль из дома Латои, посмотрела, как свет люстры бьётся в ряби, расходившейся по янтарной поверхности напитка.

– Грёбанный ты эмпат, – пробормотала она, прежде чем принять подношение. Поднеся стакан к губам, опустошила его залпом, словно в прозрачном стекле было не спиртное, а сок. – Вообще виски – не самый мой любимый напиток, но сейчас я бы выпила всё, что горит.

– У меня тут остался небольшой бар. Подарки от друзей, которые я не успел употребить. Полагаю, позже найдём что-нибудь тебе по вкусу. – Приподняв полупустую бутылку, Питер вопросительно взглянул на меня. – Больше никто не претендует?

– Предпочту оставаться в трезвом уме и твёрдой памяти, – сказала я, – как бы ни хотелось иного.

– Возможно, компенсируем это позже, – загадочно обронил Питер, прежде чем вернуть виски в шкаф. – Располагайтесь. Я дойду до супермаркета, разживусь припасами для ужина.

Не дожидаясь, пока за ним захлопнется входная дверь, я принялась стаскивать чехлы с остальной мебели, возвращая комнате жилой вид. Гобеленовая ткань белыми призрачными одеяниями закрывала всё, кроме камина, на полке которого собрался приличный слой пыли.

– Лайз, – произнёс Эш негромко, пока Рок молча наблюдала за моими действиями с кушетки, – ты уверена?..

– Да. Уверена, – отрезала я. – Другого выхода всё равно нет. Ты знаешь.

– Есть. Мы уже достаточно гонялись за миражами. Теперь можно просто...

– Сдаться? – Я яростно чихнула, когда на моё лицо осела пыль с очередного чехла, зашвырнутого в угол. – Ни за что.

К моменту, когда Питер вернулся с парой больших картонных пакетов, я могла с уверенностью утверждать, что его семейное гнездо обставили со вкусом. Во всяком случае, гостиную отделали в изящном стиле восемнадцатого-девятнадцатого веков: много резьбы по дереву и изысканных завитушек, пастельные тона и голографические обои, имитирующие винтажный шёлк.

– Что я вам обещал по поводу ресторана? – возвестил Питер преувеличенно весело.

– Полагаю, ты не забыл, что мы не можем позволить себе просто прийти в людное место и сесть за столик, – сказала я.

– Нет. Зато ресторан может прийти к нам. – Он кивком указал на пакеты. – Что предпочтёте на гарнир: спаржу или картофельное пюре?

– Ты что, собираешься готовить?..

– Только не говори, что к семнадцати годам ты успела разувериться в существовании подобных чудес. Ты всё-таки не христианка, а готовящий мужчина – не Санта-Клаус.

За усмешкой я различила ту же сумрачную боль, что омрачала его лицо всю недолгую дорогу от дома Латои. И прекрасно знала её причину.

– Пюре, – произнесла я: раз уж Эш и Рок молчали, я взяла на себя смелость решить за всех.

– Он ещё и готовит, – констатировала Рок, когда Питер удалился в коридор – видимо, по направлению к кухне. Достала из сумочки знакомую сигарету. – Тащи его к алтарю, Лайза, пока не убежал. А то даже странно, почему такое сокровище до сих пор не окольцевали.

Эш прошёл к выходу из комнаты с каменным лицом христианского священника, которого исповедь вынуждает бесстрастно слушать признание в соращении малолетних, – и хлопок, с каким брат закрыл за собой дверь, сотряс дом до основания.

– Видимо, прав отец, – сказала баньши прежде, чем я успела прокомментировать случившееся. – Журналист из меня никудышный. Может, коронер получится лучше.

– В смысле «никудышный»?! – Я нависла над кушеткой, надеясь, что в моих словах прозвенело достаточно возмущения. – Рок, ты нашла Ликориса. Не стража – ты. То, что он был мёртв к моменту, когда мы пришли, уже частности.

– Но я не помогла тебе.

Голос её звучал так глухо, так безнадежно, что даже если б я хотела на неё сердиться, то сейчас не могла бы. А я и не хотела.

То, что Рок здесь, что несколько дней назад не прошла мимо одинокой потерянной меня, что помогла мне стать далеко не такой одинокой и далеко не такой потерянной – это было куда важнее времени, которое мы потратили на проверку теорий, не оправдавших себя. Тем более что я и сама была так рада за них ухватиться.

– Я большая девочка и сама себе помогу. А ты помогаешь мне уже тем, что отправилась со мной. Без вас с Питером... Не знаю, что бы я без вас делала.

– Лучше бы ты, большая девочка, сделала с Питером то, на что вы оба с первого дня напрашиваетесь, – криво усмехнулась Рок, наконец поднимая голову, чтобы поднести сигарету к губам. – А то иногда хочется столкнуть вас лбами и крикнуть: «Да целуйтесь же уже».

Непривычный блеск в глазах подсказывал мне, что виски, да к тому же на голодный желудок, успело ударить ей в голову. Впрочем, то, что баньши пьянеют даже легче обычных смертных, я выяснила ещё во времена учебных будней: мои однокурсницы Хелен и Джилл, отмечая в баре очередную сданную сессию, после пары пинт «Гиннеса» разве что на столах не танцевали. Сама я этого не видела, но Гвен рассказывала.

– Мы с Питером как-нибудь сами разберёмся.

– Вижу я, как вы разбираетесь.

– Мне не до этого, Рок. Вообще.

– Почему?

– В смысле «почему»? Нам грозит опасность. Мы можем умереть в любой момент.

– Ты напоминаешь об этом *мне*? – Рок затянулась, чтобы выдохнуть следующие слова вместе с вишнёвым дымом: – В детстве я любила дышать на зеркала. Рисовать человечков на запотевшем стекле. Меня огорчало, что долго они не живут и исчезают, как только растает дымка, но мне казалось, что прожить несколько секунд лучше, чем не родиться и не жить вовсе. Позже я поняла, что все мы – человечки на зеркале. Рождаемся и живём, пока не растает дымка наших тел. Секунды в масштабах вселенной. Недолговечные и хрупкие, как стекляшки или снежинки на руке. Наше существование – вечный эскапизм: итог всегда один и неизменен, и всё, что мы можем, – не думать об этом, чтобы брать максимум от бесценных дней, нам отпущенных. Любой согласится, что неизлечимо больным лучше коротать последние дни в смехе, беззаботности и любви, а не в безрадостных мыслях о скором конце. Каждый человек рождается неизлечимо больным – смертностью. Умереть можно посреди самой размеренной жизни, где всё кажется расплывшимся на годы вперёд. Настоящее – всё, что у нас есть. Всегда. – Баньши коснулась сигаретой краешка губ, и белёсые дымные завитки на секунды обрамили её лицо туманной рамкой. – Наверное, потому Великая Госпожа и запрещает нам рассказывать другим об отмеренном им сроке... Её можно понять,

хотя с её стороны это довольно жестокая шутка: дать нам подобный дар, сделав так, чтобы мы были бессильны на что-либо повлиять. Впрочем, последнее, что можно сказать про богов, так это что они добры. Милостивы порой, щедры, но только не добры.

– Мы с Питером несколько дней как друг друга знаем, – сказала я, не настроенная философствовать. В конце концов, в отличие от Рок я была трезвой – и всё отчётливее чувствовала, что слишком.

– И что? Тут вся штука в том, твой человек или нет. Если он твой... неважно кто, друг или возлюбленный, но главное – твой... к чему медлить с признанием, что в действительности он для тебя значит? – Баньши сделала ещё затяжку, глядя на пыльную каминную полку. – С любыми отношениями так... Никогда не знаешь, что их закончит и когда – тоже. Неважно, как вы близки и сколько знакомы: подводные камни, о которые разобьётся то, что вас связывает, могут всплыть и десять, и пятьдесят лет спустя. Другой человек – всегда пропасть, на дне которой мрак и неизвестность. Но даже если ты неудачно упал в одну, не стоит бояться падать вновь: лучше делать шаг и верить, что тебя подхватят. Вдруг повезёт и в полёте обретёшь крылья.

Я смотрела на её тонкий профиль, и смутное подозрение становилось всё более чётким.

– Ты была на моём месте. Ты любила кого-то. И не успела ему об этом сказать.

Рок поднесла сигарету ко рту – и опустила руку, так и не коснувшись губами мундштука.

– Я тогда была на втором курсе университета. Пришла на учёбу после летних каникул, а к нам перевелась одна девчонка из другого города. Я на неё посмотрела и поняла – *моя*. Виду, конечно, не подала, но после первой пары она сама ко мне в буфете под села. Да только я видела, что ей осталось две недели. И... подумала, что не стоит начинать то, что так быстро закончится.

Я молча слушала, как откуда-то доносится звяканье посуды, перемежаемое отзвуками свиста Питера.

– Мы сидели рядом, а после пар вместе шли до дома. Она жила в той же стороне, что и я. Я видела, что нравлюсь ей, но она ничего не говорила. Видно, думала, что у нас впереди ещё куча времени. – Привычная хрипотца в голосе баньши будто обозначилась чётче. – Она

умерла в тот самый день, который я увидела. Пожар в квартире, которую она снимала на пару с другой студенткой. Замкнуло проводку. Хоронили в родном городе. Я туда, естественно, не поехала. – Всё же донеся сигарету до губ, она медленно затянулась – и так же медленно выдохнула, словно надеясь размеренным дыханием успокоить дрожащие пальцы. – Я думала, что не буду страдать из-за той, кого толком не знала, – и я ошиблась. Если б это к чему-то привело, наверное, я бы всё-таки предупредила её... и тоже умерла. Да только знала, что это бесполезно. Латоя права – с пути, который уготовила тебе Великая Госпожа, невозможно сойти. Если ты узнал день, в который умрёшь, значит, тебе суждено было его узнать. – Роксэйн наконец посмотрела на меня: пристальным, тоскливым взглядом. – Я не знаю, как тебе удалось этого избежать. Я была бы рада видеть, что вы с Питером проживёте годы, но ты должна быть уже мертва, а он может умереть в любой момент. Всё, что есть у вас обоих, – сегодняшний день. – Опустив руку с сигаретой на колено, баньши откинулась на спинку дивана, глядя на меня из-под полуприкрытых век. – Поверь, Лайз: все доводы вроде «мы знаем друг друга всего несколько дней», или «нам не до того», или «этому всё равно скоро придёт конец»... всё это выглядит абсолютной ерундой, когда ты понимаешь, что в другой раз вы свидитесь только в следующей жизни.

* * *

– А, миледи осчастливила визитом своего рыцаря, хлопчущего над котелком с похлёбкой, – констатировал Питер, когда я вошла в кухню. – Если хочешь помочь, помой тарелки – они вон в том шкафчике.

На светлой кухне с резными деревянными дверцами и лепниной на потолке пахло базиликом и розмарином; куча тканевых чехлов валялась под подоконником рядом с холодильником. На раскалённом красном круге электрической конфорки пыхла кастрюля с картошкой.

– Выглядит аппетитно, – заметила я, сглотнув невольные слюнки, когда Питер открыл дверцу духовки, за чистым стеклом которой виднелась утятница с подрумянивающейся курицей.

– На вкус ещё аппетитнее. – Он щедро полил курицу оливковым маслом. – Бабушкин рецепт.

Видеть Питера в толстых варежках-прихватках было непривычно. Он выглядел капельку смешно – и очень уютно: ничего общего с тем Питером, который держал в руках опасную бритву.

– Впервые в жизни вижу парня, который умеет стряпать. – Открыв посудный шкафчик, я вынула стопку широких стеклянных тарелок. Из меня самой, надо сказать, кухарка тоже была посредственная, – но об этом я говорить не стала, не желая нарываться на очередные психологические выводы о своей плачевной самооценке. – Эш не в счёт, он у меня единственный в своём роде.

– Я старый холостяк, мне положено. Не будешь же постоянно питаться полуфабрикатами. – Убрав курицу обратно в духовку, Питер стянул варежки, чтобы кинуть их на гранитную столешницу. – Ты что, правда собралась вызывать тёмного бога?

Я крутанула вентиль рядом с медным краном, и в раковину хлынула горячая вода.

...в долгую ночь Самайна, когда бог Донн выезжал из потустороннего мира, тем, чья совесть нечиста, лучше было не выходить из домов: узрев их, Донн велел бы Охоте порвать их на части. Впрочем, в Самайн даже вполне добропорядочные люди предпочитали не гулять по улицам – мало ли что. Они оставались дома, смотрели ужастики и рассказывали друг другу страшилки – чтобы Повелитель Кошмаров, питавшийся страхами людей и фейри, собрал свой урожай. Поделившись с ним ужасом в эту ночь, избежишь страхов и тревог в будущем году, а не поделишься – всё равно своё возьмёт, весь год до следующего Самайна изводя тебя беспочвенными страхами и жуткими снами.

В детстве я не понимала, почему Донна, Повелителя Тьмы и Кошмаров, почитают наравне с другими богами. С богом света Лугом, покровителем искусств и ремёсел. С добрым богом Дагда, хозяином котла изобилия. С великой богиней Дану, матерью всех богов, прародительницей высших фейри, богиней плодородия и смерти – и той, кого баньши называли Великой Госпожой. Не понимала я и того, почему в канун ночи, когда тёмный бог скачет по Харлеру во главе Дикой Охоты, люди надевают маски и выходят на улицы – гадать, раздавать детям конфеты, пускать фейерверки и жечь костры на

городских площадях. Разве это праздник, ночь Повелителя Тьмы? Ночь, когда никто не должен спать, чтобы не увидеть кошмаров; ночь, когда тёмный бог собирает свою страшную дань?..

Понимание пришло позже. Понимание того, что у страха множество масок, и безумное веселье накануне самой страшной ночи в году – одна из них. Смеясь, танцуя и умиляясь детям, которые пытаются их напугать, люди просто скрывают от самих себя ещё один страх: страх перед страхом. Так некоторые безудержно болтают перед кабинетом зубного врача или отпускают шутки перед казнью. Карнавал в день Самайна – изящная насмешка, оттеняющая мрачность последующей ночи, а страх – столь же неотъемлемая часть нашей жизни, как свет, искусства или ремёсла. Он помогал сохранить... чувство реальности.

Кем были бы люди без страха смерти, потери, боли? Сколь наплевательски относились бы к тому, чего не боятся потерять; сколь быстро гибли, бесстрашно шагая навстречу опасностям?

Сколько до сих пор забывают о том, что они не вечны, – и не успевают сделать или сказать чего-то очень важного?..

– Сам по себе ритуал не слишком сложен, – отстранённо произнесла я. – Инструкцию легко найти в специализированных книгах, которые давно выложили в Сеть. Правда, нужные компоненты отыскать не так просто, да и подходящих чисел в году всего восемь: ночи великих праздников. Бэльтайн, Имболк^[25], Лугнасад... В эти ночи грань между миром нашим и миром потусторонним истончается, и призыв смертного Повелителя Кошмаров услышит только в них. Как и любой другой бог, в принципе.

Если б я могла, я спросила бы саму Великую Госпожу, чем так перед ней провинилась. Но призвать её было невозможно – она являлась к людям исключительно сама и по доброй воле. Да и фоморы, что ни говори, всё же оставались в юрисдикции Донна.

– Ты только недавно на ногах еле стояла.

– Даже будь я здорова, всего моего резерва и всех моих жизненных сил не хватило бы на призыв бога. Ни у кого не хватило бы. Понадобится внешний источник энергии. Придётся раскошелиться на пару драгоценных камней. – Я меланхолично сунула одну из тарелок под прозрачную струю: губки и жидкости для мытья не нашлось, но тарелки чистые, хватит и просто сполоснуть. – Донн не к

каждому является, но я читала свидетельства магов, видевших его своими глазами. Правда, Донн недолюбливает клятвопреступников, ленивцев и просто порочных людей, но я вроде в этот список не вхожу.

– Да, полагаю, невинные девы нечасто преподносили ему себя на блюдечке, – сказал Питер невыразительно. – Лайз, я читал о тех, кто осмелился вызвать Повелителя Кошмаров. Немало из этих призывателей умирало от разрыва сердца. От страха.

Я аккуратно положила вторую тарелку поверх первой.

– С чего ты вообще взяла, что Повелитель Кошмаров тебе поможет?

– Если у меня хватит сил вызвать его и заплатить достойную цену, он будет обязан.

– Какую цену?

– Единственную, которую он принимает от обитателей нашего мира. То, от чего умирают неудачливые призыватели. Страх. – Закончив с четвёртой тарелкой, я стряхнула с рук водяные капли. – Донн заставляет людей столкнуться с собственными страхами. Ужасами, которые он овеществляет из их подсознания. Полагаю, мне придётся пережить некое неприятное видение, но вряд ли оно серьёзно мне навредит.

– Да ну? – Меня бесцеремонно схватили за плечи и развернули к себе, чтобы посмотреть сверху вниз суженными зрачками. – А у неудачливых призывателей, стало быть, просто нервишки шалили больше, чем у других?

...нет, тёмный бог не был злым богом. Даже праздник свой, Самайн, Донн выбрал не случайно. В эту ночь грань между мирами была тоньше всего – из всех ночей великих праздников. Если б люди бродили в эту ночь по улицам, не боясь Дикой Охоты, кто знает, что было бы тогда? Скольких из нас пожрали бы фоморы, призраки и прочие твари с иной стороны реальности, не будь у них повелителя?..

Донн не причинит зла невинным и беззащитным.

Главное – почаще повторять это самой себе.

– Питер, всё будет в порядке. Я знаю, что делаю.

– Нет. Ты просто считаешь, что у тебя нет выбора.

– Даже если так, это не отменяет того, что я знаю, что делаю.

Какое-то время Питер ещё держал меня, и я не знала, что больше кружит мне голову: не до конца излеченное истощение, волнение при

мыслях о грядущем призыве – или осознание, что моих щёк касается его дыхание, вырывающееся из гневно приоткрытых губ.

Затем он всё-таки разжал руки, позволив мне опереться на столешницу.

– Я буду с тобой, – коротко сказал Питер, отворачиваясь к плите.

– Нет. С богами всегда говорят один на один.

– Тогда я буду неподалёку. Настолько неподалёку, насколько это возможно. – Вновь надев рукавицы, Питер снял крышку с кастрюльки. – Годится?

Я кивнула без раздумий: мне и самой хотелось того же.

– Значит, завтра будем искать твои компоненты. – Проткнув ножом картошку, убедившись, что она сварилась, Питер вернул крышку на кастрюлю – и, открыв тумбочку рядом с плитой, протянул мне сотейник. – А пока помой ещё вот эту штучку.

* * *

Когда пюре приготовилось, курица покрылась хрустящей корочкой, а я докричалась до Эша, соизволившего спуститься откуда-то со второго этажа, мы сели ужинать на той же кухне, рассевшись за длинным овальным столом с гнутыми ножками.

– Питер, мне нужна твоя кулинарная книга, – пробормотала Рок, отправив в рот первую вилку. – Это самое вкусное пюре, что я ела в жизни.

Я не стала поддакивать. Лишь бесцеремонно оторвала пальцами ещё кусочек куриной ножки, решив, что молчаливая демонстрация здорового аппетита – лучший комплимент повару.

Впрочем, ужин и правда заслуживал самых хвалебных эпитетов. Нежное, со сладким сливочным привкусом пюре напоминало крем; пряная шкурка курицы замечательно оттеняла сочное мясо, таявшее во рту.

– Весь секрет в хорошей картошке. И в расталкивании, – откликнулся Питер, назидательно вскинув вилку к потолку. – Нужно мять картошку, пока не останется ни единого комочка. Потом добавить кусочек сливочного масла, молоко и сырое яйцо. Мешать лучше блендером или миксером.

– Сырое яйцо? – скептически уточнил Эш. – То есть ты, старик, ещё и сальмонеллёзом нас решил заразить?

– Яйцо придаёт нужную консистенцию, вкусовой оттенок и золотистый цвет. А нужную термическую обработку обеспечивают горячая картошка и молоко. Не волнуйся, бабушка всю жизнь так готовила.

– Придётся поверить на слово, – буркнул Эш, тем не менее исправно опустошая тарелку.

Расправившись со своей порцией, я выпила последнюю дозу лекарства. Откинувшись на спинку стула, промокнула губы бумажной салфеткой, наблюдая, как Питер хлопчет над заварочным чайником.

Здесь, на светлой кухне, в окружении запахов домашней стряпни, легко было поверить, что мы действительно в безопасности. Знать бы ещё, что сид тоже цел и невредим. То, что на стоянке перед мотелем не было тела, ничего не значило: высшие фейри бессмертны, и если их убивали в Харлере, тела их просто исчезали, чтобы невредимыми ожить на Эмайне.

Но эта его прозрачность, эти слова о том, что у него не осталось времени...

– Я заглянул в чудесную пекарню за углом, так что к чаю будут шоколадные кексы, а на завтрак – черничный пирог. Традиция Лугнасада, как-никак, – сказал Питер, возвращаясь к столу и выставляя на него бутылку рома. – И мы так и не отметили знакомство, так что я намерен пожертвовать часть моих спиртных запасов, чтобы это исправить.

– Не буду вешать на тебя спаивание малолетнего, – сказал Эш, поднимаясь из-за стола. – И так уже слишком по многим статьям придётся перед судом отвечать, если тебя сцапают.

– Если ты собрался спать, как порядочный малыш, твоя комната – первая по коридору, как поднимешься на второй этаж.

Брат, не ответив, молча вышел из кухни, и я не стала его останавливать. В конце концов, последний час я ощущала себя слишком трезвой и отказываться от выпивки в кои-то веки не собиралась.

– Лайз, ты прежде пила что-нибудь покрепче вина? – споласкивая стаканы, спросил проницательный Питер.

– Ликёр, – честно признала я, с ним не собираюсь стыдиться своей неопытности – и не только в алкоголе. – Пару раз.

– Не считается. – Он достал из холодильника пачку персикового сока. – Тогда ром будет разбавленным. Тебе хватит.

Я не стала возражать. Слишком устала ерепениться, отвергая его заботу. Молча приняла стакан, где Питер смешал ром и сок в одному ему ведомых пропорциях, и чокнулась с соседями по столу, огласив кухню разномастным звоном.

На вкус напиток ожидаемо оказался сладким, персиковым, с едва заметной ромовой терпкостью.

– При других обстоятельствах можно было бы ещё поголосить грустные романтические песни про расставание с летом, – сказала Рок, снова выпившая всё залпом. – Раз уж завтра Лугнасад.

– Не вижу причин, по которым эти обстоятельства не подходят, – ответил Питер, поднимаясь со стула. Мы с Рок провожали его недоумёнными взглядами, и лишь когда минутой позже он вернулся с чёрным гитарным чехлом, поняли, к чему он клонит. – Моя осталась в Мулене, но мамину я держу здесь, – доставая инструмент из тканевой клетки, пояснил он. Щипнул пальцем одну струну, пробуя звук на вкус; поморщившись, принялся подкручивать колки, возвращая залежавшемуся инструменту строй. – Ожидаемо расстроена, но это поправимо. – Кончики его пальцев тронули железные нити, наконец отозвавшиеся нежной россыпью звуков, и движения его ладони обратились чистыми прозрачными нотами. – *Лето пришло и ушло, ведь век невинности недолог...* [26]

Человечки на зеркале, подумала я, пока пальцы Питера наполняли маленькую кухню гитарными переборами, а бархатный голос распускал в сердце ласковое тепло. По рукам и ногам моим расплзалась тёплая хмельная слабость: приятная, в отличие от изнурения, делавшего мои конечности ватными в последние дни. *Человечки на зеркале – вот мы кто. В дымке уюта и беззаботности, которая уже завтра развеется без следа. Если не раньше.*

Но пока она есть, кто мы такие, чтобы от неё отказываться?

Пока он пел, я слушала молча; лишь Рок, набравшаяся куда больше меня, вскоре начала тихонько подпевать. Я молчала и тогда, когда песни про прощание с летом сменил мой любимый Стинг – и Питер, глядя на моё лицо, запел «Mad about you» [27]

с проникновенными страстными нотками, которых не было в его голосе раньше.

Сегодня, пока мы всего лишь человечки на зеркале, я могу не отводить взгляд. Не пугаться того, что будит во мне этот голос, и мятные глаза напротив, и пальцы, танцующие на струнах так нежно, словно под ними живая кожа.

– Тихо искрится небесная синь, залиты лунным сияньем равнины. Где-то в тени поднебесных вершин дышат покоем ночные долины. Тая зеркально в сапфирах озёр, лунная нить сплетена над водою; ждёт тебя светлый зазвёздный простор – только меня не зови за собою...

Начало следующей песни – уже не Стинга – за собственными мыслями я почти пропустила. Мелодия всколыхнула воспоминания: смутные, трепетные. Будто напоминала о том, чего никогда не случилось, но что обязательно должно было случиться.

Я знала эту песню. Её любила петь мама – и я, пока меня раз и навсегда не отучили петь.

Певучие слова сорвались с моих раскрывшихся губ почти помимо воли, слив наши с Питером голоса в унисон.

– Стань лунным ветром, стань светом в ночи: там, среди звёзд, что смеются так звонко, там, где плетёт ломкой тропкой лучи месяца, скользя посеребрянной лодкой. Он на руках тебя будет качать, тихо баюкая звёздным прибоем, и, улыбаясь, о чём-то молчать – только меня не зови за собою...

Наверное, это всё ром. Из-за него я впервые за годы могла просто петь, зажмурившись, забыв обо всём, кроме чужой гитары и чужого голоса, вторящего моему. Петь так жадно, так свободно, как, должно быть, поёт птица, которую годами держали в клетке, а потом она вдруг обнаруживает дверцу открытой – и взмывает в небо, чтобы там разом выпеть всё, скопившееся внутри за годы молчания.

– Мне не забыть о печальной земле, места мне нет на небесных просторах. Я разучился полётам во сне, я потерялся в иных небосклонах. Нет, не зови, не зови за собой; и, уходя по дороге зазвёздной, стань моей самой далёкой мечтой, самой короткой и сладостной грёзой...

...то, что финальные такты я допевала в одиночестве, я осознала, лишь когда последние звуки истаяли в воздухе.

Когда я открыла глаза, Питер медленно отнимал руку от струн – глядя на меня так, будто впервые увидел. Рок сидела, замерев, забыв выпустить из уголка губ коктейльную трубочку.

– Простите. – Я хрипло рассмеялась, вцепившись в свой стакан, словно в соломинку, способную спасти от мучительного стыда. – Знаю, что ужасно. Не стоило мне пить.

Открыв рот, Рок позволила трубочке перекатиться на другую сторону стакана.

– Ты это сейчас серьёзно? – уточнила баньши.

– Мне не нужны ложные комплименты, Рок. Я прекрасно знаю, что певица из меня...

– Знаешь, а я до сих пор гадала, что же тебе передалось от отца-тилвита. Раз уж внешне ты от него ничего не переняла. – Та явно не желала слушать моё жалкое извиняющееся бормотание. – Теперь поняла. Голос, вот что. Чарующий голос фейри.

– Хорош издеваться.

– Никто не издевается, Лайз. У тебя потрясающий голос. Простому смертному никогда так не спеть, – произнёс Питер – так мягко, так искренне, что не поверить этой искренности было невозможно. – И, помня о том, почему ты решила, что петь ты не умеешь... Я не знаю, зачем твоя мать тебе лгала, но очень хотел бы узнать.

– По какой-то причине желала отбить у Лайзы охоту показывать свой талант, – раздались позади слова Эша – видимо, привлечённого моей песней, которой он не слышал несколько лет. – Я тоже не знаю, зачем ей это понадобилось. Но это единственное объяснение, которое я смог найти.

Оглянувшись на брата, я почти дёрнулась. Тот стоял у входа в кухню, прислонившись плечом к косяку; за худенькой мальчишеской спиной видны были открытая гостиная и полумрак, царивший в покинутой нами комнате. Пустой.

Всё же пустой.

...ладно. В конце концов, будь сид и правда здесь, он бы наверняка разразился очередной лекцией на тему «почему мы ещё не в Фарге». И отблеск знакомых лунных одежд в полумраке гостиной мне просто почудился.

Разошлись мы совсем скоро: после разговора о маме беседа перестала клеиться, а песни – петься. Всё ещё пытаюсь понять, с чего родной матери нужно было мне лгать (очень хотелось верить, что лгали как раз все остальные, но отвергать тройные заверения в обратном было сложно), я побрела в выделенную мне уютную мансардную спальню на втором этаже.

– И «Божественная комедия» тут, естественно, – сказала я, изучая книжный шкаф с собранием бумажных томов, пока Питер снимал чехлы с кровати, комода и письменного стола: гостеприимный хозяин вызвался помочь мне привести спальню в жилой вид. Судя по обстановке, именно здесь когда-то была спальня самого Питера; во всяком случае, на стене висели поблекшие плакаты киберспортивных команд и неизвестных мне регбистов, а не пыльные блюдечки с котятками, как в комнате, куда положили Эша. – А у нас дома почти не было бумажных книг, если не считать маминых учебников. Мама не придавала им значения.

– В моей жизни было не так много настоящего. Пользовался любой возможностью привнести как можно больше. – Питер вытащил из комода чистый комплект постельного белья, заботливо переложенный лавандовыми саше. – Поможешь заправить?

– Забавно, – покорно взяв в руки наволочку, произнесла я, осознав и правда забавный факт. – Я за все последние дни так и не взяла в руки графон. И совсем не страдаю.

– Даже по соцсетям?

– Я и раньше могла в них днями не заходить. Когда чувствовала, что слишком в них увязаю, заставляла себя изолироваться на несколько дней. Вдали от них ум сразу такой чистый. Мне вообще иногда кажется, что лучше мне было родиться где-нибудь не в этом веке... Хотя бы во времена наших мам, а то и раньше. Вот без зелени вокруг, без природы я не могу, а без соцсетей – спокойно. – Я рассеянно впихнула подушку в серый хлопковый чехол с геометрическим узором. – Взять, к примеру, то озеро, где мы ночевали... Теперь я жалею, что не выбиралась на него, пока мы жили в Динэ, или что рядом с Мойлейцом нет такого же места, потому что наверняка оно стало бы моим любимым.

– Видимо, кровь сидов зовёт тебя подальше от людей. – Тщательно подтыкая простыню под матрас, Питер исподлобья

взглянул на меня. – Почему ты так волнуешься об этом сиде?

Вопрос застал меня врасплох. Хотя бы потому, что сама я не задумывалась об этом волнении, – и лишь когда Питер указал на него, ощутила, что оно действительно тонкой иглой ноет где-то в сердце.

– Я чувствую. Твоё беспокойство за него, – буднично пояснил он. – Вы едва знакомы, но ты печёшься о нём так, словно он тебе друг.

– Ревнуешь?

– Просто пытаюсь понять.

Почему-то я знала: он не врёт. Ему и правда интересно – как психологу, столкнувшемуся с любопытным феноменом, может быть.

– Того, что я и мама обязаны ему жизнью, недостаточно?

– Благодарность спасителю – другой уровень привязанности. Тут нечто более глубинное.

– Сама не знаю. – Я кинула подушку на заправленную узкую кровать, чувствуя, что начинаю раздражаться. – Ты же у нас психолог. Ты мне и объясни.

– Подумаю на досуге. – Выпрямившись, Питер сунул руку в задний карман джинсов и протянул мне круглую металлическую коробочку: в таких обычно продавали кремы. – Забыл сказать. Я заходил в лекарскую лавку и купил тебе это. А то эта тварь на парковке так тебя швырнула... Ты наверняка синяки набила.

Всё моё раздражение как рукой сняло – и, благодарно приняв подношение, я открутила холодную крышечку.

– Да. Набила. – Поддев мазь кончиком пальца, я растёрла её на коже – лекарство пахло магнолией. Текстура лёгкая, водянистая, хорошо впитывается... скорее даже не мазь, а бальзам. Питер и тут угадал: жирные кремы я отчаянно не любила. – Затылок болит.

– Позволишь помочь?

– Помочь?..

– Натирать собственный затылок не особо удобно, – заметил Питер, зажигая пыльный ночник над кроватью.

Поразмыслив, я забралась на постель с ногами и, стянув резинку с волос, повернулась к Питеру спиной. Деликатные пальцы коснулись головы, раздвигая длинные пряди, – и осторожное прикосновение к коже заставило меня зашипеть от боли.

– Ссадина у тебя тут приличная. – Изучив мой бедный затылок, Питер отобрал у меня коробочку с бальзамом. – Ничего, меня

заверили, что за ночь всё пройдёт. Только голову с утра придётся вымыть.

– Мытьё головы – не самая страшная процедура, – сказала я, блаженно жмурясь, пока он нежными движениями втирал ароматную мазь в кожу, умеряя боль приятным холодком. – Полагаю, тащить моё окровавленное тело к лекарю было страшнее.

Питер тихо посмеялся, скользя пальцами сквозь мои волосы, – и я погнала прочь внезапную шальную мысль, что была бы даже не против, если б его руки касались меня так без медицинской необходимости.

...это всё ром. Больше в жизни эту гадость в рот не возьму.

– Как по-твоему, каждый заслуживает счастья? Есть порог, за которым для человека уже всё потеряно? Или каждый заслужил шанс на искупление?

Внезапные вопросы заставили меня открыть глаза:

– С чего вдруг?..

– Я пока учился, много размышлял по этому поводу. Почитаешь учебники по криминологии, невольно задумаешься. Наверное, поэтому наш вчерашний разговор не выходит из головы... про историю, что ты хотела бы почитать. Если отрешиться от сказки, я верю в хеппи-энд для красавицы, но возможен ли он для чудовища? В конце концов, в «Призраке оперы» всё было так, как ты сказала. Но чудовище, даже полюбив свою красавицу настолько, чтобы отпустить её, осталось чудовищем. И красавица ушла от него, оставив его умирать от разбитого сердца.

– Просто нужна правильная красавица. И желательно, чтобы за стенами замка чудовища её не ждал посторонний принц, прекрасный душой и телом. – Я вспомнила историю своей прабабки. Про леди Ребекку Форбиден, заплатившую страшную цену, пытаюсь спасти друга от проклятия оборотничества, говорили всякое, но я понимала её. И вовсе не потому, что во мне текла её кровь. – Если бы я знала, что от меня зависит чья-то жизнь, что тот, кто любит меня, без меня умрёт... Думаю, я не простила бы себя, если бы я могла спасти кого-то и не спасла. Отвернулась от того, кто нуждался в помощи. Я бы скорее свою жизнь отдала, чем собственными руками загубила чужую.

– Самопожертвование у леди рода Форбиден в крови, – без труда угадав мои мысли, сказал Питер. – Умереть за кого-то не так сложно,

Лайз. Сложнее ради кого-то жить. Особенно ради того, кого придётся постоянно удерживать за руку, чтобы он снова не упал. Только в сказках чудовища раз – и превращаются в принцев. А в жизни... Люди меняются, но не настолько, чтобы после такого в них не осталось ничего чудовищного.

– Не уверена, что у меня хватило бы сил. Но я попыталась бы.

– Значит, если есть один крошечный шанс, что погрязшего во тьме можно вытянуть к свету, ты бы им воспользовалась?

– Да.

– Несмотря на то, что это самопожертвование похлеще того, чтобы собой закрыть кого-то от пули? Потому что смерть от пули настигает быстро, а с чудовищем придётся жить годами?

– Самопожертвование переоценивают. Жертвуют собой обычно те, у кого есть совесть, ведь иначе она съест тебя живьём, и ты всё равно будешь мучиться, только по-другому. Вот и выходит, что ты просто эгоистично выбираешь те мучения, жить с которыми тебе легче. А если от тебя требуется умереть, то вообще избавляешься от всех мучений, – легко ответила я. – Самопожертвование – не более чем изнанка эгоизма. Например, будь я настоящей альтруисткой, я позволила бы тебе сдаться страже вместо того, чтобы и дальше рисковать жизнью, оставаясь рядом со мной.

Последнее сорвалось с губ раньше, чем я успела сообразить, что этому стоило остаться невысказанным. Но было уже поздно.

Пальцы Питера, легко кружившие по моему затылку, замерли на месте.

– И почему не позволила?

Слова прозвучали почти вкрадчиво. Заставив меня снова прикрыть глаза, – словно в темноте я могла спрятаться от всего, что так неожиданно привнёс в мою жизнь Питер Джекевэй.

...он всегда был с тобой честен, Лайза. Пришла пора тебе ответить тем же.

– Потому что, как ты уже мог понять, я эгоистка. Мне оказалось легче пойти на самопожертвование и оказаться при смерти, чем расстаться с тобой.

Это прозвучало почти обыденно. Куда более обыденно, чем рисовалось в моём воображении.

В вязкой настороженной тишине я ощутила, как его рука отстраняется от моей кожи. Потом – как она, спустившись ниже, ощупывает моё плечо, отозвавшееся неожиданной болью.

Ещё секунду спустя – как она стягивает с этого плеча свободный рукав футболки.

– Синяк. Ожидаемо, – сказал он спокойно, когда я оцепенела, не зная, что думать и как реагировать. – Ты этим плечом в мобиль врезалась.

– Питер...

– Тише, миледи. Ваш рыцарь должен подлатать ваши раны, прежде чем вы ринетесь в бой с очередным драконом.

У него почти получилось скрыть насмешку, – и я не шевелилась, пока он стягивал с моего плеча кружевную бретельку, прятывшуюся под футболкой. Не шевелилась, пока его пальцы убирали в сторону мои волосы и лёгкими скользящими движениями втирали бальзам в плечо, ближе к лопатке. Хотя, пожалуй, давно уже стоило отобрать у него мазь и отправить восвояси.

А стоило?..

– Вот и всё. – Питер склонился к моему обнажённому плечу, так, что горячий шёпот коснулся кожи: – До свадьбы заживёт.

Он мог бы дотронуться губами, но коснулся одним лишь шёпотом. И это завораживало, путало мысли, сводило с ума больше, чем самая откровенная ласка.

...это всё ром. Поэтому мне так жарко. Поэтому я дрожу, хотя в комнате совсем не холодно. Поэтому я поворачиваюсь к нему – почти помимо воли. Казалось, кто-то просто потянул меня за ниточку, и вдруг его глаза оказываются так близко, что, кажется, я вот-вот упаду в тёмную бездну его зрачков.

– Ты сказал вчера, что *почти* составил мой профайл. – Когда я заговариваю, я почти не узнаю свой голос, настолько искажает его нежданная, непрошенная хрипотца. – Почему почти?

Питер улыбается, и я понимаю: он знает, что прячется за этой хрипотцой, куда лучше меня.

– Ты говоришь, я вижу тебя насквозь, но ты – как шкатулка с секретом. Или Мона Лиза. – Слова звучат спокойно, и лишь в мятных глазах я вижу то, что заставляет сердце почти колотиться о рёбра. – Есть в тебе нечто особенное. Ускользящее. Кажется, только

нащупаешь – но ты уже повернула голову, и взгляд падает по-другому, и разгадки снова не видно. Ты яркая, но мерцаешь, как потерянный светлячок. Как будто сама не понимаешь, кто ты на самом деле. Как будто твою истинную суть кто-то прикрыл плёнкой.

– А ты, конечно, хотел бы эту плёнку снять.

– Не в том смысле, на который твой сарказм так усердно намекает. Но когда ты пела, ты сияла так, как должна сиять. И когда сражалась. И когда говорила, что призовёшь бога. Ты сияешь так каждый раз, когда забываешь о том, что ты – послушная мамина девочка, которую убедили в том, что она не умеет петь. И в том, что она слишком слаба, чтобы постоять за себя. И в том, что она должна бежать от каждого, кого привлекает её свет, потому что иначе она разделит печальную судьбу женщины, на которую она, скорее всего, очень похожа, но которой она не является. – Кончики его пальцев скользят по моей щеке, прослеживая линию скул. Рука, пьянящая магнолиевой сладостью, спускается к приоткрытым губам, будто ждёт, что они поймут его палец; потом к шее, неторопливо двигаясь по коже к месту, где бьётся пульс. – Я рад, что вижу, как ты становишься собой... как вспоминаешь, что рождена летать.

Магнолия... прекрасный белоснежный яд, сладкая благоухающая смерть...

Когда мы встречаемся губами, я даже не понимаю, кто из нас не выдержал, первым подавшись вперёд.

Его поцелуй требовательный и нежный, он кружит голову и сжигает все точки опоры; он заставил бы меня упасть, не держи меня Питер так крепко. От его близости горит кожа и темнеет в глазах, и мои руки почти невольно обвивают его шею, притягивая ближе, ещё...

Звук резко распахнутой двери заставил меня дёрнуться и, повернув голову, увидеть на пороге Эша: воплощение правосудия, явившееся даровать грешнику и развратнику Питеру Джекевэю долгую и мучительную смерть в очищающем огне.

– Малыш, – мягко произнёс Питер, отпустив меня, позволив отпрянуть к стене, – тебя стучаться не учили?

– Учили. – Спокойствие в голосе Эша пугало куда больше, чем если бы он кричал, – и я никак не могла отделаться от мысли, что нас с Питером только что застукали на месте особо тяжкого преступления. – Старик, нужно поговорить. С глазу на глаз. Не возражаешь?

Прежде чем неторопливо встать, Питер коротко поцеловал мой висок, шепнув в волосы: «Спокойной ночи».

Какое-то время я смотрела на закрывшуюся за ними дверь.

Затем, не выдержав, на цыпочках подкралась к ней, чтобы тихо-тихо выскользнуть в коридор.

Приглушённые голоса доносились из комнаты, отведённой Эшу. Чтобы различать слова, мне пришлось прикинуть ухом к прохладному дереву дверного косяка. Если б мне можно было активировать печать без риска быть обнаруженной стражей, мне не нужно было бы унижаться до банального подслушивания под дверь; но пропустить этот разговор я не могла.

– ...не пойми неправильно, я не то чтобы совсем против. – В отповеди брата звенели хрусталинки льда. – Но если ты заставишь мою сестру страдать, я тебя из-под земли достану.

– Если однажды соберёшься меня убить, малыш, постарайся управиться до совершеннолетия, чтобы не сидеть в тюрьме со взрослыми. Нисколько не сомневаюсь, что ты способен не оставить улик, но и на старуху бывает проруха. – Тон Питера колот ироничным холодком. – С чего ты взял, что я хочу причинить Лайзе боль?

– Просто знаю породу таких, как ты. Обычно вас интересует не качество той юбки, под которую вы намереваетесь залезть, а их количество.

– Секс переоценивают. По крайней мере, тот, где вас связывает только общая постель, – слова Питера окрасила печаль. – Честно говоря, когда-то так оно и было. Давно. До Лайзы я почти не встречал людей, которые способны противиться моему дару. Но когда самые вкусные пирожные сами падают тебе в руки, рано или поздно тебя начинает от них тошнить.

– Не потому ли ты так прилип к Лайзе? Потому что она не поддалась твоим чарам?

– Потому. Но не из спортивного интереса, малыш. – В паузе послышался скрежет дерева по дереву, будто кто-то передвинул стул. – Тебе повезло, что ты не знаешь, каково это – быть одному. Совсем. Чувствовать, что даже старые друзья любят магию в тебе, а не тебя самого, что уж говорить о девушках. Я просто хочу чего-то... настоящего. Любой человек имеет на это право.

Ответное молчание Эша вынудило меня затаить дыхание, чувствуя, как щекочет ноздри запах старого дерева.

– Знаешь, когда мы встретились, у меня от тебя зубы сводило, – наконец изрёк брат. – Я думал, ты обычный смазливый красавчик, самолюбивый и сладкий, только в довесок искатель приключений на задницу. Видимо,дох со скуки за прилавком в своём провинциальном городишке, вот и решил обольстить красивую девчонку и заодно поразвлечься. Что не помешает тебе бросить нас, как только ты поймёшь, в какой серьёзный переплёт ввязался.

– Спасибо за честность. – Издевательски дружелюбный кивок Питера я представила так ясно, как если бы увидела его своими глазами. – А теперь не думаешь?

– Нет. Ты же нас не бросил. И хотя ты порядочный пижон и чудесно прикидываешься женским идеалом, за всем этим есть что-то большее. Ты не настолько хорош, каким хочешь казаться, но... ты убил ради Лайзы. Без раздумий. Потом жалел, но в тот миг не колебался. Не знаю никого, у кого хватило бы на это духу. – Эш помолчал. – Я даже не знаю, хватило бы духу у меня самого.

– О, у тебя хватило бы, – заверил Питер с тихим смешком. – Поверь.

– У неё никого не было. Никогда. Я предпочёл бы, чтобы так оно и оставалось. Но, возможно, лучше ей первый раз переспать с тобой, чем с каким-нибудь неуклюжим студиозусом, который до того практиковался разве что с собственной ладошкой и не знает, как натянуть резинку, чтобы она не слетела в самый неподходящий момент.

На сей раз ответный смех был громким: не смех даже, а хохот, звонкими раскатами отдававшийся от стен.

– Малыш, тебе точно двенадцать?

– Старик, сейчас и обычные школьники в двенадцать могут строить из себя плейбоев. Слава Сети и порнхабу.

– Самое смешное, что ты единственный двенадцатилетний пацан на свете, который мог открывать порнхаб разве что в образовательных целях.

– Предупреждён – значит вооружён.

Когда Питер, наконец отсмеявшись, заговорил вновь, тон его был пугающе, смертельно серьёзным:

– Не волнуйтесь, лорд Форбиден. Я не тороплюсь спать с теми, кого действительно люблю.

Ощувив на себе чей-то взгляд, я отодвинулась от двери – плавно и аккуратно, чтобы не скрипнули половицы. Повернувшись, увидела Рок: баньши зависла на верхней ступеньке лестницы и, когда я её заметила, качнула головой с лукавым осуждением.

– Серьёзный разговор? – шёпотом спросила она.

Я не ответила. Только улыбнулась неловко и непривычно застенчиво, прежде чем скользнуть обратно в комнату, где меня ждали застеленная кровать и несколько часов наверняка беспокойного сна.

...завтра утром дымка беззаботности, что подарила мне этот вечер, украденный у злой судьбы, неизбежно растает. А если не утром, то ночью, едва я начерчу первую линию трикетра, в котором ко мне должен явиться Донн.

Но пока впервые за очень долгое время я чувствовала себя восхитительно глупо, восхитительно девчачьи – и просто восхитительно.

* * *

Как выяснилось поутру, накануне я ошиблась сразу в двух вещах. В том, что сон мой будет беспокойный – возможно, то была заслуга магического истощения и лекарства от него, но спала я как убитая, – и в том, что восход солнца сотрёт сладкую дымку настоящего, где можно думать и делать глупости.

Пробудилась я от поцелуя Питера. Лёгкого, почти невесомого прикосновения губ к губам, но подействовало оно не хуже чудодейственных поцелуев сказочных принцев.

– Доброе утро. – Когда я открыла глаза, не понимая, что происходит, Питер погладил меня по растрёпанным волосам. – Пора вставать, миледи.

Я сонно окинула взглядом его и полутёмную комнату: Питер не стал раскрывать шторы, чтобы не слепить меня ярким солнцем, пробивавшимся даже сквозь них.

– Почему просыпаться всегда так тяжело, зато спать легко? – пробормотала я, преодолевая желание зарыться лицом в подушку ещё

на пару часов. – А заснуть и не проснуться никогда – вообще легче лёгкого, и не требует никаких усилий с твоей стороны. Значит ли это, что естественное состояние человека – это небытие?

– Это значит, что наше бытие – с начала и до конца борьба и преодоление. – Питер со смехом коснулся ладонью моей щеки. – Узнаю тебя: ещё не проснулась, а уже философствуешь. Поднимайся, час дня, да и чай остынет.

...воспоминания о вчерашнем наконец выплыли из памяти, притупленной сонной чернотой – и, в отличие от разговора в мотеле, не вызвали ни смущения, ни эмоционального похмелья.

– А как же завтрак в постель?

– Когда останемся в этом доме вдвоём – в первый же день. Но пока, боюсь, твой брат не оценит всей красоты этого жеста, так что придётся тебе спуститься на кухню.

Он вёл себя так тепло и естественно, без малейшей робости или неудобства, будто мы встречались уже не первый год. Но странным было не это – а то, что мною владело схожее чувство.

И то, что на деле это не казалось мне таким уж странным.

– Кстати, о брате. Как прошёл вчерашний серьёзный разговор?

– Что-то мне подсказывает, что ты и так знаешь, – заметил Питер, внимательно посмотрев на меня сверху вниз. – Иначе ты бы волновалась, а я вижу только... совсем другие чувства, скажем коротко.

– Вот и связывайся после этого с эмпатами, – буркнула я, зачем-то снова скрывая улыбку, скрывать которую от него было всё равно бесполезно. – Сейчас спущусь.

Чай всё же успел остыть, пока я плескалась в душе, смывая с волос остатки бальзама и уверяясь, что оба синяка исчезли без следа. Впрочем, мне налили свежего, горячего, и я осталась не в обиде. Чай сопровождали тосты с джемом и, как положено в Лугнасад, черничный пирог: ягоды традиционно собирали в последнее воскресенье июля, и то был прощальный урожай лета и первый – будущей осени.

Когда я заговорила о поездке за компонентами для ритуала, Эш молча выложил на стол ключи от мобиля:

– Я убрал проверку отпечатка пальца. Езжайте.

– А ты?

– Вы и без меня справитесь.

– Я тоже пас, – добавила Рок, щедро доливая сливки в кофе. Если баньши и продолжала сокрушаться о своей никчёмности, сейчас эти мысли явно удручали её куда меньше, чем вчера. – Смогу спокойно по городу прогуляться. Праздник как-никак.

По её хитроумному взгляду я поняла: Рок знает, что своднические услуги мне больше не требуются. И оставалось лишь догадываться, каких титанических усилий ей стоило уговорить Эша, чтобы он подарил нам с Питером этот день.

Возможно, единственный.

* * *

День Лугнасада выдался чудесным: солнечным, слегка ветреным, тёплым, но не жарким. В воздухе звенел гомон музыки и разговоров – отзвуки праздника, – и мне было в кои-то веки жаль, что пришлось снова прятаться от весёлой толпы в мобиль. Вернее, прятать нас от неё.

За руль сел Питер и уверенно повёз меня сквозь лабиринт улочек, украшенных пёстрыми флагами, бумажными гирляндами и пучками хлебных колосьев. Я тем временем искала в Сети нужную книгу, отобрав у Питера графон; когда-то я уже интересовалась призывом богов и ритуал приблизительно помнила, но список всех необходимых ингредиентов, конечно, назвать не могла.

– Ого, – присвистнула я, наконец обнаружив на каком-то сайте отсканированные страницы старого талмуда. – Хорошо, что в деньгах мы почти не ограничены.

– Всё так плохо?

– Насколько я знаю, десять грамм толчёного рога единорога стоят около ста гинэ. А мне нужно будет пятьдесят, и это только один ингредиент из пятнадцати. О драгоценных камнях уже не говорю.

– Это бог как-никак. Логично, что его вызов обходится дорого – во всех смыслах.

– Главное, чтобы все эти штучки нашлись в местных магазинах. Город не самый крупный, и наверняка ассортимент в лавках...

– Просто нужно места знать, – весело откликнулся Питер. – Не беспокойтесь, миледи. Уж в своём родном городе то, что вам

требуется, я достану.

Первой посетили лавочку почти у самой набережной. В магазин Питер пошёл с моим кошельком и графоном, на который я скачала картинку со списком компонентов; сквозь широкое стекло двери я видела, как мой самопровозглашённый рыцарь сговаривается с продавцом – седовласым темнокожим брауни, достававшим Питеру едва ли до пояса (впрочем, держались брауни всегда с таким апломбом, будто смотрели на рослых собеседников не снизу вверх, а с высоты тронного возвышения). В толпе, струившейся мимо мобиля, то тут, то там бросались в глаза браслеты из черники: в Лугнасад молодые люди издавна повязывали на запястье приглянувшейся девушки нитку с нанизанными на неё ягодами, признаваясь тем самым в любви. Из окна мобиля я видела и морскую синеву под дымчатым небом, и просторную площадь, окружённую белым парпетом, и огромный костёр на этой площади, пока не запалённый, но уже приготовленный для вечернего веселья. Неподалёку от костра сидели музыканты – в салон мобиля едва проникали звуки скрипок, флейт и волынок, но я всё равно узнала любимых Blackmore's Night.

– Здесь девять компонентов, включая рог единорога по цене восемьдесят гинэ за десять грамм. – Вернувшись в мобиль, Питер протянул мне бумажный пакет. – За что всегда уважал брауни – даже с моими чарами больше тридцатипроцентной скидки у них не выбьешь.

Я перебрала крохотные пластиковые коробочки с порошками и травами, соседствовавшие с небольшой медной пиалой, щедро украшенной рунной резьбой.

– Что не смог купить?

– Лазуритовую пыль, цветы амаранта, листья окопника, вербену и серебряную краску. И камни, конечно. – Питер провернул ключ, и Французик отозвался тихим жужжанием заведённого мотора. – Помимо ингредиентов что-нибудь нужно?

– Безлюдный перекрёсток, где ночью гарантированно не появятся посторонние. Желательно, чтобы рядом росла таволга.

– Нетривиальная задача. – В мятных глазах искрами загорелся азарт. – Однако желание миледи – закон.

Когда в бумажном пакете наконец набрались все компоненты, включая два крупных рубина, а мой кошелек значительно полегчал,

Питер повёз меня по просёлочной дороге, уводившей прочь от моря – туда, где урбанистический пейзаж сменили зелёные луга.

– С одной стороны, злуюсь на себя за то, что подтолкнул тебя к риску, – задумчиво проговорил Питер, притормозив перед отарой овец, перегородившей путь, и терпеливо сигнала ленивым животным, – а с другой – рад, что наш разговор на озере тебе помог.

– Помог втравить всех нас в охоту за маньяком и сподвигнуть меня на свидание с тёмным богом?

– Помог тебе расправить крылья. Действовать, как ты считаешь нужным, а не так, как тебе сказали. Реализовать свой потенциал, как он того заслуживает. – Дождавшись, пока овцы нехотя расступятся, Питер осторожно двинул Французика в освободившийся проход. – В конце концов, ты уже из двух стычек со стражей вышла победительницей. Да ещё помогла нам удрать у них из-под носа.

– Не преувеличивай мои скромные дарования, – покачала головой я. – Стражники могли связать нас магическими оковами, которые отрезают возможность телепортироваться, и тогда мы бы точно никуда не делись. Просто эти оковы отжирают кучу сил, и они решили не тратить эти силы понапрасну. Не думали, что я знаю заклятие, которое проходят только в университете.

– Всё равно для меня ты самая крутая магичка из всех, что я видел.

– А ты многих видел?

Его глаза задорно блеснули:

– В кино – конечно.

Я фыркнула. Но возражать не стала.

Мы больше часа скитались по пригородным лугам и холмам, пока не нашли то, что нужно: пустынный крестообразный перекрёсток недалеко от леса. Даже таволга присутствовала – дикий цветок, служивший отличным катализатором для вызова существ из потустороннего мира. Он давно отцвёл, но всё ещё зеленел широкими листьями, чем-то походящими на кленовые.

– Ближайший посёлок в пятнадцати километрах. Поблизости разве что овчарни. Не думаю, что в праздничную ночь сюда кого-то понесёт, – сказал Питер, когда мы вышли из мобиля. – Пойдёт?

– Идеально. Сколько сюда ехать от твоего дома?

– Теперь, когда я знаю дорогу – около часа.

– Значит, в десять нужно будет тронуться. – Я огляделась: впереди зеленел лес, позади расстилались золотые поля, желтевшие маленькими солнышками цветков девясила. Вокруг было так тихо, что мне казалось, будто я различаю шелест дубов и грабов, шепчущихся вдалеке. – Теперь домой?

– Тебе нужно время на подготовку?

– Не особо. Основная подготовка пройдёт уже здесь, непосредственно перед ритуалом.

– Тогда зачем возвращаться так быстро? – Питер взял меня за руку, и запястье отяжелел посторонний предмет. – Сегодня Лугнасад как-никак, и мне очень не хочется лишать тебя праздника. Ты заслуживаешь его как никто.

Когда я опустила взгляд, мою руку украшал черничный браслет. Стекланные ягоды, потрясающе реалистичные, и ювелирной работы листочки из рыжей меди.

– А традиции нарушать нехорошо, – после долгой паузы заметила я. – Ему положено быть из свежих ягод.

– Традиции, конечно, стоит уважать, но я подумал, что лучше подарить тебе нечто более долговечное.

Взяв моё лицо в ладони, Питер склонил голову, погладил губами мои губы – и, отдаваясь сладкому эфемерному миражу, имя которому «мы», я понимала: всё это кажется одновременно сном, мимолётным видением – и чем-то настолько настоящим и правильным, что мне почему-то хотелось плакать.

– Ты же знаешь, – выдохнула я, когда мне милостиво позволили говорить, – мы не можем подвергать опасности...

– Мы и не будем. Обещаю. – Питер потянул меня обратно к мобиллю. – Ты мне веришь?

Конечно, я верила. Я, всю жизнь боявшаяся верить кому-либо, верила ему – безоговорочно.

И мне не требовалось отвечать или кивать: он и так это знал.

К моменту, как мы вернулись в город, небо заливало закатное золото. Спустившись по центральной улице почти к самой набережной, Французик свернул в один из переулков и остановился, упершись в высокий кованый забор.

– Где это мы? – спросила я, пока мы парковались.

– Старая смотровая башня. Сейчас её не используют – превратилась в местную достопримечательность, не более, – сказал Питер, прежде чем покинуть мобиль. – Подожди здесь. Я за местами на первый ряд балкона.

Не понимая, куда он клонит, я посмотрела на восьмигранную башню золотистого камня: она высилась за забором и тянула к небу высокий шпиль, словно единственное уцелевшее крыло старого замка, когда-то выстроенного на этом месте.

Питер тем временем подошёл к чугунным воротам с узором из затейливых завитушек. Помахал рукой охраннику, при его приближении вынырнувшему из будки рядом со входом, и, прикинув к самым прутьям, перебросился с ним несколькими словами.

Чуть позже охранник уже отпирал калитку и, вручив Питеру связку ключей, с безмятежным видом спешил по направлению к набережной.

– Что ты с ним сделал? – подозрительно осведомилась я, когда Питер отворил пассажирскую дверцу и галантно подал мне руку.

– Внушил непреодолимую усталость от работы, оно же желание плюнуть на всё и немного отдохнуть. И заодно, конечно, доверие к себе. Подарил человеку час перерыва. Сказал, чтобы шёл и веселился, а сюда возвращался к половине десятого. – Дождавшись, пока я выйду, Питер щёлкнул кнопкой сигнализации, закрывая мобиль. – Вообще башня открыта для посещений, но не в праздники Колеса.

Я смотрела, как он запирает калитку, прежде чем повести меня к двери башни.

– Ты же можешь внушить любую эмоцию, верно? – спросила я, пока мы, взявшись за руки, переплетя пальцы, поднимались по почти бесконечной винтовой лестнице. Довольно пошарпанной, надо сказать – внутри башня впечатляла не так, как снаружи, хотя стены с облупившейся известкой неплохо гармонировали с исцарапанными каменными ступенями.

– Любую, которая хорошо известна мне самому, – подтвердил Питер.

– Просто подумала, что ты мог бы внушать людям, предположим, страх. Но вместо этого всякий раз, сколько я видела твой дар в действии, внушаешь им симпатию.

– Ласка лучше палки. Любовь сильнее страха. Подумай сама, ты знаешь больше историй о том, как люди преодолевали свои страхи во имя любви, или о том, как они из трусости бросали любимых умирать? О людях, которые не умели плавать, но кидались в воду и спасали тонущего ребёнка, или о тех, кто топтался на берегу, слушая его крики?

– Может, дело просто в том, что люди не слишком любят грустные истории. Таких и в жизни хватает.

– Людям хочется верить в сказки. И в любовь. Но поверь мне, Лайз, – сказал Питер почти печально. – Я знаю силу тех или иных эмоций лучше кого бы то ни было. Любовь стократ сильнее ужаса.

– И страшнее, ведь она – многоликое чудовище?

– Потому и сильнее. При столкновении этих двух чудовищ ужас сбежит, поджав хвост.

Мы наконец вышли на смотровую площадку, огороженную чугунным кованым парапетом. Морской ветер бросил волосы мне в лицо – и я поняла, почему Питер говорил о первом ряде балкона: площадь с костром, на которую я заглядывалась днём, теперь расстилалась прямо под нашими ногами. Справа коралловое солнце медленно погружалось в пастельное море; передо мной пестрели кубики домов, остроконечные крыши храмов, сверкающие цепочки фонарей, тянувшихся через весь город. Отсюда Ахорк казался картинкой из книги сказок, произведением кукольных дел мастера, залитым лучами сливового заката.

Почти перегнувшись через парапет, я смотрела, как далеко внизу люди танцуют вокруг запалённого костра, тянущего к облакам пламенные языки в два человеческих роста. Шелест сиреневого моря не был слышен за музыкой, взмывавшей к нам вместе с солёной прохладой свежего ветра.

– Твой любимый Марк Шейдон. – Питер, отступив на шаг, с поклоном подал мне руку. – Миледи, вы подарите мне танец?

...странное, пугающее ощущение дежавю прошило меня с головы до пят, пробрало мгновенной дрожью, хотя было совсем не холодно.

– Что? – сказал Питер, вмиг посуровев.

– Нет. Ничего. – Поняв, что ощущение испарилось так же быстро и внезапно, как появилось, я вложила ладонь в его пальцы. Черничный

браслет тихонько звякнул при движении, когда Питер привлёк меня к себе. – Просто... как будто это уже было однажды. В прошлой жизни.

– Может, так оно и есть, – согласился Питер, и настороженность ушла из его глаз. – Может, мы уже встречались прежде, за гранью смертной памяти, и так же танцевали вдаль от всего мира, только вдвоём.

– Для полноты картины мне сейчас разве что платья какой-нибудь диснеевской принцессы не хватает.

– Думаю, тебе пошёл бы жёлтый.

– Нет уж, прости, я не хотела бы менять волынки и скрипки на поющий чайник.

Питер рассмеялся, тихо и нежно. В этом смехе я прочла, что я могу ёрничать сколько угодно, но он знает, что происходящее мне нравится – и ему хорошо уже от самого факта, что впервые в жизни леди Элайзе Форбиден безоговорочно нравится романтическая ерунда с ней в главной роли.

– Простите вашего бедного сентиментального рыцаря, миледи. Обстановка располагает.

Я слушала, как далёкая музыка поёт в ритме медленного вальса, чувствуя, как ветер ласкает разгорячённую кожу; одна рука Питера сжимает мои пальцы, другая лежит на талии. Мы скользим над площадью, людьми, городом, миром, и я запрокидываю голову, глядя в небо. Оно прямо над нашими головами – огромное, недостижимое, сотканное из воздуха и облаков, синевы и закатной пастели; а я всё ещё человек на зеркале, до смешного мимолётный под этим вечным небом, ловящий крохотные мгновения счастья, как птица – хлебные крошки. И этот танец над пропастью – вся наша жизнь: балансирование между счастьем и несчастьем, кружение в поисках того, для чего ты рождён и чего тебе отчаянно не хватает, пускай ты сам порой не понимаешь этого. Сколько бы ни было в ней странного, сложного, уродливого иногда, жизнь остаётся прекрасной, неизведанной, бездонной, как небо, в которое я смотрю. Только в отличие от него ещё и хрупкой, как цветное стекло, – и тем более ценной.

...права Рок. Стоит появиться хотя бы на секунду, только чтобы увидеть всё это. Почувствовать. Моменты, подобные этим, уже сто'ят всего.

Даже если сегодня у меня ничего не выйдет, за свои семнадцать лет я получила и увидела больше многих. Может, больше, чем я заслужила. Прекрасную семью. Это небо. Питера.

– Лайз, не вздумай сегодня умереть, слышишь?

Я почти не удивляюсь тому, что он прочёл мои мысли – даже прежде, чем я успела толком их осознать.

– Вот ещё. Если вздумал избавиться от меня так быстро, не выйдет.

Питер останавливается. Разорвав переплетение наших пальцев, кладёт ладонь мне на щеку, заставляя вновь обратить взгляд на его лицо.

– Я хочу, чтобы сегодня ты получила ответы на свои вопросы. Хочу найти твоего контрактора. Хочу поехать с тобой в Мойлейц. Хочу, чтобы ты была в безопасности. – В его мятных глазах плещутся закатные отблески. – Я хочу, чтобы мы засыпали вместе, хочу приносить тебе завтраки в постель, хочу больше всего на свете, но... – Питер зарывается носом мне в чёлку, щекоча кожу своим дыханием, – меня не оставляет ощущение, что где-то за гранью реальности тикают часы, отмеряющие наши общие дни.

Мне вдруг снова становится холодно.

– У меня хватит сил, чтобы справиться с ритуалом. Как только узнаем имя контрактора, мы очень скоро его отыщем, и ты убедишь его разорвать договор. – Я говорю так уверенно, словно эта уверенность может изгнать из-под кожи испуганный озноб. – Я уже избежала смерти, которую мне предназначали, а потом ещё штук пять смертей, и собираюсь избегать их дальше. Советую тебе делать то же.

Питер, улыбаясь, проводит рукой по моему лицу, касается кромки губ – а потом впивается пальцами в мой затылок и целует так, что я не могу оторваться, не могу думать, не могу дышать. Мы падаем на колени, потом – навзничь, прямо на холодный камень, но мне плевать на неудобство. Он окольцовывает пальцами мои запястья и склоняется сверху, и целует в лоб, в зажмуренные веки, в щеки и уши; потом вновь находит мои губы и льнёт к ним своими, собственническими, настойчивыми, заставляющими жадничать и почти кусаться...

Нет никаких часов. И предопределённости, что бы там ни твердили баньши. Я доказала это один раз и буду доказывать столько, сколько потребуется.

Нет ни часов, ни судьбы. Есть только то, что мы делаем сами – и то, чего мы сами хотим.

* * *

Без пяти полночь я стояла на перекрёстке над готовым ритуальным трикветром.

Домой мы с Питером вернулись без нескольких минут десять и, быстро поужинав, вместе с Рок и Эшем выдвинулись к выбранному месту призыва. Дорога прошла под указания Питера, подсказывавшего Эшу путь до нужного перекрёстка, и невинные расспросы Рок о том, как мы провели день.

Мои сдержанные ответы руливший брат слушал молча, но порой мне чудилось, будто слух улавливает скрежет детских зубов.

По прибытии я с ходу выскочила из мобилы: поля вокруг было так тихи и темны, что огни города на горизонте казались северным сиянием. Хорошо, что фары Французика давали достаточно света, чтобы не пришлось призывать волшебный фонарик и тревожить стражу... раньше необходимого, во всяком случае. Я не сомневалась, что привлеку её внимание, как только начну читать заклятие призыва; но чтобы найти меня и добраться до Ахорка, служителям закона потребуется время – и лишнего я им давать не собиралась.

Надеюсь, Донн отзовётся достаточно быстро, чтобы мы с ребятами удрали отсюда, не дожидаясь прибытия тех, кто на сегодняшнем празднике точно будет лишним.

Достав из картонного пакета баллончик с серебряной краской, я принялась рисовать на ровной сухой земле огромный трикветр – эдакий трёхлистный цветок, пересечённый большим кругом. Круг служил ловушкой для призванного существа, не давая ему пересечь границу рисунка и вырваться на свободу; в сердцевине цветка предстояло встать мне, отделённой от Донна защитным барьером из «лепестков». Сложный символ отнимал немало времени – требовалось тщательно контролировать правильность, толщину и непрерывность линий, а затем ещё и испещрить трикветр паутиной затейливых рун. Я постоянно сверялась с рисунком в графоне Питера (отобрать графон у него снова оказалось проще, чем возиться и настраивать новенький

свой), надеясь, что не допущу ошибки: иначе всё закончится катастрофой – не только для меня.

Дорисовав трикветр, я вернулась к мобилу и, поставив медную пиалу на крышку багажника, принялась смешивать в ней порошки, травы и эфирные масла.

– А хорошо получилось, – прокомментировала Рок, внимательно наблюдавшая за моими действиями. – Будто не впервые рисуешь.

– Нет, я с фоморами не связываюсь, – усмехнулась я, добавляя в пиалу масло жасмина. – Просто на уроках ритуальные чертежи у меня всегда выходили неплохо.

– И ничего такого я не думала. – Баньши лукаво склонила голову набок. – Может, теперь, когда Эш не подслушивает, скажешь, как действительно день прошёл?

Я выразительно помолчала, засыпая в чашу толчёные вербеновые цветы.

...на уроках нам объясняли теорию уровней удара. Сложные заклятия имели огромный радиус поражения, но для проклятий попроще (вроде тех, которыми разбрасывалась я) немалое значение имело место, куда твоё заклятие или проклятие ударило противника. Верхний уровень – голова и шея: попасть сложно, но если попал, даже несложные проклятия наносят огромный урон. Средний уровень – туловище до талии: попасть проще, но и урона меньше. Нижний – всё, что ниже талии: там урона, соответственно, наносилось меньше всего.

Питер сегодня не спустился даже до среднего, – но в какой-то момент я поняла, что не знаю, хватит ли у меня сил и желания сопротивляться, если он задумает спуститься.

– Если ты о том, было ли у нас что-то, можешь успокоиться, – наконец изрекла я. – Или опять скажешь, будто ничего такого не думала?

– Но что-то ведь было? – спросила Рок, выразительно глядя на черничный браслет на моём запястье.

– Свидание.

– Хорошее свидание?

– Будет что вспомнить в потустороннем мире, если вдруг провалюсь, – сдержанно откликнулась я, помешивая содержимое пиалы деревянной ложечкой.

– Уж постарайся не провалиться. Будет как-то обидно столько времени бегать от стражи и порождений Дикой Охоты, а потом умереть, потому что ты тупо накосячила.

– Зато если я всё сделаю правильно, а потом просто умру от страха при виде Повелителя Кошмаров – согласишься, будет не так уж и обидно.

– А мне служить жилеткой для твоего брата и новообретённого парня? Нет уж, спасибо, не надо мне такого счастья.

Засмеялись мы вместе. Следом я бережно, стараясь не расплескать содержимое, взяла пиалу двумя руками. Аккуратно переступив через серебряные линии, поставила её в середину триветра – и, вернувшись к Рок, потянула баньши к Французику.

– Вам пора, – произнесла я, приблизившись к открытому окну. На переднем сиденье ждал Эш, на заднем застыл Питер, наблюдавший за мной через стекло. – Отъезжайте по этой дороге так далеко, чтобы вы перестали меня видеть. Там и стойте. Когда всё закончится, я пошлю сигнальный огонёк. И не медлите: как только я активирую печать, стража установит моё местонахождение. Мы должны уехать из Ахорка до того, как они придут сюда.

– Не хочу тебя бросать, – проговорил Питер хмуро.

– Вы не бросаете меня, а прикрываете.

Рок коротко обняла меня. Ничего не сказав, села вперёд, рядом с Эшем – тот тоскливо всматривался в моё лицо, обернувшись через плечо. Питер же, поймав мою руку, легонько поцеловал внутреннюю сторону запястья, там, где оно переходило в ладонь:

– Помни мои сегодняшние слова, ладно?

Я силой растянула губы в улыбке, надеясь, что она вышла достаточно ободряющей. Отвернулась и направилась обратно к перекрёстку, слыша, как жужжит Французик за моей спиной.

Встав в центре триветра, я следила, как оранжевые огоньки задних фонарей мобили медленно удаляются, теряясь во тьме. Оставшись в тишине и темноте, сверилась с графоном Питера: без пяти двенадцать.

Пока рано.

Я стояла, вслушиваясь в ночь, сжимая в правой руке – той, что с печатью – один из двух купленных рубинов. Второй, спрятанный в кармане, я приобрела на случай, если вдруг испорчу первый. Хотя до

этого доводить не стоит: неправильное обращение с камнями грозило не просто трещинами или осколками, но потерей руки – и это в лучшем случае.

Ритуалы вызова проводили в полночь по той же причине, по какой боги откликались лишь в ночи великих праздников. Пограничные дни, пограничное время, стиравшее грань между мирами. Дождавшись, пока до полуночи останется минута, я сунула графон в карман; направила указательный палец на пиалу у своих ног, шепнула «*спарк дортэн*», и от слетевшей с руки магической искры эфирные масла вспыхнули жёлтым пламенем.

Я вытянула руку с рубином, держа его перед собой так, чтобы огонь в пиале оказался под моими пальцами. Сжала ладонь, забывая о том, что в ней катализатор, необходимый для призыва существ из потустороннего мира, – такой же, как таволга, колыхавшаяся на ветру за моей спиной, такой же, как все травы, порошки и масла, которые я смешала в пиале.

Сейчас я держала в руке сгусток чистой энергии, упруго пульсировавший в моём кулаке.

Тепло магической печати согрело кожу от предплечья до запястья одновременно с тем, как серебристые линии трикветра под ногами вспыхнули мягким белым светом.

– *Ахорк эйену, льом хан ту, эн Диа Дарха, Тэрна Тромлиэ, Тиэрна эн Хант Вульдс...*

Слова заклятия слетали с языка, но в мыслях звучал перевод. «*Я взываю к тебе, Тёмный Бог, Повелитель Кошмаров, Властелин Дикой Охоты*»... Заклятие было длинным, длиннее, чем любое из тех, что я когда-либо произносила, – но я запомнила его. Принцип не отличался от всех других заклятий: сперва заучить формулировку на обычном харлеровском наречии, следом перевести её на язык Сущей Речи. Языка, на котором даже фейри с Эмайна не говорили, только боги, ведь каждое слово меняло ткань реальности. Другой студентке, окончившей второй курс колледжа, трудно было бы сотворить то заклятие, что творила я, – нужного словарного запаса просто не набралось бы, – но мама учила меня Сущей Речи, когда я ещё не закончила школу.

– *Бемэ хэннинт э хинью ле до грэста. Хейль мо гли, эгс, мата шэ э вэйр до холь, фрэгур эн глиэх!*

...«судьба моя будет определена милостью твоей. Внемли же моему зову, и, если будет на то твоя воля, ответь на призыв»...

Трикетр на земле уже сиял так, что слепил глаза, заставив меня зажмуриться. Рубин в ладони нагрелся так, словно огонь полыхал не под ним, а в нём.

– *Форси эн дэм эгус эир, тинэ эгус эшке, солас эгус дархадас конвэру...*

...«силами земли и воздуха, воды и огня, света и тьмы заклинаю»...

Свет серебряных линий пробивался даже сквозь закрытые веки. Пальцы жгло – вместе со всей рукой: линии печати раскалились до знакомого ощущения жидкого металла на коже.

Нет, не разжимать пальцы. Не разжимать. Как бы ни было горячо.

Ради мамы – и в память о Гвен.

– *...лахрию са хиркал шо, мар йел ар эн Диа мор Донн!*

Последние слова – «*явись в круге этом, о великий бог Донн*» – сопровождал оглушительный треск.

Когда в темноте перед закрытыми веками поплыли оранжевые пятна, я, почти непроизвольно разжав кулак, открыла глаза.

Линии трикетра гасли, вновь обращаясь серебряной краской. Огонь в пиале потух, оставив масло с чёрными обгорелыми частицами трав и цветов.

Передо мной были одни лишь тёмные поля. Обернувшись кругом, я поняла, что сзади – тоже.

– Донн?..

Я лихорадочно огляделась, пытаюсь понять, что сделала не так. Достав графон, ещё раз проверила начертание рун.

Всё было верно.

– Донн!

...нет, нет, не может быть! В чём я ошиблась?! Слишком затянула с читкой заклятия? Слишком поздно зажгла огонь? Или просто силёнок не хватило, чтобы открыть проход между мирами? Самонадеянная дурочка со второго курса колледжа, прошляпившая последний шанс спасти себя и других...

– Нет! – Я яростно пнула пиалу, расплескав масло по земле. – Почему ты не пришёл?!

Лугнасадская ночь, как и следовало ожидать, хранила молчание.

Злые обидные слёзы жгли глаза, когда я сделала шаг, покинув центр трикветра. Постояла какое-то время, надеясь, что этого от меня и ждали, что сейчас всё же вынырнут из темноты, или засмеются, или протянут когтистые руки... но ничего не произошло.

Прикусив губу – по ощущениям почти до крови, – я резко вскинула руку вверх: соткавшийся над головой волшебный огонёк взмыл в звёздное небо, чтобы медленно, подобно сигнальной ракете, опуститься обратно к моему плечу.

В последний раз оглядевшись, физически чувствуя во рту горький вкус поражения, я перешагнула границу трикветра и побрела навстречу свету знакомых фар.

– Почему так быстро? – спросил Эш, когда я села в мобиль.

– Ничего не вышло, – едва слышно выговорила я, откинувшись на спинку сиденья и потирая обожжённую руку. – Он... он не откликнулся.

Никто ничего не сказал. Эш молча порулил обратно к городу, Рок сочувственно взглянула с переднего сиденья, а Питер лишь обнял. Тепло, успокаивающе – но мне не стало ни тепло, ни спокойно.

Я упустила последнюю возможность остановить весь этот кошмар. Я подвела всех, кого ещё могла подвести. Я.

И никто другой.

* * *

– Фоморски хочется выпить, – сказал Питер, стоило нам войти в дом.

– Вот ты и пей, – кинув ему ключи, холодно бросил Эш. – Пойду развеюсь.

Я следила, как брат выходит наружу, к отзвукам и отблескам неугасающего праздника.

За всю дорогу всего один раз я поймала взгляд брата в зеркальце заднего вида. В синих глазах маленького тилвита стыло... осуждение? Разочарование? Я даже не знала, что страшнее.

Чем бы это ни было, Эш прав. Я не спасла нашу мать. Что бы мы теперь ни придумали – если вообще придумаем, – мама до этого момента уже не доживёт.

– Я за ним присмотрю, – негромко проговорила Рок, скользнув к двери следом за Эшем. – Заодно проветрюсь, подумаю, что нам дальше делать.

– Идём, – велел Питер, как только мы остались одни, и повёл меня к лестнице на второй этаж. – Тебе нужно поспать. Утро вечера мудренее.

Ноги я переставляла машинально, невидяще глядя в пол. И даже когда меня усадили на кровать в отведённой мне спальне, непрерывно прислушивалась к звенящей пустоте в голове, где лишь брнчали отравленными стекляшками обвинительные слова.

Ошиблась. Не сумела. Не спасла. Не...

Я почти пропустила момент, когда меня сгребли в охапку, затаскивая на кровать с ногами – и, прижав спиной к стене, впились ртом в мои губы так, что мне стало почти больно.

– Питер...

Ещё один поцелуй – затыкающий меня, заставляющий замолчать. В следующий миг он уже опрокидывает меня на спину; не отпуская мои губы, оказывается сверху, и когда я чувствую его ладонь под своей блузкой, то цепенею.

– Питер, – я отворачиваю голову, тщетно пытаюсь его оттолкнуть, – нет, я не хочу!

Он улыбается – и я вдруг понимаю, что смотрю в глаза незнакомца, всё это время прятавшегося под маской рыцаря.

– Зато я хочу, – говорит Питер Джекевэй голосом, который кажется мне чужим.

Меня резко разворачивают на живот, выворачивая руки, заламывая их за спину. Я пытаюсь брыкаться, но Питер сидит сверху: слишком тяжёлый, чтобы я могла его сбросить. Что-то обвивает мои запястья, царапая кожу, – откуда он взял верёвку?..

– Прекрати, – он грубо дёргает меня за волосы, вынуждая задрать голову, и перед глазами блестит сталь.

Я замираю ещё прежде, чем к горлу прижимается лезвие бритвы. И не чувствую ни отчаяния, ни обиды – лишь то, как кровь методично выстукивает в висках «не может быть». Дура, Лайза, какая же ты дура... поверила в красивую ложь, которую он тебе наплёл, прекрасно зная, что жизнь – не сказка...

– Питер...

– Если будешь хорошей девочкой, я уберу бритву, получу то, что мне нужно, и выставлю тебя из дома. Станешь сопротивляться – можешь случайно напороться горлышком на лезвие, и то будет не моя вина.

– Всё... всё, что ты делал... было ради...

– Твой сопливый братишка был прав. Насчёт того, что я умирал от скуки в своём захолустье. А ты оказалась идеальным пополнением коллекции «милые девочки, убеждённые, что только они не поддаются магии несчастного одинокого красавчика Питера Джекевэя». – От тошнотворной ухмылки в его голосе меня начинает мутить. – С тобой всё вышло куда веселее, чем с другими, но любые ощущения приедаются, даже самые острые. Хватит с меня салочек со стражей. И придётся тебе постараться, покупая то, через что мне пришлось пройти ради твоих сомнительных достоинств. Мне убрать бритву?

Я молчу, и лезвие царапает кожу:

– Да или нет?

– Да.

Я отвечаю чуть слышно, но он слышит.

Я выдыхаю, следя, как бритва медленно скользит перед моими глазами, поднимаясь вверх. Выжидаю ещё немного и, отчаянным рывком перевернувшись на спину, задираю колени, пиная его по ширинке... но промахиваюсь – и бью значительно ниже, чем собиралась.

Ответный удар – кулаком в живот – заставляет меня задохнуться острой, пронзающей болью. Следующий – по скуле – заволакивает слезами глаза и погружает комнату в тёмное марево.

– Ладно, не хочешь по-хорошему, будем по-плохому.

От боли я не вижу его лица, но прекрасно слышу голос: он кажется мне ещё более чужим, чем минуту назад. От боли я не могу двигаться, но прекрасно чувствую, как Питер расстёгивает мои джинсы и рывком стягивает их с бёдер, разрывая молнию. Он что, совсем спятил? Скоро вернутся Эш и Рок, они всё знают и всё поймут, и за мной по пятам идёт стража, и...

...и тут я вспоминаю трикветр, сияющий белым светом, и *понимаю*.

– Это кошмар, – выдыхаю я. – Это не по-настоящему! Видение, просто видение!

Боль и тяжесть мужского тела исчезают, стоит мне произнести последнее слово. Тут же оказывается, что я не лежу, а стою с закрытыми глазами.

Когда я открыла их, то всё ещё была на перекрёстке, в сердцевине триветра, линии которого светились неяркой ровной белизной. Рубин в опущенной руке давно остыл, вокруг клубились клочья тумана, льнувшие к тонкой высокой фигуре, застывшей передо мной. Длинные одежды незнакомца походили на мантию, сотканную из небесной черноты над моей головой; он шагнул ближе, прорезая туман, – и я наконец разглядела кожу цвета белого пепла, тонкие черты длинного лица, обсидиановый блеск волос, глаза, сиявшие янтарным огнём.

– Да, дитя. – Узкие бледные губы незнакомца исказила улыбка, беспощадная и острая, как клинок. – Это было лишь видение.

Опомнившись, я согнулась в торопливом поклоне – и запоздало выдохнула:

– Благодарю тебя, о великодушный Донн, Повелитель Тьмы.

Тёмный бог разглядывал меня так, как смотрит на редкую бабочку коллекционер, приготовивший булавку.

– Выпрямись, дитя. – Вокруг раскинулись зелёные поля, купавшиеся во тьме первой августовской ночи, но его голос звучал шелестом ветра в умирающей листве. – За что же ты благодаришь меня?

Я послушно подняла голову:

– За то, что соизволил откликнуться на мой призыв.

– Ты совершила ритуал по всем правилам в надлежащую ночь. Ты согласна была заплатить нужную цену. Отчего же мне не откликнуться?

Высокий, гибкий, как тростник, он был прекрасен острой, беспощадной красотой пожара, смерча, падающей звезды – зрелища, которым лучше любоваться издали. Он был похож на человека – и каждой чертой, движением, взглядом бесконечно непохож. Я не видела его ног, но готова была поклясться, что там, под длинными полами тёмного плаща, они не касаются земли, и вокруг него...

Я почти видела чёрное марево, преломляющее свет в сантиметре от его тела.

– Я боялась, что ты сочтёшь меня недостойной своего общества, о несравненный Повелитель Кошмаров.

Он издал короткий смешок: приятный, мелодичный – и пробиравший ужасом до костей.

– Дитя, обученное столь изысканным манерам – редкость в это время. Уже ради подобной диковинки стоило выбраться в услужливо распахнутую дверь из моего мира. Чего же ради ты пошла на подобный риск, леди Элайза Форбиден? Спрашивай то, что хотела спросить.

...он не был частью этого мира. Никогда не мог бы ею стать. Даже здешнему свету не суждено было его коснуться. И за то, что я его вижу, должно быть, мне стоило благодарить светила его мира, каким-то образом даже здесь озарявшие его лицо.

– О бесподобный Властитель Ночи Самайна, один из твоих подданных недавно заключил контракт с обитателем этого мира. Целью этого контракта было моё убийство. Быть может, и моей семьи. – Как бы тяжело это ни было, я старалась не отводить взгляд. – Я хотела бы узнать имя контрактора, если это возможно.

– Разве ты не желаешь расторжения сделки? Довольно одного моего слова, и мой... питомец навсегда оставит тебя в покое, а его временный господин не увидит нового рассвета. Кем бы он ни был.

Не проси у богов слишком много.

Правило номер один для всех, кто хочет вызвать бога и остаться в живых.

– Мне нужно только имя, о щедрейший Повелитель всех фоморов. Больше ничего.

В его широких зрачках таилась древняя тьма. Или две маленькие вселенные? Если присмотреться, можно даже заметить серебристые точки звёзд...

– Что ж, ты права. Один из моих фоморов охотится за вами, повинуюсь чужим приказам, – мягко молвил Донн. – Однако я не могу назвать тебе имя того, кто заключил сделку.

...никогда не возражай богу. И не спрашивай лишнего.

Правило номер два для всех, кто хочет вызвать бога и остаться в живых.

– Но я могу сказать тебе, кто он, – улыбнувшись, добавил Донн. Видимо, моё терпеливое молчание пришлось ему по нраву, но я не позволила себе даже выдохнуть с облегчением. – Ты ошиблась, дитя. Тот, кто хочет убить тебя, – не обитатель этого мира, а в скором

времени он и вовсе переместится в мир потусторонний. Потому ему и нужна ты, ведь он может спасти свою жизнь лишь за счёт крови своего первенца. С первого же дня твоих злоключений он был неподалёку, дёргая за ниточки, управляя каждым твоим действием... начиная с того момента, как спас тебя из-под колёс.

Никогда не подвергай слова бога сомнению. Правило номер три.

И даже если хочется кричать «не может быть!» – думай, прежде чем издать хотя бы звук.

– Прошу прощения, о удивительный Владыка Тьмы. Ты имеешь в виду, что тот, кто заключил контракт – мой отец? – всё-таки выдавила я. – Но мой отец – тилвит тег, а спас меня дин ши, и...

– Тем, чья прародительница сама пресветлая Дану, не составляет труда поменять обличье. – Донн сделал шаг в сторону, не сводя с моего лица глаз, в которых горел янтарный закат. – После знакомства с твоей матерью этот обитатель Эмайна увлёкся человеческой магией и практиковал её, даже вернувшись в свой мир. Однажды он поставил опасный эксперимент, который привёл его на грань гибели. Человек на его месте был бы уже мёртв, но высший фейри лишь обратился в подобие призрака. А чтобы вернуть себе телесное воплощение, он должен совершить сложный обряд, забирающий чужую жизнь. Твою жизнь. – Донн медленно обходил меня по кругу, вдоль линии сердцевины трикветра, вынуждая поворачивать голову и следить за его движениями. – Безликий фомор – гончий пёс, который загоняет тебя в нужное место. В Фарге. Туда, где ты была зачата, ибо лишь там ритуал возымеет полную силу. Твой отец принял облик, не вызывающий подозрений. Следом заручился твоим доверием, предприняв мнимую попытку спасти твою мать и не давая убить тебя твари, действовавшей по его же приказу. Но поскольку твоя мать могла разрушить его планы, от неё он избавился в первую очередь.

Я молчала, в этот миг молясь лишь об одном: чтобы не подвели подкашивающиеся колени, заставив повалиться в пыль у божественных ног.

– Потеряла дар речи, вижу, – насмешливо заметил Донн, сделав полный круг и замерев в исходной точке, рядом с пиалой у моих ног. – Это всё, что ты хотела узнать, дитя? Ибо время нашей беседы подходит к концу.

Ни одно слово не соглашалось выходить из внезапно пересохшего горла – и я дёрнула головой, изобразив кивок.

– Тогда прощай, леди Элайза Форбиден. Сейчас тебе всё равно станет не до меня.

Я не успела задуматься над его словами, а Донн уже исчез, как и ключья тумана. Зато появился звук чьих-то шаркающих шагов – с той стороны, где Эш припарковал мобиль.

Пытаясь разобраться в сумбуре, воцарившемся в голове, я оглянулась – и, вскрикнув, рванула прочь из трикветра:

– Питер?!

Он брёл ко мне по дороге, держась руками за бок. В отблесках негаснущих колдовских линий мне сперва показалось, что его руки испачканы в чём-то чёрном, но когда я подбежала ближе, то поняла: его ладони в крови.

Вцепившись в мои плечи, Питер осел на колени. Намокшая футболка, тут и там изрезанная тонкими косыми линиями, липла к его телу, отражая свет багряными бликами.

– Питер...

– Рок. Моя бритва, – выдохнул он. – Эш... помоги ему.

Ещё миг я смотрела, как он складывается пополам, баюкая рану на боку – страшно подумать, что скрывалось под его ладонями.

Резко развернувшись, по дороге, размеченной кровью Питера, побежала к Французику.

Задние фонари мобиля сияли вдали оранжевыми огнями; фары испускали в ночь длинные белые лучи, расплывавшиеся в темноте. Тварь материализовалась на моём пути, стоило мне подбежать ближе, – и, глядя на меня глазами, ужасающе чёрными на непривычно бесстрастном лице Рок, зеленоватыми пальцами прижала опасную бритву к горлу Эша.

...нет. Только не Рок. Только не Эш. Пусть даже это было почти неизбежно.

– Отпусти его! – Я лихорадочно скидываю руку с печатью, пока отчаяние и страх захлестывают меня тягучими чёрными волнами. Эш явно без сознания: губа разбита, лицо бледнее мела. Тварь в теле Роксэйн держит его за золотые кудри, задирая голову, обнажая тонкое горло. – Что тебе нужно?! Чего ты хочешь от меня?!

– Чтобы ты наконец перестала валять дурака. – Сид появляется рядом с тварью; знакомый голос режет насмешкой, как пощёчиной. – И отправилась туда, куда я безуспешно стараюсь затащить тебя уже который день. – Привычную безэмоциональную маску на его лице сменяет улыбка, омерзительная в своём очаровании. – Вот уж не думал, что ты рискнёшь вызвать бога. Но раз уж рискнула...

Он проводит рукой по лицу, точно снимая паутину, и серебро прямых волос сменяет золото коротких кудрей, а сирень радужек обращается синевой. Златокудрые шутники тилвит теги, Весёлый Народ...

– Я так радовался, что мать вырастила тебя послушным ребёнком. Идеальная дочь: сорвалась с места по первому её слову, отправилась в Фарге без лишних вопросов... а потом появилась эта треклятая баньши и всё испортила. – Сид небрежно кивает на Рок, сверлящую меня взглядом пустых чёрных глаз. – Видимо, мне пришлось бы раскрыть свой секрет, даже не решишь ты на вызов Донна. Ты уже неделю делаешь всё что угодно, только бы не ехать в этот треклятый Фарге, а времени у меня всё меньше и меньше.

Я смотрю на Эша, тряпичной куклой висящего в руках твари.

– Если тебе нужна моя жизнь, бери её. Только отпусти их, – мой голос звучит так тонко, что я сама с трудом его узнаю. – Отпусти Эша и Питера.

– Не так быстро, девочка. – Сид подходит ближе, и я почти вздрагиваю от осознания, насколько он похож на Эша. – К сожалению, мой фомор не может сам доставить тебя в Фарге. И я не могу. Мне нужен гарант, что ты безотлагательно поедешь туда, куда должно, а твой любимый братишка подойдёт на эту роль как нельзя лучше.

– Это твой сын! – я всё-таки срываюсь на крик. – Это твой сын, мразь!

– А ты – моя дочь. Без меня вас обоих не было бы на свете, и мне решать, оставаться вам на этом свете или нет. Так же, как я решил судьбу вашей матери. – Он наклоняется так, чтобы наши лица оказались на одном уровне, и улыбается мне даже сочувственно. – Она ведь уже пару дней как мертва, знаешь? Хотя, признаюсь, убивать её было немного жаль. Память о былом как-никак...

Мой указательный палец упирается в его подбородок почти помимо воли.

Заклятие обездвиживания действует на сида не хуже, чем профессиональный удар кулаком в челюсть, заставляя взмыться в воздух и рухнуть на землю поодаль. Не дожидаясь, пока он встанет, я прищуриваю один глаз и выпрямленным пальцем целюсь в руку твари, всё ещё прижимающую бритву к горлу Эша.

Моя ладонь не дрожит. Не имеет права дрожать.

– *Дархадас род гниоха!*

Чёрные сгустки энергии срываются с кончика ногтя, попадая твари точно в запястье, заставляя бритву выпасть из её оцепеневших пальцев. Оpozдав всего на пару секунд.

Тварь падает наземь, почти мне под ноги, и чернота уходит из её глаз. Они белеют, радужки раскрашиваются яркой лазурью, и неподвижный взгляд Рок устремляется в тёмное небо. Чуть поодаль Эш оседает на землю – лицом вниз.

Я смотрю на лужу крови, растекающуюся под его горлом.

Брат даже не хрипит. Я боюсь броситься к нему, боюсь приблизиться, боюсь перевернуть его и увидеть рану, которая стала для него смертельной... когда вдруг внезапная догадка заставляет меня вскинуть голову и закрыть глаза, а безжизненные тела Эша и Рок – скрыться в непроглядном мраке.

– Это...

Несколько секунд тишину рвут только удары моего сердца, казалось, колотившегося прямо в барабанные перепонки.

– ...это ведь тоже видение, Донн?

Перед закрытыми глазами вспыхнул свет.

Когда ресницы мои поднялись вверх, взору предстал знакомый перекрёсток и линии трицветра, сияющие белым огнём. И никакого тумана: лишь чёрная фигура, проявляющаяся из темноты прямо передо мной.

– Догадливое дитя. – Янтарные глаза Донна светились усмешкой. – Да, Элайза. И теперь ты заплатила мне сполна.

Я глубоко выдохнула, сдерживая многочисленные слова, рвущиеся с языка – все как одно не слишком-то приятные для божественного слуха. И никак не могла прийти в себя, поймать ощущение яви, которое обычно приходит после пробуждения ото сна.

Возможно, потому, что видения мои ничем не отличались от яви.

– Славные вышли кошмары, – Донн первым нарушил молчание.

Слава богам, что просто кошмары, подумала я с содроганием. В том числе тому богу, который стоит сейчас передо мной.

– Надеюсь... о великий Повелитель Тьмы.

Я искренне надеялась, что учтивость, о которой я вспомнила лишь после небольшой заминки, не выйдет мне боком. Но сейчас мне было не до куртуазности.

– Можешь не тратить время на лесть, – великодушно произнёс Донн, безошибочно угадав мои мысли. – Наша беседа в твоём последнем кошмаре убедила меня, что ты умеешь быть куртуазной, а ваше раболепие нужно нам куда меньше, чем вы полагаете. – Он подался вперёд, застыв так, что теперь нас разделяли всего один шаг и тонкая защитная линия. – Надо сказать, нечасто меня вызывают такие милые дети... с такими милыми мечтами.

Я смотрела на него расширенными глазами: Повелитель Дикой Охоты выглядел точно так же, как в недавнем видении, и отсутствие клубов тумана под ногами не делало его облик менее пугающим.

– Я думала, ты видишь наши страхи. Не мечты.

– Самые жуткие кошмары рождаются из самых сладких грёз. Я вижу всё, и только потому, что мне подвластно знать о вас больше, чем вы в силах представить, вы до сих пор живёте в гармонии со своим мирком. – Донн сделал шаг в сторону, обходя меня кругом, снова напоминая о последнем видении. По его лицу я видела, что беседа со мной его забавляет – и, наверное, поэтому сейчас я слышала куда больше того, что ожидала услышать. – Человек, в общем-то, гадкое существо. Норовит испортить всё, к чему прикасается. Чтобы этого не случилось, я держу вас в узде... страхом.

Я поворачивалась следом за ним, подозревая, что предоставить богу любоваться на мою спину будет не слишком-то вежливо. Где-то в подсознании тоненьким колокольчиком звенела мысль, что это тоже может оказаться кошмаром, заставляя чувствовать себя немного сумасшедшей; с другой стороны, с того сновидения про чёрную тварь и висельницу вся моя жизнь – сплошной кошмар...

– Благодаря мне вы не окружили себя дешёвым железом и не заставили фейри покинуть этот мир, подмяв его под себя. Благодаря мне используете энергию воды, ветра, солнца и магии, а не уродуете планету, безжалостно выкачивая её ресурсы. Благодаря мне не изобрели то, что способно обращать города в пепел, уничтожив

миллионы жизней и отравив саму землю на этом месте. – Донн неслышно ступал вдоль сияющей линии трикветра, не оставляя следов. Полы его одежд волочились по земле, но не поднимали и пылинки. – Ведь так просто вовремя послать умникам, мечтающим изобрести всё это, парочку кошмаров, которые навсегда отвратят их от своих гениальных идей... Впрочем, к делу. – Он замер, вынудив меня вытянуться по струнке. – Итак, леди Элайза Форбиден, ты считаешь, что на тебя охотится один из моих подданных. И хочешь узнать у меня имя того, кто заключил с ним контракт.

– Да, – только и смогла выдохнуть я.

Донн протянул ко мне ладонь – белее и тоньше, чем ладонь сида. Упершись пальцами в невидимую преграду – прозрачнее стекла, нерушимее алмаза, – качнул головой: без недовольства, без разочарования, скорее удовлетворённо.

– Тогда, должно быть, – опустив руку, негромко сказал он, – тебя очень огорчит то, что ты услышишь. Никакого контрактора нет. Потому что тварь, которая тебя преследует, не имеет ни малейшего отношения к Дикой Охоте.

...во время недавних видений я уже думала: «Этого не может быть». И на деле это означало, что я не могу в это поверить.

Но вот этого быть точно не могло.

– Она... *должна быть* твоим подданным. Вся нечисть подчиняется тебе.

– Да, это так. И я понимаю, почему ты сочла своего врага фомором. Однако, каким бы невероятным ни казался мой ответ, он правдив. – Донн отступил на шаг. – Забавно. Ты потратила столько времени и сил на погоню за несуществующим контрактором, потом – на бесполезный ритуал... Но эта тварь – не паршивая нечисть, не душонка человека или фейри, поступившая в моё распоряжение. Она – нечто большее. Она не остановится, пока не убьёт тебя, и не знай я, чем всё закончится, я бы лично ей в этом помог.

Я вдруг поняла, что улыбаюсь. Дурацкая привычка отшучиваться, когда стоит быть серьёзной, и улыбаться, когда на деле мне совсем не смешно...

– Это что, ещё один кошмар?

– Ты нарушаешь устоявшийся миропорядок. Глупо полагать, что человек, который должен быть мёртв, сможет безнаказанно

разгуливать по Харлеру. – Глаза Донна сверкнули медовой желтизной, но мёд этот был ядовитым. – Мне следовало бы самому оборвать твою дорогу, но мы решили не вмешиваться. В конце концов, всё это немало нас развлекает, а тебе уже предназначен другой, куда более остроумный финал. – Его смехок пробрал морозом до костей, и я предпочла не задумываться, кто стоит за этим «нас». – Могу сказать только, что за своих друзей можешь не бояться. Тварь овладевает лишь теми, кто не отмечен печатью иного мира. Баньши с рождения принадлежат предопределённости, а твой брат и возлюбленный... Скажем так, им определена важная роль не только в твоей истории, но и в истории Харлера, что дарует им защиту. К тому же в их жилах, как и в твоих, течёт кровь высших фейри, неподвластных смерти, а это – знак Эмайна. Он не защитит тех, кто связан с сидами дальним родством, или тех, кто унаследовал от них слишком мало, но в твоих спутниках сила иной крови достаточно сильна. Может, это послужит тебе утешением. Остальные ответы узнаешь от своего сида. – Донн отвернулся. – Нет, леди Элайза Форбиден, это – не кошмар, насланный мной. Однако конец твоим страхам близок.

– Подожди! Что...

Но я уже стояла в одиночестве посреди пустого перекрёстка, между медленно гаснущих линий трикетра. Источник потусторонней силы исчез, и надобность удерживать что-либо внутри барьера отпала.

Повелитель Кошмаров ушёл.

Я взглянула на дорогу, по которой недавно уезжал в ночь Французик, понимая, что снова ожидаю увидеть там окровавленного Питера. Сунув опустошённый рубин в карман – левый, чтобы не перепутать с полным энергии камнем, лежавшим в правом, – вскинула руку с печатью вверх, заставляя материализовавшийся магический фонарик взмыть в небо сигнальной ракетой.

Аудиенция вышла краткой. Впрочем, глупо было рассчитывать на большее – особенно какой-то девчонке, которая должна быть уже мертва. А вот на другой ответ я всё-таки рассчитывала.

Хотя глупо ожидать, что Донн станет повторяться. И мысль о том, что это ещё один кошмар, отметить пока рано.

...«остальные ответы узнаешь от своего сида»...

Я стояла в центре трикетра, пока Французик не подъехал к самому перекрёстку. Выждала, наверное, с минуту, ожидая какой-

нибудь пакости, и развела руки в стороны, лишь когда мне нетерпеливо посигналили. Серебряная краска, медная пиала с остатками масла, рунные рисунки – всё полыхнуло голубым пламенем и исчезло, смешавшись с дорожной пылью. Следов лучше не оставлять, а после второго года обучения устроить небольшой пожар на ровном месте может любой, самый ленивый студент.

Направляясь к мобиле, я думала только о том, как объясню всё ребятам, если даже мне не хотелось верить тому, что я узнала. И неясно, что было тому виной – может, подозрения, что это лишь продолжение череды видений, которыми я расплачиваюсь за призыв, – но я не чувствовала ни страха, ни отчаяния, ни огорчения. Ничего, кроме оцепелого равнодушия.

– Сколько я провозилась? – первым делом спросила я, когда мне открыли дверцу.

– С полчаса, – ответил Питер, пытливо вглядываясь в моё лицо. – Как всё прошло?

Я только успела подумать, что полчаса – роскошь, которую мы никак не могли себе позволить, как вокруг кольцом вспыхнул яркий белый свет. Когда к ослеплённым глазам вернулась способность видеть, я различила лазурные искры, танцующие в воздухе возле мобилы.

А вот и магические оковы, отрезавшие мне всякую возможность удрать. И о том, чтобы наш мобиль не двинулся с места, наверняка снова позаботились...

– Я горжусь тобой, Лайза. Ты вторая моя студентка, которая сумела телепортироваться, не успев перейти на третий курс, – голос я узнала ещё прежде, чем различила приближавшийся ко мне мужской силуэт. – Но на сей раз с нами Инквизиторы, и я предлагаю тебе и твоим друзьям пройти с нами по-хорошему. Тогда вам, быть может, не предъявят обвинения в сопротивлении страже за прошлый ваш фокус.

– Мастер Тинтрэ...

Сколько там служителей закона, застывших в полях вокруг перекрёстка, рядом с шарами белого света, мешавшими что-либо разглядеть? Пятеро, шестеро?.. И кто-то из них – Инквизиторы, специально натасканные на борьбу со строптивыми магами. То-то бы Гэбриэл Форбиден посмеялся... Сочли нас с Питером достаточной угрозой – впору быть польщёнными...

– Мастер, прошу вас, – я обречённо попятилась, упершись спиной в кузов Французика, – держитесь от меня подальше!

– Лайза, за нас не бойся. Мы защищены лучше, чем ты думаешь. Теперь и от эмпатов. – Мастер устало смотрел мне в глаза поверх очков; голубые искры плясали по его жилетке, скатывались с серебристых кудрей, прыгали по руке с печатью, сиявшей нежной зеленью. – Не знаю, зачем ты активировала печать, но выплеск энергии вышел очень яркий. Мы не желаем зла ни тебе, ни твоим друзьям. Мы хотим лишь изолировать тебя, пока с твоим врагом не будет покончено, и избежать новых случайных жертв. Прояви запоздалое благоразумие и доверься тем, кто лучше тебя знает...

Он замолчал в миг, когда я, не зная, что ещё могу сделать, чтобы обезопасить даже не себя – его, попыталась юркнуть в мобиль. Одновременно с тем, как свет вокруг внезапно погас.

В следующую секунду чужие пальцы сомкнулись на моём запястье и, рывком дёрнув обратно на улицу, вынудили почти рухнуть наземь. Защитный барьер я активировала машинально и, обернувшись, тут же приняла на него швырнутую в меня карту Таро, сверкнувшую золотом в полёте, разбившуюся о магический щит всплеском белого сияния.

Нет, глядя в глаза мастера Тинтрэ, зловещими провалами черневшие за очками, отчаянно поняла я. *Только не мастер. Нет. Нет.*

– Лайза, в мобиль! – рявкнул Эш.

Ещё одна отражённая карта, несущая мою смерть. Я не сразу поняла, что плясавшие во тьме голубые искры исчезли: способность колдовать одержимые явно утрачивали, и твари оставалось лишь пользоваться артефактами и оружием. Зато увидела фигуры стражников, материализовавшиеся из сумрака, переместившись из зарослей таволги ближе ко мне; услышала, как щёлкнула дверца Французика и завизжала Рок – видимо, кто-то из одержимых пытался пролезть в салон, отрезая мне возможность просто сбежать. Грянули выстрелы – и пока даже не по мне, а по обшивке мобиля. Тут же зашипели пробитые шины.

С нашей первой встречи мозгов у твари заметно прибавилось.

Подчиняясь единственному плану, который родился в моей голове, я спиной захлопнула пассажирскую дверцу, всё ещё гостеприимно приглашавшую меня спрятаться в мобиле. Сняв щит,

пригнулась, уклоняясь от третьей карты, – и, пригибаясь, выпалила, чтобы на последних словах раскинуть руки, посылая энергетические потоки во все стороны вокруг себя:

– *Дархадас неутрэле йед годэо!*

Волна чёрного сияния, благополучно обогнув мобиль и его пассажиров, защищённых металлической обшивкой, нашла тех, кому адресовалась – человеческие тела, – и раскидала одержимых в стороны, как котят, закинув в высокую придорожную траву. Меня тут же повело: после недавнего истощения не стоило раскидываться самыми сильными массовыми проклятиями из всех, что я могла осуществить. И, судя по тому, с какой скоростью эти твари поднимались прежде, даже оно едва ли давало мне больше минуты.

Я посмотрела на пробитые колёса Французика.

Разум оставался абсолютно ясным. Разум, подсказывавший, что в этот раз нам не дадут просто удрать. Тварь не остановить, пока функционируют тела, которыми она может управлять.

А стражники – и мастер – уже всё равно что мертвы.

– Лайза! – снова открывая дверцу, заорал Эш, когда я, не теряя времени, стала лихорадочно чертить ногой в пыли огромный круг, заключая в него мобиль. – Немедленно полезай...

– На пробитых шинах мы от них далеко не уедем. Догонят, – по возможности спокойно ответила я, замыкая кольцо. Встав в центре, пальцем вычертила под ногами завитушки трёх защитных рун. – Придётся сперва от них избавиться.

Этот барьер не защищал от чужих заклятий. Зато он защищал тех, кто находился в круге, от последствий заклятий, сотворённых ими самими.

И, как я уже говорила, после второго года обучения устроить небольшой пожар на ровном месте может даже самый ленивый студент.

Достав из правого кармана запасной рубин, я сжала его в кулаке. Закрыла глаза, во второй раз за вечер ощутив, как пульсирует под пальцами энергия прекрасно огранённого камня.

– *Дархадас, лан-кнаймхо эгус рухэн...*

Магические силы рубина текли сквозь мои пальцы – кристально чистой водой, хрустальным ключом, пробившимся из-под земли. Без камня я бы уже свалилась, обливаясь кровью: заклятие, которое я

читала, требовало огромного количества сил. Пускай устроить пожар на ровном месте несложно – заклятие и рунная формула, которую я выплетала пальцами левой руки, были довольно простыми, – выжечь всё в окрестностях тридцати футов куда сложнее, чем обратить пеплом небольшое количество серебряной краски и медную миску.

Последнее слово истаяло в воздухе за миг до того, как фигуры одержимых стали подниматься с земли.

Синее пламя за границей пыльного круга полыхнуло вместе с печатью, засиявшей так, что резало глаза.

Огонь взмыл к небу потоком в человеческий рост, точно вода, текущая снизу вверх. Он обжёг волной жара даже меня, стоявшую в безопасности защитного круга. Он поглощал траву, таволгу, заросли девясила вокруг перекрёстка и фигуры одержимых с жадностью ребёнка, дорвавшегося до новой игрушки. Воздух наполнился дымом, сладко пахнущим горелыми цветами и тошнотворно – печёным мясом.

Одержимые даже не вскрикнули: просто рухнули в языки пламени, точно в реку. Видимо, тварь оставила их, как только поняла, что марионетки больше непригодны к использованию.

Выждав для верности ещё секунд десять, стараясь не дышать, я наконец опустила руку. Когда огонь погас, в свете фар Французика узрела, что за границами круга на земле не осталось ничего, кроме чёрно-серого пепла – и тёмных куч, очертаниями отдалённо напоминающих скрючившихся людей.

Какое-то время я смотрела на них, пытаюсь осознать, что одна из этих куч – мастер Тинтрэ.

Потом наконец позволила ногам подкоситься – и меня вырвало прямо на пыльную линию, защитившую нас с ребятами от испепеляющего огня.

...я убила их. Этих людей. Своего учителя, желавшего мне только добра.

Пусть мой огонь лишь сжёт тела, в которых уже не было живых душ – я убила их в момент, когда заставила появиться на этом перекрёстке.

– Пойдём, Лайз. – Сквозь пелену дурноты я ощутила, как руки Питера берут меня за плечи, поднимая с земли. – Тебе нужно домой.

Тыльной стороной грязной ладони я вытерла губы; даже вкус пыли был приятнее, чем кислые остатки полупереваренного ужина.

Поняла, что выронила рубин, и, различив на земле у мыска кеда красный отблеск, вернула камень в карман – следов лучше не оставлять.

От собственной расчётливости тошнило не меньше, чем от запаха горелой плоти.

– У меня больше нет дома, – хрипло произнесла я, лишь теперь понимая, насколько чудовищно устала.

– Мой дом – твой дом. – Питер потянул меня к мобиле. – Пойдём. Здесь нам в любом случае больше делать нечего.

По крайней мере, с этим я была согласна. И поскольку, судя по всему, пробуждения от этого кошмара можно было не ждать, сейчас мне хотелось лишь одного: скорее уснуть.

За тем, как меня усаживают на пассажирское сиденье, Рок и Эш следили молча. И молчание длилось ещё какое-то время после того, как искалеченный Французик медленно и неохотно покатил по просёлочной дороге обратно к Ахорку.

– Что тебе сказали? – тихо спросил Эш, когда молчание сделалось невыносимым.

Я неподвижными глазами смотрела в темноту за окном: мы въехали в низину, и даже городские огни на горизонте скрыли холмы и лес.

– Что эта тварь – не фомор.

– В смысле?

Три голоса слились в один. Одинаково потрясённые.

Ожидаемо потрясённые.

– Донн сказал, что эта тварь не имеет никакого отношения к Охоте. Что она – нечто куда большее. И не остановится, пока не убьёт меня. – Пересказ прозвучал в разы суше, чем мои ответы на экзаменах. – А в безопасности только те, кто отмечен печатью иного мира. То есть сиды-полукровки, в которых достаточно сильна кровь фейри, и баньши. Потому вы и не обращаетесь. Рок была права, когда думала об этом.

– Чушь, – резко произнесла Рок. – И я не о том, что я права. Кем ещё может быть эта тварь, как не фомором?

– Не знаю. Но боги не лгут. По крайней мере, наяву, – добавила я больше для самой себя, чем для собеседников.

Я не смотрела ни на брата, ни на баньши, ни на Питера, но чувствовала их взгляды. Затылком, щекой, спиной.

Хотела бы я сказать им что-то более одобряющее, чем всё, что я могла сказать.

– Давайте... просто вернёмся в дом. И починим Французика. И... дождёмся утра, ладно? – Я сжала лежавшие на коленях ладони, переплетая серые от грязи пальцы. – А там что-нибудь придумаем.

Никто не ответил мне. Ответов не было ни у кого.

Кроме того единственного, откровенный разговор с кем я откладывала непозволительно долго.

* * *

Дома я предоставила Эшу и Питеру отправиться на поиски новых шин (Эш категорически настоял, что привести Французика в боевую готовность надо немедленно, не дожидаясь следующей ситуации, когда нам может потребоваться срочно гнать куда-нибудь или откуда-нибудь), а Рок – уединиться в гостиной с сигаретой и бутылкой виски. Баньши, правда, пыталась меня разговорить, но нарвалась на выдвленное сквозь зубы «Не сейчас, Рок» и чутко согласилась оставить меня в покое.

Когда я наконец оказалась в спальне одна, я уставилась на книжный шкаф – и разомкнула губы.

– Я не знаю, слышишь ли ты меня. Я не знаю даже, жив ли ты. Но если слышишь, ты знаешь, что я говорю это тебе.

...мне определённо стоило сделать это раньше. Но раньше в этом не было острой необходимости. И на мамины слова про то, что всё это – *его* вина, можно было не обращать внимания.

Только теперь «можно» резко обратилось в «нельзя».

– Я не знаю, почему ты спасал мне жизнь. Не знаю, откуда ты вообще взялся. Но ты знаешь о том, что происходит, а я – нет. Никто из нас не знает. Кроме мамы. Но она ведь, наверное, уже... мертва? – Дрожание моего голоса обернулось лёгким смешком. – А ты просто не хотел мне говорить? Она так быстро угасала, вряд ли бы она продержалась всё это время...

Когда я замолчала, в полумраке спальни, что рассеивал лишь свет прикроватной лампы, по-прежнему царил тишина.

– Отзовись, пожалуйста. Иначе... я просто не выдержу. Потому что всё это из-за меня. И люди гибнут из-за меня. И мои друзья могут умереть из-за меня. И... если меня не станет... всем будет лучше.

– И думать не смей.

Повернув голову, я наконец увидела сида: он возник у двери, и сиреневые глаза были непроницаемыми, как зеркало.

– А. Вот и ты. – Я кое-как поднялась на ноги, до сих пор трясущиеся. – Вижу, кочерга не нанесла тебе особого вреда.

– Тому, кем я стал, вообще трудно нанести вред.

Сквозь его тело я видела бетонную стену, обесцвеченную отсутствием голографических обоев.

– Я рада. Наверное. – Я скрестила руки на груди, ощущая, как ледяное спокойствие сковывает мысли и чувства. – Ты знаешь, что я вызывала Повелителя Кошмаров?

– Да.

– И знаешь, что он мне сказал?

– Да.

В ответах звучала тихая обречённость.

– Тогда не изволишь прокомментировать слова о том, что ответы я могу узнать у тебя?

– Ты не понимаешь, Лайза. Ты видела, что произошло с твоей матерью. Если я расскажу тебе, ты...

– Умру? И плевать! Почему ты не сказал нам, что эта тварь – не фомор?!

– Я говорил, что вам не стоит тратить на это время. Вы не слушали меня. Если б я сказал, что эта тварь не та, кем вы её считаете, вы бы засыпали меня ещё тысячей вопросов, на которые я не смог бы дать ответы.

– Нет, ты дашь мне ответы. Все ответы, которые мне нужны. Потому что я ни шагу не сделаю в направлении Фарге, пока не буду знать, с чем действительно имею дело.

Сид смотрел на меня так печально, так неотрывно, что в другое время этот взгляд, пожалуй, мог бы умерить мой гнев.

Но не сейчас.

– Сегодня погиб мой учитель. Я убила его. А до этого убила многих людей, которые повинны лишь в том, что встретились со мной. А ещё прежде, наверное, умерла мама... Она ведь умерла, верно? И тоже из-за меня?

Он молчал, ни глазами, ни губами, ни одним движением не выразив ни единой эмоции.

Да только молчание издавна – знак согласия.

– А тебе плевать, да? – Я шагнула вперёд, почти выплёвывая слова ему в лицо, позволяя злости вытеснить боль. – Конечно, сидам с Эмайна плевать на каких-то смертных людишек! Плевать на девушек, которым они когда-то ввали о любви, плевать на собственных детей, плевать на кучу мертвецов, которая остаётся за чьей-то спиной, потому что кое-кто играет в молчанку! Плевать на женщину, которая когда-то ему помогла! Почему тогда ты так беспокоишься за её дочь?! Почему помогаешь мне?

Он смотрел на меня – со спокойствием, бесившим до потемнения в глазах.

– Говори! – Размахнувшись, я наотмашь хлестнула его ладонью по щеке. Он даже не вздрогнул, лишь, не отводя взгляда, чуть повернул голову: словно старался, чтобы я не ушибла пальцы. – Что это за тварь?! Как ты связан с ней? Зачем я тебе нужна? И не ври, что спасаешь меня из-за мамы! Тебе на неё плевать, вам на всех плевать, кроме себя! – Схватив его за ворот рубашки, я привстала на цыпочки, так, чтобы наши лица оказались на одном уровне: крича прямо в это лицо, пытаюсь сделать хоть что-то, что заставит его ответить, среагировать, выдать истину словом или делом. – Почему ты спасаешь мне жизнь, почему?!

Сид просто смотрел на меня. Неподвижно, не моргая, пока на бледной щеке проступал красный след от моей пощёчины.

...я ожидала чего угодно. Той издевательской улыбки, что я видела в одном из своих кошмаров. Ответного крика. Злодейского смеха. Наверное, даже удара.

Только не того, что его руки порывисто обнимут меня, заставив уткнуться носом в его плечо.

– А ведь мы с тобой могли быть счастливы. Но когда это было возможно, я разрушил это счастье собственной рукой. Я думал, что знаю про тебя всё, когда ты была для меня лишь диковинной птичкой с

милым голоском; а теперь ты бесконечно далеко от меня, и я не смогу быть рядом, даже если спасу тебя, – и мне всё равно, что будет со мной, лишь бы ты осталась жива. – Я чувствовала, как шевелятся его губы, касаясь волос на моей макушке: сид почти шептал, но даже шёпот его звучал мелодично. – Ты права. Мне нет дела ни до твоей матери, ни до твоих друзей, ни до всех тех, кто погиб из-за тебя. Но тебе я не дам умереть. Ни за что.

Он держал меня так бережно, так крепко, словно в целой Вселенной я была главной драгоценностью, которую можно отыскать и которой можно коснуться. И даже в этих объятиях я ощутила, как пол уходит у меня из-под ног, пока обрывки неясных мыслей кружатся в сознании бешеным вальсом.

– Ты... кто ты?..

– Моё имя – Коул. Коул из рода Дри, он же Ллеу Колборн. Три недели назад нам с тобой суждено было встретиться, и ты влюбилась бы в меня. А потом умерла бы – по моей вине. – Я не вижу его лица, но едва заметную улыбку улавливаю слухом – как и прячущуюся за ней бесконечную печаль. – Тварь, которая тебя преследует, – страж времени. Она охотится на тебя, потому что я нашёл способ вернуться в прошлое. И изменить его так, чтобы ты не встретила меня.

Когда-то

Солнце играет бликами в мраморных дорожках сада: их покрывает тонкий слой родниковой воды, прозрачной, как жидкое стекло, искрящейся отражёнными лучами. Поодаль яблони роняют на воду белый снег лепестков. Если приглядеться к одному из стволов, можно заметить на коре зарубки – четыре раза по шесть горизонтальных чёрточек, перечёркнутых одной вертикальной.

Метки, которые оставляют узники в тюрьмах, лишённые такой роскоши, как часы или календарь.

Над садом высятся башни замка с золотыми крышами, и шёлковые вымпелы развеваются на ветру, пока по залитой водой дорожке идёт девушка. Её платье – воздушная пена кружев, белых, как яблочный снег, лёгких, как паутина. Её лицо – тонкая работа кукольника, подобравшего дымчатый хрусталь для глаз, любовно

выточившего чуть вздёрнутый нос, сердцевидный изгиб губ, широкие скулы.

Она идёт к высокой каменной стене, увитой плющом, огородившей сад со всех сторон; босые ступни поднимают брызги при каждом шаге, кончики длинных рукавов платья мокнут, касаясь воды, копну каштановых волос путает ветер. Она идёт туда, где в стене виднеется резная деревянная калитка, странно низкая и ненадёжная для таких крепких стен, и, приблизившись к ней, кладёт руку на тёплое дерево.

За калиткой, прямо под стенами замка, клубятся и свиваются облака. Там, где их ватная завеса приоткрывается, видны зелёные холмы и леса – далеко, безумно далеко внизу. Замок плывёт в чистом лазурном небе, окружённый садом, разбитым там, где не может быть никакой земли.

Девушка смотрит в пустоту, пока пальцы её судорожно сжимают разохшееся дерево.

Когда она поднимает голову, небо, отражающееся в её глазах, затягивает сизыми тучами.

– Всё ещё думаешь о том, чтобы прыгнуть? – спрашивает Коул.

Он проявляется из воздуха за её спиной, будто сотканный ветром из яблоневых лепестков.

– И никогда не перестану, – девичий голос едва различим за журчанием воды. Она смотрит на свою правую руку: на тонкой коже проявляется затейливый рисунок печати, но тут же гаснет. – Моя магия в этом мире бессильна. По-другому мне отсюда не выбраться.

– Вэрани...

– Не смей. – Она оборачивается так резко, что широкие рукава платья взмывают в воздух птичьими крыльями. – Не смей называть меня... этой кличкой. У меня есть имя.

– Что ещё я могу сделать, чтобы ты была счастлива? – Если сид слышит её, то не подаёт вида.

– Я говорила тебе. Уже тысячу раз.

– Убранство замка достойно принцессы. В шкафах висят сотни платьев. За столом ждут самые изысканные яства, в библиотеке – тысячи книг, в комнате – арфа, которая сама подыграет, стоит тебе начать песню. Ты никогда не увидишь тех, кто стирает пыль и зажигает свечи в замковых покоях. Никто из моих сородичей не

потревожит тебя, пока ты не позволишь. Любое твоё желание исполнится, стоит только попросить.

– Исполни одно. Верни меня домой. – Её взгляд мертвенно спокоен. – Ты хочешь снова услышать мою песню? Ту, которая пленила тебя при первой нашей встрече? Но дикие птицы не поют в клетке, Коул. Должно быть, ты об этом забыл.

– Это не твоя клетка... Лайза. Это твой новый дом. Твоя сказка, которая обернулась явью.

– Замок в облаках, из которого я не могу выйти? – Лайза качает головой. – Ты хороший охотник, Коул. Ты приманил меня красивыми словами и красивыми поступками. Даже истинное имя своё назвал – зная, что в вашем мире я не смогу этим воспользоваться, как и любой смертный, которому неведом нужный ритуал. Потом накинул на меня силок и поволок за собой, да ещё сковал руки и засунул в рот кляп. А после этого предлагаешь мне спеть. – Она щурится на солнце, сдувая длинную чёлку с глаз. – Для тебя это забава, как для тилвитов? Только ты предпочитаешь обольщать жертв в комфортной обстановке, поэтому утаскиваешь их с собой? Или ты ждёшь, пока я достаточно присмирею, чтобы ты смог приволоочь меня на один из ваших пиров и похвастаться родне, какой диковинной зверюшкой ты разжился в человеческом мире?

– Это – не забава, – голос сида звенит холодным серебром. – Под твоей кожей течёт наша кровь. Она заставляла тебя бежать из железных тисков города в лес, она заставляла тебя бродить и петь в одиночестве. Ты рождена для этого мира, не для того. Твоя жизнь должна пройти здесь.

– И кто ты такой, чтобы решать, для чего я рождена? Ты возомнил, что я готова променять семью и дом на *тебя*?

– Я желаю тебе чего угодно, только не зла. И я знаю, что ты любишь меня. Я чувствовал это. Я чувствую это сейчас.

Лайза смеётся – тихо, невыносимо горько.

– А Эш предупредал, что все вы одинаковые. Что вам не стоит верить. А я успокаивала его, что готова к печальному концу, – говорит она, когда ветер уносит последние отзвуки её смеха, исчезающие среди яблонь. – Я правда была готова. К тому, что ты уйдёшь и бросишь меня, как отец. Но ты оказался ещё хуже. Даже одежду у меня забрал во сне, без моего ведома.

– Ты говорила обо мне с братом?..

– С кем-то же мне надо было об этом говорить. И не с мамой, реакцию которой на счастливое известие, что дочь пошла по её стопам, легко предугадать. – Лайза улыбается кривой, пугающей улыбкой. – Ты прав. Я любила тебя. И сейчас, наверное, люблю. И, наверное, ушла бы с тобой, будь я уверена в тебе. Тогда, у холма, когда ты меня остановил, – я думала, ты решил остаться в Харлере ради меня, и в тот миг... странно, прошёл только миг, но я поверила, что ты правда любишь меня. Что ты готов ради меня на всё, а значит, и я пожертвую чем угодно ради тебя. Но ты потащил меня в прореху и доказал, что ты именно такой, какими я всегда вас считала. – Как бы ни пугала её улыбка, когда она исчезает с девичьих губ, это пугает больше. – Верни меня домой, Коул. Иначе, клянусь, я сделаю всё, чтобы выжечь мою любовь, и тебе останется чувствовать лишь мою ненависть. И рано или поздно я всё же наберусь смелости, чтобы сделать этот шаг вниз.

– Я не позволю тебе сделать его.

– Ты не сможешь следить за мной вечно. А я никогда не перестану пытаться – и всё равно не буду твоей. Рано или поздно, так или иначе, но тебе придётся расстаться со мной. Лучше сделать это сейчас, когда прошёл только месяц. Когда мы ещё не возненавидели друг друга. Поверь мне хотя бы на этот раз.

Сид неподвижно стоит посреди тропинки. Родниковая вода журчит вокруг его босых ног с тонкими лодыжками, оголёнными белыми бриджами.

Сид смотрит на смертную девушку, в лице которой ещё так недавно светилась любовь, а теперь нет ни тени её; взгляды их, обращённые друг на друга, странно контрастируют с окружающей безмятежностью.

Сид подаётся вперёд – и Лайза отшатывается, но он проходит мимо. Останавливается у калитки, одним движением открывает её – от себя, заставив повиснуть над пустотой, – и знакомая песня срывается с его губ, вплетаясь в мелодию ветра, шелестящего листьями яблонь, перебирающего их, точно чётки.

Коул смолкает, когда солнечные лучи в небе за калиткой преломляются, будто ломаясь в невидимых стёклах.

– Идём, – протянув Лайзе руку, просто говорит он.

После долгих секунд колебания она всё же подходит ближе, чтобы недоверчиво вложить пальцы в его ладонь. Взявшись за руки, словно дети, они делают шаг в пустоту – и вместо того чтобы упасть, бесследно исчезают за едва видимой гранью двух миров.

Их ноги касаются зелёной травы где-то немислимо, безумно далеко, и Лайза оглядывается на холм, поросший вереском. Кольцо буков смыкается вокруг него; сквозь лиственные кроны просвечивает серое, с сизым отливом небо. Невидимое солнце клонится к горизонту, наполняя лес тенями и прохладой близящейся ночи.

Всё так же, как в день, когда они прощались – и одновременно не так.

– Деревья... – Лайза подходит к стволу ближайшего бука. – Они... другие. Это точно Харлер?

Сид лишь жмёт плечами:

– Дойдём до города, и убедишься.

– Провожать меня не нужно.

– Если ты не позволишь мне, я пойду за тобой незримым.

Она раздражённо мотает головой. Прислушавшись, направляется туда, откуда доносится шум волн, и Коул тенью следует за ней.

Они идут по берегу озера, воды которого отливают тревожным цветом дыма, пока Лайза не останавливается.

– Тропинка через лес, которая ведёт к Динэ. Мы уже должны были её увидеть, но её всё нет и нет. – Она смотрит на стену буков с тёмной листвой и скрюченными стволами, высящуюся перед ними. – Куда ты меня притащил?

– В Харлер. К озеру Горм. Лайза, мне незачем обманывать тебя. Если мы не видим тропы, значит, мы до неё ещё не дошли.

Лайза смотрит на него, снова на лес – и глаза её ширит испуганное понимание.

– Время в наших мирах течёт по-разному, – шепчет она. – Сколько... сколько лет прошло в Харлере с тех пор, как ты меня утащил?

Когда она стремглав кидается в лес, во взгляде сиду впервые блестит нечто, похожее на удивление.

– Лайза! – Коул устремляется за ней; ноги его почти не касаются травы. – Лайза, стой!

Она не слушает. Просто бежит вперёд, подобрав юбку, пока длинные концы шёлкового пояса цепляются за деревья, царапая нежную ткань.

Старые буки наконец расступаются, лесную темень сменяет чистая серость дневного света, – и сид со смертной девушкой замирают на краю круглого котлована размером с маленький городок. Безжизненного, выжженного: будто что-то взорвалось в самом его центре, и огневая волна уничтожила всё, что раньше было на этом месте, а успокоилась, лишь дойдя дотуда, где сейчас стояли они двое. По ту сторону котлована угадываются полуразрушенные небоскрёбы, с которых осыпалось всё стекло, оставив один голый бетон – развалины города, потихоньку рассыпающиеся в пыль под серыми тучами.

– Это что, Динэ? – слабым голосом спрашивает Лайза.

Коул не отвечает, и трудно понять, в чьих глазах сейчас больше страха.

Поодаль раздаются весёлые голоса, и сид со смертной девушкой одновременно поворачивают головы на источник звука. Тот находится футах в пятидесяти от них – компания из пяти-шести человек, столпившихся рядом с громоздким чёрным джипом.

– Идём. – Поколебавшись, Коул направляется к незнакомцам. Лайза бредёт следом; лицо бледно, длинная юбка, которую девушка выпустила из рук, волочится по земле, и кажется, что ноги её движутся сами по себе. – Надеюсь, у них найдутся ответы.

Они подходят ближе, и невнятные отзвуки чужих голосов оформляются в слова:

– ...полный улёт, парни!

– Э, я, между прочим, тоже с вами!

– Окей, и дамы.

– Я б ещё разок сюда выбрался. Нигде так не стремался, как здесь.

– А ты чего хотел? Сколько тут народу померло? Наверняка половина душ в потусторонний мир не отправилась, а зависла...

– Приветствую вас, – говорит Коул, не дойдя до незнакомцев шагов десять. – Ответьте, что за город перед нами?

Те разом осекаются, чтобы повернуться в сторону пришельцев. Подростки, ровесники Лайзы: джинсы, ветровки и кожаные куртки, на ногах тяжёлые высокие ботинки со шнуровкой. Единственная

девчонка почти не отличается от парней – особенно благодаря короткой мальчишеской стрижке, – и она же первая подаёт голос:

– Ой, фейри! С Эмайна!

В голосе звучит детский восторг.

– Очуметь. – Один из парней перестаёт перемалывать жвачку во рту. – Думал, на своём веку ни одного не увижу, а тут сразу двое...

– Ответьте, – голос сида тих, но неумолим, как ветер, гнувший тростник. – Прошу.

– Это Динэ, – покорно произносит девушка, рассеянно потерев бив языком колечко в нижней губе. – Когда-то был.

– Вы живёте здесь?

– Да кто ж на проклятых развалинах жить будет? – хмыкает один из парней – с коротким ёжиком и выбритыми висками. – Не, мы фарвокеры.

– Исследуем заброшенные города, места, всё такое, – добавляет девушка.

– Проклятые развалины? – Сид смотрит на них непонимающе. – Когда я видел этот город в последний раз, он был... живым.

– Так это ж когда было. Наверняка ещё до того, как Форбиден к власти пришёл.

Лайза, до этого момента слушавшая молча, вскидывает голову:

– Форбиден?..

– Премьер-министр Эшли Форбиден. Кровавый ублюдок. – Один из парней отхаркивается и мрачно сплёвывает себе под ноги. – Из-за него Динэ и разрушили.

И без того бледная Лайза становится похожей на привидение, но озвученная почти шёпотом просьба её больше походит на приказ:

– Расскажите мне. Расскажите про Эша... про Эшли Форбидена. И что произошло с городом.

Пасмурный ветер гуляет над развалинами, сдувая с них пыль, чтобы упокоить её на дне котлована, ставшего братской могилой.

– Да чего про него рассказывать. Псих он был. С катушек слетел. Но мозгами его боги не обделили, и тем страшнее. – Бритоголовый зевает. – В сорок лет уже премьером заделался. Королева в него втюрилась по уши, сквозь пальцы на его делишки смотрела.

– Железной рукой правил, – вставляет девушка. – Но поначалу дела в стране очень даже хорошо шли. Только Форбиден фейри

ненавидел лютой ненавистью, вот и начал, как к власти пришёл, всякие законы против них проводить. Гайки закручивать. Хотя сам наполовину сид был, вот как так?

– Так он фейри потому и ненавидел, дурёха! Травмы детские, все дела. – Бритоголовый вновь обращает взгляд на Коула. – У Форбидена отец был из ваших, с Эмайна. Он и сам вылитый тилвит уродился – по фотке и не подумаешь, что такая сволочь.

– Эш... ненавидел фейри?..

– Он вроде с детства на отца своего дулся, что тот мамашку его кинул, – усердно работая челюстями, поясняет парень со жвачкой. – А потом у Форбидена ещё сестра пропала. Ни тела не нашли, ничего, но Форбиден всем говорил, что её украл сид с Эмайна. Хотя никто этого сида в глаза не видел – ни сам Форбиден, ни мать его. Может, девку вообще маньяк какой обработал.

– А я всегда думала, что она с сидом добровольно ушла, – добавляет девушка. – Таким красавчиком, как вы, вряд ли нужно девчонок к чему-то силой принуждать.

Последние слова обращены к Коулу; как и девичий взгляд, они приправлены кокетством, – но сид смотрит только на Лайзу, которая молчит, с абсолютно бесстрастным лицом глядя на чёрный джип.

– Короче, сестра его сгинула, а мамашка после этого с горя запила и в конце концов вроде как умом тронулась. Тут у Форбидена крышу-то и снесло, – продолжает бритоголовый. – Решил всем фейри поголовно отомстить. А тем, кто на Эмайне, мстить трудновато, вот и начал гнобить тех, кто жил здесь.

– Ну, он финансировал всякие исследования. Хотел... как это... синхронизировать наше время с ихним, с эмайновским. Ему и харлерские фейри нужны были в том числе для опытов, – возражает девушка. – Если б Форбиден к успеху пришёл и его не пришили, потом бы наверняка на Эмайн войной пошёл.

– Да только харлерских фейри, ясен пень, это всё не устраивало, и началась война. За Форбиденом куча людей пошла – и не подумаешь, что стольких фейри раздражали. Тогда Динэ и порушили... и Динэ, и Манчестер, и Ливерпуль, всех городов не упомяну. А в итоге Форбидена траванули, и королеву тоже, – заканчивает бритоголовый. – Несколько покушений было, но все проваливались, а тут получилось.

– Сдох в муках. Туда ему и дорога, – безжалостно добавляет его приятель, смачно выплюнув жвачку на пыльную землю. – Надеюсь, его в потустороннем мире жарят все, кто из-за него помер.

– С тех пор уже... сколько ж там... ну да, сорок семь лет прошло, – подсчитывает девушка. – С конца войны. А в Динэ никто возвращаться не стал: баньши твердили, что здесь тень смерти повсюду, других фейри тоже морозило, да и людям не по... эй, вы чего?

Лайза издаёт горлом странный жалобный звук. Под недоумёнными взглядами фарвокеров отступает к лесу спиной назад.

Развернувшись, бежит обратно под сень деревьев, – и Коул, не обращая более никакого внимания на тех, кто с ними беседовал, кидается следом.

Подростки смотрят им вслед, пока оба не исчезают среди буковых стволов; они уже не видят, как сид нагоняет Лайзу далеко в лесу.

– Лайза! – Коул хватается её за плечи, пока та рвётся куда-то, как безумная. – Лайза, остановись!

– Пусти меня! – Она почти визжит. – Из-за тебя... мама умерла, а Эш... Эш... – Когда она всё же выкручивается из рук сида, то не бежит дальше, а утыкается лбом в ствол ближайшего бука. – Я всегда знала, что Эш далеко пойдёт. – Шёпот, срывающийся с её губ несколько мгновений спустя, до внезапного, до жути спокоен. – Но не так же. Не так. Эш, он же... он же Инквизитором хотел стать, как прадедушка, он... а стал монстром. Из-за меня. Из-за тебя. Хоть бы я никогда тебя не встречала, хоть бы... я...

Сид смотрит, как девушка сползает на землю, цепляясь руками за шершавую кору, скрючиваясь в рыданиях.

– Прости, – он тоже почти шепчет. – Прости меня. Я впервые был в вашем мире. Я не думал о времени, просто забыл о нём. – Он тянет к ней пальцы, но так и не решается коснуться судорожно вздрагивающей спины в белом шёлке. – Я... я верну тебя на Эмайн. Там твои раны исцелятся. Если ты не пожелаешь видеть меня, я никогда больше не приближусь к тебе, но даже тогда ты не будешь знать нужды ни в чём. Я сделаю всё, чтобы искупить свою вину, клянусь.

Когда Лайза, замерев, медленно поднимает голову, она больше не плачет. Лишь губы чуть подрагивают на мокром от слёз лице.

– Мне холодно, – тонким ломким голосом говорит она. – Разведи костёр. Собери хворост. Пожалуйста.

Коул смотрит на её правую руку – словно пытаюсь разглядеть там магическую печать, с помощью которой она вполне могла бы развести огонь сама, безо всякого хвороста.

Коротко кивнув, оглядывается по сторонам и подбирает с земли первую сухую ветку.

Высматривая хворост в густой траве, под неотрывным взглядом Лайзы, следящим за его спиной, сид удаляется глубже в чащу. Он возвращается спустя несколько минут, неся в руках большую охалку мёртвых ветвей; охалку, которая рассыпается по земле, стоит Коулу увидеть дерево, у которого он оставил последнюю леди рода Форбиден.

Она висит на низко протянутой ветви бука – тоненькая фигурка в белом платье, – и от ветви к её шее, исчезая под копной каштановых волос, тугой струной тянется шёлковый пояс, ещё недавно обвивавший её талию. Она висит спиной к Коулу, спокойно, почти неподвижно, и лишь проскальзывающий в лес ветер легонько покачивает её тело, заставляя описывать ногами небольшую дугу.

Тело её падает сиду на руки, когда тот перерезает пояс медным ножом. Рухнув на колени, Коул распутывает петлю на шее висельницы; касается пальцами сломанной шеи, склоняется к безответным губам, пытаюсь вдохнуть в них воздух. Он долго держит её, тормозит, кричит, – но только буки отвечают ему глухим насмешливым шелестом, словно интересуясь, на что он надеется и перед кем оправдывается, снова и снова повторяя: «Прости».

Наконец сид закрывает глаза и опускает голову, баюкая ту, которую всё ещё не может выпустить из рук, признав, что ничего уже не изменить. Он долго сидит так; длинные серебряные волосы скрывают его лицо, и лишь мёртвая девушка да безмерные сожаления составляют ему компанию.

Затем, бережно опустив свою ношу на холодную лесную землю, медленно встаёт.

– Моя клятва в силе. – Он не запечатлевает прощальный поцелуй на девичьем лбу, словно отказываясь прощаться. – Ты хотела никогда меня не встречать. Я, Ллеу Колборн, даю вечный зарок всем богам, что

слышат меня, клянусь жизнью своей, душой и покоем... клянусь, что желание твоё будет исполнено.

Он уходит, не оглядываясь, пока стеклянные шарики широко распахнутых сизых глаз провожают его навеки застывшим взглядом.

Если бы леди Элайза Форбиден ещё могла говорить, она сказала бы ему, что сидам не пристало давать ложные клятвы. Но она не могла – и не могла знать, что он сдержит слово, сдержать которое выше сил фейри, людей и сидов.

Принеся тем самым лишь больше бед той, кого так хотел от них уберечь.

Нынешнее время

Я долго всматривалась в узкое бледное лицо сида.

Оттолкнув его, попятилась.

– Вернуться... в прошлое? Изменить... Что ты несёшь?

Этого не может быть, думала я, глядя на призрачную улыбку, стывшую на губах сида, разливавшую холодок под кожей. *Не может*. Перемещаться во времени невозможно. Никому это не удавалось, хотя изучавших вопрос и пытавшихся было множество. О том, чтобы такое практиковали высшие фейри, я тоже не слышала.

Этого не может быть.

Как и твари, похожей на фомора, но им не являющейся.

– Три недели назад нам с тобой суждено было встретиться. И мы встретились – в той реальности, которой больше не существует. Я был молод – действительно молод, сущий ребёнок не только по нашим, сидовским меркам... Я выбрался в Харлер, дабы узнать, как живут люди и низшие фейри. Я вышел из прорехи меж мирами, что открывалась на холме рядом с Динэ. В той реальности ты и в семнадцать жила там, не в Мойлейце. – Он отвернулся; сид больше не шептал, но говорил так тихо, что шёпот листвы на ветру порой звучит громче. – Я не сразу решился пойти в людской город, в эту крепость из стекла и металлов, чуждых мне. И пока я колебался, в лес рядом с холмом забрела ты. Ты пела песню, что твоя мать узнала от твоего отца – *нашу* песню. Ты так не походила на людей, какими я их себе представлял... Ты была похожа на одну из нас, и в то же время –

совершенно иной. И этого хватило мне, чтобы полюбить тебя... как мне казалось тогда, во всяком случае.

Я не сводила взгляда с его макушки: будто надеялась сквозь серебряные пряди рассмотреть его мысли и убедиться, что он не врёт.

– Я очаровал тебя. Мы заключили сделку, и ты показывала мне места, которые я хотел повидать в вашем мире. Когда я ощутил тоску по дому, но понял, что не хочу расставаться с тобой, я предложил тебе уйти со мной на Эмайн. Ты не пожелала покидать всё, что было у тебя здесь, и тогда я похитил тебя. – Он говорил ровно, неторопливо, так безучастно, будто рассказывал историю, не имевшую к нам никакого отношения. – Я уволок тебя в прореху силой. Заточил в одном из замков, принадлежавших моему роду. А когда понял, что ты никогда не смиришься со своей участью, вернул тебя обратно в Харлер. Но время в наших мирах течёт по-разному, и за тот месяц, что ты томилась в волшебной тюрьме среди облаков, в Харлере минуло восемьдесят лет. Твоя мать спилась от горя, потеряв дочь. Твой брат стал премьер-министром и принялся истреблять фейри. Он знал, что ты пропала из-за меня, и возненавидел таких, как я, и всех, кто хоть немного похож на меня. Он мечтал выжечь Эмайн и высших фейри огнём и мечом, а чтобы понять, как сделать это, мучил фейри низших. В конце концов его убили, и в людской памяти он остался кровожадным ублюдком. Вот что ты узнала, вернувшись в Харлер... Вот что заставило тебя повеситься. И напоследок пожелать, чтобы мы никогда не встречались.

Я прижала ладони к вискам, надеясь хоть как-то упорядочить мысли, от всего услышанного почти дошедшие до точки кипения.

– Эш... стал премьер-министром?

Мне хотелось спросить не только это. Но это почему-то вырвалось в первую очередь.

Странно: это было отнюдь не самым поразительным из всего, что я сейчас услышала.

Важная роль в истории Харлера, сказал Донн... Трудно не согласиться: будущий правитель и тиран – роль весьма важная.

– Ты всегда знала, что он далеко пойдёт, верно? – Сид издал смешок, сухой, как прах, когда растираешь его между пальцев. – Прежде чем ты повесилась, я поклялся, что сделаю всё возможное, дабы искупить вину перед тобой. И там же, держа на руках твоё мёртвое тело, я понял, как смогу сдержать слово.

Повесилась, повторила я про себя. Картинка из сна – с висельницей в лесу – всплыла перед глазами так ясно, будто я наблюдала её только что.

Не совсем сна, стало быть...

– В нашем мире давно подметили одно любопытное явление. – Я не видела глаз сида, но, кажется, он смотрел на огни фонарей за окном. – Если один из нас уйдёт в Харлер, а после вернётся обратно на Эмайн – он всегда попадёт в тот же самый день, в ту же самую минуту, в какую покинул родной край. Мы всякий раз возвращаемся на Эмайн ровно тогда же, когда ушли. Однако если вернувшийся из Харлера попытается снова попасть туда – даже секунду спустя – результат будет непредсказуем. С момента его ухода там может пройти та же секунда... или час. День. Год. Столетие. Иные из нас предположили, что в прорехе мы преодолеваем не только пространство, но и время. Что время – лишь ещё одно измерение, разделяющее Эмайн и Харлер. Измерение, через которое мы проходим, делая шаг в открытую дверь меж мирами.

Объяснения учителей шевельнулись в памяти. *«Прорехи суть искажения пространства, которые помогают сократить путь от одного места до другого через иные измерения, – ещё на первом курсе вещал старенький мастер, преподававший нам пространственные перемещения, демонстрируя тезис наглядно: наметив на бумажном листке две точки подальше друг от друга, а затем складывая лист так, чтобы одна точка соприкоснулась с другой. – Но искажение пространства чаще всего влечёт за собой искажение времени...»*

– Иные из нас задумывались, что рождённые на Эмайне умеют повелевать не только пространством – умение, позволяющее нам открывать прорехи, – но и временем. Неосознанно. Это – причина, по которой мы всегда возвращаемся домой в тот самый миг, когда нужно. – Сид немного повернул голову, так, что мне стал виден его тонкий, словно карандашный росчерк, профиль. – И я подумал: если мы умеем управлять временем, значит, можем попасть в нужный нам день не только при возвращении на Эмайн, но и когда уходим с него. А если мы можем попасть в любой нужный нам день в настоящем... скорее всего, можем попасть и в день, который находится в прошлом.

Я слушала, порой понимая, что забываю вдохнуть.

Как бы невероятно ни звучало то, что я слышала, – отрицать, что оно звучит логично, я не могла.

– Я стал учиться. Пытаться. Пробовать. Я вновь и вновь перемещался в Харлер, пытаюсь обрести контроль над своими способностями, стараясь попасть в нужное мне время. Сперва – в настоящее. Это оказалось не столь сложно, как я думал; человеческим магам подобное хорошо знакомо... нужна лишь некоторая сноровка и должная концентрация. Разрыв между моими визитами сначала составлял годы, но после годы обратились в месяцы, а месяцы – в часы. И когда я понял, что могу попасть в Харлер в ту самую минуту, в которую я оставил его в прошлый раз, я решил, что время пришло. Я попробовал вернуться не в ту же минуту, а в прошлую. Всего-навсего минуту. – Он помолчал. – То стало моей последней прижизненной ошибкой.

Сквозь полупрозрачное тело сида я видела книжные корешки в шкафу. Иные из них были сиреневыми, как его глаза.

– Что произошло? – тихо спросила я, когда молчание затянулось.

– Я шагнул в прореху, но не вышел по ту сторону. Я затерялся во времени. *Вне* времени. Лишь тогда я понял, почему время в наших мирах течёт по-разному. – Сид поднял руку, положив тонкие пальцы на оконную раму. – Представь себе огромное пространство, белое, как лист бумаги. Бесконечное. Пустое. Там, где я очутился, это пространство заменяло небо, и время оказалось внизу, под моими ногами, похожее на разноцветный океан. Бескрайний океан, состоящий из человеческих судеб... Океан времени Харлера. А где-то безумно далеко простирался другой океан – время Эмайна; и океаны никогда не смешиваются, даже не касаются друг друга, и у каждого своя скорость течения... И когда кто-то попадает в другой мир, он рождает в нём новый поток своей жизни, а не продолжает тот, что был прежде. – Он перебрал пальцами по дереву, словно касаясь невидимых струн. – Делая шаг сквозь прореху, мы даже не замечаем, как попадаем из одного океана в другой. Попытавшись очутиться в прошлом, я вынырнул из времени Эмайна, но не смог попасть во время Харлера. И очутился в безвременье.

– Безвременье?..

– Это было... всё равно что ходить по льду. Льду прозрачному, как хрусталь. Я видел океан времени под своими ногами, но не мог

нырнуть в него. Тогда-то моя жизнь и закончилась. – В отрешённом голосе не было ни печали, ни боли. – То, что ты видишь – призрак, принадлежащий безвременью. Моё тело исчезло, растворилось где-то в пространстве меж мирами. Я утратил все способности своего народа: эмпатию, песни стихиям, всё. Я способен становиться невидимым и неосязаемым, но то же умеет любое привидение. И я не смогу вернуться обратно в свой мир, в тот день, когда я шагнул в прореху... не смогу, даже захотев. Ибо Ллеу Колборна больше нет. Есть один его отзвук, который тоже вскоре исчезнет.

Я молчала, отчётливее всего понимая лишь то, что мне сделалось до дрожи жутко.

– Там, где я потерялся, времени нет. Я не знаю, сколько пробыл там, бродя по прозрачной границе, отделяющей меня от мира живых, в поисках того, что меня интересовало. Сперва я бился об эту границу, пытаюсь разбить её, разрушить, каким-то образом проникнуть за неё. После понял, что это бесполезно, – и просто ходил, глядя на человеческие судьбы, разворачивающиеся под моими ногами. Широкие цветные ручьи живых картинок, убегаящие к горизонту, смыкающиеся, пересекающиеся, а вместе – сливающиеся в тот самый океан... Ваши жизни, от рождения до смерти. Я мог пройти вдоль любого из этих ручьёв и смотреть, как подо мной течёт чья-то жизнь. И в конце концов я нашёл то, что искал. Я нашёл твою жизнь. – По едва заметному движению его руки я поняла, что он сильнее сжал пальцами раму. – Я три раза просмотрел её. От начала до конца. Можно сказать, прожил вместе с тобой.

– Три? – Мои ослабевшие ноги сделали невольный шаг назад. – Но это же...

– Около пятидесяти лет? Верно. Не считая времени, что я потратил, пока искал тебя. Вначале пришлось найти нужный век – в безвременье меня выбросило рядом с судьбами людей, живших спустя двести лет после тебя. Когда я нашёл жизни твоих современников, оставалось только идти в этом направлении, среди ручьёв всех жителей Харлера выискивая твой. – Кажется, его это веселило. – Как ты понимаешь, я пробыл там долго. Но мне было чем заняться.

Я наткнулась на кровать, и подкосившиеся ноги заставили меня сесть.

Даже если то, что говорил сид, правда, даже если он повинен во всех моих бедах – соизмеримо ли его наказание с его преступлением?..

– Просмотрев твою жизнь в третий раз... ту её часть, где ты жива и счастлива, ведь она прервалась, когда я утащил тебя на Эмайн, а конец твоей истории разворачивался уже в другом веке, и его искать я не хотел... Скорее от безысходности, чем от чего-либо ещё, я вновь попробовал пробиться в твой мир. И на сей раз меня пропустили, – сейчас в словах не было даже отзвука радости, которую сид, должно быть, испытал в тот момент. – Я сумел вырваться на пару мгновений, спустя которые меня затянуло обратно, но у меня получилось. Позже я осознал, что грань безвременья расступается, лишь если я отрину все эмоции... Что ж, за полвека у меня была возможность этому научиться. У меня было всё время мира, дабы усовершенствовать единственный навык, что мне оставили. Или подарили заново? Возможно, странствовать во времени могут лишь те, кто принадлежит безвременью. – Сид посмотрел на меня – с той же отстранённой улыбкой, вгонявшей в сердце иглу тоскливой жути. – Я пробовал выходить в этот мир снова и снова. И каждый раз мог продержаться в нём чуть дольше, прежде чем безвременье возвращало меня за грань. Когда я понял, что могу оставаться в реальности достаточно долго для разговора, который обязан провести, я пришёл к твоей матери. Тогда я ещё не мог контролировать точный момент времени, в который меня выбрасывало... Всякий раз это был некий эпизод твоей жизни, но какой – заранее предсказать я не мог. Меня выкинуло той весной, когда тебе исполнялось тринадцать; впрочем, для меня не было разницы, когда говорить твоей матери то, что я должен был сказать. – Он опустил руку, просвечивавшую, словно белая калька. – Я пришёл к Сабелле Форбиден и рассказал ей правду. Всё, что случится, когда тебе будет семнадцать. И ушёл обратно в безвременье, уверенный, что на этом всё закончится.

Части пазла складывались в моей памяти, придавая прежде незначимым деталям совсем другой смысл. Нашему внезапному переезду из Динэ. Отбитому у меня желанию петь. Маминой гиперопеке, настороженному отношению к любым молодым людям, проявлявшим ко мне интерес...

Где-то в другой реальности Сабелла Форбиден допустила ошибку, недосмотрев за дочерью – и не заметив влюблённость, которая привела

к её гибели.

В этой реальности она решила её не повторять.

Сид молчал, задумчиво глядя не то на меня, не то на точку над моим плечом: казалось, он потерял нить разговора и теперь пытался вспомнить, о чём только что говорил.

– Потом появилась эта тварь, – неожиданно просто произнёс он. – Накануне дня, в который когда-то я утащил тебя в прореху.

– Но... откуда ты знаешь, что она – страж?

– Она возникла на моих глазах. Там, в безвременье. Материализовалась из пустоты. Как ты понимаешь, у неё никогда не было тела, потому для расправы с тобой ей и требуются чужие. И потому же её невозможно убить. Можно лишь устранить то, что вызвало её существование, заставив её исчезнуть. – Сид смотрел за оконное стекло, где растворялись в ночи фиолетовые чернила предрассветной темноты. – Никому не дано менять прошлое. Последствия этого слишком велики. Тварь появилась, чтобы восстановить ход истории, созданный мною изначально. В тот день, когда я утащил тебя на Эмайн, ты исчезла из этого мира. Ты больше не принимала участия в его жизни. Если бы теперь ты осталась в нём, если бы осталась жива... это вызвало бы изменения во всём океане времени и во всех потоках, что текли после тебя. Соответственно, ты должна была исчезнуть снова. И поскольку теперь утаскивать тебя на Эмайн было некому, тварь попыталась убрать тебя другим способом.

«Нечто куда большее»... так ты говорил об этой твари, Донн? Что ж, страж времени, пожалуй, подходит под это описание.

Я успела успокоиться. Недоверчивое смятение, овладевшее мной в первую минуту, уступило место спокойствию, ледяной коркой сковавшему разум и чувства. Но я знала, что чувства рано или поздно вернуться – и скорее рано, чем поздно.

До этого времени мне необходимо было узнать кое-что ещё.

– Убрать, то есть убить, – недрогнувшим голосом уточнила я. – Меня и маму.

– Нет. Только тебя. То, что ты считала проклятьем, то, из-за чего умирала твоя мать... Тварь здесь ни при чём. Просто никому не дозволено знать о времени слишком много, – а я рассказал Сабелле Форбиден о той реальности, которой уже не существует. Рассказал то, чего не положено знать ни одному человеку. Будущее меняется, когда

кто-то заглядывает в него, ведь знание об этом будущем уже меняет всё, что ты делаешь после. Однако время умеет лечить свои раны без всяких стражей. Твоя мать знала о том, чего уже нет; стало быть, она тоже обязана была исчезнуть. Это она и делала, когда из неё тихо уходила жизнь... по сути, с ней происходило то же, что и со мной, просто немного по-другому.

– И ты тоже исчезаешь поэтому?

– Нет. Я исчезаю потому, что реальности, откуда я пришёл, больше нет. Мы ведь не встретились с тобой, верно? Следовательно, тот Ллеу Колборн, что знал тебя и вернулся назад во времени, искупая свою вину, больше не существует. Есть лишь тот Ллеу Колборн, что прогулялся в Харлер, встретил вместо тебя некую другую девушку и благополучно вернулся обратно на Эмайн. Возможно, вместе с ней. Возможно, без неё. Но, так или иначе, резона возвращаться назад во времени у него больше не было. – Сид пожал плечами – едва заметным движением, текучим и лёгким, как водная рябь. – В одной реальности не могут существовать два варианта одной и той же личности. Изменения в наших судьбах породили новые потоки наших жизней, которые мгновенно заместили предыдущие. Моя жизнь исчезла из океана времени, уступив жизни того, другого Коула, который не встретил тебя, – а от меня остался лишь отзвук, застрявший в безвременье. Стоит мне выйти в реальный мир, где время течёт и идёт своим чередом, как меня начинает... растворять. Медленно, но верно. Последствия того, что меня уже не должно существовать. Окончательное моё исчезновение – вопрос времени.

Грёбанный Спилберг в «Назад в будущее» был близок к истине, отстранённо подумала я, испытывая истеричное желание захохотать от осознания, что не так давно мы обсуждали с ребятами путешествия во времени – и они были для нас не более чем фантастическим явлением из фильмов.

Наверное, я должна была пожалеть сида. Но мне было не до того.

...эффект домино. Эффект домино – вот что происходит. Построй цепочку из костяшек, поставленных на ребро, а потом подтолкни первую из них: она упадёт и уронит все последующие, сколько бы их ни было. В данном случае толчок – моё существование. Я уже больше недели как не должна жить, не должна сталкиваться с другими людьми и влиять на их жизни, но я живу и влияю. И изменения, которые

встреча со мной привносит в судьбу тех людей, приводят к новым изменениям – уже других потоков, уже других жизней...

Вот почему Рок не знала, когда погибнут Эш и Питер. Когда умрут те люди, что столкнулись со мной. Вот что породило «тень неопределённой смерти», которую баньши увидела за моей спиной. Судьбы Эша и Питера изменились, потому что их потоки сплелись с моим, которого уже не должно существовать. Они путешествуют со мной, уже не должны жить, и теперь не могут умереть так, как было им предназначено, – потому что моё присутствие изменило всю предначертанную им судьбу. Поэтому тварь пытается устранить не только меня, но и других, убрать те костяшки домино, что уже упали, и предотвратить падение следующих...

– А ничего, – вымолвила я наконец, – что последствия от смерти всех тех людей, которыми овладел страж... которые должны были ещё жить и жить... что эти последствия будут ещё хуже, чем если бы меня просто оставили в покое?

– Я бы не сказал, что страж умён. Он... полуразумен. – Сид опёрся ладонями на подоконник. – Страж учится, но всеми его поступками движет скорее инстинкт. Он ближе к зверю, чем к человеку. К гончому псу, который взял след и не остановится ни перед чем, пока не вцепится в твоё горло.

– Значит, спасения нет? – Осознание этого факта не вызывало у меня особых эмоций. По крайней мере, пока. – Я обречена бежать от него всю оставшуюся жизнь... которой, видимо, осталось не так много, и той уже не должно быть... пока меня не настигнут?

– Нет, – неожиданно спокойно ответил сид. – Страж успокоится, когда ты исчезнешь из этого мира. Но, как ты помнишь, в предыдущей реальности ты не умерла. Я оборвал поток твоей жизни, вырвал его из океана времени Харлера, однако ты была жива. Теперь нужно лишь повторить сценарий.

Я поняла всё ещё прежде, чем он договорил.

– Эмайн, – прошептала я. – Я должна уйти туда.

– Там – другой мир, – подтвердил сид, – и океан времени для Эмайна – иной. Там твоё существование не будет мешать жизни Харлера.

– А Фарге – на берегу пролива, который отделяет Харлер от Эмайна. Оттуда до Дивной Страны на моторке, наверное, не больше

часа. Поэтому мама послала... нет, *ты сказал ей* послать нас туда. – Я зажмурилась. – А открыть прореху где-нибудь поближе ты уже не мог, верно? Ты ведь лишился сил, и мне оставалось только добираться до Эмайна по старинке, морем...

Последний кусок мозаики встал на своё место.

Пазл сложился, пропуская сквозь витражные осколки золотой свет окончательного понимания.

– Почему ты не сказал нам сразу? – после недолгой паузы спросила я, не открывая глаз. – Про конечную цель нашего путешествия? Ни ты, ни мама?

– Я не мог объяснить всего. Я и сейчас не знаю, каковы будут последствия. Твоя мать решила подготовить почву постепенно... хотела позвонить тебе, когда ты уже будешь в Фарге, – голос сиды был усталым. – Тебе могли бы только сказать, что ты должна уплыть на Эмайн. Навсегда. Без объяснения причин. Как бы ты отнеслась к этому, даже услышав подобное от родной матери?

Логично.

– А Эш? – Я всё-таки посмотрела на него: сид по-прежнему стоял у окна, глядя в ночь. – Зачем ему было ехать со мной?

– Одна бы ты не добралась. Признай это.

И то верно.

– Но... он ведь... останется здесь?

– Твой поток уже был когда-то вплетён в океан Эмайна. Твой приход туда не должен вызвать разрушительных последствий. Про Эша или твоего... друга этого не скажешь. Я не хочу рисковать. Надеюсь, ты найдёшь, что сказать друзьям, чтобы они поняли. Достаточно объяснить, что там тварь перестанет тебя преследовать и, как только ты уйдёшь, перестанет преследовать кого-либо вообще. Они вроде умные, должны понять, – равнодушно добавил он. – Но подбери нужные слова. Помни о том, что случилось с твоей матерью... и кем стал твой брат, возненавидев фейри.

– Я ведь наверняка встречу на Эмайне *тебя*, – вымолвила я растерянно и немного зло. – Тот вариант тебя, который вернулся из Харлера и не познакомился со мной.

– Эмайн не так тесен, как ты думаешь. Но соглашусь, вероятность этого велика. – Даже тут сид не оглянулся. – В предыдущей версии

реальности я тебя очаровал. Не думаю, что без магии я придусь тебе по душе.

– Что я буду делать на Эмайне? Как жить?

– Найдёшь кого-нибудь из моего рода. Я подскажу где. Выжжешь магией на руке символ, который значит, что один из нашего рода обязан тебе жизнью. Я покажу какой. Тебе дадут всё, что пожелаешь, – кров, одежду, еду. Будут давать до конца твоих дней: жизнь за жизнь – таков наш непреложный закон. И тогда я наконец смогу спокойно исчезнуть.

Жизнь за жизнь... звучало забавно, учитывая, что в конечном счёте я повинна в его смерти.

Как и он – в моей.

– Если ты можешь возвращаться назад во времени – ты можешь прийти в тот день, когда погибла Гвен? Спасти её и маму?

Я не надеялась на положительный ответ. Но не попробовать не могла.

– Это не так просто, как ты думаешь. Ты видишь, чем я стал. Вернувшись назад ещё раз, я рискую исчезнуть сразу после этого, не успев даже объяснить твоей матери, в чём дело. – Слова были хладнокровными, размеренными и очень убедительными. – К тому же в тот день другой вариант меня ещё находится в Харлере, что порождает другую проблему.

– Какую?

– В одной версии реальности не могут существовать две версии одной и той же личности. Это парадокс, и океан времени искореняет подобные парадоксы. Все людские фантазии про встрече с самим собой – занятная ерунда. Если случается так, что в одном временно́м промежутке ходишь ты из настоящего и ты из будущего, через некоторое время – довольно непродолжительное – ваши личности совместятся. Та, что из будущего, сольётся с той, что из настоящего. Как я понимаю, с потерей всех воспоминаний о грядущем.

– Откуда ты знаешь?

– Я *чувствовал* это. В тот день, когда твоя мать приказала вам ехать в Фарге – ты ведь слышала наш разговор. На какое-то время я оказывался в совершенно ином месте, в совершенно ином теле... в том Коуле, который в этот момент прогуливался где-то в Динэ. Я смотрел его глазами, я слушал его ушами – и на эти мгновения *забывал*. О тебе,

о безвременье, обо всём. Я превращался в него, в *другого* Коула. Потому я не мог выбираться в Харлер надолго... по крайней мере, пока другой вариант моей личности его не покинул. – Сид качнул головой – резким, немного механическим движением, словно шарнирная кукла. – У этой истории может быть лишь один конец, Лайза. Вы сделали напрасный крюк, но отсюда путь до Фарге недолгий. Уже завтра ты можешь оказаться в безопасности. И этот кошмар наконец закончится.

Я смотрела на серебряную макушку дин ши. Тот вглядывался в темноту, под покровом которой где-то в городе бродили Питер и Эш, ещё не знавшие, что скоро я навсегда их покину. Питера – сразу после того, как он нашёл меня; Эша – который останется не только без матери, но и без сестры...

– Вернись обратно во времени, – тихо проговорила я. – Вернись в самое начало. В тот день, когда рассказал маме обо всём этом. Вернись – и ничего ей не рассказывай.

На этом месте сид всё же обратил на меня внимательный взгляд, вопросительно вскинув серебряную бровь.

– Ты говорил, что если ты вернёшься назад ещё раз, у тебя не хватит сил, чтобы всё объяснить. Отлично. Не объясняй. – Спокойствие, неизменно светившееся в его лице, давало и мне силы оставаться спокойной. – Дай альтернативному себе утащить меня в прореху. Просто позаботься о том, чтобы мама и Эш не переживали по этому поводу. Подсунь им записку от моего имени, где я клянусь, что ухожу на Эмайн добровольно, из вечной любви к тебе. Может, тогда я и не повешусь.

– Думаешь, я не пробовал? – он заметил это без насмешки, бесконечно устало. – Очутиться в твоём тринадцатилетии у меня вышло всего раз. В дальнейшем безвременье выпускало меня лишь накануне твоей гибели. Видимо, потому, что тогда уже почти невозможно было что-либо изменить.

– То есть... мама в любом случае обречена?

– Боюсь, что так.

Мои пальцы, лежавшие на коленях, непроизвольно вонзили ногти в джинсы.

– Тогда не спасай меня. Дай попасть под мобиль. Хотя бы невинные не пострадают. Гвен, и стражники, и мастер... И Эш теперь

не возненавидит фейри. Этот расклад всё равно лучше изначального.

– Я клялся искупить вину. Но не перед твоим братом, а перед тобой. Я не допущу твоей гибели. Если ты поговоришь с Эшем, прежде чем уйти на Эмайн...

– Из-за меня погибла Гвен. И мастер Тинтрэ. И ещё куча людей, которые должны были жить. Ты считаешь, это равнозначный обмен – моя жизнь в обмен на все эти жизни?

– Мне нет дела до их жизней. Я клялся спасти *тебя*.

Я смотрела на него, пока злость и ярость запоздало поднимались откуда-то из живота, стискивая сердце, а затем и горло жаркой удушливой волной.

– Трус.

Он не вздрогнул от моей пощёчины, – но теперь я заметила, как дёрнулись его плечи.

– Значит, я трус.

Он проговорил это так же равнодушно, как всё до этого. Лишь уголок губ дёрнулся в намёке на усмешку.

– Всё это – твоя вина. Я умерла из-за тебя. Я жила бы долго и счастливо, если бы в прошлый раз ты посчитался с моими желаниями и просто ушёл на Эмайн – один. Оставил бы меня в Харлере, а не утащил за собой. Эш бы вырос с семьёй. Мама бы увидела внуков. А теперь она умерла, и спокойной жизни ни мне, ни брату не видать, потому что на меня охотится эта тварь, и всё это – из-за тебя. А ты хочешь успокоить свою совесть, и неважно, какой ценой, – мой шёпот сорвался в хрип. – Если мне всё равно суждено расстаться со всеми, кого я люблю, и всем, что я люблю, какой мне смысл жить? Жить, вспоминая всех, кто умер за меня? Не за вершительницу судеб, не за будущую королеву – за обычную девчонку, вся исключительность которой в том, что её полюбила сволочь с Эмайна?

Лицо сида было абсолютно непроницаемым. Отличное свойство для игры в покер – сейчас бесившее до потери пульса.

– Ты делаешь это не ради меня. Ты делаешь это ради себя. Так же, как потащил меня в прореху, когда я не хотела уходить. Тебе плевать на то, *как* я буду жить: главное, чтобы просто жила. Чтобы твоя драгоценная совесть перед концом оказалась чиста. Ты не о моём счастье печёшься, а о своём покое, и не понимаешь, что сама жизнь ничего не стоит, когда из неё исчезает всё, ради чего стоит жить. Но

мне не нужно *существование*, которое предлагаешь мне ты. Прояви настоящую смелость – и признай, что не сможешь исполнить свою клятву. Дай мне умереть, чтобы из-за меня не страдали те, кто не должен страдать.

– Я не для того зашёл так далеко, чтобы отступить.

Его ответ был незамедлительным и непреклонным – и заставил меня вскочить.

– Верни. Всё. Как. Было. – Я почти задыхалась, настолько мне хотелось кричать. – Иначе я...

– Что? Сдашься твари? Наложить на себя руки? Когда твоя мать и твой учитель умерли, чтобы ты жила, возьмёшь и перечеркнёшь их великую жертву? – холод его голоса шелестел февральской вьюгой. – Нет, Лайза. Я не сделаю того, о чём ты просишь. Ты можешь злиться на меня, ты можешь меня ненавидеть – я буду этому рад. Ибо больше всего я боялся, что ты снова меня полюбишь. Причина, по которой я держался с тобой так холодно всё это время... Твоё равнодушие ко мне, не то, через что мне пришлось пройти, – *это* моё наказание. Наказание, которое я заслужил. – Сид вновь отвернулся к окну. – Тебе хватит денег, чтобы купить лодку. Я приду, если тебе будет грозить опасность, и приду, когда ты окажешься в порту. Я помогу тебе добраться до Эмайна. Объясню, как найти моих родных. То будет последний раз, когда ты меня увидишь.

– Ты...

Но он уже исчез. Растворился в воздухе, как всегда. Либо перешёл в призрачную форму, либо вовсе ушёл в безвременье, которому он принадлежал.

– Ты! Вернись! – Я всё-таки сорвалась на крик. – Я не хочу, я не...

Слова застряли в сжавшемся горле – и я сорвала плакат со стены, выкинула на пол книги с полок, забарабанила кулаками по штукатурке: готовая сделать что угодно, лишь бы унять эту невыносимую душашую злобу, плавившую сердце огнём отчаянного бессилия, замещавшую все мысли одним-единственным «*ненавижу его, ненавижу, ненави...*»

Очнулась я, поняв, что мизинцы обжигает боль. Уставилась на покрасневшие отбитые пальцы, на обессиленные дрожащие руки.

Ярость отступила схлынувшей волной.

...если я убью себя, он обязан будет вернуться. Раз уж он так заинтересован в том, чтобы я жила. Но я ведь тогда всё равно умру; а если сиду нет дела до моих желаний, станет ли он тратить последние силы на то, чтобы спасти десяток презренных людишек, когда для меня исход будет один?..

А ведь мама знала. Знала про то, что это за чёрная тварь. Знала про то, каким будет конец нашего путешествия. Знала, что умрёт – из-за меня.

И перед смертью взяла с меня обещание, что я поеду в Фарге...

Скрипнула дверь. Обеспокоенное «Лайза» заставило меня поднять глаза, которые жгло огнём – без слёз; взглянуть на Рок, Эша и Питера, застывших на пороге.

– Что случилось? – резко спросил брат, разглядывая устроенный мной кавардак.

Я опустилась обратно на кровать, глядя, как Питер аккуратно собирает книги, возвращая их на полки. Кажется, на те самые места, с которых я их выбрасывала: я плохо запомнила расположение, но книги были расставлены строго по цветам и высоте корешков.

– На кого ты кричала? – спросила Рок – куда мягче Эша.

Я молчала.

Я разомкнула губы, лишь когда Питер сел рядом со мной и, взяв мои руки в свои, заглянул мне в глаза, задавая немой вопрос.

Ему не ответить я не могла. Только не ему.

– Сид приходил. Поведал мне кое-что, – бесцветным голосом проговорила я. – Я... Я завтра расскажу, ладно? Мне надо это обдумать.

– Что обдумать, Лайз?

Голос Питера словно гладил меня по щекам невидимыми пальцами.

– Одну важную вещь. Прости, не могу сказать. Не сейчас. – По телу разливалась такая усталость, будто я пробежала марафон. Неудивительно, учитывая, что предшествовало разговору с сидом, который трудно было назвать лёгким. – Утром. До утра я всё... решу.

– Лайз...

Рок мягко положила ладонь брату на плечо, заставив его осесть.

– Эш, пойдём, – сказала баньши, которой, видимо, моё лицо сообщило больше любых слов. – Завтра так завтра.

Брат снова посмотрел на меня. На пальцы Питера, накрывавшие мои.

Круто повернувшись на пятках, удалился, – и Рок последовала за ним, словно незримо подталкивая в спину, отрезая возможность вернуться.

– Чем я могу помочь? – когда дверь закрылась и мы остались одни, спросил Питер так деликатно, что мне снова захотелось плакать.

Он наверняка видел, что сейчас я *действительно* не готова ни о чём говорить. И не собирался выпытывать ни слова, – но оставлять меня с тем, что тлеет в черноте моей выжженной души, тоже не собирался.

– Побудь со мной, – хрипло попросила я. – Просто побудь. Пока я не засну.

... скоро мы уже лежали на кровати, и я обвивала руками его шею, утыкаясь ему в плечо, вдыхая знакомый запах можжевельника и ореха, чувствуя, как ласковые пальцы перебирают мои волосы. И думала, что, быть может, это всё-таки ещё одно видение Повелителя Кошмаров – всё это. Или что я так и не просыпалась с момента, как мне явился сон про висельницу в белом платье, так похожую на меня, – а лучше с момента, предшествовавшего тому, как маму свалила неведомая хворь. Вот сейчас я открою глаза в собственной постели и услышу, как мама на кухне поёт и жарит тосты на завтрак; и пускай окажется, что Питер мне только приснился, в этом кошмаре нам всё равно не быть вместе.

Вот было бы славно, если б это был только кошмар.

Только страшный безумный сон.

Только...

Я даже не заметила, как уснула.

* * *

Спала я без сновидений. Очень крепко. Только закрыла глаза, а потом открыла – будто всего секунду спустя, но сквозь шторы гостиной уже пробивался солнечный свет.

Питер снова был здесь. Сидел на краю кровати, глядя на меня, и в мятных глазах нежность мешалась со странной щемящей

безнадёжностью. Словно он вёл обратный отсчёт до момента, когда я проснусь и всё же расскажу то, что не смогла рассказать вчера, – и знал, что, какими бы ни были мои слова, ничего хорошего они не принесут.

– Доброе утро, миледи, – мягко сказал он, убирая спутанные волосы с моего лица, заправляя их за уши. – Завтрак в постель? Полагаю, после вчерашнего даже твой брат не будет возражать. Ты потратила много сил.

Питер, я могу остаться в живых, только если отправлюсь на Эмайн. И в ближайшее время мне суждено либо умереть, либо уйти в другой мир и никогда больше тебя не увидеть.

Две фразы, которые требовалось произнести, вертелись в мыслях, но застревали в горле, отказываясь идти на язык.

– Я в порядке, – хрипло сказала я вместо этого. Чувствовала я себя и правда вполне сносно – по крайней мере, физически: видимо, трёхдневный курс восстанавливающих зелий возымел должное действие. – Позавтракаем все вместе. Заодно... обсудим то, что требуется обсудить.

Питер не стал ни возражать, ни настаивать. Лишь, наклонившись, коротко поцеловал меня в губы и встал, чтобы выйти из комнаты.

Я смотрела в потолок, чувствуя, как отступившее на время сна смятение снова путает мысли.

Стало быть, проклятье, которое сгубило маму, пощадило меня. Хотя нет, о какой пощаде может идти речь? Скорее дело в том, что я уже фактически мертва.

Я смотрела, как в тонком солнечном лучике, пробившемся сквозь щель между задвинутыми шторами, кружатся золотые пылинки. Пытаясь уложить в голове, что где-то в другой реальности я влюбилась в сида и умерла из-за него, Эш вырос и стал диктатором, а сид вернулся назад во времени, чтобы спасти меня, и тем самым вызвал гнев твари, которая теперь хочет меня убить.

Безумие.

...хорошо, но если мама умирала из-за того, что узнала про все эти игры со временем, – почему она не умерла тогда, когда этот Коул только пришёл к ней? Когда мне было тринадцать? Почему проклятие догнало маму *сейчас*? Почему тварь явилась за мной лишь несколько дней назад? И неужели одно-единственное изменение в чьей-то судьбе

может повлечь за собой такие страшные последствия? Выходит, вся наша жизнь predetermined и никакой тебе свободы воли? Хотя... когда имеешь дело с путешествиями во времени, всегда сталкиваешься с парадоксом на парадоксе. В книгах и фильмах теорий на этот счёт выдвигалось множество, и невозможно было говорить об их правдивости. Только о правдоподобности.

А то, что рассказал мне сид, звучало вполне правдоподобно.

Я смотрела на солнечные блики, игравшие на серых стенах, не прикрытых голограммами.

...уйти на Эмайн? Оставить Питера и Эша? Или умереть, надеясь на то, что сид вернётся назад во времени и всё исправит? Тогда мы с Питером не встретимся, даже не узнаем друг о друге – а о том, кого ты не знал, не будешь сожалеть. И мастер не погибнет, и Гвен, и все те, кого тварь использовала в качестве одержимых...

Но даже если сид сделает всё так, как я ему сказала, Эш всё равно останется один.

Я села в постели, переведя взгляд на зашторенное окно, солнце за которым наверняка уже близилось к зениту.

...нет, я не могу принять такое решение одна. Я не смогу объяснить ребятам всего, но что-то мне всё равно придётся объяснять. При любом исходе.

* * *

Когда я спустилась вниз, Питер уже успел заварить чай и соорудить тосты с маслом и джемом. Рок и Эш ждали за столом: видимо, Питер сообщил им, что я планирую военный совет. Прежде чем заговорить, я заставила себя сжевать тост, хотя кусок с трудом лез в горло. Никто не торопил меня – разве что тяжёлым выжидающим молчанием, в котором слышно было, как крошится поджаренный хлеб у меня во рту.

– И о чём ты хотела поговорить? – спросила Рок, когда я дожевала, прежде чем достать из кармана сигарету, цепко вглядываясь в моё лицо.

– Если что, – сказал Питер, отхлебнув чаю, – я, конечно, согласен на твою руку и сердце, но, по-моему, просить её полагается мне.

– Ещё бы ты был не согласен, – проговорил Эш ровно, – если бы кто-нибудь собирался их отдавать.

Я сжимала чашку с чаем обеими руками так крепко, словно боялась упасть.

– Сид вчера рассказал мне, что за тварь нас преследует.

Голос мой звучал удивительно равнодушно для человека, в душе которого чернела бездна.

Эту черноту могли не замечать другие, но я знала, что Питер чувствует её, возможно, даже острее меня самой.

– Наконец-то, – выдохнул Эш.

– И я не могу рассказать об этом вам. По той же причине, по какой не могла рассказать мама. – Я закрыла глаза: почему-то казалось, что так легче будет перенести то, что последует за этим. – Суть в том, что эта тварь не остановится, пока не убьёт меня, а её убить невозможно. И она действительно овладевает теми, чей жизненный путь пересёкся с моим. А я могу спастись, только если уплыву на Эмайн Аблах. Навсегда.

...напрасно казалось.

Я не видела их лиц, но слышала, как молчание, окутывавшее маленькую кухню, как зимой кутает землю глухая снежная пелена, сделалось ещё тяжелее.

– Этого не может быть. – Ладонь Питера легла на моё плечо, и я ощутила лёгкую дрожь его пальцев. – Он врёт.

– Не врёт. Он эгоистичная сволочь, и это он виноват во всём, что с нами произошло, но он не врёт. Незачем. – Я разомкнула веки. Посмотрела на руку Питера, державшую меня так, словно я могла сию секунду исчезнуть, переместившись на Эмайн. – Есть и другой выход. Я умираю, а вы... вы с Рок забываете обо мне. Зато все, кроме мамы, возвращаются к жизни.

– Даже сгоревшие стражники? – уточнила Рок.

Она сидела, позабыв про сигарету в опущенной руке. Равнодушие её тона не обижало меня по одной простой причине: сейчас я сама прилагала тонну усилий, чтобы моя речь оставалась такой же, и подозревала, что за чувства прячутся за её показной безэмоциональностью.

– Даже они. И те люди в гостинице. И Гвен... моя подруга. Все, кроме мамы. – Я перевела взгляд на Эша, который неверяще смотрел

на меня. – Вы забудете обо мне. Всё будет так, будто вы никогда меня не встречали. Вам даже не придётся тосковать.

– И мне? – негромко осведомился брат.

Его лицо могло показаться неживым, нарисованным. Вот только даже в нарисованных лицах я привыкла видеть хотя бы намёк на живые эмоции.

– Нет. Ты меня не забудешь. Только поэтому я до сих пор на это не решилась. – Поднеся кружку к губам, я сделала короткий нервный глоток. – И всё равно склоняюсь ко второму варианту.

– Не смей, – эти два слова Питер почти прорычал. – Не смей жертвовать собой.

Глупая улыбка невольно скривила мои губы.

– Питер, если это случится, ты меня даже не вспомнишь.

– И вот поэтому – не смей. – Вторая его рука легла на другое моё плечо, почти грубо развернув к себе. – Значит, ты можешь спастись на Эмайне? Отлично. Тогда я плыву туда с тобой. И малыш тоже.

– Нет. Нельзя.

– Это твой сид напел? – Мятная зелень его глаз искрилась презрением. – Если да, мне плевать на его мнение.

– Питер, это не шутки. Это... законы мироздания. Туда могу отправиться только я. Поверь, я... Разве ты не понимаешь, что мне самой хотелось бы этого? Что, будь такой вариант возможен, я первым делом бы его предложила? – Я коснулась его ладоней своими: так мягко, как могла в тот момент, когда мне самой хотелось смести со стола тарелки и швырнуть на пол чашки – одну за другой, крича в такт песне бьющейся керамики. – Я не могу объяснить почему. Но ты должен мне поверить. Есть лишь два выхода, и я о них рассказала. Других нет.

Он смотрел мне в глаза, прямо и упрямо, и пальцы его впивались в мои плечи до судороги, до лёгкой боли.

Я и не ожидала, что он поймёт.

Я бы сама не поняла.

– Либо ты уходишь, а нам остаётся только память, – наконец подала голос Рок, – либо не остаётся даже её?

– Да.

Баньши всё-таки поднесла сигарету к губам. Усмехнулась – усмешка вышла кривой и острой, как осколок стекла.

– Куда не кинь, всюду клин. – Она резко выдохнула, и дым на миг окутал её лицо туманной вуалью. – Знаешь, Лайз... Иногда меня просто бесит, что ты такая хорошая девочка. Понимаю твоё желание спасти невинных, но, откровенно говоря, я бы в такой ситуации думала в первую очередь о брате, а не о каких-то чужих дядьках в форме стражей. И даже не о подруге.

– Эш в любом случае останется один. – Горло сжало болезненной судорогой. – Если бы можно было... маму...

– Ты *правда* думаешь, что мы с Питером бросим его на произвол судьбы? После всего, через что мы вместе прошли? – Баньши укоризненно качнула сигарету в пальцах. – Мне не нравится этот расклад. Очень. Я не хочу, чтобы ты уходила. Мне не по душе всё то, что мы оставили позади. Но я не согласна расстаться с воспоминаниями ни о тебе, ни о том, что было. Если уж мы не имеем права сохранить тебя живую, позволь хранить хотя бы память о тебе. Помнишь, что я говорила про истории о путешествиях во времени? – Рок снова затянулась, наполняя кухню вишнёвым дымком, пока мне хотелось истерично расхохотаться от осознания, насколько баньши сейчас близка к истине – и как, должно быть, хохотала бы, если б только я могла рассказать ей всё. – Несмотря на то что дерьма в моей жизни с момента нашего знакомства тоже было немало, про такие дни обычно говорят «незабываемые». Если ты умрёшь и мы всё забудем, твой брат действительно останется один. Но если ты уйдёшь на Эмайн, клянусь: я буду заботиться об Эше так же, как это бы делала ты. Всё время, пока он будет в этом нуждаться. Уверена, он вполне и без меня проживёт, но... привязалась я к этому паршивцу, чего уж там.

Я посмотрела в глаза Эша, всё ещё молчавшего; в синюю воду, чуть подёрнутую льдом.

– Я согласен. С Рок, – тихо вымолвил брат. – Я... не хочу, чтобы ты умирала. Даже если мы никогда не увидимся.

Горло сдавило так, что стало трудно дышать.

Нет, не плакать. Не плакать.

Ему и так тяжело.

– Двое за, – Рок констатировала это так невозмутимо, будто мы голосовали, что приготовить на ужин. – Питер?

Тот сидел, сжав губы, с желваками на скулах. Не отпуская мои плечи, не сводя взгляда с моего лица.

Резко, безнадежно опустил темнокудрую голову.

– Будь он проклят, этот сид. – В хриплом шёпote было ещё больше отчаяния, чем в жесте до этого. – Там о тебе кто-нибудь позаботится?

Я выдавила из себя что-то, отдалённо напоминающее «да».

– Значит, до конца жизни смогу тешиться надеждой, что тебе хорошо. – Питер разжал руки, отпустив меня. – Я не хочу тебя забывать. Ни одной секунды, проведённой с тобой. Если я буду знать, что где-то там, пусть и не со мной, ты живёшь, и живёшь счастливо... Мне этого достаточно. Раз уж большего не дано. – Он отвернулся к двери, так, чтобы я не видела его лица. – Если малыш не против моего общества, я позабочусь о нём вместе с Рок. Постараюсь заменить тебя, насколько смогу.

Вот и всё.

Я сглотнула, надеясь убрать из горла ком, мешавший сказать то, что оставалось сказать.

Я не знала, какой вердикт принёс бы мне больший душевный покой. Умирать мне не хотелось, но я понимала: смерть будет легче той жизни, которая отныне мне оставалась. И тем не менее не принять их решение, их доводы я не могла.

Ради Эша.

– Тогда я еду в Фарге. Сегодня же. Одна.

Рок лишь вопросительно изогнула бровь.

– Теперь, когда я знаю, в чём дело... Больше я не хочу рисковать вашими жизнями. Отсюда до Фарге рукой подать. И... раз уж мы решили, что я уйду... Я больше не поставлю тебя под удар. – Кончиками пальцев я едва ощутимо коснулась кудряшек Эша. – Иначе всё станет бессмысленным.

– Одну я тебя никуда не отпущу, – процедил брат, неотрывно глядя на меня.

– Эш, новая встреча с тварью может стать для любого из нас последней. Если с тобой что-то случится...

– Я понимаю риск. И не стану подставляться. Иначе ты осуществишь свой самоотверженный план с великой жертвой во имя общего блага, знаю, – неожиданно согласился брат, хотя резкий тон больше подошёл бы возражению. – Мы с Рок вернёмся в Мойлейц. К страже, которая с нетерпением ждёт наших объяснений. Но я так

понимаю, что до Эмайна ты будешь добираться морем, а одна ты даже лодку не сможешь купить, не пообщавшись с потенциальными одержимыми. И я сомневаюсь, что в таком состоянии ты благополучно доберёшься до Фарге. Ты и в лучшие дни водишь не слишком аккуратно. – Эш смотрел на меня в упор, неуклонно и непреклонно. – С тобой поедет Питер. Купит лодку. Защитит тебя, если что. Поможет тебе доплыть до Эмайна. Потом просто вернёт мне мобиль.

– Согласен, – сказал Питер. – Я тебя одну тоже никуда не отпущу. Возразить было нечего. Да и не особо хотелось.

Кивнув, я проследила, как Рок лезет смотреть расписание междугородних автобусов, а брат встаёт, распрямляя худощавое тело резко, точно складную линейку, и выходит из кухни, чтобы собрать вещи. Снова вспомнила слова Донна – о том, что Питеру отведена столь важная роль в моей истории, что она защищала его от одержимости. Это и есть его роль? Послужить моим личным Хароном, перевозчиком на ту сторону?.. И даже задумываться не буду, что за *важную роль* Питеру отвели в истории Харлера, если моему брату суждено было стать кровавым тираном.

Вот иронично, если это роль *убийцы* тирана...

Эша не было так долго, что в конце концов я забеспокоилась и поднялась на второй этаж следом за ним: едва ли ему требовалось упаковывать что-то помимо зубной щётки и пары других мелочей. И лишь переступив порог отведённой ему комнаты, где с полки над кроватью на меня взирали лупоглазые котята, пестревшие на донышках фарфоровых блюдец, поняла, что вынудило его замешкаться.

Брат сидел на кровати, поджав одну ногу под себя, уставившись на потрёпанные жёлтые страницы книги, которую держал в руках. С которой за жизнь я видела его так часто.

– Забавно, – проговорил брат, не отрывая взгляда от строк, написанных от руки аккуратно каллиграфическим почерком. – Я привык верить ему, но даже он мне лгал.

Я подошла ближе, молча глядя на потрёпанную кожаную обложку, обрамлявшую записи нашего славного предка.

Эта книга была единственным наследием первого лорда Форбидена, которое нам осталось. Инквизитор Гэбриэл Форбиден так и не успел дописать свои мемуары – погиб прежде, чем поставил

финальную точку, – но записи, впоследствии озаглавленные «Кодексом Форбидена», сперва сделались настольной книгой каждого Инквизитора, а потом легли в основу нашумевшего сериала. Однако прежде чем воплотиться на экране, стали любимой книгой маленького Эша.

Значит, брат и в Фарге взял её с собой... Хотя глупо было предполагать иное.

– В чём лгал?

– Он говорил, что всех чудовищ можно победить. Пусть и дорогой ценой. Порой самой дорогой, которую ты можешь заплатить.

К драгоценному оригиналу «Кодекса» мама относилась восхитительно небрежно. Во всяком случае, не заперла книжицу, за которую мы могли бы получить немалые деньги, под замок в стеклянную витрину, а позволила Эшу зачитывать её до дыр и чуть ли не спать с ней под подушкой. И продавать её не стала, хотя после выхода сериала за оригинал «Кодекса» коллекционеры бы душу продали. Впрочем, к тому моменту мы не бедствовали, а мама не задумывалась о расставании с наследием первого лорда Форбидена, даже когда на счету у неё красовались нули.

Хорошо, что книга не осталась в сгоревшем доме.

– Он не лгал, Эш. Он побеждал всех чудовищ, которых встречал. Даже тех, что в итоге его убили. Он всё равно победил их.

– Побеждал. Даже самых страшных. Скрывавшихся в людских душонках. – Эш медленно закрыл книгу. – Так, может, сейчас дело не в чудовище, а во... в нас? В том, что мы слишком слабы?

Он осёкся прежде, чем сказал то, что хотел сказать. Да только я всё равно услышала это недосказанное *«во мне»*.

...в детстве я часто гадала, почему Эш не расстаётся с прадедовскими мемуарами, чуть ли не заучивая их наизусть. Он начал зубрить «Кодекс» задолго до того, как объявил о своём намерении пойти по стопам предка. И лишь потом я догадалась, что любому мальчику всё равно нужен отец. Если он не находит его в своём доме, он ищет его в других местах. Кто-то видит отца в учителе или старшем товарище; Эш нашёл его в саркастичном отставном Инквизиторе, погибшем почти полтора века назад.

Лорд Гэбриэл Форбиден определённо был не худшим примером для подражания. Но когда его планку – планку человека, не склонного

к сантиментам, человека, которого за его методы многие считали хладнокровной циничной сволочью, человека, который умер, защищая своего ребёнка и свой мир от монстров, – задаёт себе двенадцатилетний мальчишка...

– Эш, поверь. Это чудовище и правда не победить. Это не в силах человека.

– Это решаемо, – обтекаемо и отстранённо заметил Эш.

За жизнь я часто проявляла поразительную недогадливость. Однако сейчас, к счастью, совершенно точно поняла, что он имеет в виду.

Сев на кровать рядом с братом, я взяла его за плечи.

– Эш, слушай... Послушай меня, потому что это очень важно. Пожалуйста. Где бы я ни была, я не прощу тебе, если ты перестанешь быть собой. Моим маленьким братиком, который никогда не сделает больно тем, кто этого не заслуживает. Слышишь? – Я убрала золотые кудряшки с его лица, пока синие глаза молча следили за моими движениями. – Я всё равно буду с тобой. Всегда. Вот здесь. – Я коснулась губами его лба. Приложила одну ладонь к чёрной мальчишеской футболке – напротив сердца. – И здесь.

Он не ответил. Просто, поколебавшись, обнял меня в ответ, сжав почти до боли. Рывком отстранившись, наконец встал, чтобы убрать книгу в чемодан.

Боги, надеюсь, я всё сделала правильно.

* * *

Прощание было недолгим. Питер тихо ждал на кухне; мы с Эшем давным-давно знали, что в долгих проводах лишь больше слёз. Рок, видимо, разделяла наше мнение.

– Я рада, что мы встретились, Лайз, – сказала баньши, когда мы столпились перед дверью на улицу. Обняла меня: никаких расцеловываний, просто тонкие, удивительно сильные руки вокруг моих плеч, сомкнувшиеся на моих лопатках.

– Спасибо тебе за всё, – сказала я, отстранившись. – Жаль, что ты не сможешь написать свою статью.

Рок улыбнулась – почти не вымученно. Провернула запор.

Дверь, открывшись, впустила внутрь солнечное тепло – и закрылась, оставляя нас с братом в коридоре одних.

– Не верится, что вижу тебя в последний раз, – произнёс Эш, глядя в сторону.

Я в два шага сократила расстояние между нами.

– Не грусти обо мне, Эш. Учись хорошо. Ты... у тебя большое будущее. Я знаю. – Прижав брата к себе, коснулась губами его макушки. – Гэбриэл Форбиден гордился бы таким внуком, как ты.

Он промолчал. Лишь худенькая спина под моими ладонями дрогнула.

Я едва заметно покачивала его, баюкая в объятиях, пока Эш плакал. Беззвучно, без всхлипов, судорожно сжимая опущенные кулаки.

Когда он наконец поднял голову, лицо его было спокойно. Даже губы не дрожали: только щёки мокрые да глаза блестят ярче обычного.

– Я буду скучать, Лайз.

Коридор поплыл в жгучем радужном мареве.

До боли стиснув челюсти, пытаюсь не разрыдаться, я сжала брата в руках так крепко, как могла. Мягко, но непреклонно отстранила:

– Иди. Иди, ну же...

Эш отвернулся. Рывком распахнув дверь, вывез на крыльцо свой чемодан на колёсиках, позволив напоследок увидеть залитый солнцем переулок и Рок, курившую рядом со ступеньками.

Потом дверь захлопнулась.

...в тот день, когда всё это началось – когда мама сказала, что мы должны ехать в Фарге, – тоже светило солнце. И небо, вечное небо, накрывавшее нас с Питером на башне в день Лугнасада, было таким же безоблачным. Небу и солнцу ведь нет дела до того, что с нами происходит: ни им, ни всем тем людям и фейри, что в этот самый миг смеются и веселятся там, снаружи, в том же городе, где я узнала, что вскоре потеряю всё.

Как бы тебе ни было плохо, мир не перевернётся. Мир не будет кричать от боли вместе с тобой. Мир будет жить дальше, и солнце продолжит светить всё так же безмятежно, и когда тебя не станет, земля не заметит этого. Заметят лишь другие, ходящие по ней, такие же смертные и мимолётные, как ты; и они умрут немногим позже тебя,

и их печаль по тебе, память о тебе, последние свидетельства того, что ты *был*, умрут вместе с ними...

– Они уехали?

Услышав голос Питера, я не обернулась.

– Да. Видимо, и нам пора.

– Хочешь ещё чаю?

– Нет. – Я смотрела прямо перед собой, на светлое дерево входной двери. – Выпью, как приедем в Фарге.

– Ты даже не знаешь, есть ли там чайник.

– Думаю, ты найдёшь, где его раздобыть.

Его вздох походил на шелест перевернутой страницы.

– Лайз, ты уверена, что стоит ехать сегодня? Когда мы приедем, все лавки уже будут закрыты, и...

– Да. Я хочу уехать сегодня. Заночевать там. Чтобы завтра у нас был ещё один день. Целый день. Последний. А вечером я уплыву.

Он не ответил. Просто ушёл наверх, за моим чемоданом.

Я слушала его размеренные шаги, и с моих губ сорвался смешок.

...ты был прав, Питер. Когда говорил про часы. Кто-то действительно отмерил наши общие дни, и для них наши желания не имеют никакого значения.

Как глупа я была, когда позволила себе думать иначе.

Я стукнула кулаком об стену. Рука прошла сквозь мигнувшую голограмму обоев, ободрав кожу на костяшках, но внешняя боль казалась почти приятной: отвлекала от боли внутри.

Питер молчал, даже вернувшись с моими вещами. Запрограммировал сигнализацию и, выведя меня на улицу, запер дверь.

– Идём, – сухо бросил он, убирая ключи в борсетку и доставая оттуда те, что ему оставил Эш.

В последний раз оглянувшись на дом, увитый плющом, льющим из цветочных ящиков на втором этаже, я направилась к машине, слушая, как стучат по брусчатке колёса чемодана.

Да, Питер, ты был прав. Не только насчёт часов.

В том, что вернуться в твой дом по окончании этого приключения нам с тобой не суждено – тоже.

Четыре года назад

– Лайза, прекрати! Ну хва... ха-ха...

– А ты прекрати вести себя, как циничный старичок!

Небольшая детская в обычной квартирке обычного многоэтажного дома. На узкой кровати хохочет златокудрый мальчик, старательно отбрыкиваясь от щекочущей его темноволосой девочки постарше.

Ни у Эша, ни у Лайзы из лиц пока не ушла умилительная детская пухлость, – но фигурка последней уже принадлежит не девочке, а маленькой, едва начинающей взрослеть девушке.

– Ладно, хватит с тебя. – Смиловитившись, Лайза отпускает брата и откидывается назад, прислоняясь спиной к стене, сдувая чёлку с вспотевшего лба. Её плечи на сантиметр утопают в светло-сизой голограмме однотонных обоев. – Так почему ты сказал, что это ни к чему хорошему не приведёт?

Эш смотрит на неё почти жалостливо:

– Лайз, ну какая может быть любовь в тринадцать лет?

– А тебе-то откуда об этом знать в восемь?

Мальчик лишь плечами жмёт; в синих глазах уже сейчас светится недетская пронизательность.

– Это серьёзно, – не дождавшись ответа, говорит Лайза. – Совсем не то, что было до этого.

– Совсем не то, что подержаться за ручки по дороге в буфет?

– Я... я думаю о нём всё время, и... – Лайза опускает голову, и волосы занавесью скрывают её порозовевшие щёки, – мы даже целовались.

Эш удивлённо приоткрывает рот.

– Что, не в щёку? – недоверчиво спрашивает он потом.

– Нет. И не просто чмокнулись. Он... он посасывал мою губу. Как в настоящем поцелуе. Да он и был настоящим. Понимаешь? – Лайза вскидывает лицо как будто с вызовом. – Это и впрямь серьёзно.

Эш стоически вздыхает и закатывает глаза.

– Я одного не пойму, – изрекает он, – почему ты душуливаешь мне, а не маме?

– Потому что она наверняка надо мной посмеётся.

– Я тоже над тобой смеюсь.

– Да, но видеть, как смеёшься ты, не так обидно. – Лайза подозрительно смотрит на брата. – Если не хочешь, могу не изливаться.

– Нет уж. Меня и так никто, кроме тебя, всерьёз не воспринимает. Одноклассники разве что, но о чём с ними говорить? – Эш поднимает с покрывала старинную книгу в потрёпанном кожаном переплёте и прижимает её к груди – бережно, как любимую игрушку. – Ничего серьёзнее сказочек не читают.

– Ну, они повзрослеют.

– Но я тоже повзрослею. И когда они догонят меня, я опять буду впереди, и нам снова будет не о чем говорить. – Он морщится. – Смотрю на них и хочу быть... таким же. Играл бы с ними, обсуждал мультики, и мне не было бы скучно. А то иногда кажется, что мне всю жизнь будет так же одиноко. Так и останусь тем, кто сидит в уголке и читает книжки.

– Тебе не будет одиноко. – Лайза ободряюще взъерошивает его кудри. – Я всегда буду рядом.

Дверь в комнату открывается, и на пороге появляется мать семейства: та же Лайза, только повзрослевшая лет на двадцать.

– Спать пора, малыши. – Леди Форбиден, улыбаясь, прислоняется плечом к дверному косяку. – Не то завтра в аквапарке долго не прокушаетесь.

Лайза послушно встаёт и, пожелав брату спокойной ночи, уходит.

Сабелла Форбиден следит, как Эш, нехотя отложив «Кодекс Форбидена» на тумбочку, залезает под одеяло. Легонько погладив сына по волосам, целует его в лоб и приказывает в пространство:

– Выключить свет.

Когда люстра под потолком гаснет, погружая детскую во тьму, леди Форбиден прикрывает дверь из матового стекла. Идёт на кухню в серебристых тонах, обставленную мебелью из пластика и металла; берёт из раковины грязную тарелку, чтобы поднести её к крану, который включается сам собой.

– Леди Форбиден...

Услышав за спиной незнакомый голос, Сабелла мигом роняет тарелку обратно и оборачивается, вскинув ладонь, к которой уже тянется по коже искристая зелёная вязь магической печати:

– Стой, где стоишь!

Ллеу Колборн – волосы длиннее, чем во время последнего разговора с Лайзой в облачном замке, лицо острее и тоньше, но в целом почти не изменившийся, – поднимает руки в ответ.

– Я не причиню вам вреда, – слова звучат шорохом бархатного плаща по снегу. – У меня мало времени... выслушайте меня, молю. Речь о жизни Лайзы.

– Ты знаешь Лайзу? – Леди Форбиден не спешит опускать ладонь, как не спешит верить словам гостя из Дивной Страны. Рука её вытянута, словно она держит пистолет, только в качестве оружия выступает её указательный палец, направленный сиду в грудь. – Кто ты? Как пробрался к нам?

– Я Коул из рода Дри, принадлежащего ко Благому двору. – На губах сиды проскальзывает призрак усмешки – горькой, как полынь. – Вернее, когда-то был им.

– Значит, ты из другого мира?

– Из другого времени.

Леди Форбиден молча смотрит на него.

Ей не нужно ничего говорить, чтобы дать понять: она ему не верит.

– Я из другого времени. Из будущего, – голос Коула звучит так, словно поведенное касается его лишь отдалённо. – Когда Лайзе исполнится семнадцать, она встретит меня. Я приду в ваш мир. Я влюблюсь в неё. Я предложу ей уйти со мной на Эмайн. Она откажется, и тогда я украду её. Вы сопьётесь с горя. Ваш сын, возненавидев фейри, станет чудовищем. Лайза не сможет простить меня и повесится. Такова судьба, которая её ждёт. Я поклялся над её телом, что не допущу этого. Вот почему я здесь... чтобы вы изменили её жизнь.

Леди Форбиден молчит, не опуская руки.

– Я знала, что вы, сиды, те ещё шутники, – произносит она наконец, – но это слишком жестокая шутка.

– Я не шучу.

– В таком случае докажи. Докажи мне, что знаешь мою дочь.

Коул медлит, будто вспоминая что-то давно забытое.

– Она любит оладьи с кленовым сиропом. Ароматный чай. Петь. Остин, Бронте и Йейтса. Книги вашей прабабки – особенно ту, что про девушку-пирата, взявшую себе мужское имя. Её магическая печать проявилась в четыре года, когда вы оставили её в ванной и выбежали ответить на звонок, а она не смогла дотянуться до игрушки, которая лежала на стиральной машине. Три дня назад она впервые поцеловала

мальчика, но не скажет об этом никому, кроме Эша. – Он склоняет голову, глядя сквозь лицо собеседницы. – Я могу поведать ещё многое, но не уверен, что сумею долго продержаться в этом мире. Скоро меня затянет обратно в... туда, откуда я пришёл. Прежде, чем это случится, я хочу увериться, что вы спасёте Лайзу, когда придёт время.

Леди Форбиден смотрит на него. На улыбку, едва заметно растянувшую губы сида, пока он говорил о Лайзе: тень счастья, что когда-то дурманило и кружило голову, а теперь обернулось лишь бледным призраком жизни, ныне почти забытой.

Указательный палец её чуть опускается.

– Предположим, – медленно выговаривает она, – что ты говоришь правду. Лайза... повесится?

– А ваш сын станет премьер-министром Харлера и развяжет войну с фейри. Его отравят, чтобы закончить её.

Леди Форбиден касается свободной ладонью лба, точно проверяя, не пышет ли тот лихорадкой, рождающей бредовые видения в её воспалённом мозгу.

– И я сопьюсь.

– В конечном счёте вас разобьёт insult. Последние десять лет своей жизни вы проведёте немим растением, прикованным к постели, из-за чего Эш будет справедливо винить фейри не только в пропаже сестры, но и в болезни матери.

– И что же, по-твоему, я должна сделать, чтобы всего этого не произошло?

– Предотвратить нашу с Лайзой встречу. Она случится летом, когда ей будет семнадцать. В лесу рядом с Динэ. Одиннадцатого июля. Двадцать пятого я завлеку её в прореху. Увезите её из города на эти две недели, и всё будет в порядке.

Впервые за весь разговор в глазах леди Форбиден проступает удивление.

– Я-то думала, на этом месте ты предложишь сделку, – насмешка в её голосе мешается с задумчивостью. – Одну из тех, на которые ваш народ горазд... Ту, где смертные всегда в проигрыше.

– Я действую не ради своей выгоды. Только не ради неё.

Леди Форбиден переводит взгляд на оконное стекло за его спиной.

В зеркале тёмного окна, за которым остужает землю осенняя ночь, прекрасно видно отражение женского лица, стола, кухонных шкафов...

всего, кроме сида, стоящего прямо перед хозяйкой дома.

– Как вы встретились? – произносит Сабелла чуть погодя.

– Лайза гуляла в лесу рядом с Динэ. Неподалёку от прорехи, ведущей на Эмайн. Пела, – негромко добавляет Коул.

– Не на голос ли её ты, случайно, клюнул?

– Верно.

Леди Форбиден усмехается со странной горьковатой нежностью:

– А если вместо тебя спустя пару лет в этом же лесу её услышит кто-то другой? Другой сид, который обольстит её?

– Об этом я ничего не знаю. Мне ведом лишь тот вариант будущего, о котором я поведал вам.

Леди Форбиден сжимает губы.

– А я так надеялась, что везение леди рода Форбиден – всё же шутка. Что дети не обречены повторять судьбу родителей, – бормочет она. – Хоть отбивай у неё желание петь где-либо и что-либо. Чтобы не привлекала внимания Сказочного Народа. Да и вообще... мужчин. Заодно избежит моих ошибок.

– Считаете это ошибкой? – бесстрастно спрашивает сид. – Любовь к тилвиту?

– А, так ты и об этом знаешь? – Женщина потирает предплечье, оголённое коротким рукавом вытертой футболки с эмблемой Queen; пальцы её касаются маленьких лаконичных букв на белой коже, слегка поблекших от времени, гласящих *Still I Rise*^[28]. – Моя любовь – не ошибка. Тот, кого я любила, никогда мне не врал, и подарил мне больше, чем я ждала. Но дети, растущие без отца, – вот ошибка. Лайза, которая возненавидела его. Эш, которому пришлось слишком рано повзрослеть. А у истории любви простой смертной и сида с Эмайна, судя по всему, не может быть счастливого конца. Тебе ли не...

Леди Форбиден осекается, запоздало осознавая, что в кухне не осталось никого, кроме неё.

Сид исчез. Даже не растворился в воздухе, а пропал из виду мгновенно, точно плохой монтажёр склеил подряд кадр комнаты, где он есть, и комнаты, где его нет. Лишь часы на стене мирно тикали, пересыпая секунды из будущего в прошлое.

Леди Форбиден долго смотрит на них.

Следом берёт графон, лежащий на столе, и листает что-то на развернувшемся в воздухе экране.

Вскоре на том же экране появляется чьё-то очень недовольное лицо.

– Белла, ты в курсе, который час?

– Привет, Лекси, – спокойно произносит леди Форбиден. – Прости, но ты мой единственный знакомый агент по недвижимости, а у меня вдруг возникла острая необходимость продать квартиру и купить дом где-нибудь подальше от Динэ. – Она вдыхает и выдыхает – глубоко, прерывисто, словно вынырнув из воды. – Один сид только что ввалился ко мне на кухню и наплёл мне в качестве предсказания форменный бред. И при том, что я почти уверена – это бред, я хочу исключить даже ничтожную вероятность, что это случится на самом деле... а заодно избежать новых визитов незваных гостей вроде него.

Нынешнее время

В Фарге мы тоже приехали на закате.

Фарге от Эмайна отделяла узкая полоска Лебединого пролива, получившего своё название в честь детей Ллира^[29]. В курортном городке с брусчатыми улочками и невысокими домишками преобладали современные постройки: из старых сохранилась лишь полуразрушенная крепость у самого моря. С высоты птичьего полёта город походил на полумесяц – его строили на огромном холме, круто спускавшемся к бухте, формой напоминавшей половинку кольца.

Нам с Питером не суждено было увидеть его с такой высоты, но я прекрасно помнила фотографии с дронов из путеводителей.

Дом номер тринадцать по Яблонной улице оказался двухэтажным коттеджем на окраине города, на отдельном участке, огороженном низким деревянным забором, с которого давно облупилась краска. Рядом с аккуратными свежеекрашенными домами соседей это скромное жилище нагоняло уныние: казалось, дом стыдливо прячется за кронами яблонь, заполонивших весь участок. Замка на воротах не обнаружилось, как и на двери гаража; загнав мобиль в последний, мы вышли в заросший сад. Сорняки пробивались даже между каменными плитками, которыми выложили дорожку от калитки до скрипучего деревянного крыльца.

Перебрав кучу ключей на связке, оставленной Эшем, я наконец подобрала тот, что отворял огромный висячий замок на двери.

– Знакомая картина, – прокомментировал Питер, когда мы оказались внутри.

– У тебя обошлось без клубов пыли на полу, – поморщилась я, глядя на серость, ровным слоем покрывавшую паркет. Осмотрела просторную прихожую, всю мебель в которой скрывали тканевые чехлы. Удивительно даже, что за все эти годы в дом никто не забрался; соседи, что ли, присматривали?.. – Придётся прибираться. В такой пылище я и ночи не просплю.

Обнаружив в кладовке швабру, веник и совок, следующий час мы на пару убирали все помещения на первом этаже. На второй даже подниматься не стали – зачем? Света, к слову, не было, как и воды: видимо, давно отключили за неуплату.

– Я в магазин, – сказал Питер, когда мы привели родовое гнездо Форбиденов в более-менее пристойный вид. – Что миледи изволит желать на ужин?

– На твоё усмотрение. – Я сняла чехол с кресла в гостиной и устроилась на гобеленовом сиденье, обняв руками колени. – Если честно, я вообще есть не хочу.

– Тебе кажется. – Питер провёл кончиком пальца по моей щеке. – Лайз, ты не...

В дверь постучали – и мы замерли, точно участники немой сцены в некоей дурацкой театральной постановке.

– Кто это? – прошептала я, когда наконец сумела разлепить пересохшие губы.

– Не знаю. – Не отнимая ладони от моей щеки, Питер напряжённо прислушивался к уличной тишине. Решившись на что-то, выпрямился: – Сиди здесь.

Я слушала сперва его шаги, удаляющиеся по направлению к входной двери, а затем – звон цепочки, стук и скрип разошедшегося дерева.

– Добрый вечер, юноша, – приветливо прокряхтел мужской голос. – Вы из Форбиденов, видать? Вернулись наконец?

– Да, вернулись, – мгновенно сориентировался Питер.

Прокравшись к окну, я прильнула к стеклу, разглядывая незваного гостя. Пришелец, застывший на крыльце, оказался сухоньким

старичком с тросточкой, в льняной кепке и штанах с подтяжками: типичный курортный житель, наверняка любитель рыбалки и владелец собственной лодочки.

– Столько лет домик заброшенным стоял! Ну да я приглядывал за ним, как ваша матушка просила. Прибирался время от времени. Вы ж, поди, сынок её? Сабеллы Форбиден? – Звучание маминого имени словно вогнало в сердце тупую иглу. – Хотя нет, взрослый вы больно для сынка. И у Сабеллы только дочка была, когда она в Динэ уезжала. Маленькая, годика четыре. – В голосе старика скользнуло подозрение. – А вы...

– Я её племянник. Двоюродный, – спокойно ответил Питер. – Тётя Сабелла в Динэ, не смогла вырваться. И дочь её тоже. Вот попросили меня съездить и посмотреть, как там дом. Собираются его продавать.

Честно сказать, версия казалась мне так себе, но Питер умел быть убедительным.

– Вот как, – закивал успокоенный старик. – Я вашу тётю знал, когда она во-от такой была! Пешком под стол бегала! С родителями её мы большими друзьями были... Честно сказать, не знал, что у них есть ещё родственники...

– Передам тёте, что вы её помните. Ей будет приятно.

– Ещё б не помнить! Мы с женой ей помогали... с похоронами и прочим. Когда родители её погибли, да пребудут души их в покое. Такие молодые, а Сабелла – совсем девочка, восемнадцать только исполнилось... разбились оба в мобиле. Хоть не мучились, говорят. – Старик вздохнул. – Сабелла после этого сама не своя была, пока сида своего не встретила...

– Этого тётя мне не рассказывала.

Нет, Питер, подумала я, испытывая смутное желание зажать руками уши. Только не это. Сверни тему, пожалуйста.

– О, у нас тут в лесу рядом с Фарге холм с прорехой есть. Оттуда он и пришёл. Сабелла его в лесу и встретила. Красивый был, подлец! Кудряшки золотые, личико... У наших парней таких не бывает. От него она дочку и родила. Лет шесть они вроде бы вместе прожили, а потом он взял и ушёл. Сабелла тогда вторым ребёнком была беременна. А спустя неделю она уже вещички собрала. – Старик хмыкнул со странной смесью сочувствия и неодобрения. – Тяжело ей было здесь оставаться после всего этого... Сказала, в большой город подастся.

Дом заперла, копию ключа мне оставила, попросила присматривать. И уехала. Ну я и присматривал, а сегодня вижу – мобиль стоит! Подумал, Сабелла вернулась, вот и заглянул... – Старичок, кряхтя, надвинул кепку на лоб. – Значит, решила-таки продавать дом? Ладно, привет передавайте...

Я следила, как сосед, хромя, идёт по запущенному саду. Затем услышала тихий стук закрывшейся двери.

...забавно, что я уйду из Харлера там же, где начала своё существование. И причиной этому послужит сид с Эмайна, в то время как другой сид поспособствовал моему появлению на свет.

Видимо, боги любят закольцовывать историю не меньше, чем злые шутки.

– Сосед, – заглянув в гостиную, доложил Питер. – Впрочем, вижу, ты и сама уже успокоилась.

– Насколько это возможно. – Я потёрла кончиками пальцев ноющие виски. – Езжай в магазин. Я в порядке.

– Точно?

– Насколько это возможно, – повторила я с кривой улыбкой.

Питер долго смотрел на меня. Ничего не сказав, спиной назад отступил в коридор – словно не хотел терять ни одной из оставшихся ему секунд, в которые он ещё мог на меня смотреть.

Когда он ушёл, я долго сидела в полутьме, где закатный свет просачивался сквозь грязные окна. Обводила взглядом старый телевизор на низком комод и застеклённые книжные шкафы, не видя того, на что смотрела. Разговорчивый сосед разбередил раны, которые и так не собирались заживать.

Мастер.

Гвен.

Мама.

Рок.

Эш.

Питер...

Что я буду делать на Эмайне? Как смогу простить себя за всех, кого больше нет? Как Эш будет жить без меня? Как Питер...

Тоска, боль и одиночество навалились остро, безжалостно, – и я скрючилась в кресле, давясь рыданиями до хриплого кашля, пока все чувства, все мысли поглощала чёрная пустота.

Мне казалось, я знаю, что это такое: когда вся твоя жизнь остаётся в прошлом, где-то по ту сторону сгоревших мостов. Теперь это ощущение навалилось снова, сильнее и больнее, чем прежде, – и теперь я знала, что никогда в полной мере не понимала смысла слова «отчаяние».

До этого дня.

– Лайза!

Тёплые руки обняли меня крепко и бережно. Прижали к себе. Ладонь Питера легла на мой затылок – глядя по волосам, утешая, – и я, всхлипнув, попыталась отстраниться, жалея, что не успела успокоиться, пока он не вернулся. Он удержал меня, не давая отодвинуться, и я сдалась, обвивая его шею руками, цепляясь за Питера, как за спасательный круг.

– Я... столько людей из-за меня... и с тобой мы только встретились, и... завтра... – хриплые слова срывались с губ сами собой; Питер стоял на коленях перед креслом, его кожа была горячей, и я вдруг поняла, насколько холодны мои пальцы. – Я не хочу, не хочу, не хочу...

Он касается губами моих щёк: одной, затем другой, промокая мои слёзы. Потом целует – даже не совсем целует, просто дотрагивается губами до моих губ и чуть отстраняется. В этом жесте нежность, поддержка, помощь... но это не помогает. Не делает пустоту внутри менее страшной, не выгоняет иглу из сердца, не уменьшает боль.

Не хочу этой боли. Не хочу этих мыслей, что назойливо шепчут «мама, Гвен, мастер, Эш, Питер, Эмайн, завтра, последний день, навсегда». Что угодно, только не это.

Что угодно, только бы забыться.

подавшись вперёд, я впиваюсь поцелуем в губы Питера. Отчаянно, жадно, так, будто никогда этого не делала. Он даже не сразу отвечает – словно не ожидал такой реакции, – и я крепче прижимаюсь к нему: так крепко, так близко, что чувствую себя без одежды.

Помоги мне, Питер. Помоги не думать ни о чём – ни о прошлом, ни о будущем, ни о завтра, которое не может не наступить, завтра, в котором нас с тобой больше не будет...

И он сдаётся, целуя в ответ чувственно, страстно, почти безжалостно. Обнимает, стаскивает с кресла прямо на пол, на гобеленовый чехол – и целует, целует, целует, пока у меня не начинается

кружиться голова. У него жаркое дыхание и жаркие пальцы, его ладони скользят под моей рубашкой – по животу, по изгибам талии, по спине, заставляя выгибаться навстречу и судорожно выдыхать прямо в его приоткрытые губы. Я дрожу, но теперь не от плача и не от холода: мне жарко, и воздуха не хватает...

Когда он нерешительно берётся за верхнюю пуговицу моей рубашки и заглядывает в мои глаза, задавая немой вопрос, я коротко киваю.

– Ты уверена?

Странно, но он тоже дрожит. Я-то думала, эта дрожь от того, что я младше, от того, что он слишком...

Вместо ответа я молча тяну края его футболки вверх.

Надо крепче прижаться друг к другу, так, чтобы нас разделяла только кожа. Тогда больше не будет больно. Не будет страшно. Не будет холодно.

Питер уже в одних джинсах, а пуговицы моей рубашки словно сами расстёгиваются под его пальцами, одна за другой. Он не торопится, но мои мысли всё равно не успевают за его движениями. Питер берёт меня за плечи и вынуждает сесть, стягивает ненужный больше предмет одежды и, скользнув ладонями за мою спину, нащупывает застёжку того, что было у меня под рубашкой. Та расстёгивается, и кружевные бретельки соскальзывают с плеч. Обнажённую кожу холодит воздух, я судорожно выдыхаю, подавляя желание прикрыться, и на миг мне снова становится страшно, – но Питер уже прижимает меня к себе, кожа к коже, согревая своим теплом, не давая одуматься. Не отстраняясь, бережно укладывает обратно на пол и мягко целует в шею, в ямку между ключицами, а потом ещё ниже, так, что я уже не могу дышать без всхлипов. Вечность спустя тянется к пуговице на моих джинсах, и в висках молоточками бьётся: *«Не надо, Питер, подожди»*; но когда он стягивает с меня оставшуюся одежду, оставляя совсем беспомощной, я только прерывисто вздыхаю и на ощупь шарю ладонями по его рукам. Он перехватывает их, переплетая наши пальцы, и его губы открывают все тайны и рушат все запреты, а я почти кричу от невыносимой, мучительной сладости и, кажется, царапаюсь, вжимая ногти в его ладони...

А после мы долго лежали всё на том же чехле, обнявшись, и я прижималась щекой к груди Питера, слушая, как мерно бьётся его сердце.

– Ты... – немного хрипло вымолвила я, когда ко мне наконец вернулся дар речи, – разве тебе... не нужно...

– Получить свою долю? – Питер зарылся носом в мои волосы. – Я эмпат. Чтобы получить удовольствие, мне достаточно доставить его тебе. – Осторожно вытянув руку из-под моей спины, он привстал и, вручив мне рубашку, поднялся с пола. – Оденься. Только не надевай слишком много всего... если, конечно, хочешь, чтобы чуть позже я опять с тебя это снял.

Я накинула рубашку на плечи. Запал прошёл, уступив место стыдливости: не из-за того, что произошло, лишь из-за наготы.

– Я... это было...

– Можешь ничего не говорить. – Питер провёл рукой по лбу, убирая прядки тёмных кудрей, прилипшие к коже. – Я и так знаю, что ты чувствуешь.

Он зачем-то вышел в прихожую. Когда вернулся, я сидела в кресле, из одежды ограничившись рубашкой и нижней частью исподнего: жарко, в конце концов.

Питер протянул мне букет – облако карминовых соцветий на длинных, гладких, без единого листка стеблях, – и я уставилась на него столь же удивлённо, сколь радостно.

– Я ни разу не дарил тебе цветов, – тихо сказал Питер. – Решил, что нужно это исправить.

Цветы походили на маленькие лилии – на вершине каждого стебля кружком умещалось пять-шесть соцветий, – но с узкими гофрированными лепестками и длинными, с мою ладонь тычинками, тянущимися вбок, обрамляющими соцветия тонкими лучиками. В цветочных лавках я видела их не раз, но не знала, как они называются.

– Красивые, – почти прошептала я, вдыхая лёгкий, тонкий, едва уловимый аромат. – Что это за цветы?

– А ты не знаешь?

– Нет.

Питер без улыбки смотрел на меня.

– Ликорисы, – произнёс он.

Я уставилась на красные соцветия – совсем другим взглядом.

– Забавно, – донёлся до меня голос Питера, удаляющийся по направлению к прихожей. – За всё это время ты так и не прогуглила, в честь чего назвали маньяка, которого ты так настойчиво искала.

– Мне было немного некогда, – пробормотала я, глядя на цветы, давшие имя кровавому убийце. Слава богам, покойному. – Почему именно *они*?

– Потому что я знаю, что у тебя есть чувство юмора, и местами оно достаточно чёрное, чтобы оценить подобную шутку. – Вернувшись в комнату с парой больших пакетов и пятилитровой бутылкой питьевой воды, Питер подтащил к моему креслу журнальный столик и стул. – И потому что я как раз про них гуглил. – Сунув руку в один из пакетов, он достал оттуда несколько ароматических свечей в стеклянных баночках. – Ликорисы родом из Асахи. Там их называют хиганбана, «цветок равноденствия», а у нас – «паучьей лилией». Обычно она цветёт на осеннее равноденствие, но в том магазинчике, где я их купил... видимо, там растения подгоняли магией. На родине про них сложили интересную легенду.

Пока Питер зажигал свечи, расставленные на столе, я не могла оторвать взгляд от ликорисов. Красивые цветы. И жутковатые – даже если не брать в расчёт печальную историю с убитыми девушками. Тычинки их и впрямь чем-то походили на паучьи лапки, длинные и тонкие, как у паучков-сенокосцев.

Даже жаль, что мы так быстро убежали из дома Грега Труэ... Если он осыпал своих жертв пылью ликориса, наверняка где-то позади его дома была оранжерея, в которой он разводил это чудо.

– Что за легенда? – всё-таки спросила я, когда вспыхнувшие фитили сгустили тени в углах гостиной, и сумерки за окном, заволокли всё вокруг плотным полумраком, уступили место уютному полусвету.

– Ты, наверное, заметила, что у них нет листьев. – Питер извлёк из пакета объёмистые картонные коробочки с какой-то готовой снедью. – Листья опадают со стеблей ликориса до того, как он зацветает, и появляются вновь, лишь когда увядают цветы. – Он протянул мне деревянные палочки для еды, и стало ясно: купленная им снедь тоже имеет отношение к Асахи. Выбор цветов был не только мрачной шуткой, но и ещё одним атрибутом этнического колорита, которым мой самопровозглашённый рыцарь решил украсить наш последний

совместный ужин. – По легенде, когда-то листья ликориса охранял один дух природы, а цветки – другой. Духи полюбили друг друга, и однажды они оставили свои обязанности ради того, чтобы побыть вместе. Узнав об этом, боги разгневались и прокляли их: обрекли листья и соцветия расти по очереди. Чтобы духи всегда были рядом, но больше никогда не смогли встретиться.

– Ужас. – Отложив букет на край стола, я открыла поставленную передо мной коробочку. Ну да: рис и тонкие ломтики рыбы, одобренные тёмным соусом и присыпанные кунжутом. Успевшие остыть, но я была не в обиде. – И что, они действительно не встретились?

– Встретились. Жители Асахи ведь верят в перерождение душ. Вот и духи встретились после смерти, перед очередной реинкарнацией. Они поклялись найти друг друга в следующей жизни, однако они не сдержали своего слова и не встретились больше никогда.

– Какая милая история, – сказала я, ухватив палочками кусочек рыбы, чтобы отправить в рот. – И совсем не грустная.

Питер держал свои палочки в руке, но есть не торопился. Просто сидел напротив меня и смотрел на тревожно-красные цветы мятными глазами, затенёнными пушистыми ресницами и печалью.

– Им было не суждено быть вместе. – Он взял бумажный стаканчик с чаем, явно прихваченный из того же кафе, где он разжился едой. Сделал маленький глоток, словно желая смягчить сухие губы. – Ни в той жизни, ни в следующей. И на языке цветов ликорис означает «мы никогда не встретимся вновь». Его кладут на могилы... или дарят на прощание. Человеку, с которым расстаются навсегда.

Я проглотила рыбу, после этих слов пуще прежнего отказывавшуюся лезть в горло.

Отложив палочки, сложила ладони на коленях, почти с ненавистью уставившись на собственные бледные, бесполезные, беспомощные руки.

– Я бы отдала всё, чтобы ты мог уплыть со мной.

– Я знаю.

Голос Питера был спокоен, – и это спокойствие резало душу сильнее, чем если бы он кричал.

– Наверное, нам тоже просто не суждено быть вместе. – Зажмурившись, я рассмеялась: хриплым, горьким, каким-то шершавым смехом, царапавшим слух, как наждак. – Ни в этом мире, ни в другом.

Я не смотрела на Питера, но слышала, как он поднялся со стула. И открыла глаза, лишь когда горячая ладонь коснулась моей щеки.

– Мы вместе *сейчас*. – Питер стоял на коленях, так, что его глаза оказались напротив моих. – Это уже стоит всего.

В его поцелуе – вкус чая, горьковатый и терпкий, и я вновь закрываю глаза. Вспоминаю танец над бездной, вечное небо и одну мудрую баньши, говорившую, что настоящее – всё, что у нас есть, всегда.

...да, завтра нас с Питером уже не будет. Буду лишь я, одна в чужой стране, и он, один в родной. И что бы ни случилось сегодня, это завтра не могло не наступить.

Но оно могло подождать.

* * *

Проснулась я там же, где уснула: у журнального столика, на моём спальнике, который мы расстегнули и расстелили на полу. От звяканья ключей, которые Питер зачем-то вытаскивал из моей сумки.

– Прости. Не хотел тебя будить, – сказал он, заметив мой сонный взгляд. – Я поеду и разживусь горячим завтраком. Может, заодно портативным кипятивником. Думаю, в курортном городке где-нибудь можно раздобыть чайник на огненном кристалле.

– Хорошо, – безропотно согласилась я, кутаясь в мужскую рубашку, которую Питер одолжил мне вместо ночнушки. Не сказать, что она в принципе мне требовалась: в комнате было почти душно, да и засыпали мы в обнимку с Питером уже под утро, когда небо всю светлело... Но с непривычки мне хотелось чем-то прикрыть наготу.

Воспоминания обо всём, происходившем ночью, нахлынули разом, заставив смущённо прикусить губу, – и Питер, от которого это не укрылось, усмехнулся.

– Спи, миледи. – Он мимоходом нагнулся, чтобы коснуться пальцами моих волос. – Разбужу вас, когда вернусь.

Глядя на корявые яблони за окном, купающиеся в сером свете дня, я слушала, как Питер уходит и заводит мобиль. Перевернулась на другой бок, чувствуя, как тело слегка саднит: особенно внизу, там, куда Питер всё же добрался не только губами, но и пальцами, и тем, что когда-то я издевательски советовала ему держать зачехленным ближайшую вечность, – под самый конец, когда я уже с трудом дышала от исступления, остроты ощущений, почти невыносимого наслаждения, которое самыми разными способами меня заставили испытывать снова и снова.

Наверное, Эша порадовало бы, что Питер *действительно* умел натянуть резинку так, чтобы она не слетела в самый неподходящий момент.

...только не думать о том, что это была наша первая и последняя ночь. Не думать – до самого конца. Пока – только о том, что видишь, о том, что есть, о том, что было.

Не о том, что будет.

В грёзах о случившемся я как-то незаметно забылась достаточно, чтобы задремать снова. На сей раз меня пробудило прикосновение к плечу, и я повернулась, ожидая сквозь прищур увидеть улыбку Питера.

Назвать «удивлением» то, что я ощутила, когда вместе Питера узрела над собой лицо Рок, значило *сильно* преуменьшить эмоцию, заставившую меня обескураженно подскочить на спальнике и сесть.

– Рок?! Что ты тут...

– Где Питер?

Баньши прошептала это так тихо, что я скорее прочла по губам, чем услышала. Лицо её было смертельно серьёзным: таким я его не видела никогда, даже в доме Грега Труэ или на кладбище в Динэ.

– Питера нет дома. Он отлучился.

– Слава богам. – Впившись длинными пальцами в мои предплечья, Рок вздёрнула меня на ноги, заставляя встать. – Лайз, ты должна немедленно уходить.

– Как ты сюда...

– Через окно на кухне. Оно открыто. Я боялась стучаться, вдруг Питер здесь.

– А что... – от страха у меня перехватило дыхание, – что с Эшем?

– С ним всё хорошо. Он ждёт нас в лесу на окраине Фарге. Там нет людей, никто не пострадает. – Схватив мою руку, баньши

поволокла меня к выходу. – Лайза, пойдём, быстрее. Некогда объяснять.

– Да что происходит?! – Я вырвала ладонь из её пальцев. – Почему ты здесь? Почему влезла в дом тайком?

– Питер – вот что происходит. – Баньши стремительно развернулась; в глубине дымчато-синих глазах горел странный мрачный огонёк. – Лайза, он – Ликорис.

Я глотнула воздух вдруг онемевшими губами.

Рассмеялась – громко, почти заливисто.

– Ты в своём уме? Ликорис – Грег Труэ, и он мёртв!

– О да. Не выдержал угрызений совести и повесился. Прямо перед тем, как мы пришли к нему, чтобы узнать правду. Два года жил и не мучился, а тут вдруг раскаялся. Как удачно. – Зеленоватые пальцы снова обвили мою кисть. – Лайза, я докажу тебе, но не здесь. Если он вернётся, то убьёт нас обоих.

– Что за чушь! – Уже откровенно злясь, я выкрутила запястье из её руки и, отпихнув баньши от себя, отступила на пару шагов. – Никуда я не пойду, мне нельзя выходить из дома, и... Где Эш? Ты должна была вернуть его домой, ты обещала мне...

– Ладно. Значит, хочешь доказательств *сейчас*. – Баньши, как будто злясь даже больше моего, рывком достала графон из кармана юбки. – Я узнала, что случилось с родителями Питера. Почему он сирота. Когда он сказал, что по какой-то причине не может жить в собственном доме, мне стало неудобно задавать вопросы. Да и не до того нам было. Но пока мы с Эшем ехали в автобусе, я вспомнила об этом, забила в поиск домашний адрес Питера и стала просматривать новости, в которых тот упоминался. Или упоминалась хотя бы улица, на которой стоит его дом. – Ткнув в экран длинным пальцем, Рок развернула тот ко мне. – Боги, какой же я была дурой...

«*Муж зверски убил жену на глазах у пятилетнего сына*», – гласил жирный заголовок статьи на новостном сайте, посвящённом Ахорку. Судя по сбитой вёрстке, где буквы местами напозлали на маленькие картинки, статья выкладывалась давным-давно, когда сайт выглядел совсем иначе. Ниже следовал текст:

«*Пытаясь отомстить за мнимые обиды, мужчина жестоко надругался над женой, после чего изувечил её кухонным ножом и задушил.*»

Трагедия развернулась в одном из домов на Хэйл-стрит. Тридцатилетняя Ситлин Инэкинс стала жертвой ревности своего мужа, заподозрившего её в измене. Единственным свидетелем страшной расправы стал сын супругов, пятилетний Питер Инэкинс. Несчастный ребёнок, шокированный произошедшим, помог стражникам восстановить картину событий.

По мнению представителей следственного отряда, работавшего на месте происшествия, в тот день мужчина получил доказательства мнимой измены супруги. Вернувшись домой с работы, в приступе ревности он набросился на жену, решив наказать изменщицу. Когда произошла трагедия, маленький Питер играл с матерью в прятки. Ребёнок забрался в шкаф в родительской спальне, но игра превратилась в кошмар: вместо любимой мамы в комнату вскоре ворвался его отец, прижимавший нож к горлу супруги.

Не зная, что мальчик наблюдает за происходящим, изувер изнасиловал жену, затем ножом изуродовал ей лицо и руки, после чего задушил. Затем мистер Инэкинс, даже не переодевшись, отправился на кухню ужинать. Там его и обнаружила мать убитой, в тот вечер решившая навестить дочь.

– Он всё время твердил, что Ситлин бросит его и уйдёт к кому-то помоложе. Это походило на паранойю, – со слезами на глазах сообщила тёща убийцы. – Я умоляла Лин подать заявление в стражу и развестись, но она отказывалась. Она так любила этого мерзавца, что готова была терпеть побои, а он убил её.

Как рассказывает женщина, её зять, пятидесятилетний бизнесмен Валентайн Инэкинс, уже неоднократно избивал красавицу-жену (отцом покойной был тилвит тег). Стражники намерены провести психологическую экспертизу. Если выяснится, что мужчина был вменяем, ему грозит статья за убийство с особой...»

Дальнейший текст уползал за границу экрана, зато сбоку красовалось фото крупным планом: мать и сын, смеющиеся в каком-то парке. У первой – золотые локоны, сапфировые глаза и кукольное лицо феири. У второго – непослушные чёрные кудряшки, тогда ещё коротко стриженные, и огромные, зелёные, мятного оттенка глаза.

– О боги, – прошептала я, пытаюсь уложить чудовищную информацию в голове. Значит, Питер сменил фамилию с «Инэкинс» на «Джекевэй»?.. Ничего удивительного, что он не рассказал нам о

случившемся: я бы тоже не захотела такое рассказывать. – Бедный, бедный...

– Прочитала? – Вновь развернув экран к себе, Рок одним скользящим движением пролиставала текст до конца. – А теперь самое интересное.

...«у женщины зафиксированы телесные повреждения в виде ссадин, кровоподтёков, разрыва половых путей и анального отверстия. Кроме того, ей выкололи глаза, изрезали внутреннюю сторону ладоней, отрезали губы и язык. Всё это время жертва была жива, задушили её уже после. Сейчас Валентайн Инэкинс находится в тюрьме»...

Я переместила взгляд выше, снова перечитав слова коронера.

...губы и язык. Стёсанные ладони.

Выколотые глаза.

Лицо последней жертвы Ликориса в раскопанном нами гробу всплыло перед глазами само собой. Затем, тоже невольно, всплыло лицо жертвы первой – Абигейл, сбежавшей от отчима-насильника.

Слишком похожее на лицо, которое я увидела только что.

– Ты тоже заметила? Мать Питера – вылитая Абигейл. Полукровки-тилвиты, если гены сидов налицо, все похожи. Для нас, по крайней мере. Тут, наверное, как с асахийцами: для нас они все на одно лицо, для них мы. – Когда Рок убрала графон, пальцы её подрагивали, но голос был спокойным. Обстоятельным, убедительным. Может, журналистов этому учат? Самообладанию, даже в такой ситуации... – Помнишь, что я говорила про первых жертв серийных убийц?

– Первая жертва часто имеет особое значение, – голос мой перешёл в какой-то сдавленный хрип: лимит ситуаций, в которых я могла не терять самообладание, исчерпался на том перекрёстке, где я вызвала тёмного бога и заживо сожгла своего учителя. – А потом... потом маньяк убивает тех...

– Кто похож на неё. – Баньши пристально, в упор смотрела на меня. – Если дар Питера, дар эмпата, уже пробудился на момент, когда его мать убивали... если он читал чувства как отца, так и матери...

Она умолкла, но договаривать не было нужды.

Пятилетний ребёнок, наблюдавший за убийством родной мамы. Ощущавший её боль, как свою собственную, и одновременно –

изуверское удовольствие, которое в тот момент испытал его обезумевший отец.

Что вырастет из этого ребёнка двадцать лет спустя?..

– Я снова проверила ту информацию, что мне когда-то предоставил отец. Когда убили Абигейл, Питер жил в Динэ. Если он и там работал продавцом в лавке камней... Абигейл училась на магичку, так что могла случайно зайти в его магазинчик, чтобы купить карты или кости. Так же, как это сделала ты. – Рок положила мне на плечо руку, подрагивавшую, как мелкий пушной зверёк. – И даже когда Питер уехал из Динэ, ничто не мешало ему время от времени возвращаться туда. В отпуск, например. Отлавливать там новых жертв, а очаровать их не составляло труда. С его-то даром.

Однажды ко мне в лавку уже заходила такая же девочка, говорил мне Питер в день, когда мы встретились, убеждая, что хочет помочь. Она тоже покупала амулеты и карты для самозащиты...

...через месяц я прочитал в новостях, что нашли её обезображенный труп...

Абигейл Труэ. Отчаявшаяся юная магичка, скрывавшаяся от отчима-насильника.

Если всё так, как говорит Рок, Питер даже не соврал: лишь умолчал о том, что сам приложил руку к тому, чтобы девочка стала трупом.

– Но... если Питер действительно... – Я прижала ладони к занявшим вдруг вискам: пока ещё отказываясь верить, хотя разум говорил мне, что таких совпадений не бывает. – Почему его никто не заподозрил? Почему эти дела никто не связал?

– Каким образом? Его мать убили двадцать лет назад. Это дело не получило широкой огласки. Бытовое убийство на почве ревности в маленьком городке, убийцу сразу поймали. Стражник, который вёл дело, умер пять лет назад. Питер сменил фамилию, все его родственники мертвы. Никакой связи с жертвами, никаких свидетелей, что видели их вместе. Либо он был очень осторожен, либо обрабатывал всех потенциальных свидетелей своим даром. Насколько я знаю, сильные эмпаты могут убедить тебя даже в том, что они тебе совершенно неинтересны, чтобы потом ты о них не вспомнил. – Рок чуть повернула голову, глядя на что-то за моей спиной. – Я сама не могла поверить. Но как только узнала, вытащила Эша из автобуса и

помчалась с ним сюда. Я должна была убедиться, что ты в порядке, убедиться, что это совпадение. Я оставила Эша в безопасном месте и пробралась в дом. Незаметно – на всякий случай. А потом увидела ликорисы и поняла. – Дрожащие пальцы баньши сильнее сжали моё плечо. – Вот почему в волосах всех жертв находили пыльцу... Он дарил девушкам ликорисы – перед тем, как убить их.

Я оглянулась на успевший подвять букет, алевший на столе. Чувствуя, как гулко и тяжело стучит сердце, с каждым ударом падавшее в незримую пропасть.

Сжала кулаки, вжимая ногти в кожу: до боли в ладонях, до побелевших костяшек, до кровавых полукружий.

Ликорисы. Цветы, что дарят на прощание или кладут на могилы.

Питер. Любящий, верный, надёжный Питер, не раз спасавший мне жизнь...

– Я... не знаю, как мы сможем уйти, не встречаясь с людьми.

Я не совсем понимала, что говорю. Я едва могла шевелить губами, и собственный голос казался чужим и далёким.

– Поедем в мобиле. Я поведу. Ключи у тебя?

– Мобиль взял Питер. Он поехал за едой.

– Он... уехал? Но когда я пробиралась в ваш дом, мобиль стоял в саду.

Пару мгновений мы просто смотрели друг на друга.

Если я спала так крепко, что не услышала приближения Рок, то пропустить звук подъезжающего мобиля...

– Привет, Рок.

Негромкий голос, донесшийся от раскрытой двери в гостиную, куда мы обе сейчас не смотрели, заставил меня дёрнуться – и, моментально взметнув руку с вспыхнувшей печатью, устремить указательный палец в грудь Питеру, застывшему на пороге.

– Воу-воу. – Он вскинул ладонь, которой сжимал коробку с термосом-кипятильником. Только одну: другая пряталась за спиной. Картонные пакеты с едой белели в коридоре, приваленные к стене. – Кажется, ты приняла меня за плохого парня.

– Я не слышала, как ты подъехал. И вошёл.

Я даже не попыталась придать тону подобие дружелюбия или спокойствия. Если всё не так, как я думаю, Питер поймёт.

А если так...

– Я уже вернулся сюда, когда вспомнил, что хотел купить кипятивильник. Чтобы ты не осталась без нормального утреннего чаепития. Так что бросил мобиль у дома и прогулялся пешком до магазинчика на соседней улице. А когда вернулся, вы так увлечённо о чём-то болтали, что много чего не услышали бы. – Он аккуратно, без резких движений, словно успокаивая готовую к атаке змею, поставил коробку на трюмо в коридоре. – Не ожидал увидеть тебя тут, Рок, но всегда рад. Только где ты потеряла малыша? Он-то, конечно, не пропадёт... скорее пропадут все, кому не повезёт очутиться у него на пути, когда он в плохом настроении... но, боюсь, Лайза не одобрит.

Рок промолчала, и я ощутила только, как пальцы баньши соскользнули с моего плеча.

Переступив порог комнаты, Питер шагнул ко мне – и изумлённо вскинул бровь, когда я попятилась, держа дистанцию.

– В чём дело, Лайз?

– Что у тебя за спиной?

Питер улыбнулся.

– Да ладно тебе. Не думаешь же ты, что я способен...

– Ты – Ликорис?

Это вырвалось у меня помимо воли. Просто потому, что я не в силах была больше делать выводы по косвенным доказательствам. Просто потому, что одна мысль об этом разъедала душу кислотой. И больше всего, боги, *больше всего* на свете – даже больше воскрешения мамы, Гвен, мастера – в этот момент я хотела услышать «нет». Увидеть искреннее возмущение в его лице.

...его глаза – с сузившимися, как у кошки, зрачками, глаза хищника – сказали мне всё.

Я могла бы не поверить одному совпадению. Но когда их столько – не имела права не верить.

Проклятие сорвалось с кончика моего пальца секундой позже. Питер уклонился от него перекатом и тут же вскочил; увернувшись от следующего легко, будто танцуя, посмотрел на меня, даже не пытаясь броситься вперёд или атаковать.

Его улыбка – горше дыма, горше разочарования, горше правды – заставила меня застыть, держа его под прицелом своей поднятой руки.

Когда он разомкнул губы, ещё один миг я верила, что сейчас услышу опровержение всего этого безумия.

– А я ведь защищал тебя. От Ликориса – тоже. Держал его под контролем всё это время. – Очень, очень плавно Питер вскинул ладонь к виску, чтобы постучать по нему кончиком указательного пальца – и каждое движение, каждое слово заколачивало невидимый гвоздь в гроб моих надежд. – Это не так просто, знаешь ли. И я был так близок... так близок к тому, чтобы наконец победить его. Дать тебе уйти. Но история красавицы и чудовища в жизни вечно кончается одним и тем же, верно? Либо ты Клегг, либо Призрак. И никаких тебе сказок... странные, бесполезные штуки. – Он снова улыбнулся, и горечь этой улыбки я почти ощутила на губах. – Зачем нам вообще их рассказывают? Растят нас на том, что не имеет ничего общего с реальностью? Чтобы потом было ещё больше, когда твои детские надежды поочерёдно о неё разобьются, все до одной?

– Тебе нужна помощь, Питер, – произнесла Рок – удивительно спокойно для того, кто разговаривает с серийным убийцей. – У тебя диссоциативное расстройство^[30], верно? Ты не смог бы... всё это время с нами... так хорошо скрывать... – Баньши запнулась, и я понимала, насколько тщательно она подбирает слова. – Я видела, как ты относишься к Лайзе. Я знаю, что ты любишь её. Я верю, что ты не причинишь ей вреда, – наконец продолжила она – мягко, как заботливейшая из матерей. – Ты не убийца, но убийца сидит внутри тебя.

– Помощь кого? Стражников, которые отправят меня за решётку? Или туда, где меня будут держать под кайфом, овощем, жующим собственные слюни в психушке? – Улыбка Питера сделалась кривой. – Боюсь, теперь мы с Ликорисом связаны слишком долго и слишком тесно, чтобы он мог уйти.

По цепкости его взгляда, по напряжённым мускулам опущенной руки, сжатой в кулак, прежде прятанной за спиной, я видела: он – или кто-то, голодным зверем сидевший в клетке его головы, – готов к атаке. В любой момент. Воспользоваться тем, что он говорит, и обезвредить его не выйдет.

Я очень надеялась, что не стрелью именно поэтому.

Что у него в кулаке?..

– Я мог бы просто ударить по вам своим даром, – проговорил Питер. – Заставить жалеть себя. Заставить *любить* себя. Но я так надеялся, так хотел, чтобы хоть с вами всё было *по-настоящему*... –

Он посмотрел на меня: без гнева, без хищности. Лишь отблески тоски и боли танцевали где-то на дне мятных радужек. – Не ожидал, что ты выстрелишь. Сможешь выстрелить – в меня. Сможешь поверить – после всего, что было.

– Отпусти. Пожалуйста. – Мой хрип походил на мольбу даже больше, чем я ожидала. От использования магии прежде, чем мой резерв успел полностью восстановиться, меня снова пошатывало, но я не позволяла руке опуститься. – Я всё равно скоро оставлю Харлер навсегда. А Рок никому не скажет.

– Ты сама в это веришь?

Питер задал вопрос без издёвки, скорее устало – и, спиной чувствуя напряжённое молчание баньши, я промолчала.

...когда мы атакуем друг друга – а мы атакуем неизбежно, – кто окажется быстрее: он или я? Я уже видела, как быстро он может двигаться. Фоморы, и даже стражников ведь не вызовешь, тут же обернутся одержимыми...

– Ты можешь выйти из этого дома, Лайз. Одна, – сказал Питер. – Пока ещё можешь. Но ты же не пойдёшь на это, даже если я предложу.

– Не пойду, – тихо подтвердила я.

– И будешь защищать её. – Одними глазами он указал на баньши, голубым призраком застывшую за моим плечом. – До конца.

– Буду.

– И убьёшь меня, если я заставлю её замолчать.

– Убью.

Слова падали каменными кубиками. Они всегда нравились мне меньше костяных – слишком тяжёлые, слишком неотзывчивые, слишком глухие к чужому воздействию.

Моя рука, устремлённая Питеру в грудь, не дрожала.

– Кажется, я был для тебя слишком хорошим наставником.

– Ровно таким, каким нужно.

Он улыбнулся – так светло, так печально, что у меня защемило в груди: словно то, что осталось от моего разбитого, растолчённого, испепелённого сердца, ещё могло болеть.

– Я надеялся, что у нашей сказки всё-таки выйдет другой финал.

– Да. Я тоже.

Миг мы ещё смотрели друг другу в глаза – как люди, разделённые окном готового к отправлению поезда, ожидающие момента, когда он

тронется, разлучая их навсегда.

Питер метнулся в сторону в ту же секунду, как я выпалила слова заклęcia, и тёмный сгусток бессильно расплескался о стену. Питер выбросил руку вперёд, точно кидая на стол игральную кость, – и я успела заметить, как к моей босой ноге подкатывается некрупный сапфир, прежде чем всё вокруг затмило ослепительное синее сияние.

Когда ко мне вернулась способность видеть, я лежала на полу, прижавшись щекой к прохладному паркету. Не чувствуя собственного тела, не в силах шевельнуть даже пальцем. Рок лежала рядом, глядя в потолок с тем же изумлением.

Знакомые ноги в джинсах и мокасинах возникли подле моего лица.

Я попыталась разомкнуть губы, попыталась позвать на помощь – даже зная, что это бесполезно, – и не смогла.

– А малыш Питер так хотел отпустить вас. Обоих. – Не глядя на меня, Питер нагнулся за сапфиром, так и лежавшим на полу – пустышкой, уже выплеснувшей заключённое в ней заклęcie. Голос его казался иным, непривычным, чужим; тон был чуть выше обычного, интонации – быстрее. Черты будто заострились, в движениях проявилась рваность, которой я не замечала прежде. – Не стоило вам будить *меня*. Не в моих привычках оставлять свидетелей.

Питер – или кто-то, занявший его место, – выпрямился, и я перестала видеть его лицо. Постоял на месте, словно в раздумьях, а затем его ноги двинулись мимо моей головы. Вперёд.

К Рок.

– Ты правда ему нравилась, избранница Великой Госпожи. – Убийца по прозвищу Ликорис опустился на колени рядом с баньши. Сунув сапфир в карман, достал оттуда же бритву. – Он думал, вы останетесь друзьями. Просто чтобы ты знала.

Его фигура расплывалась в странной, невесть откуда взявшейся посреди дня тьме перед моими глазами, но я различила блеск лезвия, когда он раскрыл бритву.

Нет, Питер, хотела крикнуть я, но не смогла шевельнуть губами.

– Пит... По... жалу...

Шёпот Рок разбил звенящую тишину.

Она может говорить. Значит, может встать.

Боги, пусть она встанет, пусть убежит, пусть...

– Глупая, глупая Рок. – Я не видела лица Ликориса, уже почти ничего не видела, но в голосе прозвучала жалость. – Что же ты наделала.

Когда мгновенный шелест бритвы сменился жутким бульканьем, с которым люди захлёбываются собственной кровью, я даже не смогла закричать. Ужас надёжнее обездвиживающего заклятия сковал руки, ноги, всё моё бесполезное тело; мысли застыли, отказываясь понимать, отказываясь признавать, отказываясь верить...

Свет померк.

Одиннадцать дней назад

Прохладное летнее предрассветье. Небольшой кирпичный дом в тихом городке, спящем под чернильным небом с манными крупинками поблекших звёзд. Тёмная комната, где на узкой кровати спит девушка, по-детски подложив руку под щёку.

Во сне лицо Лайзы безмятежно и незащитно – и, может, поэтому во взгляде сида, стоящего у изголовья её кровати, стынет странное сочетание горькой нежности и неизбывной тоски.

Когда Лайза начинает ворочаться во сне, чуть приоткрыв сонные глаза, его уже нет рядом.

Спустя пару секунд леди Форбиден, мирно спящая в другой комнате, тоже открывает глаза – по причине того, что её плеча касается чужая рука. Но когда рядом с прикроватной тумбочкой она видит Коула, в лице её не остаётся и намёка на сонливость.

– Ты? – Леди Форбиден изумлённо садится на постели, прикрывшись одеялом; спросонья голос её хрипит, как у курильщицы. – Что ты тут делаешь?

Коул смотрит мимо неё. Глаза тусклые, в лице ни единой эмоции – бесстрастная, бледная, как воск, маска.

– Я надеялась, что больше тебя не увижу. – Леди Форбиден тянется к ночнику рядом с кроватью, по такому случаю выпустив из руки одеяло, являя гостю шёлковую сорочку. Вторая рука её вскинута, и хотя на этот раз палец не устремлён сиду в грудь, магическая печать горит на коже, выдавая готовность к атаке. – Зачем ты здесь? Никаких

сидов в окрестностях не появлялось. Лайза приходит домой вовремя. Двадцать пятое июля послезавтра... то есть уже завтра, и...

– Я не знаю, что мне делать, – голос сида спокоен, нетороплив и так тих, что больше похож на шёпот. – Я испробовал всё, и всё тщетно. Лишь хуже и хуже. Заколдованный круг, который я не могу разорвать.

Даже отчаянный, до боли, до сорванных связок крик не прозвучал бы так жутко.

– Снова Лайза, да? – выговаривает леди Форбиден спустя долгую паузу. – С ней что-то случится? Твой двойник всё-таки...

– Я хотел бы рассказать вам. Но не могу.

– Почему?

– Если я сделаю это, вы умрёте.

Коул произносит это без печали, без горечи. Просто и буднично, как давно свершившийся факт, который он озвучивал не раз.

– Я... – глаза леди Форбиден суживаются. – Почему?

– Потому что я уже делал это. И это всегда заканчивалось одним и тем же. – Сид кажется марионеткой, губы которой приводит в действие какой-то хитрый механизм. – Никому не дано знать о будущем слишком много. А то, что я сделал с ним, так искалечило океан времени, что он отчаянно пытается защитить себя. И устраняет любого, кто даже просто знает об этом.

Взгляд леди Форбиден смягчает понимание:

– Это на самом деле ведь не второй наш разговор, правда? Далеко не второй?

Коул молчит.

– Но Лайза погибнет, если ты мне не расскажешь, – требовательно продолжает она.

– И даже если расскажу. Что бы я ни делал, всё ведёт к одному, – он говорит это почти безразлично. – Есть единственный путь, по которому она может пойти, чтобы спастись. И тогда всё закончится тем же, что я так стремился предотвратить.

– И что это за путь?

– Уйти на Эмайн Аблах. И никогда не возвращаться.

Леди Форбиден смотрит на него – с тем же угрожающим недоверием, что ясно читалось в её глазах четыре года назад.

– Я знаю, что вы думаете. Я знаю, что подумает Лайза. И потому, хоть я мог бы вновь уволочь её силой, я не сделаю этого. Но я не могу

рассказать ни вам, ни ей, почему она должна уйти. Тот, кому я поведаю об этом, умрёт. Поэтому я здесь. – Коул прикрывает глаза. – Я не знаю, зачем пришёл. Наверное, потому, что не могу просто смотреть, как она умирает. Но, похоже, это всё, что мне остаётся.

Леди Форбиден откидывает одеяло. Оправив ночную рубашку, спускает босые ноги на пол.

– Расскажи мне, – чеканит она. – Расскажи мне, что произойдёт.

– Вы умрёте.

– Женщина, не готовая умереть за своего ребёнка, в принципе не должна становиться матерью.

– Ваша дочь в любом случае обречена покинуть вас. Но в вашей власти не делать вашего сына сиротой так рано.

– И до конца своих дней думать о том, что я не сделала ничего, чтобы спасти дочь? Знать, что я пожертвовала жизнью одного из своих детей ради счастья другого? – Леди Форбиден скрещивает руки на груди, и сизая сталь в её глазах ясно даёт понять, что сейчас с ней лучше не спорить. – Эш не обидится на меня, даже если узнает правду. Он бы сделал для Лайзы то же самое. Как и она для него. Говори.

Коул делает короткий обречённый вдох – и говорит.

Когда он замолкает, леди Форбиден долго смотрит на него: словно безуспешно пытается уложить полученную информацию в своём сознании.

– И что, – медленно произносит она, – что бы ты... что бы я... что бы мы ни пытались сделать, это... завтра... всё равно?..

Сид кивает, и Сабелла Форбиден отворачивается, глядя на стену.

Тёплый свет ночника отражается в её глазах, но глаза эти холодны: ни капли паники или страха, лишь спокойное течение мыслей.

– Когда ты впервые пришёл ко мне, – произносит она, – тогда, когда Лайзе было тринадцать... ты сказал, что украдёшь её. Утащишь на Эмайн. Это ведь... тоже произошло бы завтра, верно? Потому и...

– Да.

– Но ты говорил, что там она повесилась.

– Она повесилась не на Эмайне. Она прожила в моём замке месяц, тоскуя, и я вернул её в Харлер. Она покончила с собой уже здесь. – В словах Коула шелестит бесконечная усталость. – Когда ты уходишь в другой мир, время твоего собственного больше не имеет над тобой

власти. Никто из нас не может умереть в Харлере: даже получив смертельную рану, мы лишь возвратимся на родину. Многие из тех, кого похитили фейри, проживали на Эмайне долгие жизни. Если Лайза уйдёт туда, она будет жить, и в моей власти сделать так, чтобы там она ни в чём не нуждалась... но она слишком любит этот мир и свою жизнь в нём. – Сид подходит к открытому окну, всматриваясь в сумерки, обволакивающие листья сирени. – Она любит вас. Брата. Уроки магии. Когда-то я думал иначе, но убедился, что это так. Потому она и не смогла смириться тогда, когда я похитил её... а я делал всё это не ради того, чтобы просто спасти ей жизнь – чтобы она жила и радовалась этой жизни. Чтобы вернуть ей всё, что я когда-то у неё отнял.

– Она найдёт радости жизни и на Эмайне. Поверь. Я знаю свою дочь. – Леди Форбиден кусает губы, и застывший взгляд её устремлён в одну точку где-то на полу. – Судя по тому, что я слышала, твой мир чудесен. Лайза быстро станет его частью, а кровь сидов поможет ей. Нужно лишь... правильно всё подать. Чтобы не ты уволок её в прореху, без её спроса, без её ведома, а чтобы я попросила её об этом. Уйти... Что с тобой?

Коул пошатывается, хватаясь за голову, едва не упав. Опирается на стену – и исчезает, оставляя Сабелле Форбиден недоумённо глядеть на то место, где он был миг назад.

Секундой позже сид снова проявляется из пустоты: дыша так тяжело, словно только что пробежал пару миль без остановки.

– Мне нельзя долго быть в этом мире. – Коул отнимает пальцы от висков. – Моё тело... мой двойник из настоящего, тот я, который так и не встретил Лайзу... он где-то там, в Динэ. Моя текущая личность стремится слиться с ним.

– Слиться с ним?

– Я только что *был* им. Был в его теле. И на этот миг я забыл всё. О Лайзе, о вас, об этом разговоре, о том, где только что находился. Время латает свои раны. – Сид приваливается к стене. – Два варианта одной и той же личности не могут существовать одновременно. И раз я знаю о будущем слишком много, мою память следует стереть.

– Стало быть, ты не сможешь оберегать Лайзу по пути на Эмайн.

– Завтра мой двойник исчезнет. Вернётся на Эмайн. Мы не можем слиться, находясь в разных мирах. Как только он уйдёт из Харлера,

мне не нужно будет бояться исчезновения... по этой причине, по крайней мере.

– Отлично. – Леди Форбиден едва заметно покачивается, словно баюкая саму себя. – Ты сможешь открыть ближайшую прореху?

– Я лишь призрак бывшего себя. Умение открывать прорехи у меня отняли вместе с телом.

– Плохо. Значит, придётся добираться морем. – На пару секунд она смолкает. – Сколько ты выигрывал времени для неё? С того момента, как появляется тварь?

– День. Два. Потом последствия начинают быть катастрофическими. Чем больше времени проходит с момента... с *того самого момента*, тем агрессивнее становится страж.

– А сколько времени у меня?

– Три-четыре дня. Не больше. И вы будете так слабы, что уже на третий день не сможете встать с постели.

– Этого хватит, чтобы отвезти Лайзу в Фарге. В крайнем случае за руль сядет Эш, и...

– Вы не можете ехать с ней. Эта тварь овладевает всеми, на ком не лежит печать иного мира. В первую очередь – теми, с кем судьба Лайзы переплелась теснее всего. В вас течёт капля крови высших фейри, вы выносили детей сида с Эмайна, и это наложило определённый отпечаток на вас, но это слабая защита. Проклятие, которое теперь убивает вас, проклятие, порождённое временем, ещё больше ослабляет её. Чем дольше вы будете контактировать с Лайзой после того, как тварь заявит о себе, тем легче страж завладеет вашим телом.

Пальцы леди Форбиден, дрогнув, сплетаются в замок.

– Ладно. Тогда Эш отвезёт её. А я останусь здесь. – Ей почти удаётся сохранять спокойствие. – Не буду говорить им о конечной цели поездки. Если они начнут выпытывать подробности, которые я не смогу рассказать... Заодно будет страховка – на случай, если всё рассказанное тобой ложь и никаких тварей так и не появится. Тогда я смогу просто вернуть их домой, и они не узнают об этом безумии. – Она цепко смотрит на Коула, но его лицо остаётся бесстрастным. – Позвоню Лайзе, когда они уже будут в Фарге. При таком раскладе тебе, если что, будет проще увезти её на Эмайн силой.

– Мы проходили через это.

– Но теперь её брат не станет монстром. Зато её мать умрёт ради неё. Ради того, чтобы она жила. Это совсем другой расклад.

– Думаете?

– Эш любит её и верит мне. Он примет аргумент, что это для её же блага. А Лайза уважит предсмертную просьбу матери. Но поскольку, как ты говоришь, времени на размышления у неё не останется, лучше, чтобы она размышляла об этом уже на Эмайне. Ты ведь будешь охранять её? По дороге в Фарге, пока она не окажется в безопасности?

– Я дал клятву, – медленно говорит Коул, и в глазах его плавится сиреневый лёд. – Я буду защищать её, пока даже призрак мой не исчезнет.

Леди Форбиден удовлетворённо кивает:

– Тогда они отправятся в Фарге сегодня же.

– Нет, – возражает сид. – Лайза должна встретить завтра здесь, в Мойлейце.

– Почему?

– Я знаю, что ждёт её в этом городе, но не изучил опасности, которые будут подстерегать её в Фарге. Даже моих сил не хватит на то, чтобы бесконечно возвращаться назад. Она должна...

Коул осекается.

Прижав ладони к вискам, падает на колени и растворяется в ничто.

Сабелла Форбиден долго ждёт, не сводя глаз с того места, где он стоял. Ждёт, пока ночник не бледнеет в лучах рассветного солнца.

Лишь тогда встаёт и подходит к зеркалу.

Пока она ещё твёрдо держится на ногах, но кожа уже бледнеет, а под глазами залегают глубокие тени, будто от недосыпа. Впрочем, пока сложно сказать, не рождены ли они *действительно* недосыпом, который этой ночью сид ей обеспечил сполна.

– Значит, завтра. – Женские ладони складываются в молитвенном жесте. – Помоги нам боги.

Нынешнее время

Я вынырнула из темноты из-за боли. Боли в запястьях. Что-то сдавливало их, как и лодыжки. А ещё мои зубы смыкались на тряпке,

вставленной в рот, врезавшейся в щёки – видимо, её завязали на затылке.

Странный шуршащий шелест. Что это? Ликорис? Он рядом? Если мне удастся избавиться от кляпа, если удастся оглушить его заклятием, пока он не заметил, что я очнулась...

Я приоткрыла один глаз.

Я лежала на кровати, покрытой шуршащей, похожей на полиэтилен простынёй. Раздетая. Судя по всему, в спальне на втором этаже, куда я так и не соизволила подняться. Отенок лучей, просачивавшихся в щель между плотными шторами, выдавал, что за окном уже гас закат.

Ликорис стоял боком ко мне – в чёрной спортивной шапочке, под которую он тщательно забрал волосы – и методично водил лезвием бритвы по кожаному ремню, порождая тот самый странный шелест. На лице – спущенная на подбородок хирургическая маска, на ладонях – латексные перчатки. Один конец ремня он прицепил к ножке стола, другой держал в руке, натягивая; на столешнице, по соседству с моим черничным браслетом, поблескивала в солнечных лучах пёстрая упаковка презерватива, на изножье кровати висел прозрачный плащ-дождевик.

Простыня позволит ему не оставить в доме следов моей крови. Шапка, маска и «резинка» – спермы или волосинки на моём теле: ничего, несущего его ДНК. Дождевик поможет не запачкаться, пока он будет резать меня остро наточенной бритвой – и, наигравшись, душить.

Я лучше умру, чем дам кому-то тебя обидеть, когда-то говорил он... Теперь ясно почему.

Самый опасный хищник в лесу не уступает свою добычу другим.

– А, проснулась, – не поворачиваясь, негромко прокомментировал Ликорис. – А я уже хотел тебя будить. Пропустила бы всё веселье.

Он заметил? Как?! Наверное, ощутил мои эмоции, фоморов эмпат!.. Уже не таясь, я завертела головой, оценивая обстановку. Мои ноги развели в стороны и привязали к ковanej спинке кровати, руки вздёрнули и примотали к прутьям изголовья. Кончики пальцев замотали отдельно, скотчем, так, что ладони оставались расправленными. Чтобы я не смогла сотворить заклинание? Или чтобы резать было удобнее?..

– Если тебя это утешит, ты правда стала особенной. Для нас обоих. Я даже думал, что у твоей истории может выйти необычный конец. В кои-то веки купил ликорисы, не будучи уверенным, что это не в знак прощания – и только. Смерть от разбитого сердца, в конце концов, нам с малышом Питером точно не грозила. – Он неторопливо поднимает бритву на уровень глаз, внимательно осматривая лезвие. – Безумно забавно, конечно... Вы искали Ликориса, но даже не подумали заподозрить нас. А ведь Рок была так увлечена этим делом, знала так много подробностей... Даже то, что Алвену мучили кошмары про Кромешника. Она обожала фильмы ужасов, Алвена. Всякие сетевые страшилки. Кромешник был её любимчиком – даже игру про него нашла. Наигралась на ночь в шлеме виртуальной реальности, вот и приснились всякие ужасы... как раз накануне нашего последнего свидания. – Видимо, его что-то не устраивает: он вновь опускает бритву и водит ею по ремню, правя лезвие до безупречной остроты. – А ведь малыш Питер хотел завязать с этим всем. По-настоящему. Ради тебя. Знаешь? Тогда, в Карнеле. Он и раньше пытался тебя уберечь. Сдаться страже. Конечно, не вышло бы – я перехватил бы контроль, но ты помогла нам сбежать, и мне не пришлось вмешиваться. А в Карнеле ты струсила и не призналась, что малыш Питер тебе нужен, но он всё понял и так. И я помог ему... убил этого Труэ. В конце концов, вся эта шумиха с ликорисами приятная, но слишком опасная. Я вывел из игры убийцу, которого прозвали Ликорисом, и мог бы убивать дальше тихо. В разных концах страны. Пудрить мозги копам. Менять почерк. – Движения, которыми он точит бритву, выверены и методичны; он никуда не торопится, растягивая удовольствие, наслаждаясь каждым мгновением, продлевая триумф после долгой охоты. – Найти меня было бы невозможно.

...я не совсем понимаю, кто сейчас говорит со мной устами Питера. Как такое возможно. Понимаю одно: это не Питер. Не тот Питер, с которым мы танцевали на башне в Лугнасад. Не тот Питер, который обещал пойти за мной хоть в Аннун. Не тот Питер, который пел мне, целовал меня, заботился обо мне. Это другой Питер – с чужим взглядом, чужим голосом, чужим заострившимся лицом.

Питер-монстр.

– Я даже согласен был оставить тебя ему, раз уж ты ему по-настоящему приглянулась, – продолжает он. – Мне хотелось, чтобы у

него были нормальные отношения. Те, в которых он действительно счастлив. Мне не понравилось, что ты хочешь его оставить, но я принял и это, ведь тут не было твоей вины. – Он замирает, и я замечаю, как дрожат его ресницы. – А потом ты предала его ради какой-то девчонки.

Слова режут острее лезвия, которое он держит в руках. Вдали от моего тела – пока.

Я дёргаюсь, пытаюсь вывернуться из пут, пытаюсь закричать, однако верёвки лишь сильнее врезаются в кожу, и из-за кляпа у меня вырывается только мычание. Ликорис не оборачивается, но наклоняет голову, и я слышу голос, похожий и бесконечно непохожий на звучавший только что:

– Дай мне хотя бы объяснить ей.

– И что это решит? – тут же отвечает он сам себе, и меня колотит от того, насколько за секунду меняются его интонации. – Я не дам тебе её отпустить. Она сделала свой выбор. Она опасна для тебя. Для нас.

– Она имеет право знать. Перед тем, как ты... перед тем, как мы попросимся.

Я слышу прежнего Питера, *своего* Питера, и от надежды становится больно в груди, когда он откладывает бритву на стол и подходит ко мне... но, глядя в его лицо, в котором нет ни единой эмоции, я понимаю, что ко мне подошёл Питер-монстр.

– Малыш Питер хочет, чтобы ты знала, кто я. Что я – не он, – буднично поясняет тот, опускаясь на корточки рядом с кроватью. – Я думаю, ты и так догадалась. Но я почти всегда уступаю ему, когда дело не касается нашей безопасности. – Он вздыхает, и в его глазах – у Питера-монстра они скорее болотные, чем мятные, – проскальзывает странная печальная доброжелательность. – Я родился, чтобы защитить его. Рок рассказала тебе, мы слышали... про его родителей. Про тот самый день, когда появился я. Дети-эмпаты не умеют отключать дар, знаешь? Сейчас мы можем ощущать то, что хотим и когда хотим. Переключать восприятие на эмоции или физические ощущения, или всё сразу, или не чувствовать их вовсе. Разделять чувства с людьми или просто считывать. Но дети... дети сканируют всех и всё вокруг себя. И малыш Питер сидел в том шкафу и пытался не смотреть, но всё чувствовал. Как его маме выкалывали глаза – за то, что якобы смотрела на других мужчин. Как резали руки – за то, что трогала их. Как

отсекали язык и губы – за то, что их целовала. И эта боль, боль нашей матери, была такой невыносимой, что он мог сойти с ума. И тогда появился я, *другой* Питер, и отодвинул *малыша* Питера в тёмный чулан нашего сознания, чтобы он больше не видел и не чувствовал этого. Чтобы смог забыть это, как страшный сон. Остался я, и для меня эта боль тоже была жуткой, но в какой-то момент я понял, что одновременно мне это... нравится. Животное удовольствие, удовлетворение зверя, который настиг добычу и теперь разрывает её на куски. Понимаешь?

Я мотаю головой в отчаянной попытке разбить ему нос, но он только смотрит на меня: так пристально, так пытливо, словно и правда очень хочет, чтобы я его понял.

– Я мог оставить малыша Питера в чулане навсегда, – произносит Ликорис, – но я хотел, чтобы он *жил*. Так было безопаснее для нас обоих. Я уходил в чулан, а он оставался у всех на виду. Он ведь ничего не помнил об убийстве. Он остался тем же славным мальчуганом, которым был до того. Так он смог пройти все исследования, которые ему устроили копы и врачи, ведь я понимал: если они увидят *меня*, то запрут нас обоих в психушке до конца жизни. А так никто ничего не заподозрил, и малыша Питера просто отпустили, решив, что ему повезло и его память избавилась от всех плохих воспоминаний. Вместо этого врачи сосредоточились на нашем папаше: тот даже на суде упорствовал, что воздал жене по заслугам, что у него были доказательства её неверности. А все доказательства – фото, где наша мама танцует с коллегой на корпоративе. Отца признали невменяемым и упекли в психушку... Нет, не в палату с мягкими стенами и не в смирительной рубашке, потому что он вёл себя мирно. И хорошо – иначе было бы куда труднее его убить.

Его рука рассеянно скользит по моему телу в небрежной ласке, словно поглаживая кошку.

Прикосновения тех же рук, что ночью сводили меня с ума, теперь вызывают дрожь омерзения.

– Конечно, я убил его. Сразу, как научился сносно контролировать дар. Во время очередного посещения отправил малыша Питера в чулан и довёл до апофеоза всё самое страшное, что было в нашем папаше. Боль, отчаяние, чувство вины, дремавшее где-то на дне его душонки... разбудил в нём такое жгучее желание покончить с собой, что он бился

бы лбом об стену, если б не нашёл способ получше. Он стянул где-то карандаш, сунул себе в нос и ударился головой об тумбочку. Вогнал карандаш себе в мозг. Позже я не раз проделывал подобный трюк... с Грегом Труэ в том числе. С ним было даже проще: он ведь так и не простил себе попытку изнасилования любимой падчерицы. Всё, что понадобилось, – небольшая ночная прогулка. Вылезти из окна номера так, чтобы Рок не увидела, дойти до его дома, а там немного раскатать чувство вины, пригрозить бритвой, заставить написать записку... Никто из вас даже не заметил моего отсутствия. Впрочем, смерть нашего папаши тоже не сочли подозрительной. – Он фыркает – негромко, с лёгкой снисходительностью. – Валентайн умер, но этого было недостаточно, потому что я всё равно чувствовал... жажду. Жаждал снова ощутить вкус чужих страданий. Мы, эмпаты, воспринимаем эмоции так же, как вкус или аромат... Например, чувства, в основе которых лежат естественные человеческие эмоции, куда лучше внушённых. Поэтому я не возражал, что Питер не использует дар на вас с Рок. Ему нравилось чувствовать её симпатию, твою любовь. Но для меня чужая боль, страдания... падение в бездну отчаяния с вершины блаженства, мучительная эмоциональная агония... *это* мой личный наркотик, который не сравнится ни с чем. – Он улыбается своим мыслям. – Сперва я убивал животных. Довольно долго. Я был очень осторожен, я выходил из чулана и брал контроль в свои руки лишь тогда, когда был уверен, что этого никто не заметит. Но в конечном счёте малыш Питер стал догадываться. Трудно не догадаться, когда то и дело несколько часов твоей жизни просто выпадают из памяти. Как будто засыпаешь наяву среди бела дня, просыпаешься вообще в другом месте и находишь шерсть и пятна чужой крови где-нибудь на штанине, а потом бабушка рассказывает тебе, что соседскую псину нашли на помойке выпотрошенной... Тогда я ещё был *не настолько* осторожен, как сейчас. Так что в итоге нам с малышом Питером пришлось встретиться. И договориться. – Наконец убрал руку с моей груди, Ликорис задумчиво подпирает ею подбородок. – Ясное дело, он сперва пришёл в ужас. Но, в конце концов, я всегда заботился о нём. О его безопасности. Я забрал его боль себе и стал тем, чем иначе бы стал он. Это благодаря мне он мог жить полной жизнью, испытывать чувства, быть счастливым, насколько может... А всё, что я требовал взамен, – чтобы никто не

узнал обо мне. Да ещё подкармливать меня время от времени. Помогать утолить *жажду*. По-моему, вполне приемлемая цена.

Я слежу за его взглядом – и вдруг понимаю, что он наблюдает за слезами, скатывающимися на простыню из уголков моих глаз. Понимаю, что дрожу и плачу, – и закрываю глаза, пытаюсь унять рвущиеся рыдания.

Я не дам этому ублюдку насладиться моими страданиями. Не дам. По крайней мере, пока лезвие бритвы не коснётся моего тела.

– После окончания школы я подтолкнул малыша Питера пойти работать в хоспис. Боли зверей мне уже не хватало, и я думал, что в хосписе получу то, что мне нужно. Я довольно скоро понял, что ошибался – мне не нужна была просто чужая боль. *Жажда* могла утолить лишь та боль, что причиняю я. Это ужасное чувство, *жажда*... Ты готов сделать всё что угодно, лишь бы от неё избавиться. А она не уходит, и есть один-единственный способ, чтобы она ушла, оставила тебя... на несколько месяцев. И только во время охоты – и того, что происходит в её конце, – только тогда я чувствую себя по-настоящему живым.

Резко встав, он делает шаг к столу, а когда возвращается к постели, в руках его блестит расправленная бритва.

Я слежу за ней почти замороженно.

– Когда умерла бабушка... нет-нет, сама умерла, тут я ни при чём... малыш Питер уехал в Динэ и пошёл работать продавцом в лавке камней. Он так хотел стать нормальным человеком, совершенно нормальным... Он убегал от меня, убегал день и ночь. Думал, что похоронил меня в чулане, в лабиринте собственного сознания... но потом в его лавку вошла Абигейл. – Ликорис вновь опускается на колени перед кроватью. – Малыш Питер просто ничего не мог с собой поделаться. Она так походила на его мать, так нуждалась в помощи... И он правда хотел помочь ей. Не мог не хотеть. Помочь ей убежать, спрятаться, справиться с потрясением. Тогда он и сделал это открытие – что наш с ним дар плохо работает на полукровках. Что ваши эмоции отличаются. А я и сам сперва думал, что мне хватит просто пить её боль... Но она взяла и так глупо влюбилась! Её счастье на вкус было чудесно, но не шло ни в какое сравнение с её болью. Той болью, что я почувствовал при первой нашей встрече. И мне просто снесло крышу. Мне *очень* нужно было снова ощутить её боль. А ещё... мне нужно

было повторить то убийство, что дало мне жизнь. *Ритуализировать* – так, кажется, назвал это малыш Питер. Он же не зря пошёл в психологи: надеялся, это поможет ему узнать, как справиться со мной. – Он касается бритвой ложбинки на моей груди. Пока что – тупой стороной. – Я снова вытеснил малыша Питера в чулан. И вышел на свет. И когда я делал с Абигейл всё то, что я делал, впервые с момента моего рождения я чувствовал, что живу. А после этого я впервые в жизни почувствовал, что моя *жажда* утихла. И отступил в чулан, и сидел там четыре месяца, и позволил малышу Питеру жить той нормальной жизнью, о которой он так мечтал... Пока *жажда* не выгнала меня на улицы Динэ – в поисках следующей девочки, похожей на Абигейл. Или на тебя.

Лезвие бритвы ползёт по телу ядовитой гадюкой, от груди к низу живота, выводя по пути какие-то замысловатые узоры. Металл холодит кожу, заставляет покрываться мурашками, дёргаться и выгибаться в попытке избежать соприкосновения – напрасно.

...«мне следовало бы самому оборвать твою дорогу, но тебе уже предназначен другой, куда более остроумный финал»... Так это и есть финал, о котором говорил Донн? Я должна была умереть по вине влюблённого в меня сида, но Коул стёр это будущее, – и тогда на меня положил глаз серийный убийца.

Из всех лавок камней в Харлере я выбрала ту, где работал Ликорис.

Наверное, с точки зрения богов это действительно остроумно.

– Мы с малышом Питером и правда никогда не верили в богов так, как после встречи с тобой, – говорит он, будто прочитав мои мысли. Впрочем, мои чувства он точно читал – и наверняка мысли хоть как-то отражались в них. – Разве это может быть случайностью: чтобы в нашу лавку просто так забрела идеальная жертва, ищущая Ликориса? А ведь прошло всего два месяца после охоты, но я увидел тебя, ощутил твоё отчаяние, твою боль... боги, она была сладкой, как мёд. И я погнал малыша Питера за тобой, и заставил проследить до отеля и угнать мобиль, когда увидел, что ты можешь ускользнуть... Это было неосторожно, но я ничего не мог с собой поделать. Эта охота... она вышла не такой, как все. Прекрасней, чем все предыдущие. Подначивать вас искать Ликориса, а потом *действительно* искать Ликориса, искать самого себя... это было так

весело. Танец на грани, риск, азарт... Я никогда ещё не чувствовал себя *настолько* живым. – Он склоняется ближе ко мне. – И ведь мы с малышом Питером облегчали ваши муки. Абигейл, ты, все вы... вы были несчастны. У одной отчим-насильник, у тебя умирала мать, другую только что бросил парень, у четвертой недавно погибла сестра... Все по тем или иным причинам – одни, наедине со своими проблемами. И тут появлялись мы. А вы либо не могли, либо не стремились рассказать о нас родным и друзьям. Соглашались встречаться вне дома, оставляя нам лишь пудрить мозги случайным свидетелям...

– Питер, поговори со мной, пожалуйста, – хриплю я. – Позволь нам с ним поговорить в последний раз, прошу!

Я пытаюсь хрипеть, но из заткнутого рта рвётся только мычание.

Впрочем, Ликорис снова удивительным образом понимает, что я имею в виду.

– Если думаешь, что он отпустит тебя, то зря. – Ликорис отнимает бритву от моей кожи. Опустив руку, склоняет голову так, что его губы почти касаются уха; так, что его дыхание обжигает кожу. – Я сильнее его. Всегда был. Я всегда вышвыриваю его в чулан раньше, чем он успеет сделать что-то непоправимое. Хочешь, проверим?

Я поворачиваю голову – наши лица почти соприкасаются – и вижу мятные глаза мальчика с фотографии двадцатилетней давности.

– Прости меня. Прости, что пошёл за тобой, – его голос срывается в шёпот, когда он откладывает бритву на пол. – Каждый раз я думал: я смогу... Я докажу, что сильнее *его*, я помогу ей, и только. – Он вытаскивает кляп, но не развязывает, а просто вынимает тряпку у меня изо рта и приспускает на подбородок. – Зачем Рок пришла... Я так надеялся, что *он* позволит тебя отпустить. Напьётся твоей болью от нашего расставания, и ему этого хватит.

– Питер. Это ты, – скулы болят, когда я наконец выговариваю это вслух. – Питер, которого я полюбила. Который любит меня.

Он улыбается – едва заметно.

Во всяком случае, грусть в этой улыбке куда заметнее, чем сама улыбка.

– Это фальшивка, Лайз. Всё – фальшивка. Я – фальшивка. – Он молчит пару секунд, словно пытаюсь справиться с горечью слов,

осевшей на языке. – Я – лицо-маска, которое *он* носит, чтобы никто не узнал о нём.

– Нет. Я знаю, настоящее было. Твоя забота обо мне была настоящей. То, как ты смешил меня, было настоящим. Тот Лугнасад. Вчерашнее, – я выговариваю это даже твёрже, чем собиралась: потому что верю, всей душой верю в то, что говорю. – Ты можешь бороться с ним.

– Не могу. Я пытался... когда-то. Признаться лекарю. Сдаться страже. Даже убить себя. Пока не понял, что это бесполезно. *Он* всегда перехватывал контроль прежде, чем я успевал навредить себе. Ему. Нам обоим. – Его улыбка становится кривой. – Пока я был рядом с тобой, я столько раз думал: вот сейчас я *наконец-то* умру. Даже пытался бросить вас тогда, на остановке в Карнеле. Сдаться страже. Дать вам уйти. *Тебе* – уйти. Думал, вот будет забавно, если меня арестуют и узнают правду... Но ты сделала другой выбор. А даже если бы не сделала... – Питер качает головой. – Он не дал бы себя поймать. Ни за что. Он сильнее меня. Он был рождён, чтобы меня защищать. Чтобы я не закончил свои дни в психушке, как отец.

– Нет. Это говорит тебе *он*, чтобы тебя подчинить. Чтобы управлять тобой. Но это ты должен управлять им. Ты – настоящий, он – маска. Ты – *истинный* Питер, мальчик, с которым случилось страшное несчастье, но который вырос умным, заботливым, остроумным. Умеющим любить. – Я знаю, что это звучит как лесть, но лести в моём голосе нет ни капли, ведь я снова истово верю в то, что говорю. – Отпусти меня. Ты хочешь этого. Я знаю.

Питер смотрит на меня; алые отблески заката блестят в мятных глазах.

Он не отводит взгляда, даже потянувшись к чему-то на полу.

Когда он поднимает руку с бритвой, я почти вижу в его зрачках эхо того заката, под которым мы танцевали в Лугнасад.

...неужели он всё-таки...

– Я люблю тебя, – говорит Питер – за секунду до того, как я понимаю, что сейчас произойдёт.

Я кричу: «Питер, нет!» одновременно с тем, как он закрывает глаза и молниеносным движением прижимает лезвие к собственному горлу. Кричу, прекрасно понимая, насколько это глупо – желать спасти того, кто хочет тебя убить, – но не могу иначе.

Мой крик гаснет в воздухе, когда сталь замирает в каком-то дюйме от кожи.

Когда Питер, разомкнув веки, обращает на меня торжествующий взгляд, в его глазах снова зеленеет болото.

– Хорошая попытка, миледи, – произносит Ликорис, пока я смиряюсь с мыслью, что это – конец. Теперь уже точно. – Хотя я даже тронут, что ты пыталась его остановить... не дать малышу Питеру умереть. – Он облизывает губы – быстрым омерзительным жестом, напоминающим о ящерицах. – И что дальше ты собиралась...

– Отпусти её.

Звучание знакомого голоса вынуждает моё бешено колотящееся сердце пропустить удар.

Ликорис поворачивает голову.

Эш стоит на пороге. Лицо – белый мрамор, глаза – синяя бездна.

– Ты так и не научился стучаться, мальчик, – негромко говорит Ликорис, поднимаясь с колен.

– Отпусти. Мою. Сестру. Мразь.

В тихом голосе Эша ещё меньше эмоций, чем в его лице, – но мой безоружный маленький брат пугает не меньше, чем серийный убийца с бритвой в руках.

– Не думал, что придётся убивать детей. – Сейчас на лице Ликориса нет ни улыбки, ни предвкушения: лишь какая-то обречённая усталость. – Ничего личного, мальчик... Ты славный, но я не оставляю свидетелей.

Эш молчит. Только взгляд его перемещается с лица убийцы на что-то за его спиной.

Ликорис оборачивается за миг до того, как полупрозрачные руки Коула, мгновение назад возникшего у него за спиной, ложатся на его щёки – жестом возлюбленного, заключившего лицо желанной женщины в свои ладони. Убийца тут же вскидывает бритву, пытаясь полоснуть сида по горлу, но на полпути пальцы его вдруг замирают.

Разжимаются.

Бритва выпадает из его руки, звякая о доски, ещё прежде, чем голова Питера резко поворачивается, подчиняясь бледным ладоням того, кто некогда был Коулом из рода Дри. Поворачивается с характерным, жутким звуком кости, хрустнувшей в сломанной шее.

Потом тело Питера рушится на пол: руки раскинуты, словно он упал в снег сделать ангела, в мятных глазах – лёгкое удивление, на губах – призрак едва заметной улыбки.

Убийца по прозвищу Ликорис наконец-то пойман и убит.

И, похоже, Питер Джекевэй, он же Инэкинс, успел порадоваться этому за миг до конца.

* * *

Я смотрела в застывшие мятные глаза, ещё казавшиеся живыми, когда Коул подобрал с пола ту самую бритву, что должна была меня убить.

– Эш, иди вниз. Отнеси одежду Лайзы на кухню. – Ловкими сдержанными движениями сид стал освобождать мои руки и ноги от пут. – Она внизу, в гостиной.

Брат кивнул, не сводя взгляда с тела Питера.

– Жаль, что его убил не я, – всё же отвернувшись, бросил он зло.

– Убийство – не то, чем стоит гордиться, и не тот груз, что стоит нести дальше по жизни. – Разрезав верёвки, Коул перевернул меня на живот. Развязал узел на затылке, всё ещё удерживавший кляп на моём подбородке. – Иди.

Я услышала быстрые лёгкие шаги Эша. Затем меня снова повернули на спину, и Коул закутал меня в ту шуршащую простыню, на которой я лежала.

– Прости, что поздно. Безвременье не выпускало меня в этот мир. Пришлось искать уязвимое место. Я так и не смог пробиться к тебе и едва сумел выбраться к Эшу... уже после того, как Рок оставила его в лесу. Мы добрались так быстро, как только смогли. – В его глазах светилась сиреневая печаль. – Мне не следовало доверять Питеру. Но он казался... похожим на меня. То чувство вины, о котором он говорил...

...Питер мёртв. Рок мертва. Коул спас меня – он и Эш.

Всё кончено.

И в тот миг, когда я осознала это, весь пережитой ужас, боль, отчаяние предательства – всё нахлынуло вдруг, разом и вырвалось наружу звонким, истеричным, визгливым хохотом.

Один возлюбленный похитил меня, довёл до самоубийства и угробил кучу людей, исправляя это. Другой оказался маньяком, который убил мою подругу, убил шесть других девушек – и хотел убить меня.

– Везёт в любви, как леди рода Форбиден, – захлёбываясь хохотом – а может, всхлипами, – повторила я фразу, услышанную давным-давно. – Права была мама.

Сид подхватил меня на руки и понёс куда-то, пока я смеялась и рыдала, уткнувшись в его плечо. Что-то жизнь в последние дни часто вынуждает меня плакать... хотя можно ли назвать это жизнью? Рок говорила, что видит мою смерть: смерть девочки, которая где-то в другой жизни должна была покончить с собой, а потом – умереть под колёсами мобиля, а потом – быть убитой маньяком, но девочка никак не хочет умирать, и из-за этого снова и снова умирают другие.

Рок...

– Одевайся. – Сид опустил меня на твёрдую поверхность, и, открыв глаза, я поняла: он принёс меня на первый этаж, на кухню, и усадил на стул. – Одежда на столе.

Он не хотел, чтобы я заходила в гостиную. Знал, что я там увижу.

– Рок...

– Ты ничего не смогла бы сделать. – Коул отступил на шаг и отвернулся. – Одевайся.

Я поднялась на ноющие, затёкшие, негнущиеся ноги. Скинула ненавистную простыню и схватила со стола бельё, джинсы, рубашку.

...ещё одна смерть по моей вине.

Ещё одна ошибка, которую я никак не могу исправить.

Натянув одежду, я шагнула к выходу в коридор. Сид загоразивал собой проём, стоя в дверях спиной ко мне, но поверх его плеча я всё равно видела открытую дверь гостиной и свой спальник, прикрывавший тело на полу.

Эш стоял на коленях рядом с Рок. Лицо его скрывали кудри, но я знала, что он не плачет.

Мой маленький брат всегда был сильнее, чем я.

– Пусти меня.

– Тебе это ни к чему. – Коул не обернулся. – Нам нужно отправляться на пристань и искать лодку.

– Пусти. Я хочу... быть с ней, когда она уйдёт.

Закат, почти угасший за окном, кутал фигуру сида в синеватый сумрак. Через несколько минут солнце окончательно скроется, оставив луну единолично властвовать на небосклоне, и я знала, что случится тогда.

Помедлив, Коул всё же отступил, давая мне пройти:

– Потом сразу едем на пристань.

У меня не осталось сил ни думать, ни возражать. Так что я молча кивнула и шагнула вперёд. Добравшись до гостиной, опустилась на пол рядом с Эшем; устала на спальник, на котором расплывалось тёмное пятно, сейчас казавшееся чёрным, и сумерки вокруг густели, пока небо за окном прощалось с умирающим закатом.

Я не знала, сколько прошло времени. Мы просто сидели и молчали в наступающей темноте, и минуты казались часами. Но в какой-то момент спальник дрогнул, встрепенулся, и пятно на нём исчезло.

Из-под плотной ткани выплеснулась чернильная дымка, обернувшаяся облаком призрачных, полупрозрачных, мерцающих в темноте бабочек. Дымчато-синих – цвета глаз, что когда-то увидели на улице Мулена мою смерть. Бабочки с лёгким шелестом взмыли ввысь и растворились во тьме.

Какое-то время мы с Эшем ещё сидели, глядя, как оседает на пол спальник, под которым теперь не было ничего, даже крови.

Баньши не нуждались в похоронах. Они и при жизни были призраками: мёртвые девочки, ожившие под светом взошедшей луны. И после смерти тела их просто исчезали – под той же луной, что дала им жизнь. Без следа.

Я сидела и думала о том, что там, за гранью, Роксэйн сейчас костерит меня на чём свет стоит. А может, и нет. Мне хотелось верить, что она сможет меня простить.

Я должна была ненавидеть Питера. И я ненавидела его: того монстра, который склонялся над Рок с бритвой в руках. И вместе с тем мне хотелось думать, что где-то в потустороннем мире Рок треплет по голове маленького мальчика с мятными глазами. Мальчика, который улыбнулся собственной смерти. Мальчика, который долго жил в плену своего внутреннего монстра, но в конце концов освободился.

Мальчика, любовь в чьей душе всё же победила другое чудовище – пусть и за секунду до гибели.

Может, это оскорбление памяти Рок и тех шести девочек, которые сейчас лежат в земле и к которым я должна была присоединиться. Но ненавидеть Питера Инэкинса-Джекевэя я не могла. Только Ликориса.

Только убийцу, для которого мёртвое тело Питера стало вечной клеткой.

– Пора.

Я не слышала, как подошёл Коул, но голос его прозвучал прямо за моей спиной. Эш тут же поднялся с колен и, тронув меня за плечо, протянул руку, помогая встать.

– Я отвезу Лайзу на пристань, – сказал Эш. – Лодку до Эмайна, видимо, придётся у кого-нибудь позаимствовать.

– Я с вами, – произнёс сид. – Я не рискну уходить обратно в безвременье. Кто знает, выберусь ли я оттуда ещё раз. Отныне я с вами до конца.

Я посмотрела на брата: если тому и было интересно, о чём мы, он никак это не проявил. И вопросов задавать не стал.

Умница, как всегда.

– Кто теперь о тебе позаботится? – спросила я беспомощно.

– Я сам о себе позабочусь. – Эш потянул меня за рукав. – Идём, Лайз.

– Но...

– Я справлюсь. Правда. Со мной всё будет хорошо. – Брат говорил серьёзно и очень убедительно. – Давай сделаем так, чтобы с тобой наконец-то всё было так же.

Я не могла сопротивляться, спорить, возражать. Просто переставляла ноги, позволяя вести себя прочь от дома. Добредя до Французика, села назад и смотрела в окно, пока Эш выезжал за ворота. Он не стал запирает дом на замок, только на ключ: видимо, хотел вернуться сюда после того, как отправит меня на Эмайн. В конце концов, наш дом в Мойлейце сгорел, а ему надо где-то жить – или хотя бы переночевать, прежде чем отправляться в распростёртые объятия стражи...

Я уйду на Эмайн, а мой маленький брат останется один. Конечно же, отправится в приют: никто не разрешит двенадцатилетнему мальчику жить одному, даже такому, как Эш. Родственников, которые могли бы взять его в семью, у нас нет.

Я брошу его, оставив в одиночку разбираться со всем, что мы наворотили. Оправляться от случившегося. Выживать.

Я, когда-то обещавшая ему, что всегда буду рядом.

– У нас есть план? – спросил Эш, ведя мобиль по узким, озарённым фонарями улочкам Фарге.

– Добраться до пристани, взять первую попавшуюся лодку и увезти Лайзу на Эмайн. – Коул занял переднее сиденье рядом с братом и смотрел в окно. – Твоя задача – доставить нас на пристань. Остальным займусь я.

– Хорошо бы только ни с кем не столкнуться по дороге до лодки, – пробормотал Эш, выводя мобиль на центральную улицу.

Я скользила взглядом по пёстрым витринам, людям, спешившим по тротуарам, невысоким разноцветным домам с черепичными крышами. По последним вещам, что я видела в Харлере.

Неужели через какой-то час я...

Когда Французик остановился, я не сразу поняла, в чём дело.

– Это нехорошо, – мрачно проговорил Эш.

Я перевела взгляд на лобовое стекло.

За ним расстилалась большая площадь с кучей припаркованных машин. Вдали сияла огнями набережная, врезавшаяся в тёмное море длинными пирсами, облепленными пришвартованными катерами и лодками... а между площадью и набережной высился ряд аккуратных железных столбиков, намертво вмурованных в землю, не позволявших подъехать прямо к пирсам.

– При таком раскладе отплыть выйдет только с какого-нибудь дикого пляжа за городом. – Эш озабоченно смотрел на толпу людей, шагавших мимо Французика. – Похоже, придётся всё-таки купить лодку. Надувную, и мотор к ней. Чтобы доплыть до Эмайна, хватит. Но сейчас всё наверняка уже закрыто.

– Я не знаю, продержусь ли я до завтрашнего утра, – ровно заметил Коул.

– Мы не можем просто вывести Лайзу здесь. Как только она выйдет, люди, которые её увидят...

...это произошло быстро, как выдох. Прохожие снаружи замерли, где стояли, и повернулись к Французiku – с синхронностью команды по плаванию.

О боги...

– Они же даже меня не видят, – прошептала я трясущимися губами, глядя, как сумрак омывает фигуры одержимых.

Те, кем не завладела тварь, не сразу их заметили. Заметили, лишь когда кто-то наткнулся на одну из застывших фигур, не успев притормозить или повернуть, и сердито обратился к ней. Одержимый вместо ответа толкнул незнакомца в грудь – и тот отлетел на несколько метров, упав спиной прямо на один из железных столбов. Потом рухнул на землю, неуклюже и грузно, точно мешок с картошкой – или человек, которому только что сломали спину.

На этом месте толпа на площади разделилась пополам: одна половина – те, кто с криком побежали прочь, вторая – те, кто плотным кольцом обступили мобиль.

Последних было не меньше двадцати.

– Эш, жми! – крикнул Коул.

Первый же удар одного из одержимых пробил заднее стекло, и рука с окровавленными костяшками зашарила по салону, стремясь дотянуться до моих волос: терпение стража явно иссякло окончательно. Брат рывком вдавил педаль в пол, и Французик рванул вперёд; рука исчезла, и я зажмурилась. Удар, толчок, ещё один...

Не думать. Не думать о тех, кого мы сбиваем, пробиваясь к долгожданному концу этого кошмара. Они последние.

Последние жертвы, и всё закончится.

– Эш, тормози у преграды. Оставайся в мобиле. – Сид повернулся ко мне: даже сейчас речь его звучала почти равнодушно. – Лайза, как только остановимся, выпрыгивай и беги. Я за тобой.

Колёса завизжали, когда Эш ударил по тормозам, одновременно выворачивая руль. Мобиль развернуло, почти впечатав в заградительные столбы. Я надавила на кнопку открытия дверцы, заранее выбросив перед собой руку с печатью – и первый же одержимый, преградивший мне выход, получил проклятие в грудь и улетел назад, стукнувшись затылком о брусчатку.

– Вперёд, быстро! – Коул, вдруг оказавшись рядом с моей дверцей, рывком выдернул меня наружу и потащил к пирсам. Фонари просвечивали сквозь него.

Убегая от Французика следом за сидом, выворачивая голову, на ходу кидая проклятия в одержимых, что уже подбирались к нам, я думала о том, что даже не успела как следует попрощаться с Эшем.

Среди одинаково бесстрастных лиц мелькнуло одно знакомое – под льняной кепкой, принадлежавшее сухонькому старичку в штанах с подтяжками. Я опознала общительного соседа, что заходил к нам вчера, но теперь вместо тросточки он сжимал в руках перочинный нож, и стальное лезвие играло бликами под белым светом фонарей.

Я знала, что он уже мёртв, однако рука всё равно не поднялась запустить в него проклятие посерьёзнее. Ограничилась штукой, которая сбила его с ног; отвернулась, взглянула вперёд – и спазм сжал и без того пересохшее горло.

Пара десятков случайных прохожих стояли между нами и ближайшей лодкой. Стояли, сверля моё лицо чёрными глазами стража времени, которому было плевать на последствия того, что здесь происходит; на все те жизни, которые не продолжатся по его вине. Просто я избежала предначертанной мне смерти вот уже второй раз, и со мной нужно было покончить – неважно, какой ценой.

– *Дархадас*, – хрипло выдохнула я, – *неутрэле...*

Неясный шум сзади заставил меня запнуться, но не прерваться.

Я не знала, хватит ли у меня сил на массовое проклятие, но иначе нам не пробиться.

– *...йед годэо!*

Волна чёрного сияния расшвыряла одержимых в стороны, скинув некоторых с набережной в тёмную воду. Лишь тогда я позволила себе повернуться на ногах, мгновенно ставших ватными, и увидела старичка-соседа, лежавшего футах в десяти от меня лицом вниз: я опознала его лишь по валявшейся рядом кепке. Так близко?.. Но моё проклятие должно было отшвырнуть его как раз на эти десять футов...

Я опустила взгляд.

Когда я увидела у своих ног Эша – и пятно, расплывшееся по его футболке вокруг рукояти перочинного ножа, – то подумала, что брежу.

– Нет, – сказала я. – Нет, ты... ты должен был оставаться в мобиле, ты...

Брат смотрел на меня. От уголка бледных губ стекал на брусчатку тёмный багрянец, пока рукоять ножа, предназначавшегося мне, вздрагивала вместе с его попытками вдохнуть. Наверное, старик хотел ударить меня в спину, а Эш всё же последовал за нами, но не успевал предупредить меня, только...

Эш судорожно дёрнулся. Ещё один раз.

И затих.

Я стояла под его неподвижным взглядом, не в силах крикнуть, не в силах двигаться, не в силах даже нагнуться к нему. Да и зачем? Это ведь не могло быть правдой.

Наверное, я всё же сплю. С тех пор, как меня вырубил Питер. Или ещё раньше.

– Идём! – Коул дёрнул меня за руку. – Ему уже не помочь!

Идти... куда? Для чего? Одержимые скоро встанут, и если это сон, я проснусь, когда меня убьют. Лучше проснуться от кошмара, чем продлевать его.

А если это правда, зачем мне куда-то бежать?..

Не дождавшись реакции, сид сгрёб меня в охапку и потащил к лодкам, вскинув на плечо головой вниз. Я даже не сопротивлялась, просто не могла: апатичное оцепенение сковало тело, мысли, чувства.

На ноги меня поставили на ближайшем пирсе, рядом с маленьким катером, владельцу которого не повезло только что пришвартоваться. Мужчина ещё не успел привязать моторку, лишь притянул канатом к берегу. Он увидел меня, и глаза его заволокло чернотой; Коул тут же материализовался у него за спиной, свернул шею и спихнул в воду, пока я смотрела на это с отстранённым любопытством зрителя в кино.

Наверное, это нормально, что я ничего не чувствую.

В конце концов, если ущипнуть себя во сне, боли не будет.

– Залезай. – Сид возник рядом со мной, подталкивая к катеру. – Ну же...

Я перелезла через алюминиевый бортик: катер был открытым, с невысоким ветровым стеклом и довольно просторным. Уселась на корме, наблюдая, как Коул отбрасывает канат и дёргает за верёвку, заводя мотор, а потом перемещается к рулю, чтобы вывести катер в море.

Я смотрела на одержимых, столпившихся на пирсе, провожавших нас чёрными глазами, пока толпа не слилась в сплошное пёстрое пятно. Потом набережная превратилась в скопище далёких огней, и я отвернулась.

Коул сидел за рулём, полуобернувшись, неотрывно следя за мной. Ревущий мотор наполнял воздух назойливым запахом топлива; холодный ветер обдувал лицо, кидал на руки солёные брызги, и катер летел по волнам, едва заметно ныряя носом вверх-вниз.

– Вот и всё, – донеслись до меня негромкие слова сида. – Скоро ты будешь в безопасности.

Коул был уже настолько прозрачным, что я с трудом различала его очертания. Впереди ждала только тьма, сверху и внизу: чёрное небо и чёрное море. Там, куда мы плыли, не было видно ни горизонта, ни единого огня, но я знала, что там ждёт Эмайн.

Правой рукой я коснулась кожи на запястье левой. Сжав два пальца, ощутила боль от врезавшихся ногтей.

Если ущипнуть себя во сне, боли не будет.

Если я чувствую боль, это не сон.

Если это не сон...

– Эш... погиб?

Собственный голос казался шорохом мёртвых листьев.

Коул не ответил. Только повернулся к рулю, так, чтобы я не могла видеть его лицо.

...осознание пришло запоздало. Уже без боли. Видимо, смерть Эша была тем, что выше моих сил, тем, что превышало мой порог. Любой чувствительности есть предел. Любая попытка вызывает привыкание.

Боли не было. Её поглотила жадная пустота, вновь разверзшаяся чёрной дырой где-то рядом с сердцем. Зато была мысль: единственная, очень чёткая и ясная, пульсировавшая в опустевшем сознании сигнальным огнём.

Эша больше нет. Его нет. Всех, кого я любила, всех, кто был мне дорог, – нет.

Значит, мне остался лишь один путь.

Я неторопливо, неслышно встала, глядя на Коула. Он не смотрел на меня: то ли боялся, что я потребую ответа, то ли решил, что я смирилась.

Забралась с ногами на удобный кожаный диванчик сиденья; выпрямилась, и ветер отвесил мне холодную пощёчину, заставив пошатнуться.

Сид всё-таки обернулся – слишком поздно.

Я услышала его крик, уже оттолкнувшись ногами от сиденья. Из всех сил, так, чтобы перелететь через борт, не попав под безжалостно ревущий мотор, и нырнуть в чёрную воду головой вниз.

Всегда любила плавать и нырять. Поездки с мамой в аквапарк не прошли даром. Помнится, я долго училась правильной «ласточке» – такой, чтобы не отбить живот; сейчас получилось не совсем, и жгучая боль хлестнула по коже вместе с холодом остывшего моря, но мне было уже плевать. Темнота и тишина воды приняли меня в свои объятия, и я гребла вниз, вниз, выпуская носом воздух из лёгких, чувствуя, как давит на уши морская толща и тяжелеет намокшая одежда, помогая погружаться. Потом жадно втянула носом солёную воду, и лёгкие обожгло ослепляющей болью.

...тебе не доставить меня на Эмайн, Коул. По крайней мере, живой. Потому что мне не нужна жизнь такой ценой. А когда я умру, тебе не останется ничего, кроме как вернуться назад и перечеркнуть всё, что мы с тобой натворили. Если ты не простишь себе мою смерть, если не возненавидел меня после вечности в безвременье, ты вспомнишь мою просьбу: дать мне умереть, чтобы все остальные жили.

И выполнишь её.

Ещё вдох. Перед глазами, разгораясь всё ярче, плыли пятна дрожащего света. Лёгкие взрывались изнутри, в голове гулким молотом стучала кровь, тело горело, словно в огне. Откуда под водой огонь? Вокруг уже не вода, а лёд, и свет режет глаза, обвивает тело, обратившееся сплошной болью, и грудь взрывается, взрывается... Кто-то касается моей руки, хватает за запястье железными пальцами, или мне просто кажется – чего только не померещится в предсмертной агонии...

Жёлтые пятна сменяет радужный вихрь. Следом исчезает боль.

А потом вместо тьмы всё вокруг заливают абсолютный, всепоглощающий свет.

Десять дней назад

Маленький тихий городок, дом в ночном саду, пахнущем остывающим асфальтом и душистым табаком...

В одной комнате у открытого гардероба сидит, скрестив ноги, Лайза. За её спиной чемодан, в нём – аккуратно сложенная одежда;

девушка перебирает стопки вещей в шкафу, но смотрит не на них, а куда-то сквозь, и мысли её явно не здесь.

В другой на кровати лежит Эш. Его чемодан уже собран и стоит под столом, закрытый. Свет выключен, но мальчик не спит; он неотрывно глядит в потолок, во взгляде – непонимание и тоска.

Посреди третьей комнаты стоит Сабелла Форбиден. Скрестив руки, она кусает блеклые губы, и свет ночника бросает тень на бледное лицо, фиолетовыми пятнами ложась под тусклые сизые глаза.

– Вы всё правильно сделали, – тихий голос Коула вплетается в шелест листьев за открытым окном. – Когда говорили с детьми.

Женщина оборачивается: сид стоит снаружи, под зелёными ветвями сирени. Лицо его бесстрастно, в глазах – аметистовая сталь; он не похож ни на Коула, что появился четыре года назад, ни на того, что пришёл вчера.

У первого была надежда. Второй походил на мертвеца, чьё сердце бьётся лишь по недоразумению.

Этот Коул не был жив, но им двигала *цель*. Цель, ради которой он готов был переступить через всё, что встанет на его пути.

– Я уже боялась, что ты исчез. – Леди Форбиден выдаёт своё облегчение только тем, что напряжённая морщинка меж её бровей становится чуть меньше. – Слился со своим двойником.

– Я тоже этого боялся. Но завтра двойник покинет Харлер, и я смогу быть рядом с Лайзой беспрепятственно. Покуда у меня хватит сил.

Леди Форбиден подходит к окну:

– Я уговорю Лайзу не ходить завтра в колледж. Пусть отсидится дома. Даже если у неё возникнет желание пойти ту...

– Нет, – произносит сид. – Она *должна* пойти.

Морщинка на переносице Сабеллы вновь становится глубже.

– Ты же говорил, что если она пойдёт, то... Разве так не будет безопаснее?

– Пусть всё идёт своим чередом, – Коул отвечает так тихо, что почти шепчет. – Вы остаётесь дома. Лайза идёт в колледж. Я за ней присмотрю.

– Что значит «присмотришь»? *Ты* – и присмотришь?!

– Всё ещё мне не доверяете?

– Да, не доверяю! – леди Форбиден срывается на крик. – Если всё, что ты понарасказывал, правда, всё это – твоя вина! А теперь я должна просто сидеть дома и ждать?! Пока ты... ты...

Дверь в комнату рывком распаивается, и Сабелла оборачивается.

Лайза стоит на пороге, вопросительно глядя на мать, разговаривающую не пойми с кем.

– Лайза, – если появление дочери и привело леди Форбиден в замешательство, она ничем этого не выказывает, – что ты здесь делаешь?

– Я...

Лайза смотрит на открытое окно, но Коула там уже нет: сид растворился во тьме, едва слышался щелчок дверной ручки.

– ...просто хотела спросить, на сколько мы едем, – сбивчиво заканчивает девушка. – Чтобы знать, какие вещи брать с собой.

– Я не знаю, когда вы сможете вернуться. – Леди Форбиден решительно захлопывает оконную раму. – Бери на долгий срок.

Под её взглядом Лайза пятится обратно в коридор:

– Хорошо... Спокойной ночи, мам.

Когда дверь за ней закрывается, леди Форбиден устало опускается на постель.

– Вы должны довериться мне, – говорит Коул, проявляясь из тени в углу. Не успокаивая, не уговаривая, просто констатируя факт. – В печальной судьбе Лайзы я послужил скорее средством, чем причиной.

– Я знаю. Извини. Но трудно осознать и принять всё это... что Лайза обречена, с тобой или без тебя. – Леди Форбиден медленно выдыхает. – Я сойду с ума, сидя здесь и зная, что где-то там моя дочь может умереть. *Должна умереть.*

– Я понимаю. Вы отважная женщина, и я никогда не желал вам такой судьбы. Ни вам, ни всем, кто погибал и погибнет по моей вине.

– Это не твоя вина, а этой твари. И богов, или кто там распоряжается человеческими судьбами. – Она поднимает сочувственный взгляд на лицо сиды, пока ещё не прозрачное. – Не кори себя за гибель невинных. Я вот не буду.

– Не корю. Уже. – С губ Коула срывается короткий, жуткий смешок. – Некогда я хотел спасти всех, но давно отказался от этого желания. Понял, что жертвы неизбежны. Ныне для меня существует только Лайза.

– И Эш.

– И Эш. Я не дам его в обиду. Тогда, в самом начале, он оказался последней каплей, толкнувшей Лайзу в петлю, и повторения этой истории я не допущу. – Сид молчит. Потом отступает на шаг. – Сделайте всё, чтобы завтра она отправилась в колледж. Ждите, когда она вернётся домой. Я не подведу... ни Лайзу, ни вас.

Он исчезает, и леди Форбиден забирается на кровать с ногами. Опустив голову на подушку, окидывает взглядом комнату, порядок в которой прямо противоположен сумбуру в её душе.

– Разомкни этот круг, Ллеу Колборн, – произносит она, прежде чем прикрыть глаза. Впервые за очень, очень долгое время голос её похож на мольбу – и куда более искреннюю, чем когда она в последний раз молилась богам, в милости которых давно уже разуверилась. – Любой ценой.

Вне времени

Зрачки привыкают к свету неторопливо, неохотно. После морской темноты свет ослепляет, лишает возможности разглядеть хоть что-то.

Затем зрение наконец возвращается, и я вижу место, в котором очутилась. Белую пустоту там, где должно быть небо, а вместо земли – разноцветное колышущееся марево, похожее на радужный океан. Спокойный, как ничего не отражающее зеркало, но непрерывно текущий, заполняющий собою всё, сколько хватает взгляда.

Боли больше нет. Как и влаги в моей одежде. По правде сказать, я почти не ощущаю своего тела: словно вдруг стала лёгкой, как воздух. И когда я опускаю взгляд, ноги в кедах будто стоят на тонком, прозрачном до невидимости стекле.

Только вот марево под моими ногами не радужное, а чёрное. Похожее на тёмное масло.

В этой черноте проявляется картинка, движущаяся и большая, словно подо мной развернулся голографический экран, – и смотреть со стороны на саму себя, тонущую в полночно-синей воде, даже забавно.

Я перевожу взгляд на Коула, стоящего рядом со мной.

– Это... безвременье?

– Да.

Он так же призрачно прозрачен, как и в реальном мире. Хотя какой мир более реален: тот, чьё время теперь течёт под моими ногами, или этот?..

Я не представляю, что сид должен чувствовать сейчас, когда я нарушила все его планы, но лицо его ничего не выражает. Ни разочарования, ни злости, ни отчаяния. Возможно, мой последний поступок тоже оказался тем, что выше его сил.

Я снова опускаю взгляд.

Вот я дёргаюсь в тщетных попытках вдохнуть воздух: волосы растрёпаны вокруг лица, расплываясь в воде невесомым облаком, потом движения замедляются, и попытки становятся реже. Возникший рядом Коул хватает меня за руку, и мы оба исчезаем. Миг под моими ногами ещё светится картинка морской толщи, затем вновь растворяется в масляной черноте.

Хотя здесь, в безвременье, не существует понятия «миг».

– Я теперь... такая же, как ты? Тоже призрак?

– Да.

– И зачем ты затащил меня сюда?

– Это был единственный способ спасти тебя. Хотя не знаю, можно ли назвать это спасением.

Я оборачиваюсь и смотрю назад.

Моя жизнь похожа на струю тёмного течения. Там, где я исчезла, почти утонув, она растворялась, уступая место чистому радужному сиянию: жизни кого-то другого. Но там, позади, где я была ещё жива, чернота растекалась в стороны, расплываясь по разноцветному океану тёмной паутиной, вливаясь в чужие жизни – ядом в вены непрерывно движущегося времени...

– Это все, с кем я контактировала? Все, кем овладевала тварь?

– Или могла овладеть. Все, кто получил тень неопределённой смерти.

Большая часть чужих жизней просто соприкасается с моей и отходит обратно в сторону. Но три текут бок о бок, почти никогда не отдаляясь, и все три обрываются – в тот или иной момент.

Я поворачиваюсь и иду назад, под белоснежным безграничным пространством над моей головой, просматривая свою жизнь в обратном порядке: эпизоды фильма под названием «леди Элайза

Форбиден», любезно выныривающие на моё обозрение из тёмного потока.

Вот мы плывём на катере. Вот я вижу Эша, лежащего на земле с ножом в груди.

На этом месте соседнее течение, такое же чёрное, как моё, заканчивается, бесследно растворяясь в океане времени.

Вот я, привязанная к кровати. Эш стоит в дверях комнаты, где меня собираются убить, Коул появляется у Питера за спиной, – и здесь обрывается другой соседний поток. Но почему-то, пока я смотрю, как Питер падает на пол, всё вокруг плывёт, расползается, и я чувствую...

...чужая тяжесть вдавливают в кровать, какая-то мерзость распирает изнутри, толчками вбивая кол...

...боль, удушье, темнота, руки на шее...

Это мелькнуло и исчезло, как воспоминание. О том, как я всё-таки стала седьмой жертвой убийцы по прозвищу Ликорис.

Но ведь этого не было, как я могу это помнить?..

– Что-то не так? – ровно спрашивает Коул, когда я останавливаюсь.

Я не знаю, что ответить, и иду дальше.

Вот я в доме бабушки – на полу, без сознания, а Ликорис раздевает меня, педантично складывая одежду в кресло, и рядом исчезает ещё один тёмный поток, успевший тесно переплестись с моим.

Я оставляю за спиной смерть мастера и танец на башне в день Лугнасада. Поцелуй с Питером и встречу с Латоей. Дорогу до Ахорка и битву с одержимой уборщицей. Дохожу до места, где несчастная женщина заходит в наш номер в мотеле на окраине Айспорта, – и океан времени перед моими глазами снова меркнет, уступив место...

...лицо уборщицы обращается бесстрастной маской, глаза заполняет непроницаемая чернота...

...вскидываю руку с печатью, но уборщица уже рядом, и пухлые руки ложатся на мои скулы, рывком выкручивая голову, и...

Я замираю, глядя на движущуюся картинку под своими ногами.

Эти видения... Они так же реальны, как воспоминания в моей голове. Но ведь этого не было: Коул убил Питера и спас меня, Коул прогнал одержимую, когда она...

И тут я понимаю.

– Ты изменил прошлое не один раз. Ты делал это несколько раз. На всём моём пути в Фарге. – Я круто, на пятках, поворачиваюсь к сиду. – Я вижу... вижу то, чего не случилось. Что *должно было* случиться, если бы ты не вмешался, верно? Ты был здесь и наблюдал, ты видел, когда я должна умереть, и появлялся в нужный момент, предотвращал мою смерть, спасал...

– Причина, по которой я до последнего не мог разглядеть истинные намерения Питера. Изначально ты не доживала до того дня, когда он их проявлял. Прежде чем позволить ему сопровождать тебя, я просмотрел последний месяц его жизни, но не увидел там ничего особенного. Углубляться дальше я счёл бессмысленным: думал, если он станет для тебя угрозой, океан времени в любом случае покажет мне это. Но очень долго я видел лишь то, как он заботится о тебе. Как горюет, когда ты умираешь. – Коул склоняет голову набок – каким-то свиным жестом. – Ты *видишь*? Изначальный расклад до моего вмешательства?

Я неуверенно киваю:

– Я... вспоминаю это. Как если бы это всё-таки произошло.

– Вот как. Должно быть, это потому, что ты оказалась здесь. Всё же взглянуть на свою жизнь со стороны...

Коул смолкает, и я отворачиваюсь. Уже не иду, а бегу вперёд – мимо повесившегося Грега Труэ и побега от стражи, мимо раскопок на кладбище и встречи с Рок, мимо визита в лавку Питера и нашего взрывающегося дома. В голове вспышками всплывают воспоминания о том, как девушка-портье в муленском отеле всаживает пилку мне в шею, как одержимая Гвен валит меня на пол моего собственного дома, добивая ударом копыта в висок...

Затем я вижу место, где чернота, отравлявшая океан, пульсирует тёмным туманом, непроницаемым, как самая мрачная ночь. Тем самым туманом, что клубился в глазах одержимых.

Тем самым, из которого была соткана преследовавшая меня тварь.

Колеблясь, я смотрю на сгусток темноты, до которой остаётся всего один шаг. Там, дальше, течёт к моменту моего рождения светлый радужный поток моей жизни, по чистому мерцанию океана времени убегая к невидимому горизонту. За этим пульсирующим сгустком больше нет ни капли черноты: ни во времени, отмеренном мне, ни в

чьём-либо ещё. А сейчас подо мной – мы с Гвен, идущие по залитой солнцем улице Мойлейца. Стало быть, эта чернота...

Точно. Тот момент, когда меня должен был сбить мобиль.

Момент, когда я впервые увидела Коула.

Помедлив, я всё-таки делаю последний шаг.

...мы с Гвен возвращаемся из колледжа, и асфальт пустой дороги купается в прозрачном горячем мареве, пока на светофоре горит мерцающий зелёный.

– Перебежим? – предлагает Гвен.

– Давай.

Я срываюсь с места, устремившись к пешеходной «зебре». Мы вприпрыжку врываемся на дорогу в миг, когда зелёный сменяется красным, и я вдруг вижу по ту сторону перехода безликую чёрную тень. Я замираю от ужаса, пока сбоку слышится истошный визг тормозов; я успеваю повернуть голову и увидеть бампер мобиля, а потом лечу куда-то, и мир взрывается болью и заволакивается темнотой, и...

...я оглядываю дом бабушки – старая развалюха в сравнении с ухоженными домами соседней. И чего вдруг мама сорвала нас с Эшем сюда, когда у меня практика? Дела у неё какие-то, видите ли... Наверняка это как-то связано с тем сидом, который вчера вытащил меня из-под колёс мобиля, только мама об этом говорить не хочет.

– И вот ещё захвати. – Мама суёт Эшу какой-то пакет в довесок к его чемодану. Брат послушно несёт поклажу в дом, пока мама продолжает копаться в багажнике, оглядываясь по сторонам.

– Мам, ты будто нападения ждёшь. – Я пытаюсь преподнести это шуткой, но смешок выходит нервным. – Что-то случилось?

Она замирает и выпрямляется. Медленно поворачивается ко мне.

Я только успеваю заметить пронзительную черноту её глаз, из которых исчезли радужки и зрачки, – а мамыны ладони уже смыкаются на моей шее, ногти врезаются мне в кожу, и ноги мои отрываются от земли. Я хочу сказать что-то, выдохнуть заклятие, царапаю мамыны руки, пытаюсь оторвать её пальцы от своего горла, но не могу, ничего не могу. Надеюсь продержаться хотя бы до момента, когда вернётся Эш, чтобы освободиться и вышвырнуть

неизвестную тварь из маминого тела, но она душит сосредоточенно, целеустремлённо, с неженской силой, и в глазах темнеет, и я...

...выхожу из клуба на улицу и жадно вдыхаю свежий ночной воздух, надеясь, что Гвен хватится меня не слишком скоро. Ох, не люблю дискотеки с их кислотным светом и зубодробительной музыкой... Я не хотела идти, но Гвен так уговаривала меня, что не поддаться было невозможно.

Из-за угла на пустой улице выныривает тень. Кидается ко мне – и превращается в неопрятного пьяного мужчину за сорок, цепляющегося за мою сумку, стремясь выдрать её из пальцев. Я скидываю ладонь, магическая печать вспыхивает белым, но кто-то, вынырнув из темноты за спиной грабителя, хватается за шкурку и отшвыривает в сторону, как котёнка.

– Беги.

Спаситель скорее приказывает, чем просит. Сид? Здесь? Откуда?..

Грабитель внезапно возникает прямо передо мной – с чёрной мглой, плещущейся между веками, – и я в ужасе пачусь прочь. Увернувшись от протянутой ко мне руки, бегу, бегу куда глаза глядят. И лишь услышав скрежет колёс об асфальт, понимаю, что вылетела на дорогу прямо перед автобусом, который отчаянно пытается, но уже не успеет затормозить, и сейчас я...

...лежу в своей комнате, в полудрёме размышляя, почему мама запретила мне сегодня идти на практику и что скажет завтра мастер Тинтрэ. Потом просыпаюсь – от странных, неправильных ощущений, запоздало осознавая, что я успела провалиться в сон.

Стены, пол, потолок – всё объято пламенем. Пожар? Как?!.. Я пытаюсь вскинуть руку, пытаюсь выкрикнуть заклинание, но могу только кашлять. Рука весит тонну, запах гари душит, наполняя лёгкие, голова раскалывается...

...пьяный бродяга у ночного клуба цепляется за мою сумку, стремясь выдрать её из пальцев. Я возмущённо скидываю ладонь, чтобы отбиться от него заклятием, но он вынимает из кармана

засаленной куртки руку, в которой блестит лезвие ножа, и бьёт меня ею в живот...

...мы с Гвен бежим через дорогу, но нога подворачивается, и я падаю – прямо перед мобилем, который уже не успевает затормозить...

Я падаю в бездну памяти, в бесчисленные развилки вариантов моей жизни и смерти. Сначала приходят последние. Затем – всё, что привело к ним.

Сотня Лайз пропускала занятия в колледже и приходила на них, смотрела с Гвен сериалы и отправлялась с ней в ночной клуб, обнималась с матерью и смеялась вместе с Эшем. Сотня Лайз горела, тонула, задыхалась и умирала от потери крови, – и лишь немногие из них видели перед смертью чёрную тварь, которую Коул называл стражем времени.

А после всего этого...

...затягиваю петлю на шее, проверяю узел, привязавший пояс ненавистного мне платья к ветви бука, на которой я сижу. Закрываю глаза – и спрыгиваю, надеясь умереть до того, как вернётся тот, кто сломал мою жизнь.

Будь ты проклят, Коул из рода...

...отворачиваюсь и почти бегу: прочь от холма, ведущего на Эмайн, прочь от Коула, оставшегося рядом с ним. Быстрее, чтобы он не увидел моих слёз. Хочу, чтобы он скорей ушёл, и отчаянно не хочу, чтобы уходил; страстно желаю поверить его словам – и не могу забыть, что в конце концов выбрал отец.

Нет, если этому суждено закончиться, пусть закончится сейчас. Пока чувство не пустило корни слишком глубоко, пока можно вырвать его. Пока я так юна, пока ещё смогу встретить кого-то, кто поможет мне забыть...

Чьи-то руки обхватывают мои плечи, останавливая, удерживая.

– Удивительные вы всё-таки, люди. Отказываетесь верить даже в те чудеса, что судьба преподносит вам на ладони. – Коул привлекает меня к себе, поцелуем касаясь затылка. – Не будет

никаких проводов. Мне не нужен Эмайн, если я вернусь туда в одиночестве.

Он... решил остаться? В мире, который душит его, ограничивает чувства, делает слепым и глухим?..

– Ты... остаёшься?

– Ни один из миров не принесёт мне счастья, если в нём не будет тебя.

...он готов остаться. В чужом, негостеприимном, полном железа мире. Со мной. Ради меня.

Неужели он правда меня...

Подхватив меня на руки, Коул круто поворачивается к холму, – и я не успеваю даже вскрикнуть, прежде чем он делает шаг в прореху, размывая буковый лес в радужном мареве пути на Эмайн...

...смотрю вверх, в бездну летнего неба, не в силах поверить, что подо мной вода и холодная глубина.

– Эта песня... которая играла сейчас... я ведь пела её, когда встретила тебя. – Я не смотрю на Коула, но чувствую его пальцы: они держат крепко, заставляя забыть о страхе падения. – Откуда ты её знаешь? Или запомнил тогда?

– Это наша песня. Её сочинил один дин ши. Уместнее было бы спросить, откуда её знаете вы.

Я могла бы ответить, что отец пел её моей матери, а потом и мне – вместо колыбельной. Но не хочу.

Вечер слишком хорош, чтобы портить его плохими воспоминаниями.

– Пожалуй, – говорю я, вновь встречая взгляд Коула, – это можно счесть достойной оплатой моих услуг экскурсовода.

Уход от ответа выходит довольно нелепым, но он всё равно улыбается:

– Вы дивный проводник. И явили мне много удивительного за минувшие дни. Впрочем, самое удивительное в этом мире я увидел ещё прежде, чем вы согласились на сделку.

– Это что же?

– Вас.

От этих слов я будто проваливаюсь в бездонный холод, ждущий под ногами.

...не мог он в меня влюбиться. Не мог.

А если мог, из этого не может выйти ничего хорошего. Хотя бы потому, что я ловлю себя на глупом, отчаянном желании ему поверить.

Я нахожу силы рассмеяться, хотя сердце колотится, как у перепуганного крольчонка:

– Удивительно во мне разве что легкомыслие. Благодарю его, что я связалась с сидом, вот уже неделю выгуливаю его по городу и позволяю среди ночи утаскивать себя невесть куда... и, самое удивительное, ничуть об этом не жалею.

– Это как раз несколько не удивительно. – Коул легко касается моих волос, убирая непослушные пряди с лица. – Едва ли вы творили бы подобные безумства, если б я вас не очаровывал.

Я лишь смотрю на него. Уже зная, что произойдёт совсем скоро – и не в силах этому противиться.

...нет, Коул. Тем же вечером, когда ты пришёл в мой дом, я нашла в Сети много интересной информации о взаимоотношениях людей и сидов, а также о плодах этих взаимоотношений. Я давно знала, что полукровкам – таким, как я – вместе с вашей кровью передаётся способность сопротивляться любому магическому внушению; теперь я знала и то, что мы неподвластны очарованию высших фейри.

Впрочем, то, что ты пытался меня очаровать, уже говорит о многом.

– Это вышло почти невольно, на самом деле. Смертные бессильны противостоять магии в нашей крови, даже если мы не прикладываем к тому никаких усилий. – Кончиком большого пальца Коул касается моей скулы, проводит им короткую и ласковую линию по щеке. – И вы очаровали меня первой... в тот же миг, как я услышал ваш голос и узрел совершенство, которому он дарован.

Я хочу, но не могу убрать с лица дурацкую улыбку. Хочу, но не могу отстраниться, когда он склоняет голову, почти касаясь моих губ своими.

...нет, Коул. Ты не мог в меня влюбиться. Наверняка для тебя это забава, увлечение. Сувенир на память. Ты забудешь обо мне, как только вернёшься на Эмайн. И то, что я собираюсь сделать, верх глупости.

С другой стороны, я никогда не считала себя особо умной.

– Странно, – говорю я, кое-как выдавив хриплый шёпот, – и почему я совсем не злюсь...

...«самой далёкой мечтой, самой короткой и сладостной грёзой»...

Я замолкаю, но отзвуки песни ещё звенят под сводами леса, когда кто-то выскальзывает из-за ближайшего бука прямо передо мной, заставляя отшатнуться.

– Это было прекрасно, Вэрани.

На вид он не старше меня. Взъерошенные волосы цвета луны, черты лица – порезаться можно, а глаза... разве могут глаза быть сиреневыми?

Я судорожно запускаю руку в карман джинсов – там лежит игральная кость, которую я зачаровывала на вчерашней практике:

– Стой, где стоишь!

– Не бойтесь, Вэрани. – Юноша улыбается, и от этой улыбки мне непостижимым образом становится одновременно холодно и тепло. – Я Коул из рода Дри, принадлежащего ко Благому двору...

Перед глазами проносятся годы обучения в школе и колледже в Динэ, сотни посиделок с Эшем, тысячи разговоров с мамой – семнадцать лет жизни той леди Элайзы Форбиден, которую украл фейри с Эмайна, пролетевшие в обратном отсчёте до момента, когда она впервые открыла глаза... и я вновь осознаю себя под белым небом безвременья.

Хватающейся за голову, мучительно пытающейся вдохнуть.

Наверное, если бы это произошло в реальном мире, моя голова просто разорвалась бы. Не смогла бы вместить память о сотнях вариантов моей смерти и ещё одном – моей жизни.

С другой стороны, в реальном мире этого никак не могло произойти.

...вот почему страж возник только сейчас! Вот почему мама не умерла тогда, в мои тринадцать, когда Коул рассказал о будущем: её убивало знание не об этом, но о...

– Я вспомнила. Всё вспомнила. – Я могу только шептать. – Нашу встречу и... Я умирала не из-за того, что ты изменил прошлое, не из-за

стража, а просто... умирала, раз за разом, и ты пытался это предотвратить, а страж появился уже позже... – Повернувшись к Коулу, я делаю шаг к нему: – Почему? Почему ты не сказал мне?

Он недолго молчит.

– Людям не под силу противостоять предопределённости. Но я – не человек. Уже не феири даже. Я вырван из потока времени, и потому мне под силу сражаться с ним... так я думал, во всяком случае. – Даже когда он начинает говорить, то смотрит куда-то в сторону. – Время легко адаптируется под незначительные изменения. Реку невозможно остановить, бросив в неё мелкий камушек. Наши судьбы не предопределены – целиком, по крайней мере. Они похожи на нити, произвольно изгибающиеся, но появляющиеся и обрывающиеся в строго определённых местах. Рождение человека и его смерть – единственные вещи, которые должны оставаться неизменным. Обстоятельства могут измениться, но день всегда будет одним и тем же. – Его взгляд изучает тьму, клубившуюся под прозрачной гранью между океаном времени и тем, что здесь заменяло небо. – Ты умирала не из-за стража. Ты умирала, потому что в этот день твоей жизни суждено было оборваться. Ты должна была исчезнуть из истории Харлера, и в первый раз ты просто покинула его, оказавшись на Эмайне. Но когда я сделал так, чтобы этого не произошло... в тот же день, в который я должен был похитить тебя, ты попала под мобиль. По дороге из колледжа.

Да. Я видела это.

Попасть под мобиль, споткнувшись на ровном месте... Смешно.

– Я был уверен, что спас тебя ещё тогда, когда тебе было тринадцать. Когда предотвратил нашу встречу. И вдруг увидел твою смерть. Тогда я снова пришёл к твоей матери – накануне того дня, когда ты умерла, и сказал ей, чтобы она запретила тебе идти в колледж. Тогда... ты видела сама.

Нищий бродяга. Проводка, загоревшаяся в доме. Аварии – если мама пыталась увезти нас с Эшем из города.

Сотни возможных стечений роковых обстоятельств.

Сотни несчастных случаев, обрывавших фильм под названием «леди Элайза Форбиден», позволявших пустить финальные титры.

– Я снова и снова возвращался в один и тот же день и говорил с твоей матерью. Снова и снова, не вмешиваясь напрямую, пытался

найти тот вариант, при котором ты останешься жива. А потом снова и снова наступало завтра, и ты умирала. Дома или на улице, в Мойлейце или в Фарге, или по дороге в него... неважно, исход был всегда один. – Коул мельком улыбается, но радости в этой улыбке нет ни капли. – Что самое смешное, твой брат и твоя мать всегда выживали. Чудом, но тем не менее. Им суждено было умереть не в этот день, а люди смехотворно правы, когда говорят, что тот, кому суждено сгореть, не утонет.

– И тогда ты стал вмешиваться. – Отыскать нужные воспоминания в ворохе свежеприобретённой памяти даётся не без труда. – Вытаскивал меня из-под колёс мобиля. Выносил из горящего дома. Выбивал нож у бродяги. В конце концов я всё равно умирала, но хотя бы переживала назначенный срок. И после этого появился страж, потому что это уже нарушало порядок вещей...

– Или потому, что я сотню раз менял один и тот же день. Всё равно что бесконечно стучать по стеклу. В конце концов не выдержит даже самое крепкое. Тогда и возникла вся эта тьма, а из неё – страж. – Коул обводит рукой моё будущее: черноту, токсичной сетью расплзшуюся по радужным водам. – И страж, несмотря на то, что я назвал его так... Он скорее разрушал океан времени, чем защищал его. Страж стремился устранить то, что вызвало его появление, и в конечном счёте приносил больше вреда, чем пользы. Желая оборвать твою жизнь, он обрывал и чужие: множество чужих, куда раньше положенного им срока, что порождало последствия худшие, чем твоё существование. Океан, как выяснилось, и без него вполне мог решить твою проблему... ведь когда я несколько раз добился того, что ты переживала проклятое «завтра», он решил схитрить, подарив тебе отсрочку.

– В конце которой меня ждал Питер...

...едва ли океан времени обладал разумом, но он походил на *организм*. Живой организм, который реагирует на внешние раздражители. Ткнуть в человека пальцем – одно, уколоть его булавкой – другое, и третье – сотни раз вонзать даже самую тонкую булавку в одно и то же место. Открытая рана, инфекция, воспалительный процесс – и все силы брошены на борьбу, и организм сражается, как умеет, пытается убить чужеродные белки высокой температурой, не понимая, что таким образом может уничтожить самого себя... И

побочным эффектом вырабатывает агрессивные чёрные клетки, похожие на раковые. Которые в итоге убивают его куда успешнее самой раны.

Но в конечном счёте организм справляется с инфекцией. Вырабатывает иммунитет. Учится на своих ошибках. Действительно, зачем решать проблему топорно: лучше позволить проблеме побегать по Харлеру ещё пару недель, а затем погибнуть от руки Ликориса. И план был бы чудесен, если б не Коул и не тварь, порождённая им, которой плевать на количество жертв и изменения, возникающие из-за них. Она стремилась уничтожить меня, но тем самым создавала ещё больше жертв, ещё больше поводов для своего существования...

Парадокс, вопиющий и аномальный.

В одном страж прав: моя смерть в назначенный час решит все проблемы. Ведь каждое изменение во времени порождает новый вариант развития событий, который мгновенно замещает предыдущий. Если я умру, это моментально очистит весь океан: новая реальность заменит старую, исчезнут все последствия моей «жизни после смерти», и не будет всей этой тьмы, позволяющей стражу существовать, позволяющей ему управлять другими людьми...

– В конце концов я понял, что ты выживешь, лишь если отправишься на Эмайн. Я не хотел говорить твоей матери смертоносную правду, но иначе она ни за что не отпустила бы тебя. Она требовала рассказать ей всё. Каждый раз. – Сид прикрывает глаза. – Я искал выход, который позволит обойтись без жертв, но с каждой новой попыткой жертв становилось только больше.

Я смотрю на призрачные черты Коула. Вспоминаю того мальчика-сида, который не знал слова «отель», для которого наш мир был непонятным и чужим... лишь теперь понимая, как он изменился в сравнении с тем, каким помнила его я – живая, *изначальная* я. Сколько он прожил после моей смерти, прежде чем застрял в безвременье? Пять лет? Десять? Лицо осталось прежним, только волосы отросли; но вот глаза, в которых видны все прокрученные витки, приводившие к моей гибели, вся вечность, проведённая в безвременье... И эта вечность, что он провёл здесь, наблюдая за людьми, сделала его таким непохожим на то, каким должен быть представитель Дивного Народа, таким *человечным*...

– Почему ты не сказал мне? – Я касаюсь его ладони. Ощущения кажутся приглушёнными, точно пальцы облекает бархат тонких перчаток, но я всё же чувствую: даже полупрозрачная, на ощупь его рука сухая и тёплая. Это успокаивает – то, что я ещё могу его коснуться. – Почему не сказал раньше, что мы... что я не из-за тебя... – Я перевожу дыхание, пытаюсь понять, какая из моих мыслей настойчивее прочих просится быть высказанной вслух. – Ты не мог сказать всего, но ты мог сообщить мне то же, что маме, когда пришёл к ней впервые.

– Я не хотел, чтобы ты жалела обо мне, когда я исчезну. Тогда ты могла бы привязаться к тому варианту меня, который жил и живёт на Эмайне. А он обычный мальчишка-сид, для которого люди – диковинные зверьки. Который мнит, что имеет право решать за них. Такой, каким был я до всей этой истории. – Коул невесомо касается моей щеки. – Он не стоит тебя. Я не стою тебя. Не жалею меня... это моё искупление, и я заслужил его.

– Дурак! Ты же не хотел! Ты не думал, ты просто... А теперь... Ты прошёл через всё это, через всю эту сотню раз, и каждый раз смотрел, как я умираю, а скоро и совсем...

...то чувство, что я испытывала, глядя на него, – тёплое чувство встречи со старым другом... Когда-то я сочла это очарованием сидов, но то не была магия. То была память – память изначальной Лайзы, той Лайзы, которая давно исчезла, погребённая под новой реальностью. Но какая-то её часть, видимо, осталась во мне: та же часть, которой снился страж времени и висельница в лесу, та же часть, что всю жизнь ждала кого-то...

А сейчас я снова стала ею. Только повзрослевшей.

– Ты должен ненавидеть меня. – Стыд жаром разливается по щекам. – Почему ты не возненавидел меня? За то, что я обрекла тебя на эти мучения?

...когда-то я не поверила в то, что он любит меня. Он, пожертвовавший ради меня большим, чем жизнь. Когда ты умираешь, ты попадаешь в потусторонний мир, но что будет с тем, кто уже призрак? С тем, кто не просто умирает или обретает покой, но чья личность исчезла из океана времени?..

– О нет. Что ты. Я ценил всю пережитую боль. Всё, что я делал, я делал ради тебя, исправляя собственную ошибку... и не мог отступить

назад, ибо для меня уже не было иного пути. Я понимал, что обрету покой, если для меня он ещё возможен, лишь когда ты наконец сможешь жить. Счастливо. – Коул улыбается, и за все свои жизни я не видела улыбки печальнее. – Ты была права: когда я выкрадывал тебя из Харлера, я не любил тебя. Я даже не знал тебя настоящую. Но я знаю – теперь; знаю лучше тебя самой. Много из того, что ты испытала в жизни лишь раз, я видел трижды. – Сирень в его глазах теплеет, но это горькое тепло. – Я знаю, что если бы тебе не грозила смерть, а я мог по-настоящему повернуть время вспять, вернуться в день нашей встречи, снова стать *живым*... я бы остался в Харлере – с тобой, до конца твоих дней. А пожелай ты уйти со мной – сама, по доброй воле, – ни одна феяри в одеждах из лунного света не заменила бы в моём сердце тебя, смертную леди Элайзу Форбиден.

– Я знаю, знаю, знаю! После всего, что ты сделал...

Странно, я уже призрак, – но воздуха, чтобы закончить фразу, всё равно не хватает.

...боги, я ведь *любила* его. Так же сильно, как ненавидела, когда затягивала шёлковую петлю на своей шее. Так же, как люблю сейчас – когда знаю всё, когда ко мне вернулась отобранная память, когда вернулись отобранные вместе с нею чувства. Люблю остро, почти болезненно, так, что сердце колотится больным метрономом; и, наверное, Питер почувствовал бы в этом чувстве горечь вины, лишь оттенявшую его сладость.

Изо всех своих призрачных сил обвив руками талию Коула, я утыкаюсь лицом в его плечо.

Спустя несколько секунд, которых здесь не существует, он обнимает меня в ответ.

Так мы и застываем – двое на хрустальной грани между временем, черневшим под нашими ногами, и безвременьем; две бесплотные тени прежних себя – повзрослевших детей, когда-то по глупости сломавших жизни себе и другим. Призраки, осознавшие всё слишком поздно, встретившиеся там, где нет понятия «будущее»...

– Что мы теперь будем делать? – наконец спрашиваю я едва слышно. – Ты ведь... скоро...

– Я не могу исчезнуть, пока я здесь. Здесь всё статично. Всё остаётся таким, как есть. Но я тратил силы каждый раз, когда выходил отсюда, и ещё больше – каждый раз, когда взаимодействовал с кем-то

или чем-то в реальном мире. Тех сил, что у меня остались... наверное, хватит на то, чтобы выйти в Харлер ещё раз. Совсем ненадолго. А потом я исчезну. – Коул говорит об этом без страха, без сожаления. – Я могу научить *тебя*. Всему, что умею сам. Чтобы ты помогла себе вместо меня. Если будешь выходить ненадолго, лишь в моменты, когда другой тебе грозит опасность, то избежишь слияния со своим двойником.

...я призрак. Как и он. То, что мы оба поняли свои ошибки, ничего не меняет.

Даже если бы я поверила ему тогда, в самом первом варианте нашей истории, и осталась на Эмайне – это не изменило бы того, что моя мать спилась, а Эш стал чудовищем похуже Питера и развязал войну.

– Что тогда, что теперь... Из-за меня всегда гибли люди. Другие, хорошие люди. И фейри. – Я цепляюсь за ткань его рубашки так, словно иначе провалюсь в океан под моими ногами. – Видимо, мне действительно лучше просто умереть.

– Нет, – голос Коула остаётся тихим, и лишь пальцы зарываются мне в волосы, будто готовясь держать меня, когда я побегу. – Тогда всё, что я делал, я делал напрасно.

– Не напрасно. Мы предотвратим то, чем станет Эш. Предотвратим множество жертв по его и моей вине. По-моему, это стоило того.

– Я хотел спасти тебя. Не его.

– Я знаю. И будь у меня в запасе целая жизнь, мне не хватило бы её, чтобы тебя отблагодарить. – Не отстраняясь, я поднимаю голову. – Но ты не хотел делать это такой ценой.

– Сейчас мне уже нет дела до цены.

В его взгляде снова светится лёд. Нет, не лёд: лёд тает со временем, и даже камень точит вода. В его взгляде сияет металл – такой, что невозможно сломать, такой, что не может заржаветь; его можно только согнуть, но даже тогда он рано или поздно выпрямится обратно...

– Спасибо, что привёл меня сюда. Спасибо, что я наконец смогла понять тебя. Я была неправа, трижды неправа, когда не верила тебе. И полюбила тебя, как только увидела. Не благодаря твоему очарованию: оно на меня не действует. Ты должен это знать. – Я касаюсь губами его

подбородка. – Но я не смогу, Коул. Я – не ты. Ты же видел. Ты же знаешь. А сейчас на меня давит память всех моих прожитых жизней и всех моих смертей. Я... я просто хочу, чтобы всё это закончилось.

Он смотрит на меня – долгим, безмолвным взглядом. И понимает, что я права, ведь он и правда знает меня лучше меня самой, – но не может просто опустить руки. Просто признать, что так и не смог спасти ту, ради которой он пожертвовал всем, что у него было; ради которой пошёл против predeterminedности, законов мироздания и воли богов. Не после всего, что произошло. А я не могу и не хочу делать того, что оправдывает все его усилия. Чем дальше, тем больше жертв приносится во имя моего спасения; тот вариант меня, который не знал всей правды, просто не сможет жить, помня о них, а этому варианту жить уже не суждено.

И всё равно в сердце вонзается острый нож, когда я думаю о том, что мне придётся сейчас сказать.

– Давай вернёмся в тот день, когда ты пришёл к моей матери и сказал ей правду. Прежде, чем она начала умирать. Выйдем в Харлер... и ты ничего ей не скажешь. – Каждое слово – маленькое предательство, но я не могу иначе. – А потом сольёмся с нашими двойниками.

– Нет.

– Ты не помешаешь мне умереть. Я попаду под мобиль, как и должна была. Никто больше не пострадает. А ты забудешь обо мне. Обо всём этом. По-моему, это справедливо.

– Это буду уже не я.

– Ты же не просто исчезал, когда сливался с двойником. Ты говорил, что оказывался в его... в *своём* теле. В теле живого Коула. Значит, ты продолжал жить. Ты, пусть и без твоей памяти. И я хочу, чтобы ты жил. – Я утыкаюсь лбом в его губы, пресекая возражения – и запечатлевая на своей коже прощальный поцелуй. – Пожалуйста, Коул... сделай это. Ради меня. Последняя услуга – то, о чём я в самом деле тебя прошу. Не исполнить клятву, которую ты дал над моим телом, а сделать то, о чём прошу тебя я – живая. Или почти.

Он молчит. Резко вскидывает голову, глядя на что-то за моей спиной.

Я оборачиваюсь.

Страж стоит чуть поодаль, наблюдая за нами безглазым взглядом. Точно такой, каким я помню его с самого первого кошмара. Он стоит на прозрачной грани между временем и безвременьем, и тьма под этой гранью льнёт к его ногам: словно стремится вырваться из-за барьера и хлынуть сюда.

Здесь не существует ни времени, ни его ограничений, – но то время, что мы с Коулом можем быть вместе, всё равно ограничили.

– Ты уверена? – произносит Коул негромко, не сводя глаз с твари. – В том, о чём просишь?

Когда я киваю, берёт меня за руку – и не бегом, но очень быстрым шагом влечёт за собой дальше, вдоль клубящейся тьмы, заволокшей тот день, что он менял сотни раз.

Мы идём, не оглядываясь, но я спиной чувствую внимательный взгляд твари, провожающий нас.

Она не нападает. Должно быть, хочет понять, что теперь мы собираемся делать; пока – просто понять. А Коул останавливается там, где под ногами выплывает из тьмы картинка меня, мирно спящей в нашем доме в Мойлейце, и крепче сжимает мою ладонь.

– Не бойся, Лайза.

Хрусталь под нашими ступнями вдруг пропадает – и мы летим вниз, в клубящийся чёрный туман, обернувшийся водоворотом. Голова кружится, мгла на миг сменяется радужной пеленой...

...а потом я понимаю, что стою в своей спальне, глядя на спящую себя.

Другая я спала, приоткрыв рот, зарыв ладони под подушку. Плакаты с Дэвидом Боуи и Queen едва угадывались на стенах в ночной тьме, но я *знала*, что они там, – и от этого становилось чуть ли не больнее, чем когда я стояла над мёртвым телом Эша.

Моя комната. Мой дом.

Как жаль, что я смогла снова увидеть всё это только перед концом.

Приложив палец к губам, Коул глазами указал мне на дверь. Я кивнула и проследовала за ним в коридор – прямо сквозь стену: преимущество бытия призраком...

– Она... ты... вряд ли может нас услышать, – сказал Коул, когда мы вышли в сад. – Но лучше проявить осторожность.

– Да. – Я присела на деревянный пол веранды, спустив ноги на ступеньку крыльца. – Лучше.

Ночь – ещё июльская – была тёплой и звёздной. Всё вокруг – так тихо, так безмятежно; ничто не предвещало событий, которые теперь уже не развернутся здесь день спустя. Все мои чувства – восприятие звуков, запахов, прикосновений – казались приглушёнными, и лишь эмоции ощущались ярко и отчётливо, как никогда.

Пусть сейчас у меня нет тела, но душа наконец-то – живая. Душа настоящей, изначальной Лайзы, а не тот её отзвук, что остался спустя сотню изменений реальности, каждый из которых включал мою смерть...

– Я не хочу терять тебя, – сказала я тихо.

Коул сел позади меня. Обнял за плечи, позволив прижаться к нему спиной.

– Жаль, что у нас нет тел. Тогда мы могли бы убить наших двойников и заместить их. А потом встретились бы у того озера в Динэ, где мы с тобой танцевали. – Я рассмеялась вполголоса. – Я объяснила бы Эшу и маме, почему должна уйти, и они бы поняли. И мы бы станцевали на воде ещё раз...

– Да. Было бы здорово.

Мне почему-то вспомнилась легенда о ликорисе: о двух влюблённых, которым не суждено быть вместе ни в этой жизни, ни в следующей. Следом вспомнился Питер, и сейчас воспоминания о нём не вызывали ничего, кроме лёгкой грусти. Словно он погиб много-много лет назад.

Впрочем, в каком-то смысле так и было.

Перед глазами всё поплыло, сад утонул во тьме, и...

...я открыла глаза, глядя в тёмный потолок, не понимая, что меня разбудило. Села на кровати, прислушиваясь.

Всё было тихо, но странное ощущение некоей неправильности не давало покоя. Может, приснилось что? Не могу вспомнить свой сон, хоть убей...

Я легла обратно и повернулась на бок, глядя на дверь спальни.

Ладно. Можно и поворочаться: завтра ещё выходной, на практику только в понедельник. Хотя, судя по цвету неба в щели между шторами, сейчас уже часов пять, так что это воскресное утро, и понедельник завтра, а выходной сегодня. И в одиннадцать мы идём в кино с Гвен... может, поэтому я и проснулась? Боялась проспять?

Правда, мама наверняка попросит помочь полить и прополоть кабачки, когда мы вернёмся, но...

...я моргнула, снова сидя на веранде, пока Коул держал меня в своих руках. Память вернулась мгновенно – вместе с призрачным телом и ноющей болью в висках.

Странно, я ведь призрак, как у меня может что-то болеть?..

– Ты исчезаешь, – заметил Коул почти бесстрастно.

– Да. Исчезаю. – Я сглотнула. – А почему... ты...

– Я дальше от своего двойника. Наверное, это имеет значение.

Я повернулась к нему, и Коул прижался лбом к моему лбу.

Я хотела, но не могла заплакать.

Это было эгоистично – как и многое из того, что я делала, – но я *хотела* уйти раньше него. Чтобы не видеть, как он исчезает, покидает меня, и теперь – навсегда. Это было ещё хуже, чем все те разы, когда я умирала; тогда я чаще всего не успевала ничего понять, но сейчас знала, что скоро меня не станет, что больше я никогда не увижу Коула, что даже не вспомню о нём...

...вот что чувствуют приговорённые к смерти? Или смертельно больные? Или те, кого везут в реанимацию, в последние секунды, когда ещё работает их угасающий разум? Не зная, что встретит их в потустороннем мире, и вдруг там – ничего, только пустота, и ты просто растворишься, исчезнешь навсегда и больше никогда-никогда не увидишь тех, кого любишь, и даже не успеешь толком попрощаться...

– Не бойся, – повторил Коул. Взял моё лицо в свои ладони. – Я всегда был с тобой до конца.

Когда его бледные губы коснулись моих, я всё-таки всхлипнула – без слёз.

– Я люблю тебя, – успела выдохнуть я.

...и снова открыла глаза.

Я не помнила, как проваливалась в сон, но опять испытывала это странное ощущение: будто что-то разбудило меня, будто кто-то толкнул в плечо.

Я перевернулась на спину, сквозь приоткрытые веки разглядывая заволакивавшую комнату чернильную мглу.

Я чувствовала себя так, словно мне приснился кошмар, который я не запомнила. Такое бывает, когда во сне падаешь с огромной высоты и просыпаешься за миг до того, как разобьёшься: ужас, мурашками растекающийся по телу. Обычно я запоминала сон, из которого вынырнула так внезапно, но в этот раз...

Очертания комнаты расплылись в непроглядной мгле. Потом исчезло всё, даже ощущение собственного тела, – и я рухнула в эту мглу, потянувшую меня омутом.

В забвение.

* * *

Я стою во тьме. Здесь нет неба и земли, верха и низа, времени и пространства. Просто абсолютная чернота, будто я снова зависла посреди морской толщи; только теперь на меня не давит вода, и тут есть воздух... или мне так кажется.

И прямо передо мной стоит другая я.

Это странно – так отчётливо видеть её, хотя здесь нет никакого источника света. Видеть длинные каштановые волосы, растрёпанную чёлку, бледное острое лицо, сизо-серые глаза, удивлённо распахнутые, изучающие меня; всё равно что смотреть в зеркало.

– Я что, сплю? – произносит другая Лайза. – Кто ты?

Она – я до всей этой истории. До потери всех, кто мне дорог, до того дня, когда мама отправила нас с Эшем в Фарге. Ребёнок, живущий в своей доброй домашней сказочке, всё ещё ждущий того, кого он никогда не встретит...

Я почти завидую ей.

– Я – это ты. Много жизней спустя... или назад. Как посмотреть.

Она только пожимает плечами. С недоверием.

Ещё бы – я на её месте тоже бы не поверила.

Мы одновременно оглядываемся и замираем: сбоку от нас, совсем недалеко, горит прямоугольник белого сияния, похожий на открытую дверь. Выход... выход на свет, выход из этой темноты. И я отчётливо понимаю, не знаю, как и откуда: там – жизнь, и туда может пройти только одна из нас. А вторая останется здесь. В темноте.

Навсегда.

Хотя существует ли вообще это место, чтобы в нём можно было остаться?..

– Отсюда выйдет кто-то один, – говорит другая Лайза.

Значит, я не ошиблась. Она тоже знает.

До двери шагов семь, не больше, но никто из нас не торопится идти.

– Это так... странно. – Другая Лайза снова смотрит на меня. – Мне что, придётся бороться за право выйти с... собой?

Я не отвечаю.

Я не уверена, что мне стоит бороться.

...если я останусь здесь, всё закончится. Я забуду всю боль, все испытания, все потери.

Я исчезну.

Ты же хотела разорвать этот заколдованный круг, шепчет темнота. Ты смирилась с тем, что уйдёшь. Ты всё равно не сможешь жить дальше, помнить всё, через что тебе пришлось пройти, все варианты своей жизни и смерти. А другая ты – взгляни на неё: как она безмятежна, как счастлива...

«Но она вернётся, чтобы умереть», – возражаю я мысленно, уже понимая, что спорю с собой.

Ты ведь тоже умрёшь, увещевает темнота вкрадчиво и убаюкивающе. Знание об опасности не избавляет от неё. Так не лучше ли просто отступить? Дай себе исчезнуть, а той, другой – спокойно умереть. Ведь даже если ты успеешь добраться до Фарге, избежать гибели, уйти на Эмайн до назначенного срока – ты действительно хочешь оставить всех, кого любишь, и коротать там вечность в одиночестве?..

«Нет. Не в одиночестве, – вдруг понимаю я. – Если я здесь, если я вижу своего двойника, то Коул тоже...»

Я смотрю на другую Лайзу.

...значит, Коул ошибался. Две личности не просто сливаются, а вступают в конфликт, пусть и не сразу. Мы не исчезаем бесследно: нам дают возможность выбора – вернуться или уйти навсегда.

Переживший то, через что прошли мы, просто не может сдаться без боя. Даже другому варианту себя.

Я смотрю на другую Лайзу, и решение обращает разум серебрястой сталью. Холодной, непреклонной. Безжалостной. Не это

ли чувствовал Коул после сотни тщетных витков? Когда цена перестаёт иметь значение...

– Я не хотела занимать твоё место, – тихо говорю я. – Прости.

И делаю шаг к выходу.

Он даётся так тяжело, будто на ногах у меня бетонные плиты. Другая Лайза запоздало кидается следом, пытаюсь опередить меня, но незримая сила удерживает её на месте.

– Я не останусь здесь! Там... там Эш и мама, и... – голос её режет отчаянием и яростью, – я хочу вернуться, хочу жить, хочу выучиться на артефактора, как мама...

Она вырывается вперёд, буквально на фут, и я чувствую, как темнота тянет меня обратно.

Коул... Нет, если для меня ещё есть выход, я не имею права отступить.

Не после всего, что он для меня сделал.

– Ты не будешь жить. Ты умрёшь, – голос мой спокоен; другая Лайза на миг замирает, и я снова равняюсь с ней. – Ты никем не станешь, потому что отмеренный тебе срок истекает завтра.

– Врёшь!

Она рвётся вперёд, пытается сломать невидимую стену, отделяющую её от выхода, не дающую даже приблизиться к нему.

– Я – это ты, но прошедшая через то, что тебе и не снилось. И ещё много других вариантов тебя. Я сильнее. И я знаю, что ты не любишь проигрывать, но в этой борьбе тебе не победить. – Я отворачиваюсь и делаю следующий шаг. – Я не могу его подвести.

Шаг. Ещё один. Каждый новый даётся тяжелее предыдущего, но свет уже рядом: ослепительный, белый, непроницаемый...

– Кого не можешь подвести? – кричит другая Лайза. Она уже в бешенстве. О да... Я бы на её месте тоже бесилась. Ещё как.

– О том, кого ты ждала. С кем тебе суждено было встретиться, но сложилось так, что вы не встретились. – Я оглядываюсь через плечо. – О том, кто любит тебя.

Она смотрит на меня, тяжело дыша.

– Ты... встретила его?

– Встретила. При обстоятельствах, о которых я предпочла бы забыть. Но одно от другого неотделимо. – Я издаю тихий смешок. – Ты жила не той жизнью, которой должна была жить. Ты занималась не

тем, чем должна была заниматься. Вся твоя жизнь – ошибка, бунт против судьбы, которая предназначала тебе другое. Никогда не замечала?

Она молчит. И я уже почти отворачиваюсь, когда она всё-таки размыкает губы:

– Я... действительно завтра умру?

– Нет. Если вместо тебя вернусь я, нет.

– И тогда я... ты... будешь жить той жизнью, которой я... ты... должна жить?

Я киваю.

Она долго смотрит на меня.

– Ты позаботишься об Эше? – спрашивает она потом. – И о маме?

Я медлю, прежде чем ответить:

– Да. Я ведь люблю их не меньше тебя.

Пожалуй, даже больше, добавляю я про себя. Другой мне ведь не приходилось их терять.

И я действительно позабочусь о них, пока смогу.

– Тогда... – она опускает голову, – будь счастлива. За нас обеих.

...одно из моих положительных качеств: когда дело касается счастья моих близких, я всегда правильно расставляю приоритеты.

Особенно если речь всего-навсего о том, что нужно пожертвовать собой.

– Буду, – говорю я. – Обещаю.

И иду вперёд.

Странно, но последние шаги даются легко-легко, точно я бегу под гору. Может, потому, что другая Лайза просто стоит и смотрит, как я ухожу.

Свет обнимает меня белыми крыльями, принимает в себя, и всё тонет в нём, растворяется, обращается частичками сияния, заволакивающего весь мир. Потом ослепляющая белизна дрожит, уменьшается, словно всеобъемлющее море в один миг стало узким ручьём, – и превращается в тонкий солнечный луч, бьющий в глаза из-за щели между занавесками.

Я лежу на кровати, и в воздухе носится восхитительный запах оладий, а под дверь просачиваются отголоски маминого пения.

– *...он на руках тебя будет качать, тихо баюкая звёздным прибором,* – голос звенел приглушённым колокольчиком в такт моей

поющей душе, – и, улыбаясь, о чём-то молчать...

Я дома. Я – та Лайза, что помнит Коула, что помнит всё.

И я – живая.

Настоящее время

Когда я ворвалась на кухню, мама перекладывала оладьи со сковороды на тарелку.

– А, сама проснулась. – Она махнула деревянной лопаткой в знак приветствия – улыбающаяся, уютная, в пушистых домашних тапочках цвета ядовитой незабудки. – Думала, опять тебя будить придётся, а то вы с Гвен вечно в кино опазды...

Осеклась – по причине того, что я повисла у неё на шее, едва не сбив с ног.

Мама. Живая. Здоровая.

– Лайз?.. – Она встревоженно положила свободную руку на мою макушку. – Что с тобой?

– Так она вечно насмотрится сериалов на ночь, – заметил за спиной до боли знакомый голос, – а потом с утра пораньше на людей кидается...

Я обернулась. Освободив мамину шею от цепкой хватки своих рук, ухватила Эша за ворот рубашки и притянула к себе; обняла брата крепко-крепко, зарывшись носом в золотые кудряшки, сквозь тонкую ткань нашей одежды чувствуя, как растерянно бьётся его сердце.

– Тебе точно пора завязывать с сериалами, – сдавленно проговорил Эш, пытаюсь дышать.

– Да. – Нехотя выпустив его из объятий, я рукавом промокнула слёзы, навернувшиеся на глаза. – Давно пора.

Странно: я не могла плакать, расставаясь с Коулом, но реву сейчас. Может, потому, что от горя я уже наплакалась, а от счастья – нет?..

– Лайз, что случилось? – Мама, хмурясь, взяла меня за руку, вглядываясь в моё лицо. – Ты сама не своя.

– Просто кошмар приснился. – Я улыбнулась, надеясь, что она не заметит, как дрожат мои губы. – Давайте завтракать. Умирую с голоду!

...а потом был такой родной стол на веранде и залитый солнцем сад, и оладьи с кленовым сиропом, которые ещё никогда не казались мне такими вкусными. Всё, что я когда-то оставила в прошлом; всё, что перечёркивало память о взрывающемся доме, набережной в Фарге и убийце, нависшем надо мной с бритвой в руках. Ведь того, что я помнила, больше не было, да и быть не могло.

Был только дом, полный света и вкусных запахов, и мама с братом – живые.

– Помедленнее, а то подавишься, – посоветовала мама, разливая чай.

– Просто есть хочется. – Я заглотила очередной оладушек. – А добавка будет?

– Кто ты и что сделала с моей сестрой? – Эш не улыбался, но я знала, что он шутит. – Ты в жизни столько не ела.

Знал бы он, сколь мало шутки в этой шутке.

– Ты меня раскусил. – Взяв кружку с чаем, я сделала щедрый глоток, чувствуя, как распускается на языке сложная смесь черники, кардамона и листьев василька. – Я злобный фомор, который пришёл по твою душу.

Никаких признаков проклятия, что убивало маму, я не чувствовала. А ведь я прекрасно всё помнила. Может, потому, что никто не рассказывал мне о проблемах со временем, а я просто узнала об этом – сама? Или потому, что я вернулась из будущего, которого больше нет? Призрак из безвременья, обретший плоть; тело с душой многократно мёртвой девочки, которой уже мало что могло навредить; такая же парадоксальная аномалия, как и страж времени...

– Какой прожорливый маленький фомор. – Мама любовно потрепала меня по волосам. – Если хочешь, могу приготовить ещё.

– Да нет, я на самом деле наелась. Просто жадничаю.

– Вот как? Ну хорошо. А то пока будешь ждать следующую порцию, наверняка уже Гвен придёт. У вас сеанс в одиннадцать, кажется? – Мама кинула взгляд на садовую калитку, словно ожидала увидеть там Гвен прямо сейчас. – Кстати, когда вернётесь, сможешь мне с кабачками? А то завтра у тебя занятия, некогда будет...

Не ответив, я откинулась на спинку стула. Снова думая о человечках на зеркале, – и о том, что, как бы хороша ни была эта

иллюзия обычного завтрака в кругу семьи, завтра одному из человечков суждено растаять.

...я отдала бы всё, чтобы сейчас действительно пойти в кино с Гвен, а потом прополоть с мамой кабачки, а вечером посмотреть с Эшем какой-нибудь фильм. Чтобы провести этот солнечный день, мой последний день с ними. Но у меня оставалось незавершённое дело, которое я должна сделать до того, как уйти. К тому же я предпочла бы покинуть Харлер раньше назначенного мне срока. Если мне суждено умереть завтра, кто знает, в какой именно час океан времени подстроит мне очередной несчастный случай... учитывая, что скоро я уеду из Мойлейца, сорвав плановое попадание под мобиль.

При таком раскладе мне лучше покинуть Харлер сегодня вечером.

– Мам, Эш... Кое-что случилось. – Я взяла салфетку и принялась аккуратно вытирать пальцы, не глядя на тех, к кому обращалась. Надеюсь, уж от моего преждевременного ухода океан времени не пострадает... – Из-за этого мне придётся уехать. Сегодня. Одной.

– Уехать? – Я услышала, как мама нахмурилась. – И куда же ты собралась?

Я подняла взгляд.

...да, Лайза. Всё, что ты хочешь сказать им, всё, что ты *должна* сказать перед тем, как уйти, – тебе придётся сказать сейчас.

Иногда лучшее, что можно сделать для тех, кого любишь, – покинуть их.

– На Эмайн Аблах.

Мамины зрачки сузились.

...я знала, что разговор не будет лёгким. Но я обязана сделать всё правильно. Обязана поговорить с ними, а не просто убежать и исчезнуть, хотя так было бы проще.

От этого зависит очень многое.

– Эш, иди в свою комнату, – велела мама отрывисто.

– Нет. Остайся. – Я посмотрела на брата: тот и не думал вставать, лишь глядел на меня тревожно и пристально. – Я хочу попрощаться с вами обоими.

– Не будет никакого прощания. – Схватив меня за руку – сильно, жёстко, почти больно, – мама рывком заставила меня встать. Тон её сделался повелительным: тон не женщины, которую я привыкла называть мамой, но леди Форбиден, в чьих жилах текла кровь высших

фейри и Инквизитора Гэбриэла Форбидена. – Не знаю, что за дурь взбрела тебе в голову, но даже думать об этом забудь.

– Мам, я не хочу уходить. Но так нужно. Я не могу объяснить тебе всего, но... от этого зависит моя жизнь. И не только моя.

Мама сощурилась, глядя на меня серыми глазами, ясными и холодными, как осеннее море. А я без страха, без стыда смотрела на неё в ответ – и очень надеялась, что не говорю лишнего.

С другой стороны, я не скажу больше того, что мама уже знает. От Коула, который по-прежнему приходил к ней четыре года назад.

– Ты видела этого дин ши? – В голос леди Форбиден вплелись угрожающие нотки. – Это он тебе наплёл?

– Коул. Его зовут Коул, – сказала я. – Да, я встретила его.

– Понятно. – Мамины пальцы сильнее врезались в моё запястье. – Значит, так. Никуда ты не идёшь. В кино – тоже. Отправляешься в свою комнату и сидишь там, пока я не...

– Мам, я когда-нибудь делала что-то плохое? Врала тебе? Связывалась с плохими людьми, с плохой компанией?

Она стояла, крепко удерживая мою руку: губы сжаты, глаза сверлят меня кусочками сизого льда – так же, должно быть, наш предок смотрел на магов-отступников. И, конечно, даже не думала меня отпускать. Какая мать отпустит своего ребёнка в другой мир – добровольно, на всю жизнь, зная, что больше никогда его не увидит? Я бы своего наверняка не отпустила.

Но я должна убедить её. И её, и Эша.

– Мам, я знаю, как ты любишь меня. И ты, и Эш. Так же, как я люблю вас. Поэтому я ухожу. Чтобы защитить вас. Но вы с Эшем должны знать, что я жива... что где-то там я жива и счастлива. Что я ушла вместе с тем, кого люблю и кто сможет меня защитить. – Я перевела взгляд на брата, молча наблюдавшего за мной. – Что он не такой, как отец.

– Так всё дело в нём? В этом сиде? Он поманил тебя пальчиком, и ты готова бежать за ним куда угодно? – В мамином голосе прорезалась горечь. – *Не такой*, говоришь. Я тоже так думала в своё время: что из всех сидов мне повезло встретить того, кто отнёсся к смертной девчонке не как к игрушке. А потом...

– Нет, дело не в нём. Совсем даже не в нём. Просто он единственный, кто может меня спасти. – Я качнула головой. – Мам, ты

воспитала меня *хорошей*. Благоразумной. Я ненавидела отца всю свою жизнь, ты помнишь. И о фейри с Эмайна всегда думала с опаской. Во мне течёт их кровь, я не поддаюсь их очарованию, мне не так просто вскружить голову. И вы с Эшем, этот дом, моя привычная жизнь... всё это значит для меня куда больше, чем какой-то сид. Я бы никогда не покинула вас, если б так не было нужно.

Мама смотрела на меня. И я знала, что именно она сейчас вспоминает.

Слова Коула – о том, что я отказалась уходить, когда в другой, ныне стёртой жизни он звал меня с собой.

– Мам, ты должна мне поверить. Я твоя дочь. Я никогда не прекословила тебе, не своевольничала, не оспаривала твои решения. – Я накрыла мамину руку свободной ладонью; её пальцы подрагивали, мои – нет. – Ты веришь в меня? Веришь, что я не сделаю глупость, что я поступаю правильно?

Я не знала, сколько мы стояли так, на солнечной веранде, где тепло пахло нагревающегося дерево. Мама смотрела на меня, глядя в лицо, так похожее на её собственное, – и я почти видела, как счётами щёлкают её мысли, сводя концы с концами, пытаюсь осмыслить, пытаюсь понять...

– Это точно не ложь? Не обман? – произнесла она затем. – То, что тебе нужно уйти?

Я кивнула, и мама вздохнула так, словно вся тяжесть мира только что обрушилась на её плечи.

...многие родители считают, что они всё знают лучше своих детей. Ведь те – неразумные, глупые, никогда не вырастающие существа, которые потом обязательно скажут «Спасибо» за все решения, что были приняты за них. И поэтому мы имеем такое количество сломанных судеб, сломанных отношений, сломанных людей...

Пальцы на моём запястье ослабли – и разжались.

– Тебе помочь собраться? – поинтересовалась мама негромко и почти спокойно.

...к счастью, Сабелла Форбиден не относилась к этой категории.

– Нет. – Я надеялась, что голос мой передаст всю благодарность и теплоту, что я ощутила в эту секунду. – Я поеду налегке.

– Может, тебя отвезти?

– Я лучше на автобусе. В долгих проводах лишь больше слёз, ты же знаешь. – Я поцеловала её в щёку, понимая: во мне есть силы уйти *сейчас*, но за часы, что я проведу в салоне Французика, они вполне могут испариться. – Спасибо, мам.

Она сжала меня в объятиях так крепко, словно хотела сломать пару рёбер. Затем, мягко отстранив, подтолкнула к двери в дом:

– Иди одевайся. Пока я не передумала.

Когда я вернулась на веранду, мамы там не было. Только Эш по-прежнему сидел за столом, провожая взглядом каждое моё движение.

– Я помню, что обещала тебе всегда быть рядом. Прости. – Я присела на корточки перед его стулом. – Ты же веришь, что я никогда не бросила бы тебя? Если бы могла?

Брат молчал. Лишь смотрел на меня сверху вниз льдистым синим взглядом маленького тилвита.

Но даже под этим взглядом я – впервые за очень долгое время – ощущала себя действительно *старшей* сестрой.

– И сид тут ни при чём. Он... он столько для меня сделал, Эш. Столько раз спасал мою жизнь. Знаю, прозвучит безумно, ведь я вроде бы ею не рисковала. Вернее, ты об этом не знаешь. Но это так. – Я взяла его руки в свои: тонкие, хрупкие, как у куклы, ещё детские пальчики. – Не все они одинаковые. Не все такие, как отец. Помни об этом, ладно?

Эш наконец разомкнул губы:

– Я ничем не могу помочь? Чтобы тебе не пришлось уходить?

– Нет.

– И этот сид... он правда поможет тебе? Спасёт тебя?

– Да.

– Это хорошо. – Брат опустил взгляд на наши переплетённые ладони. Снова посмотрел на меня, и недетские глаза его были спокойны. – Я верю тебе. Я знаю тебя. Ты ведь моя сестра.

– И единственный друг, – закончила я за него. От этих слов мне снова сделалось больно. – Ты найдёшь себе других друзей, Эш. Лучше меня. Тебя ждёт большое будущее. Только помни, что если ты вдруг начнёшь творить глупости, я приду с Эмайна и вломлю тебе, даже если тебе уже стукнет сорок.

– Да ладно.

– Правда-правда. – Выпрямившись, я обняла его. – Тебя я даже из-под земли достану.

Сидя на стуле, Эш обвил тоненькие руки вокруг моей талии, и я ощутила, как дрогнула его спина под моими пальцами.

Странный осколок минувшего будущего...

– Я буду скучать, – сказал брат.

Его голос почти не дрожал.

Я оглянулась на маму, которая стояла в дверях, наблюдая за нами.

– Я тоже. – Собрав в кулак всю свою волю, я отпустила Эша и отступила на шаг. – Мне пора.

Махнув им рукой так просто, будто я собиралась всего-навсего прогуляться до ближайшей булочной, я сбежала с крыльца в сад.

Я не стала ни оглядываться, ни прощаться. Прощаний мне хватило в моей прошлой жизни. Уходить – так быстро, без лишних слов: словно решила отлучиться лишь на минуту, пусть даже в действительности минута обратится в «навсегда».

Сейчас, когда я знала, что с ними всё будет хорошо, мне почти не было больно.

Я вышла за калитку и, сунув руку в щель между досками, закрыла за собой щеколду; скрюченные яблони шелестели мне вслед – почти как яблони в облачном саду, что когда-то стал моей клеткой. Побежала по улице, нагретой июльским солнцем, к центру города и остановке междугородних автобусов.

...где-то там Гвен завтракает с родителями, оглядываясь на часы, готовясь выбежать из дома. А ещё где-то сидит с книжкой мастер Тинтрэ – и наверняка расстроится, когда узнает, что больше я никогда к нему не приду.

Мне хотелось бы увидаться и с ними. Но, пожалуй, мне достаточно простого знания, что теперь у них тоже всё будет в порядке.

В отличие от всех людей на этой земле я точно знала, сколько времени мне осталось, и не могла позволить себе тратить его на прощания со всеми, с кем хотелось бы попрощаться.

Я остановилась перед покрасневшим светофором. Дождавшись, пока красный сменит зелёный, внимательно огляделась по сторонам, прежде чем перейти дорогу.

Назначенный мне срок истекал завтра, но... на всякий случай.

В Мулен я приехала в самый разгар жары.

В моём кармане звякало несколько монет, которых в обрез хватало на билет до Фарге в один конец и, наверное, самую простенькую резиновую лодку. Я могла бы взять кредитку, а не выскребать наличные по всем сумкам, но решила оставить карточку маме, раз уж мне она больше не пригодится. К тому же... если всё пойдёт так, как я думаю, мне не понадобится ни лодка, ни поездка в Фарге.

Если не так – я предпочту умереть.

За один день найти одну конкретную баньши в целом городе, пусть и маленьком, зная лишь её имя и внешность, – задача не из лёгких. Но, к счастью, у меня была подсказка.

Петляя по зелёным улочкам Мулена, справляясь с картой на экране графона, я мантрой повторяла слова Рок, услышанные от неё когда-то. Надеюсь, что правильно их запомнила – и что баньши ничего не напутала с днями недели.

Народу на улицах было немного: наверное, местные сидели по домам, пережидали жару. До отеля «Мельница» я добралась быстро, а бар с похожим названием действительно нашёлся по соседству. Может, даже имел отношение к отелю. Толкнув стеклянную дверь под вывеской в виде мельничного колеса, я вступила в тёмную прохладу небольшого бара, отделанного камнем и деревом.

Пробежалась быстрым взглядом по немногочисленным посетителям.

...она сидела на высоком стуле за барной стойкой. Сидела спиной ко мне, и одета была по-другому: вместо платья – джинсы и белая блузка. Но этот небрежный пучок бледно-васильковых волос, оголяющий острые уши, я узнала бы где угодно.

Хорошо, что когда-то Рок услужливо поведала мне: это самое воскресенье она коротала в баре «Волшебная мельница» в компании бокала с «Голубыми Гавайями», пытаюсь отойти от ссоры с отцом...

Я подошла к барной стойке и тронула её за плечо:

– Роксэйн?

Та вздрогнула. Обернулась, не выпуская из уголка губ коктейльной трубочки.

Я удержалась от того, чтобы кинуться к ней на шею с радостным визгом «Ты жива!».

– Вы кто? – Дымчато-синий взгляд, которым меня удостоили, был довольно недружелюбным. Ещё бы: сейчас Рок должна быть не в лучшем настроении. – Что вам нужно?

– Я к вам... по делу. Поделиться интересной информацией. Вы ведь журналистка?

Рок изогнула бровь. Вгляделась в моё лицо, и взгляд её смягчился.

Я знала, что она видит. Тень смерти, подступившую ко мне вплотную. Тень, о которой она не имела права мне говорить.

А последнее желание приговорённого – закон...

– Откуда вы меня знаете? – спросила Рок уже куда любезнее.

– Читала ваши статьи на местном сайте. – Я забралась на соседний стул. – Хочу подкинуть вам материал для расследования.

– Материал? И чего он касается?

Я наклонилась вперёд, ближе к ней, и почти прошептала:

– Ликориса.

Если баньши и удивилась, то ничем этого не проявила.

– Ликориса, значит. – Доставая из сумочки графон, Рок улыбнулась с чисто профессиональной приветливостью. Наверняка думала, что сейчас я поведаю ей очередную сетевую легенду, каковых о Ликорисе уже сложили великое множество. – Хорошо. Выкладывайте. Заказать вам чего-нибудь?

– Нет, спасибо. Я тороплюсь. – Убедившись, что бармен протирает стаканы вдалеке, я ещё сильнее подалась вперёд, почти прикинув губами к острому уху баньши. – Здесь, в Мулене, на Грейсмит-стрит есть магазинчик «Магия камней». Там работает парень по имени Питер Джекевэй, но настоящая его фамилия Инэкинс. Питер Валентайн Инэкинс. Темноволосый, зеленоглазый, лет двадцати пяти. Записали?

– Угу. – Баньши почти машинально фиксировала информацию, перебирая пальцами по голографическому экрану.

– Так вот он и есть Ликорис.

Рок вскинула голову, тщетно пытаюсь скрыть недоверие.

...это для твоего же блага, Питер. Мой последний подарок тому Питеру, который не хотел быть монстром. Тому Питеру, который предпочёл умереть, но не убивать снова.

Тому Питеру, которого я любила.

– Если не верите мне, найдите в Сети статью про убийство, которое совершил его отец, Валентайн Инэкинс. Оно произошло в Ахорке. Двадцать лет назад. В доме на Хэйл-стрит. Обнаружите интересную информацию к размышлению. – Отстранившись, я спрыгнула со стула. – Будьте осторожны... Питер прекрасный актёр и мощный эмпат, ему по силам очаровать любого. Он очень умен. Постоянно носит с собой опасную бритву, которой и убивает. И у него... как ты там тогда сказала... диссоциативное расстройство. Он ещё и психолог по образованию, так что прекрасно знает, как и с кем себя вести.

– Я сказала? – Рок лихорадочно записывала мои слова, но от уточнения не удержалась. – Что вы...

Осеклась, когда я всё же обвила руками её плечи – всего на мгновение – и, рывком отвернувшись, побежала к двери.

После полумрака, царившего в баре, летнее солнце ударило по глазам почти больно. Промчавшись мимо удивлённых прохожих до соседнего дома – обычного жилого дома, – я юркнула в первый же подъезд.

Добежав до площадки второго этажа, наконец позволила себе остановиться.

Через подъездное окно я видела, как Рок торопливо плывёт по сияющей солнцем улице, оглядываясь, выискивая кого-то. Замирает и смотрит на графон, который так и сжимала в руке.

Накручивая на длинный палец прядь васильковых волос, медленно уплывает прочь от дома, где пряталась я.

...мне бы очень хотелось ещё посидеть с ней. Поговорить. Выпить. В полной мере порадоваться тому, что снова вижу её живой. Извиниться – за то, что, единожды пережив её смерть по моей вине, теперь я опять подвергну её опасности. Но я не знала, к кому ещё пойти, чтобы избежать лишних вопросов, а Ликориса нужно остановить. До того, как к нему в лавку войдёт следующая девочка, похожая на меня.

До того, как монстр внутри Питера снова почувствует *жажду*.

Выждав достаточно, чтобы баньши ушла подальше, я тихо спустилась на первый этаж и выглянула наружу. Убедившись, что Рок

не видно, выскользнула из подъезда и зашагала к железнодорожному вокзалу.

Если Рок проверит информацию о Валентайне Инэкинсе и покажет отцу... Наверняка после такого за Питером установят наблюдение. Рано или поздно Ликориса поймают, и Рок даже не придётся лично с ним контактировать.

С ними тоже всё будет хорошо. Насколько это возможно в их случае.

Шагая по улицам Мулена, подставляя лицо солнцу – последним солнечным лучам людского мира, которые я могла ощутить, – я надеялась, что финальное моё решение тоже будет правильным. Решение купить билет на экспресс не до Фарге, а до Динэ; а там к вечеру добраться до озера Горм, где когда-то мы с Коулом танцевали на воде. Совсем неподалёку от прорехи между мирами, которую вернувшийся-в-тело-Коул сможет открыть без труда.

Перед тем как исчезнуть, я сказала ему: если бы мы могли занять места своих двойников, я хотела бы встретиться с ним там.

Если он всё ещё тот Коул, которого я знаю, он не мог об этом забыть.

* * *

Когда солнце наливается старым золотом, клонясь к горизонту, я уже на месте.

Я сижу на пустынном берегу: наверное, с час шла прочь от пляжа, облюбованного любителями загара и купания, пока не нашла это место. Сюда не подъехать на мобиле, а идти пешком – слишком долго. Тогда я сняла кеды, поставив их на песок рядом с собой, засучила джинсы и, сев у самой кромки воды, достала графон, чтобы написать прощальное письмо Гвен на электронную почту. Заходить в соцсети и мессенджеры я не рискнула, зная, что первым делом увижу там десяток гневных сообщений от неё.

Это хорошее место, чтобы скоротать время, оставшееся до того, как я исчезну из этого мира.

Набрав финальное «Я буду скучать», я нажала кнопку «отправить».

...что бы я ни говорила Эшу, вряд ли я ещё когда-нибудь его увижу. Как и маму, и Гвен с Рок, и мастера Тинтрэ. Я не стану ни создателем артефактов, ни боевым магом. Всем планам, которые я строила на будущее, не суждено сбыться. Но я – такой же человек на зеркале, как и все мы, и так сложилось, что мне придётся растаять даже быстрее других. Так бывает.

Мы не всегда можем жить долго. Но всегда можем прожить отмеренный нам срок счастливо. Особенно если находить счастье в таких мелочах, как завтрак с семьёй, ужин с друзьями – или просто хороший солнечный день вроде этого.

Я смотрю на графон со стикером от Гвен. Замахнувшись, кидаю гаджет в озеро: там, куда я уйду, он едва ли мне пригодится. Серебристая трубочка скрывается под водой мгновенно, оставив на ней лишь круги, что вскоре стираются без следа.

...я не могу сказать, что мне легко уходить. Однако у меня была возможность смириться, и после всего, что мне пришлось пережить, цена не столь высока. Своим уходом я выкупаю жизни всех, кто умирал за меня в предыдущих витках, чтобы в итоге у этой мрачной истории вышел вполне себе счастливый конец.

Я откидываюсь назад, опираясь ладонями на колкий тёплый песок. За спиной шепчется лес, белое солнце, клонясь к горизонту, наливается старым золотом, и прохлада озёрных вод ласкает мои босые ноги.

Коул скоро придёт. Не может не прийти.

Если даже я смогла заместить своего двойника, он бы тем более смог.

Если он знает меня – он знал, что я выберу, несмотря на шёпот забвения за моей спиной.

Я отвожу взгляд от водной глади, на которой золотыми монетками поблёскивают солнечные блики... и, вскочив, бегу вперёд, забыв про кеды, шлёпая босыми ногами по воде, что накатывает на песок.

Я узнаю его, даже когда нас разделяет огромное пространство пустынного берега.

Заметив меня, Коул не бежит навстречу. Просто застывает на месте и смотрит, как я приближаюсь; серебряные пряди – до подбородка, куда короче, чем были у Коула-призрака – белым золотом горят под медленно угасающим солнцем. Почему он молчит? Неужели

тот Коул, которого я помню... Фоморы, я ведь говорила ему, что хочу обо всём забыть! Зачем бы ему выбирать память обо мне, если меня всё равно больше не будет? Может, он пришёл сюда просто потому, что где-то здесь проход на Эмайн, и не понимает, кто бежит к нему, не узнаёт меня, даже не знает о моём существовании...

Я останавливаюсь, когда нас разделяет всего пара шагов. Замираю, тяжело дыша, вглядываясь в спокойное и прекрасное лицо сида, на котором не дрогнула ни одна черта. Глаза цвета сиреневого заката изучают меня в ответ, пока мы стоим на пустынном берегу, на тонкой кромке прозрачной воды: одинокие, босоногие, между лесом и озером.

Стоим, будто ожидая чего-то, чего никогда не произойдёт.

– Я видел ужасный сон, – произносит Коул негромко. – Сон, в котором ты умираешь. Раз за разом, снова и снова. А я пытаюсь спасти тебя, но ничего не могу изменить.

...сердце, застывшее под ледком ужаса, дрогнуло и забилося вновь.

Он не верит. Не может поверить, что всё это позади, что я здесь, что я живая...

– Я знаю. Я тоже видела его. – Я делаю ещё один шаг. Протягиваю к нему дрожащую руку. – Но... теперь это только сон.

Он и сам тянет пальцы ко мне – в жесте, точно отражающем мой; наши ладони смыкаются, словно в первой фигуре того танца на воде, в котором мы кружились в прошлой жизни. Тёплые, настоящие ладони. Из плоти и крови.

В реальном мире.

– Да. – Губы Коула трогает улыбка, а я впервые за сотню жизней снова вижу, какая она, его улыбка, когда её не отравляют горечь и печаль. – Теперь это только сон.

...и я понимаю: после всего, чему уже не суждено случиться, мы наконец-то всё-таки – вместе. Есть и будем.

Даже когда моё последнее завтра настанет вновь.

11 мая 2015 г.

Москва – Казань

notes

Примечания

1

В валлийском фольклоре тилвит теги – златовласые фейри, дружелюбные к людям (*Здесь и далее прим. авт.*).

Сид, или *сидхе*, – в мифологии ирландских кельтов «Люди Холма», общее название для обитателей потустороннего мира, вход в который, по многим преданиям, располагался под холмами. Эмайн Аблах – «Яблочный остров», кельтское название Авалона: мифического острова из кельтских легенд, куда, по преданию, был увезён легендарный король Артур для исцеления после последней своей битвы.

Из стихотворения Уильяма Аллингхэма «Фейри», перевод Ольги Нуар.

Из стихотворения Уильяма Йейтса «Украденное дитя», перевод Григория Кружкова со вставкой автора.

5

Мера длины, равная 0,91 м.

В ирландском фольклоре – героические фейри, легендарные воины, никогда не терпевшие поражения.

7

Мелкая монетка (*харлер.*).

Кельтский праздник окончания уборки урожая, позже трансформировавшийся в Хеллоуин; отмечался в ночь с 31 октября на 1 ноября.

В ирландском фольклоре – дух женщины, предвестница смерти; согласно поверьям являлась возле дома обречённого на смерть человека, стопами и рыданиями возвещая, что час его кончины близок.

Кельтский языческий праздник начала жатвы и осени, отмечался 1-го августа.

11

Мера длины, равная 30,48 см.

В ирландской мифологии – богиня-мать, одна из самых значительных фигур кельтского пантеона.

Брауни в английском фольклоре – домовые фейри, небольшие человечки ростом около 90 сантиметров. Селки – в шотландском и ирландском фольклоре морские фейри, прекрасные люди-тюлени.

14

Основная денежная единица Харлера, равная ста пини.

Гандхарвы – низшие индийские божества, обитатели поднебесья, гениальные певцы и музыканты, соблазнявшие смертных женщин чарующим обликом и игрой на лютне.

Аннун – в кельтской мифологии потусторонний мир, в некоторых преданиях – мрачная бездна, куда круг перерождений отбрасывал человеческие души за неправильное и дурное поведение. Христиане считали Аннун аналогом Ада. *Ахерон* – в древнегреческой мифологии река, текущая в царстве мёртвых; в большинстве легенд (а также в «Одиссее» Гомера и «Божественной комедии» Данте) именно через неё переправлялись души умерших, чтобы попасть на тот свет.

Одна из самых известных кельтских легенд. Однажды Пуйлл, правитель древнего княжества Дивед, охотился на оленя, но выяснилось, что на этого оленя уже положил глаз Араун, король волшебной страны Аннун. В наказание за то, что смертный посягнул на его добычу, Араун предложил Пуйллу на год поменяться местами: Араун примет обличье Пуйлла и будет править Диведом вместо него, а Пуйлл под маской Арауна должен будет одолеть его соседа Хавгана, неустанно покушавшегося на земли Аннуна. И хотя Пуйлл успешно победил Хавгана, глубочайшее уважением короля волшебной страны он заслужил в первую очередь тем, что целый год исправно делил ложе с женой Арауна, ничего не знавшей о сделке, но ни разу не посягнул на чужую супругу. В итоге Араун и Пуйлл остались добрыми друзьями.

Элизабет Беннет – главная героиня романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение», начитанная девушка, острая на язычок. Марианна Дэшвуд – один из основных персонажей другого романа писательницы, «Чувство и чувствительность»: юная романтическая девушка, которая ради любви готова была забыть о правилах приличия.

Герой романа Джона Фаулза «Коллекционер», похитивший юную девушку Миранду, в которую он был безответно влюблён, и державший её пленницей в подвале своего дома.

Герой одноимённого романа Стивена Кинга, с помощью сверхъестественного дара облегчавший умирающим переход на тот свет.

В западных странах так называют год перерыва, который часто устраивают детям между окончанием школы и поступлением в высшее учебное заведение. В это время будущий студент отдыхает, путешествует, стажирется и набирает опыт, необходимый для поступления во многие университеты, а заодно размышляет, кем на самом деле хочет стать.

Резкое снижение пафоса, перебивка возвышенного стиля прозаичным для достижения комического эффекта.

Конструкция домов, типичная для крестьянской архитектуры многих стран Центральной и Северной Европы. Каркас таких домов делали из деревянных брусьев, а промежутки между ними заполняли камнем, кирпичом, глиной и другими материалами. Каркас никак не маскировали, и этим обусловлен типичный вид фахверковых домов: белые стены, «расчерченные» горизонтальными, вертикальными и косыми полосками тёмного дерева.

Amor fati – в переводе с латинского «любовь к судьбе». У Фридриха Ницше это понятие означает, что человек должен благодарно принимать всё, что несёт ему судьба, или, по меньшей мере, считать необходимостью даже боль и не желать себе иной участи, как бы тяжела она ни была. Это напрямую перекликается с идеей «Вечного возвращения», которую можно найти в индийской философии, верованиях древних греков и египтян, а также у Ницше. Согласно идее «Вечного возвращения» время – это бесконечный цикл, а Вселенная вкупе с каждым отдельным человеком неизменно повторяет своё существование бесчисленное множество раз; чтобы принять неизбежность того, что все болезненные и радостные события твоей жизни будут повторяться снова и снова, как раз и требуется «любовь к судьбе».

Бэльтайн – кельтский праздник начала лета, отмечающийся накануне первого мая, *Имболк* – кельтский праздник начала весны, отмечающийся накануне первого февраля.

Открывающие строки песни «Wake Me Up When September Ends» группы Green Day.

Я схожу с ума по тебе (англ.).

Я всё равно поднимусь (*англ.*).

Легенда кельтского эпоса. Когда Ллир, ирландский бог моря, овдовел и женился второй раз, его новая жена так невзлюбила четверых его детей от первого брака, что прокляла их, обратив в лебедей и вынудив девятьсот лет скитаться по стране. Когда же заклятие спало и дети Ллира наконец вернули себе человеческий облик, то были уже дряхлыми стариками и почти сразу скончались.

Диссоциативное расстройство идентичности – психическое расстройство, при котором личность человека разделяется, и складывается впечатление, что в теле одного человека существует несколько разных личностей. Самый известный пример человека с ДРИ – Билли Миллиган, которому поставили диагноз «множественные личности» и сознание которого раскололось на 24 личности.